

Евгений
Морозов

Информация тяготеет
к свободе, но этого мало:
свободными должны быть
и те, кто ею обменивается

CoRpus

ИНТЕРНЕТ КАК ИЛЛЮЗИЯ

Обратная
сторона Сети

Евгений Морозов

Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети

«Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Евгений Морозов; пер. с англ. И. Кригера.»: АСТ : CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084792-1

Аннотация

Что такое интернет – бескрайнее море возможностей или мутная вода, где легко стать жертвой корпоративных интересов и пропаганды? Является ли интернет проводником демократии? Можно ли устроить настоящую революцию при помощи “Твиттера” или “Фейсбука”? Кто успешнее использует социальные сети – диктаторы или те, кто с ними борется? В книге “Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети” политолог, автор термина “твиттер-революция” Евгений Морозов ставит под сомнение правомерность постановки таких вопросов. Он спорит с “киберутопической” верой в то, что современные технологии сами по себе способны решить проблемы общества или отдельных людей – они лишь инструмент, которым можно по-разному воспользоваться. Морозов предлагает новый, критический взгляд на феномен интернета и новый язык, которым можно о нем говорить.

Евгений Морозов

Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети

Посвящается Арно ван Линдену

Evgeny Morozov
The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom

Перевод с английского Ильи Кригера
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© 2011 by Evgeny Morozov
© И. Кригер, перевод на русский язык, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014 Издательство CORPUS ®

Предисловие к русскому изданию

Я закончил черновик книги “Интернет как иллюзия” в мае 2010 года, ровно четыре года назад, – еще до скандала с утечкой американской дипломатической переписки, до “арабской весны” и Сноудена. Большинство читателей (по крайней мере, из США и большинства стран Западной Европы) нашли, что я настроен чересчур пессимистично и склонен переоценивать изобретательность правительств и недооценивать политических активистов. Я не согласился: по-моему, всегда полезно готовить себя к худшему.

Теперь, когда “Интернет как иллюзия” выходит на русском языке, я не могу сказать, что мой пессимизм не оправдался (и это отнюдь меня не радует). Перечитав книгу сегодня, я увидел, что мои прогнозы четырехлетней давности (во всяком случае, касающиеся России) оказались отчасти верны, отчасти ошибочны. Одной из причин, по которым я взялся за сочинение этой книги, было желание разобраться в изменчивой и многомерной природе

контроля над интернетом. Когда многие западные исследователи увлеченно подсчитывали, сколько веб-сайтов заблокировано в той или иной стране, я подозревал, что эти цифры мало о чем говорят. Ведь прямая и жесткая цензура – это крайняя мера, а дальновидные правительства, желающие сохранить контроль, должны прибегать к более изощренным и менее очевидным мерам.

Поэтому я обратился к явлениям наподобие онлайн-пропаганды, сетевой слежки и *DDoS* -атак. Законодательство (приравнявшее блогеров к СМИ, что требует получения лицензии) – гораздо более ощутимый шаг по сравнению с этими мерами, но мы должны говорить и о них. В более широком смысле я хотел сказать, что интернет кажется неконтролируемым, лишь если мы очень узко определяем контроль над ним. Под это определение подходят случаи, когда государственные органы блокируют некий сайт и немедленно возникает другой с теми же задачами.

Такой подход очень многих убедил в том, что киберпространство бесконтрольно и что там граждане одержали победу над государством. Этот взгляд всегда казался мне наивным, поскольку он не учитывает иные доступные правительству способы давления. В самом деле, что же хорошего в возможности открыть сайт, если за это вас уволят с работы? Традиционные методы контроля, которые государство совершенствовало столетиями, успешно применяются и сейчас, что бы там ни говорили о цифровой эпохе пророки новых медиа.

Не был ли я в 2010 году слишком оптимистичен в прогнозах относительно России? Не уверен, что стоит говорить здесь об “оптимизме”. Даже если власти прибегают к не столь заметным и жестким методам контроля (то есть к пропаганде или кибератакам, организаторы которых остаются неизвестными), последствия не менее губительны. События последних четырех лет в России указывают на переход правительства к грубым мерам вроде заключения неугодных в тюрьму и откровенного блокирования сайтов. Имеют место и плохо замаскированные попытки взять под опеку крупнейшие социальные сети страны. В своей книге я пишу, кроме прочего, о том, что подобные методы требуют немалого социального капитала и что политический режим, озабоченный своей репутацией за рубежом, не станет прибегать к цензуре, если у него есть другие варианты. Я полагаю, что сейчас Кремль не слишком беспокоится о своем имидже – а пока это так, не стоит удивляться учатившемуся использованию мер прямого контроля.

Хотя информация о России в книге может показаться отчасти устаревшей (в конце концов, прошло уже четыре года), я думаю, что “Интернет как иллюзия” стала лишь актуальнее. Несколько лет назад российские активисты возлагали большие надежды на новую “цифровую политику”. Эти надежды, как мне кажется, испарились. Но это не значит, что цифровые технологии не могут быть помощниками: многое зависит от того, в чьих они руках, легко ли ими управлять, уязвимы ли они перед кибератаками.

Многие расценили мою книгу как признание поражения, как призыв вернуться к политическим методам “аналоговой” эпохи, однако я не считаю этот совет разумным. Я хотел распространить знания о новых методах цифрового контроля отчасти для того, чтобы сетевые сообщества, еще упивающиеся видениями цифровой утопии, взглянули наконец в лицо действительности и приступили бы к выработке средств и методов, которые устоят под давлением изощренных ответных мер государства.

Это соображение не устарело и сейчас: нет смысла конструировать противоцензурные инструменты, пока заинтересованные лица могут, избив где-нибудь в подворотне администраторов таких сайтов, получить доступ к личной информации пользователей. Мы мало чего добьемся, пока не признаем, что контроль над цифровыми сетями многогранен (и что нашего внимания заслуживает не только техническая сторона вопроса, но и человеческий, юридический и финансовый факторы). Если бы я писал книгу сейчас, то многие ее главы, конечно, сильно отличались бы от нижеследующих, – например, потому, что комплекс мер по пресечению антиправительственной деятельности в Сети не статичен, он меняется в ответ на новые угрозы. Поэтому меры по контролю над интернетом в 2010 году соответствовали обстановке 2010 года, а нынешние методы, следовательно, соответствуют политическим и

социальным угрозам сегодняшнего дня. Только рассматривая государственный контроль над сетью в динамике, в контексте новых обстоятельств, можно бороться с ним – и победить.

Бостон 13 мая 2014 года

Введение

Всем, кто желал победы демократии в самых неблагоприятных и непривычных для нее условиях, первое десятилетие XXI века принесло разочарование, если не крушение иллюзий. Казавшаяся неукротимой освободительная волна, поднявшаяся в конце 80-х годов, не только остановилась, но и, похоже, хлынула вспять.

Выражения вроде “рецессия свободы”, прежде циркулировавшие в аналитических центрах, стали входить в общественный оборот. Все больше западных политиков начали признавать, что место “Вашингтонского консенсуса” (набора сомнительных мер, обещавших с большой скидкой рай неолиберального образца) занял “Пекинский консенсус”, который обещает народам скорейшее процветание без малоприятной возни с демократическими институтами.

Запад не сразу понял, что сражение за демократию не окончилось в 1989 году. Два десятилетия он почивал на лаврах, предоставив кофейням “Старбакс”, телеканалу *MTV* и поисковику “Гугл” довершить разгром неприятеля. Подобная политика невмешательства в применении к демократизации оказалась беззубой: оправившийся от поражения авторитаризм быстро приспособился к условиям глобализации. Современный авторитаризм – не враг гедонизму и консюмеризму. Он питает гораздо больше уважения к Стиву Джобсу и Эштону Катчеру, чем к Мао Цзэду или Че Геваре. Неудивительно, что Запад зашел в тупик. Советы были побеждены волшебным снадобьем, составленным из синих джинсов, удобных кофеварок и дешевой жевательной резинки, однако этот трюк неприменим к Китаю: в конце концов, именно там производятся все западные товары.

Многие признаки распространения демократии, которые мы наблюдали всего несколько лет назад, так и не стали реальностью. Волна так называемых цветных революций, прокатившаяся в последние десять лет по странам бывшего СССР, принесла неоднозначные плоды. По иронии, от цветных революций более всего выиграли наиболее склонные к авторитаризму бывшие советские республики – Россия, Азербайджан, Казахстан, – режимы которых смогли оценить свои слабые стороны и прикрыть уязвимые места. Правительство Беларуси (страны, в которой я родился и которую Кондолиза Райс однажды назвала “последним форпостом тирании в Европе”) оказалось, вероятно, наиболее ловким из всех. Здесь режим эволюционировал в странную форму авторитаризма, при котором прославление советского прошлого отлично сочетается с растущими аппетитами по большей части беспечного населения, жаждущего быстрых автомобилей, дорогих турпутевок и экзотических коктейлей.

Военные операции в Ираке и Афганистане, которые, как и многое другое, были затеяны, чтобы принести народам мира благую весть о свободе и демократии, также потеряли свой освободительный потенциал и стерли различие между “сменой политического режима” и “содействием распространению демократии”. Указанные военные кампании, вкупе с совершенно необязательными нарушениями Вашингтоном прав человека и чересчур вольной трактовкой им норм международного права, создали демократии настолько дурную репутацию, что человека, желающего ее сейчас защищать, считают фанатом Дика Чейни либо сумасшедшим идеалистом (или же тем и другим одновременно).

Поэтому очень легко забыть, что Запад вовсе не отказывался от своих обязательств защищать демократические ценности, бороться с нарушениями прав человека и одергивать тех, кто употребляет свою власть во вред собственным согражданам. К счастью, в начале XXI века больше нет нужды обосновывать пользу содействия распространению демократии: даже скептики согласны с тем, что мир, в котором Россия, Китай и Иран придерживаются демократических стандартов, будет гораздо безопаснее.

В то же время пока нет согласия в том, к каким средствам Западу следует прибегать, чтобы преуспеть в распространении демократии. События последних десятилетий ясно показали, что благих намерений для этого едва ли достаточно. Они могут легко привести к негативному результату и в итоге укрепить авторитаризм. Картины издевательств над заключенными в иракской тюрьме “Абу-Грейб” стали результатом, пусть не прямым, определенного западного подхода к распространению демократии. Он сработал не так, как планировалось.

К сожалению, с тех пор как неоконсервативный подход к демократизации дискредитировал себя, не возникло ничего, что могло бы заполнить образовавшийся вакуум. Джордж У. Буш определенно перестарался со свободолюбивыми речами. Его преемник на посту президента, похоже, отказался и от риторики, и от духа предшественника и не высказывает никакого желания объяснять, какой сейчас, после Буша, должна быть “повестка укрепления демократии”.

За молчанием Обамы кроется нечто большее, чем разумное стремление казаться противоположностью Буша. Скорее всего, его молчание свидетельствует о дискомфорте, который испытывают обе ведущие американские партии, – а также о растущей усталости Запада от проекта содействия распространению демократии. Этому проекту навредила не только его дурная подача, но и глубокий интеллектуальный кризис. Изворотливость авторитарных правителей Беларуси, Китая или, например, Ирана коренится не в недостаточности попыток их западных “партнеров” поторопить приход демократической революции. Увы, подобные шаги Запада в большинстве своем оказались неудачными, они лишь укрепили положение диктаторов, преуспевающих в эксплуатации страха своих сограждан перед угрозой иностранного вмешательства. Я думаю, не будет преувеличением сказать: сейчас не существует приемлемого плана, что делать с авторитаризмом.

Запутавшиеся западные лидеры тоскуют по средству, которое обеспечило бы им успех. Многие из них оглядываются на самую впечатляющую, несомненную победу демократии последних десятилетий – мирный распад Советского Союза. Неудивительно (кто же может винить их за стремление укрепить уверенность в себе?), что они преувеличивают собственную роль в приближении конца СССР. В итоге многие меры, к которым прежде прибегал Запад (контрабанда ксероксов и факсимильных аппаратов, распространение самиздата, спонсирование радиостанций наподобие “Свободы” и “Голоса Америки”), пользуются большим доверием, чем они заслуживают.

Гордость Запада итогами холодной войны вызвана грубой логической ошибкой. Поскольку СССР распался, вышеперечисленные приемы считаются необычайно эффективными – как будто они и решили все дело. Значение этого взгляда для распространения демократии огромно: он подразумевает, что большие дозы информации и “инъекции” информационных технологий оказываются губительными даже для самых жестоких политических режимов.

Нынешний энтузиазм по поводу интернета, который, в частности, якобы поможет нам “открыть” авторитарные “закрытые” общества, объясняется пристрастным, иногда неверным взглядом на историю. Ее переписали так, чтобы воздать почести Рональду Рейгану, при этом игнорируя структурное состояние и внутренние противоречия советской системы.

По этим причинам интернет будоражит сердца стольких искушенных политиков, которым следует быть осмотрительнее. Продолжая смотреть на мир сквозь призму холодной войны, они наделяют Всемирную паутину почти магическими свойствами. Они видят в интернете абсолютное оружие, которое может помочь Западу одолеть, наконец, авторитарных противников. Учитывая, что интернет – единственный луч света в темном интеллектуальном тоннеле проекта распространения демократии, интернету гарантировано почетное место в будущем политическом планировании.

На первый взгляд прекрасная идея: очень похоже на “Радио Свобода” на стероидах. Кроме того, интернет – это дешево: нет нужды оплачивать программирование, трансляции и, если остальное ни к чему не привело, пропаганду. Ведь пользователи самостоятельно могут

узнать страшную правду о государствах, в которых живут, о тайной прелести демократии и о неотразимой привлекательности, которой обладают права человека. Для этого следует просто прибегнуть к помощи поисковиков, например “Гугла”, и последовать за политически подкованными приятелями из социальных сетей вроде “Фейсбука”. Иными словами, пусть “чирикают” – и “дочирикаются” до свободы. Согласно этой логике, авторитарный режим зашатается тогда, когда будут устранены преграды на пути свободного распространения информации. Действительно: если Советы проиграли горстке памфлетистов, как сможет Китай выстоять против орды блогеров?

Едва ли удивительно, что единственное место, где страны Запада (в первую очередь США) упорно стремятся оказать содействие укреплению демократии – это киберпространство. Программа освобождения стала программой освобождения “Твиттера”. Глубоко символично, что единственной большой речью о свободе, произнесенной высокопоставленным чиновником из администрации Барака Обамы, стала речь госсекретаря Хиллари Клинтон о свободе интернета, произнесенная в январе 2010 года. На первый взгляд, это беспроектный вариант: даже если интернет не принесет народам Китая и Ирана демократию, администрация Обамы все равно окажется самой технически грамотной внешнеполитической командой в истории. Сегодня лучшие и талантливейшие – обязательно компьютерные гики. “Доктрина ‘Гугла’” (фанатическая вера в освобождающую силу технологий вкупе с призывами поставить под ружье стартапы из Кремниевой долины и отправить их на войну за свободу во всем мире) привлекает все больше политиков. На самом деле многие из них смотрят на революционный потенциал интернета с тем же оптимизмом, что и их коллеги в корпоративном секторе в конце 90-х годов. Что здесь может быть не так?

Оказывается – много что. Лопнувшие фондовые “пузыри” почти никого не убьют. А вот взрывы демократических “пузырей” могут легко привести к резне. Представление, согласно которому интернет благоволит угнетенным, а не угнетателям, отмечено тем, что я называю *киберутопизмом* – наивной верой в эмансипирующую природу онлайн-коммуникаций. Эта убежденность основана на упорном нежелании видеть обратную сторону вещей и проистекает из цифровой горячки 90-х годов. Бывшие хиппи, осевшие к тому времени в престижных университетах, начали шумно доказывать, что интернет сможет то, что им самим не удалось в 60-х годах: стимулировать участие людей в управлении делами общества и государства, возродить гибнущие общины, обогатить социальную жизнь, стать мостом от боулинга в одиночестве к совместному блогингу. Если это работает в Сиэтле, значит, работает и в Шанхае.

У киберутопистов, стремившихся усовершенствовать ООН, получился цифровой цирк “Дю солей”. Даже если теории и верны – а это большой вопрос, – то их трудно применить к обществам незападным и недемократическим. Демократически избранные правительства Северной Америки и Западной Европы и в самом деле могут относиться как к благу к оживлению публичной сферы, которое вызывает интернет. Вполне логично, что они предпочитают держаться подальше от цифровой песочницы (по крайней мере до тех пор, пока не случилось ничего противозаконного). Но авторитарные правительства, которые прилагают так много усилий для подавления свободы выражения и свободы собраний, не станут вести себя столь же цивилизованно. В первых теоретических построениях о влиянии интернета на политику не нашлось места для государства, не говоря уже о жестокой и авторитарной его разновидности, не признающей верховенства права и не терпящей инакомыслия. Какая бы книга ни была настольной у киберутопистов 90-х годов, это точно не был “Левиафан” Томаса Гоббса.

Киберутописты не смогли предугадать, как авторитарные правительства воспримут интернет. Они даже представить не могли, насколько он окажется удобным для пропаганды, как ловко диктаторы научатся пользоваться им для слежки и какой хитроумной может быть цензура. Большинство киберутопистов продолжает разглагольствовать о том, что технология вооружит угнетаемые народы и что они, будучи вооружены эс-эм-эс, “Фейсбуком”, “Твиттером” и другими новинками, неминуемо восстанут. Народам, следует заметить, эти

рассуждения очень нравятся. Парадоксально, но в своем нежелании видеть недостатки цифровой среды обитания, киберутописты приходят к умалению роли интернета, отказываясь замечать, что он проникает во все сферы политической жизни и трансформирует их – причем не только те, которые способствуют демократизации.

Я и сам до недавнего времени был киберутопистом. Эта книга – попытка разобраться с идеологией киберутопизма, а также предупредить о губительном влиянии, которое он оказывал и, похоже, продолжает оказывать на демократию. Моя история довольно обычна для юного идеалиста, который полагает, будто занимается чем-то, что может изменить мир. Наблюдения за тем, как свертываются демократические свободы в моей родной Беларуси, привели меня в филиал западной неправительственной организации, которая стремилась помочь укреплению демократии и реформе СМИ в бывших странах Восточного блока с помощью интернета. Блоги, социальные сети, “вики”... – наш арсенал казался нам гораздо внушительнее милицеских дубинок, наручников и камер слежения.

И все же после нескольких бурных лет, проведенных в поездках по бывшей советской республике и встречах с социальными активистами и блогерами, мой первоначальный энтузиазм угас. Негодной оказалась не только наша стратегия. Мы столкнулись с серьезным сопротивлением правительств. Тогда они начинали экспериментировать с цензурой и некоторые зашли настолько далеко, что сами начали активно сотрудничать с новыми медиа, оплачивая услуги блогеров-пропагандистов, выискивающих в социальных сетях неблагонадежных граждан. Между тем западная одержимость интернетом и, как следствие, финансовая поддержка блогосферы породили ряд ловушек, типичных для столь амбициозных проектов. Достаточно предсказуемо многие талантливые блогеры и владельцы новых медиа предпочитали заниматься высокооплачиваемыми, но малоэффективными проектами на деньги Запада, вместо того чтобы пытаться создавать более гибкие, жизнеспособные и эффективные собственные проекты. Все, что мы делали, опираясь на щедрую спонсорскую помощь Вашингтона и Брюсселя, казалось, приводило к результату, прямо противоположному тому, которого желало мое киберутопическое “я”.

Был велик соблазн бросить все и оставить интернет на произвол судьбы. Но это было бы неверно. Если бы западные политики просто сочли интернет вещью бесперспективной и перешли к другим, более важным делам, они сделали бы ошибку. Пораженчество сыграло бы на руку авторитарным правителям, успешно продолжающим использовать интернет в качестве кнута (наказывая тех, кто осмеливается бросить вызов официальному курсу) и пряника (позволяя всем остальным развлекаться). Вывод скорее таков: интернет останется с нами, его значение будет увеличиваться, а тем, кто озабочен содействием распространению демократии, придется не только иметь с ним дело, но и выработать механизмы и процедуры, которые позволили бы избежать в киберпространстве трагической ошибки такого же масштаба, как скандал в Абу-Грейбе. Это не такой уж странный сценарий. Разве трудно представить, что сайт наподобие “Фейсбука” непреднамеренно раскрыл личные данные иранских или китайских оппозиционеров и сделал их тайные связи с западными спонсорами очевидными для властей?

Чтобы достичь подлинного успеха, Западу следует не только избавиться от киберутопизма и усвоить трезвый взгляд на вещи. Когда дело доходит до конкретных шагов по укреплению демократии, киберутопические убеждения уступают место столь же ошибочному подходу, который я называю *интернетомцентризмом*. В отличие от киберутопизма, интернетомцентризм – не система воззрений, а скорее философия действия, которая объясняет, как принимаются решения, в том числе относящиеся к укреплению демократии, и как вырабатывается долгосрочная стратегия. Киберутопизм говорит о том, *что* следует сделать, а интернетомцентризм – *как* это сделать. Интернетомцентристам нравится отвечать на любой вопрос о демократических изменениях, формулируя ответ в терминах интернета и не принимая в расчет ситуацию, в которой эти изменения желательны. Они зачастую игнорируют в большой степени политическую природу техники и особенно интернета и любят предлагать тактику, которая подразумевает, что логика интернета (которую

в большинстве случаев только они и способны постичь) сформирует среду, в которую он проникает, а не наоборот.

Большинство утопистов является интернетоцентристами. Однако это не значит, что все интернетоцентристы – утописты: многие из них считают себя прагматиками, которые отказались от возведения воздушных замков ради достижения реальных, ощутимых результатов. Иногда они даже готовы признать, что нужно нечто большее, чем информация, чтобы взрастить, установить и консолидировать здоровую демократию.

Но такой реалистический взгляд не предохраняет от ошибочных методов, которые отдают приоритет средству над средой и, соответственно, не учитывают социальные, культурные и политические тонкости и случайности. Интернетоцентризм сродни галлюциногенному наркотику: он заставляет игнорировать местные условия и создает у политиков ложное впечатление, будто у них есть могущественный союзник. Крайний интернетоцентризм ведет к гордыне и самонадеянности вкупе с опасной иллюзией обретения действенного контроля над Сетью. Нередко адепты интернетоцентризма воображают, что полностью овладели своим любимым инструментом. Они считают его состоявшейся, законченной технологией и забывают о многочисленных силах, которые постоянно изменяют Сеть – и далеко не всегда к лучшему. Считая интернет чем-то неизменным, они не ощущают себя ответственными за то, чтобы он оставался свободным и независимым, за то, чтобы сдерживать могущественных медиаторов – компании вроде “Гугла” и “Фейсбука”.

По мере того как будет расти влияние интернета на политику (и в авторитарных, и в демократических государствах), будет возрастать и стремление забыть о контексте и исходить из того, что предлагает интернет. Сама по себе Сеть, однако, не предлагает ничего конкретного. Обширная практика показала, что она делает сильных сильнее, а слабых – слабее. Невозможно сделать интернет плацдармом укрепления демократии, не рискуя успехом всего предприятия.

Главная мысль этой книги проста: чтобы не упустить перспективы, предоставляемые интернетом для борьбы с авторитаризмом, тем из нас на Западе, кто все еще желает распространения демократии, придется отойти от доктрины “Гугла”, оставив в стороне и киберутопизм, и интернетоцентризм. В настоящее время мы исходим из ложных предпосылок (киберутопизм) и используем непригодные методы (интернетоцентризм), имея дело не с реальным интернетом, а с собственными иллюзиями. Эта логика может привести к серьезным последствиям для всего мира и поставить под угрозу демократический проект в целом. Подобную глупость Западу совершать не стоит.

Вместо этого нам необходимо избрать политику, основанную на реалистичной оценке рисков, которые несет интернет, и скрупулезном, непредвзятом анализе его перспектив. Наши действия должны учитывать местные условия и сложные связи интернета с остальной внешней политикой: мы должны исходить не из того, что позволяют сделать современные технологии, а из того, чего требует геополитическая обстановка.

В известном смысле уступки киберутопизму и интернетоцентризму сродни боксу вслепую: время от времени мы сможем наносить сильные удары по авторитаризму, однако эта стратегия не годится, если мы хотим победить. Борьба с авторитаризмом слишком важна, чтобы предоставлять противнику интеллектуальную фору – даже если это позволяет нам забавляться с новенькими блестящими гаджетами.

Глава 1

Доктрина “Гугла”

В июне 2009 года тысячи молодых иранцев со смартфонами в руках (а самые “продвинутые” – с беспроводными гарнитурами “блютус”) вышли на улицы Тегерана, чтобы выразить свое возмущение фальсификацией результатов выборов. Напряжение росло. Некоторые протестующие – неслыханное дело! – даже призвали Хаменеи уйти в отставку. Однако многие граждане сочли выборы честными и приготовились защищать, если

потребуется, президента Махмуда Ахмадинежада, сохранившего свой пост. Иранское общество, превратившееся в поле битвы популизма, консерватизма и модернизации, столкнулось с самым серьезным политическим кризисом с 1979 года, когда исламские революционеры свергли непопулярного, проамерикански настроенного шаха Мохаммеда Резу Пехлеви.

Но не это обстоятельство привлекло внимание западных массмедиа – они предпочли размышлять о том, как интернет несет Ирану демократию. “‘Твиттер’ несет весть о революции”, – гласила первая запись в блоге Эндрю Салливана из журнала “Атлантик”, сделанная несколько часов спустя после того, как стало известно об уличных протестах. Салливан сосредоточился на устойчивости “Твиттера”, популярного сервиса микроблогов: “‘Твиттер’ выстоял, когда режим перерезал остальные коммуникации. И это дало замечательные результаты”. Позднее Салливан, хотя “замечательных результатов” по-прежнему не наблюдалось, в блоге объявил “Твиттер” “критически важным средством организации сопротивления в Иране”, но не позаботился о том, чтобы привести доказательства своей мысли. Спустя несколько часов после начала протестов блог Салливана превратился в главный информационный узел, почти мгновенно распространяющий гиперссылки на новости об иранских событиях. Тысячи читателей, не обладающих выносливостью, необходимой для просмотра сотен новостных сайтов, увидели иранские события глазами Эндрю Салливана. Как выяснилось, ему был присущ весьма оптимистический взгляд на вещи.

Очень скоро версия событий, изложенная Салливаном, распространилась в блогосфере, а потом и в традиционных СМИ. Мишель Малкин, видный блогер с правыми взглядами, сочла, что “сеть микроблогов в руках свободолюбивых диссидентов – это революционный самиздат, твит за твитом прорывающий информационную блокаду, установленную муллакратией”. Марк Амбиндер, коллега Салливана из журнала “Атлантик”, согласился с этим. По мнению Амбиндера, “Твиттер” стал вещью не просто важной, а – “протагональной” (ему даже пришлось придумать слово). “Когда будет написана история иранских выборов, ‘Твиттер’, несомненно, предстанет протагональной технологией, которая позволит слабым пережить жестокие репрессии”, – написал Амбиндер в своем блоге. Йоси Дризен из газеты “Уолл-стрит джорнал” объявил, что “этого [революции] не произошло бы, если бы не ‘Твиттер’”. Дэниел Шорр с “Нэшнл паблик рэйдио” объявил, что “тирания в Иране столкнулась с технологией в виде интернета, который превратил протест в движение”. Когда Николас Кристоф из “Нью-Йорк таймс” заявил, что в “типичном конфликте XXI века... столкнулись правительственные головорезы, стреляющие пулями... [и] протестующая молодежь, которая сыплет твитами”, он просто уловил дух времени.

Скоро ученые мужи, обрадованные тем, что их любимая игрушка на слуху у всего мира, сами возвысили голос. “Это случилось – важнейшее событие. Первая революция, достигшая глобального масштаба и преображенная социальными медиа”, – провозгласил на форуме *TED.com* Клэй Шерки из Нью-Йоркского университета. Джонатан Зиттрейн, ученый из Гарварда, автор книги “Будущее интернета: как не допустить его наступления”, заявил, что “‘Твиттер’ особенно подходит для организации людей и информации”. По мнению обозревателя “Файнэншл таймс” Джона Гэппера, “Твиттер” стал “трутницей, в которой разгорелась искра восстания сторонников Мир-Хосейна Мусави”. Даже отличающаяся трезвым взглядом на вещи газета “Крисчен сайенс монитор” присоединилась к хвалебному хору: “Жесткий контроль правительства над интернетом породил поколение, умело обходящее сетевые блокпосты и подготовившее страну к появлению протестного движения, вдохновленного современными технологиями”¹.

¹ Должен признаться, что я одним из первых угодил в “твиттер-революционную” ловушку, назвав молодежные манифестации в Молдове (за несколько месяцев до иранских) этим, как оказалось, неопределенным и вводящим в заблуждение термином. Несмотря на то, что я подробно объяснил, что именно имею в виду, это была не лучшая идея, особенно с учетом того, что в большинство СМИ попали далеко не все подробности. – *Здесь и далее, если не указано иное – примечания автора.*

Теперь “Твиттер” казался всемогущим: он был сильнее иранской полиции, ООН, правительства США, Европейского Союза. Он должен был не только помочь Ирану избавиться от отвратительного вождя, но и убедить простых иранцев (большинство которых страстно поддерживает ядерную программу) перестать бояться Израиля и снова стать миролюбивыми людьми. Колумнист правого журнала “Хьюман ивентс” объявил, что “Твиттер” сделал то, на что “ни ООН, ни ЕС не были способны”: поспособствовал возникновению “колоссальной угрозы иранскому режиму — движения за свободу, вспыхнувшего и организованного при помощи коротких фраз”. Автор передовицы в “Уолл-стрит джорнал” счел, что “движимая ‘Твиттером’ ‘Зеленая революция’ в Иране... прибегнув к технологии социальных сетей, сделала для смены режима в исламской республике больше, чем все многолетние санкции, угрозы и пререкания в Женеве”. (То есть “Твиттер” усовершенствовал не только демократию, но и дипломатию.)

Очень скоро обилие иранских твитов подвигло высоколобых теоретиков на то, чтобы сделать далеко идущие выводы о судьбах мира. Многие восприняли вдохновленные “Твиттером” протесты в Иране как знак близкого конца авторитаризма. Тим Раттен в своей колонке в “Лос-Анджелес таймс”, скромно озаглавленной “‘Твиттер’: новый кошмар тирании”, объявил, что “новые медиа раскидывают свою сеть по миру, и для авторитарных правительств вроде иранского, стремящихся установить абсолютный контроль в условиях беспорядочной технократии, наступают трудные времена”. То, что “Зеленое движение” быстро распалось и оказалось неспособным всерьез бросить вызов Ахмадинежаду, не удержало автора передовицы в “Балтимор сан” от заявления, будто интернет делает мир свободнее и безопаснее: “Мнение, что активисты тратят жизнь, строча в блогах, в то время как правительства и корпорации прибирают к рукам мир, опровергается каждым твитом, комментарием в блоге, акцией протеста, спланированной в ‘Фейсбуке’”.

Следуя той же логике, Марк Пфайфл, бывший заместитель советника Джорджа У. Буша по вопросам национальной безопасности, инициировал кампанию по выдвижению “Твиттера” на соискание Нобелевской премии мира. Он заявил, что “без ‘Твиттера’ иранский народ не чувствовал в себе силы и уверенности для защиты свободы и демократии”. Оргкомитет премии “Вебби” (*Webby Awards*, сетевой эквивалент “Оскара”) признал акции протеста в Иране “одним из десяти главных событий десятилетия для интернета”. (Иранская молодежь с ее смартфонами оказалась в хорошей компании: лауреатами премии стали также выход доски объявлений “Крейгслист” за пределы Сан-Франциско и запуск “Гуглом” сервиса *AdWords* в 2000 году.)

Но самый неожиданный вывод сделал премьер-министр Великобритании Гордон Браун: “Такого, как в Руанде, больше не случится, потому что информация о том, что происходит на самом деле, выйдет наружу гораздо быстрее и общественная реакция вынудит людей действовать. Иранские события этой недели напоминают нам о том, как новые технологии помогают по-новому объединяться и заявлять о своих взглядах”. По логике Брауна, миллионы людей, вышедших 15 февраля 2003 года на улицы Лондона, Нью-Йорка, Рима и других городов в знак протеста против начала войны в Ираке, совершили одну досадную ошибку: недостаточно написали об этом в блогах. Уж это точно предотвратило бы бойню.

Да здравствует “Гугл”!

На предполагаемую иранскую революцию мир не только смотрел: он ее “гуглил”, писал о ней в блогах и “Твиттере”, вывешивал ролики в “Ю-Тьюбе”. Нужно было всего пару раз “кликнуть”, чтобы вызвать вал гиперссылок, которые, казалось, проливали больше света на события в Иране (пусть в количественном, а не в качественном отношении), чем традиционные медиа, снисходительно именуемые экспертами по информационным технологиям “устаревшими”. Хотя последние (по крайней мере, в редкие моменты душевного

равновесия) старались хотя бы отчасти показать фон иранских манифестаций, многие пользователи интернета предпочли сырой продукт “Твиттера” и получили столько видеороликов, фотографий и твитов, сколько смогли переварить. Виртуальная близость к тегеранским событиям, которой способствовал доступ к берущим за душу фотографиям и видеозаписям, сделанным манифестантами, вызвала в мире небывалое сочувствие делу “Зеленого движения”. Однако эта сетевая близость стала причиной завышенных ожиданий.

Спустя несколько месяцев после выборов “Зеленое движение” почти сошло на нет, и стало ясно, что твиттер-революция, которую многие на Западе поспешили восславить, – не что иное, как плод неумеренной фантазии. И все-таки следует признать за ней по крайней мере одно несомненное достижение. Как бы то ни было, иранская твиттер-революция выдала глубинную тоску Запада по такому миру, в котором информационные технологии являются скорее освободителем, чем угнетателем, и где с их помощью можно сеять семена демократии, а не удобрять автократии. Эйфория, которой отличается западная интерпретация иранских событий, наводит на мысль: молодежь в зеленом, строчащая во имя свободы в “Твиттере”, прекрасно укладывается в некую готовую схему, почти не оставляющую места для вдумчивого анализа, не говоря уже о скепсисе по отношению к роли, которую на самом деле сыграл интернет в тех событиях.

Яростная убежденность, что диктатуры, столкнувшиеся с достаточным количеством гаджетов, коммуникаций и иностранных грантов, обречены, демонстрирует всепроникающее влияние “доктрины ‘Гугла’”. Однако, хотя шум по поводу твиттер-революции помог сформулировать основные положения этой доктрины, вовсе не она сформировала ее принципы. Происхождение “доктрины ‘Гугла’” сложнее, чем считают многие ее молодые сторонники: она уходит корнями в историю холодной войны. Еще в 1999 году нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман в одной из своих книжных рецензий рекомендовал не торжествовать раньше времени. По иронии судьбы, автором книги, о которой шла речь, был Том Фридман, его будущий коллега по газете “Нью-Йорк таймс”. По мнению Кругмана, слишком много западных наблюдателей во главе с Фридманом стали жертвами иллюзии, будто благодаря развитию информационных технологий “старомодная политика силы постепенно выходит из употребления, так как противоречит императивам глобального капитализма”. Это неминуемо приводило их к в высшей степени оптимистическому выводу о том, что “мы движемся к миру в основном демократическому (людей нельзя одурачить, коль скоро у них есть доступ в интернет) и в основном бесконфликтному (если вы станете размахивать саблями, Джордж Сорос заберет свои деньги)”. Ну и что, кроме триумфа демократии, ждет такой мир?

Следовательно, “доктрина ‘Гугла’” меньше обязана успеху микроблогов и социальных сетей, чем головокружению от успехов, которое многие на Западе испытали в 1989 году, когда в одночасье рухнула советская система. Предполагалось, что история подошла к концу, и демократию провозгласили единственно возможным ее исходом. Абсолютным победителем сочли современные технологии, обладающие уникальной способностью разжигать потребительский пыл (в нем самом виделась угроза любому авторитарному режиму) и поднимать массы против правителей. Вот почему одна из глав книги Фрэнсиса Фукуямы “Конец истории и последний человек” (этого канонического текста первой половины 90-х годов, успешно связавшего позитивную психологию с международными отношениями) называется “Победа видеомэгнофона”.

Неоднозначность итогов холодной войны сделала их гораздо убедительнее, чем они есть. В то время как многие ученые считают, что суровая логика советского социализма с его пятилетними планами и дефицитом попросту изжила себя, популярная трактовка преуменьшает значение структурных недостатков советской системы (кому же хочется, чтобы “империя зла” вдруг оказалась дурной шуткой!). Ее сторонники делают акцент на победе вскормленного Западом диссидентского движения в борьбе против безжалостного тоталитарного врага. В общем, если бы не самиздат, а также фотокопировальные и факсимильные аппараты, контрабандой ввезенные в страны Восточного блока, Берлинская

стена стояла бы и поныне. Перед “видеодвижением” в СССР коммунизм оказался незащищен.

Следующие два десятилетия не складываются в единую картину. На смену пленочным видеомagneтофонам пришли проигрыватели дисков, однако столь впечатляющие технические прорывы не принесли столь же впечатляющих побед демократии. Несколько авторитарных режимов (например, в Словакии и Сербии) пали. Остальные – например, в Беларуси и Казахстане – усилились. Кроме того, трагедия 11 сентября наводит на мысль, что история возвращается с затянувшихся каникул и что идея столкновения цивилизаций (еще один широко известный редуционистский тезис начала 90-х годов) начинает доминировать в интеллектуальной повестке XXI века. В итоге многие популярные прежде аргументы об освободительной силе консюмеризма и новых технологий ушли из общественной дискуссии. То, что члены “Аль-Каиды” оказались не менее уверенными пользователями интернета, чем их западные противники, мало соответствовало видению технологии как верного союзника демократии. Крах “доткомов” в 2000 году также несколько рассеял эйфорию по поводу революционной природы новых технологий: под напором интернета пали фондовые рынки, а не авторитарные режимы.

Однако иранские события 2009 года показали, что Запад не отказался от “доктрины ‘Гугла’”. Одного только вида продемократически настроенных иранцев вкупе с “Твиттером” (который до тех пор многие на Западе считали всего лишь экстравагантным способом делиться соображениями о том, где и с кем позавтракать) оказалось достаточно для реабилитации принципов “доктрины ‘Гугла’” и даже их обновления с помощью более модного словаря “веб два-ноль”. Вновь обрела популярность полузабытая теория, согласно которой люди, вооруженные мощной технологией, одолеют самого грозного врага, какими бы ни были цены на нефть и газ.

Если бы иранские протесты увенчались успехом, эту главу вряд ли назвали бы иначе, чем “Победа ‘Твиттера’!”. И в самом деле: в июне 2009 года, пусть ненадолго, показалось, что история повторяется, избавляя Запад от очередного архиврага, причем с опасными ядерными амбициями. Улицы Тегерана летом 2009 года выглядели очень похожими на улицы Лейпцига, Варшавы и Праги осенью 1989 года. Тогда, в 1989 году, мало кто на Западе мог представить, что бесчеловечная советская система, казавшаяся неуязвимой, может так просто отойти в мир иной. Иран вроде бы давал западным аналитикам долгожданный шанс отыгаться за свою недавнюю ошибку в 1989 году и приветствовать гегелевский абсолютный дух еще до того, как он вполне проявит себя.

Какими бы значительными ни были политические и культурные различия между толпами на улицах Тегерана в 2009 году и восточноевропейских столиц – в 1989 году, эти события имеют по меньшей мере одну общую черту. Черта эта – опора на технологию. У жителей Восточной Европы в 1989 году не было ни “блэкберри”, ни айфонов, зато им помогали в борьбе другие, в основном аналоговые, технологии: ксероксы и факсимильные аппараты; радиоприемники, настроенные на “Свободную Европу” и “Голос Америки”; видеокамеры западных съемочных групп. И если в 1989 году не многие сторонние наблюдатели могли быстро получить доступ к популярным антиправительственным листовкам или просмотреть тайно сделанные снимки полицейских бесчинств, в 2009 году за манифестациями в Иране можно было наблюдать почти так же, как за матчами Суперкубка или церемонией “Грэмми”, – просто обновляя страницу “Твиттера”. Таким образом, искушенные зрители и в особенности те из них, кто мог сравнить увиденное в 1989-м и в 2009-м, понимали, пусть даже интуитивно, что первые вести с улиц Тегерана подтверждают правильность “доктрины ‘Гугл’”. А это означало, что иранский режим вот-вот падет. Только ленивый не пророчил успех иранской твиттер-революции тогда, когда буквально все кричало о неминуемом крахе режима Ахмадинежада.

Невообразимые последствия воображаемой революции

Должно быть, тот же ход мыслей, временами заставляющий вспомнить о высокомерии,

привел к грубейшей политической ошибке американских дипломатов в разгар иранских акций протеста. Под влиянием комментариев в СМИ и потока твитов о происходящем в Иране или же по собственным профессиональным соображениям высокопоставленный сотрудник Госдепа США отправил руководителям “Твиттера” электронное письмо, в котором поинтересовался, не смогут ли они перенести на другой день запланированные (и оказавшиеся предельно несвоевременными) работы по техобслуживанию сайта, чтобы не повредить иранским манифестантам. Сотрудники “Твиттера” выполнили просьбу, причем во всеуслышание объявили, что пришли к этому решению самостоятельно.

Историческое значение этого не самого заметного события не ускользнуло от газеты “Нью-Йорк таймс”, которая сочла его “очередной вехой” в отношениях администрации Обамы с новыми медиа и засвидетельствовала “признание правительством Соединенных Штатов того, что блог-платформа, появившаяся всего четыре года назад, способна изменить ход истории в древней исламской стране”. “Нью-Йорк таймс”, возможно, преувеличила осмотрительность правительства Обамы (представитель Белого дома немедленно попытался преуменьшить значение “вехи”, заявив, что это была “не директива госсекретаря, а скорее контакт на низовом уровне того, кто часто общается с персоналом ‘Твиттера’”), но Седая леди² точно указала на важность момента.

Вопреки пророчеству Марка Амбиндера, когда будущие историки станут оценивать горячие июньские дни 2009 года, они сочтут эту электронную переписку (Госдеп решил предать ее огласке, чтобы улучшить свою репутацию у новых медиа) вещью гораздо более важной, чем все, что сделало в интернете “Зеленое движение”. Вопреки не слишком радужным ближайшим перспективам иранской демократии, мир еще долго будет ощущать влияние этого символического случая.

Связи заклятых врагов из правительства США с компанией из Кремниевой долины (услуги которой, согласно западным СМИ, пользовались большим успехом у иранцев) быстро вызвали у Тегерана подозрения, что интернет – это инструмент западного влияния, а его цель – свержение иранского режима. Иранские власти вдруг перестали видеть в интернете локомотив экономического прогресса или способ донести миру слова Пророка. Всемирная паутина предстала орудием, которым, конечно же, воспользуются враги Ирана. Неудивительно, что, как только уличные протесты прекратились, иранские власти взялись “зачищать” киберпространство.

В течение всего нескольких месяцев правительство сформировало руководящее подразделение по борьбе с киберпреступностью, состоящее из двенадцати человек, и поручило ему проверить иранские сайты на предмет “оскорблений и лжи”. “Клеветников” арестовывали. Полиция стала прочесывать интернет в поисках фотографий и видеозаписей (их благодаря вездесущим социальным медиа оказалось очень много), на которых можно было разглядеть лица манифестантов, чтобы опубликовать их на иранских сайтах и обратиться к общественности с просьбой помочь в установлении личности этих людей. В декабре 2009 года официальный сайт “Раджа ньюс” (www.rajanews.com) опубликовал 35 фотографий с отмеченными на них 65 лицами и еще 47 примерно с сотней лиц, помеченных красными кружками. По данным полиции, это помогло найти и арестовать по меньшей мере 40 человек. Кроме того, сторонники Ахмадинежада, вероятно, сняли несколько собственных роликов, в одном из которых группа протестующих сжигала портрет Хомейни. Многие оппозиционеры полагали, что запись подделана, но задача была как раз в том, чтобы убедить людей в подлинности съемки: это могло вызвать раскол в иранской оппозиции и оттолкнуть от нее широкие слои населения.

Полицейские и люди, действующие по их поручению, начали искать личную информацию (в основном в профилях “Фейсбука”) и адреса электронной почты иранцев, живущих за границей, и отправлять им письма с угрозами и требованиями воздержаться от

² Прозвище газеты “Нью-Йорк таймс”. – *Прим. перев.*

поддержки “Зеленого движения”, если они не хотят навредить родственникам, оставшимся в Иране. В то же время власти не давали спуска и тем, кто никуда не уезжал, рекомендуя им держаться подальше от социальных сетей, которыми пользовались оппозиционеры. Глава иранской полиции генерал Эсмаил Ахмади Могоддам объявил, что те, кто подстрекал людей к участию в акциях протеста или публиковал такие призывы, “совершили более тяжкое преступление, чем те, кто вышел на улицы”. Пограничники в тегеранском аэропорте интересовались у прилетевших из-за границы иранцев, есть ли у них аккаунт в “Фейсбуке”. Вне зависимости от ответа, их сетевую активность проверяли и брали на заметку подозрительных френдов этих людей.

Власти, однако, вовсе не избегали современных технологий, а с удовольствием ими пользовались. Например, чтобы отговорить иранцев от участия в уличных протестах, они прибегли к рассылке текстовых сообщений. Одно из таких посланий, отправленное от имени разведывательного ведомства, было совсем не дружелюбным:

Уважаемый гражданин! Мы располагаем данными, что вы подверглись воздействию дестабилизирующей пропаганды, распространяемой СМИ, связанными с иностранными правительствами. В случае совершения вами противоправных действий и обращения к иностранным СМИ вы будете нести ответственность в соответствии с Законом об исламских уголовных наказаниях³ и предстанете перед судом.

С точки зрения иранского правительства, западные медиа были ответственны не только за пропаганду. Власти Ирана обвинили журналистов Си-эн-эн в “подготовке хакеров” после того, как телеканал рассказал о кибератаках оппонентов Ахмадинежада на лояльные ему веб-сайты. Один аятолла, осознавший, что враг побеждает в виртуальном мире, призвал верующих иранцев использовать в сетевой схватке все возможные средства, даже не одобряемые шариатом. “На войне шаги, противоречащие шариату, позволительны. Это касается и кибервойны. Условия таковы, что вы должны сражаться с врагом любым доступным вам способом. Не нужно никого жалеть. Если вы не поразите врага, он поразит вас”, – напутствовал прихожан в 2010 году аятолла Алам Ахди во время пятничной молитвы.

Но претензии к Си-эн-эн оказались малозначительными в сравнении с филиппиками в адрес “Твиттера”: его иранские медиа, поддержавшие Ахмадинежада, сочли настоящим зачинщиком беспорядков. Передовица в иранской газете “Джаван” обвинила Госдеп в попытке разжечь революцию через интернет, помогая “Твиттеру” оставаться в Сети и возложив на него “оперативное содействие бунтам”. Учитывая прежнее вмешательство Америки в иранские дела (многие иранцы хорошо помнят переворот 1953 года, спланированный ЦРУ), эти обвинения прозвучали убедительно, и все без исключения пользователи “Твиттера” угодили в американский тайный революционный авангард. В отличие от бурных событий 1953 года, у твиттер-революции, кажется, нет своего Кермита Рузвельта (внук Теодора Рузвельта, он был координатором операции ЦРУ “Аякс”, которая привела к свержению националистического правительства Мохаммеда Мосаддыка). Однако в глазах иранских властей то, что у нынешнего цифрового авангарда нет признанных харизматичных вождей, делает его еще опаснее. Иранские чиновники, ответственные за пропаганду, не смогли скрыть своего ликования, когда узнали, что Кермит Рузвельт – это близкий родственник Джона Палфри, научного руководителя Беркмановского центра по изучению интернета и общества в Гарварде (аналитического центра, учрежденного Госдепом для изучения иранской блогосферы).

Остальные правительства внимательно следили за происходящим, вероятно, из опасения самим вскоре столкнуться с твиттер-революцией. Китайские власти сочли участие Вашингтона в иранских событиях тревожным сигналом того, что цифровые революции,

³ Уголовный кодекс Исламской Республики Иран. – *Прим. перев.*

которым содействуют американские ИТ-компании, происходят не спонтанно, а являются продуктом тщательного планирования. “Чем были вызваны беспорядки в Иране после выборов? – вопрошает передовица в “Жэньминь жибао”, главном рупоре Коммунистической партии Китая. – Они были вызваны сетевой войной, начатой Америкой посредством видеороликов ‘Ю-Тьюба’ и микроблогов ‘Твиттера’, распространением слухов, провокациями, разжиганием вражды между сторонниками различных консервативных реформистских группировок”. Другой гигант государственной пропаганды, информационное агентство “Синьхуа”, заняло более взвешенную позицию, отметив, что “информационные технологии, которые принесли человечеству всевозможные выгоды, в этот раз стали инструментом вмешательства во внутренние дела иностранных государств”.

Спустя несколько месяцев после волнений в Иране официальный орган Народно-освободительной армии Китая “Цзефанцзюнь бао” вышел с передовицей, в которой молодежные выступления в Молдове в апреле 2010 года сопоставлялись с иранскими беспорядками, причем и то и другое было названо блестящим примером иностранного вмешательства при поддержке интернета. Автор статьи, указав на США как на страну, “проявляющую наибольший среди западных держав интерес к включению интернета в свой дипломатический арсенал”, связал два упомянутых выше случая с этническими волнениями в самом Китае в июле 2009 года – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Он пришел к выводу, что для того, “чтобы интернет не стал новой отравленной стрелой врага”, нужен более жесткий контроль над Сетью. Таким образом, вашингтонские умствования по поводу Ирана дали Пекину повод для ужесточения цензуры. Онлайн-блокада СУАР была снята только в начале 2010 года.

Средства массовой информации стран бывшего СССР также не оставили происходящее без внимания. “Беспорядки в Иране шли по молдавскому сценарию: США пропалились”, – гласил заголовок на одном из российских националистических интернет-порталов. В новостях телеканала НТВ упоминалось: “Информационную поддержку манифестантам оказал Госдепартамент США. Он вмешался в работу модного интернет-ресурса ‘Твиттер’. Эта социальная сеть для обмена короткими сообщениями стала для иранских студентов одним из главных средств коммуникации. Американские чиновники попросили администрацию портала отменить профилактические работы, чтобы обеспечить круглосуточный доступ к серверам”. А одна из молдавских газет сообщила, что американское правительство даже позаботилось о том, чтобы укомплектовать “Твиттер” передовой антицензурной технологией.

Вот вам глобализация в худшем виде: электронное письмо вашингтонского дипломата (предположившего, что “Твиттер” может повлиять на события в Иране), адресованное американской компании в Сан-Франциско, вызвало панику в мировом интернете и политизировало всю онлайн-деятельность, придав ей яркую революционную окраску. Это создало угрозу независимости тех сетевых площадок, которые прежде никем не регулировались. Вместо того чтобы попытаться установить с иранскими блогерами долгосрочные отношения и с их помощью плавно подталкивать Иран к социальным, культурным и, возможно, в отдаленном будущем и политическим переменам, американская дипломатия сыграла в открытую, фактически объявив блогеров более опасными, чем Ленин и Че Гевара. В итоге многие из этих “записных революционеров” попали за решетку. Над еще большим числом людей был установлен тайный надзор. А те бедняги, которым в период выборов случилось пройти курсы пользования интернетом, финансируемые Госдепом США, теперь не могут вернуться домой и вынуждены просить политического убежища (в Европе известно минимум о пяти таких случаях). Политологи были правы: иранская твиттер-революция имела глобальные последствия. В итоге она не подорвала авторитаризм, а, скорее, укрепила его.

Революции требуются рыцари

Разумеется, американские дипломаты не могли предугадать, какие последствия будут

иметь акции протеста в Иране, и было бы нечестно винить их в том, что “Зеленое движение” оказалось неспособно сместить президента Махмуда Ахмадинежада. Разве можно было не вмешаться, когда выяснилось, что судьба иранской демократии зависит от стартапа из Кремниевой долины, которому нет дела до геополитики? И зная, что поставлено на карту, стоит ли остричь насчет гневных передовиц в молдавских газетах, которые были бы напечатаны, даже если бы Госдепартамент ни во что не вмешивался?

Все это верно, если посчитать доказанным, что ситуация была и впрямь столь драматичной. Но если доказательства хромают, то американские дипломаты заслуживают большего, чем хорошая взбучка. Не может быть оправдания вмешательству в дела частных компаний и зарубежных государств, если в действительности западные политики просто стояли в сторонке, грезили о демократии и выбалтывали свои фантазии в микрофон. В большинстве случаев подобное вмешательство не только не помогает, а, напротив, создает новые проблемы. Люди, которые по наивности считают американское правительство надежным партнером, подвергаются дополнительному риску. Американские умники отправляются на ток-шоу, а иранские блогеры – под суд. Бесцеремонное обращение Госдепартамента к руководству “Твиттера” было бы оправдано, только если бы этот сервис действительно играл важную роль в организации манифестаций и в случае его отключения на несколько часов делу иранской демократии был нанесен тяжелый удар.

Но ничего подобного не было. Иранское правительство гоняется за цифровыми призраками (порожденными, среди прочего, несдержанностью западных СМИ и высокомерием политиков). Однако две вещи по-прежнему остаются непонятными. Во-первых, сколько жителей Ирана (а не иранских эмигрантов) на самом деле писали о манифестациях в “Твиттере”? Во-вторых, действительно ли “Твиттер”, на что намекали многие политологи, сыграл ключевую роль в организации протестов – либо же его роль сводилась к распространению новостей и привлечению всеобщего внимания к происходящему?

Ответ на первый вопрос в лучшем случае неочевиден. В течение двух недель после выборов в “Твиттере” действительно появилось много записей, касающихся событий в Иране. Однако невозможно сказать, сколько из них были сделаны людьми, находящимися в Иране, а сколько – членами трехмиллионной иранской диаспоры, сторонниками “Зеленого движения” со всего мира и провокаторами, лояльными иранскому режиму. Исследование, проведенное компанией “Сисомос” (*Sysomos*), изучающей социальные медиа, выявило всего 19235 аккаунтов в “Твиттере” (0,027 % населения страны), зарегистрированных в Иране накануне выборов 2009 года. Так как многие сторонники “Зеленого движения”, чтобы запутать иранские власти, указывали в “Твиттере” Тегеран в качестве своего местоположения, почти невозможно было определить, находились ли авторы твитов в Тегеране или, например, в Лос-Анджелесе. Одним из наиболее активных пользователей “Твиттера”, распространяющих новости об акциях протеста, была *oxfordgirl*, иранская журналистка, живущая в английском Оксфордшире. Она блестяще сделала свою работу – но только в качестве информационного узла.

Директор канала “Аль-Джазира” Мойед Ахмад заявил в начале 2010 года, что его коллеги в период протестов нашли в “Твиттере” всего шестьдесят действующих тегеранских аккаунтов (это число уменьшилось до шести, когда иранские власти обрушились на сетевые коммуникации). Это не умаляет значения иранских новостей в “Твиттере” в первую неделю протестов. Центр “Пью рिसерч” установил, что 98 % самых популярных гиперссылок, размещенных в “Твиттере” во время беспорядков в Иране, были связаны с этими событиями. Другое дело, что в большинстве случаев записи в “Твиттере” были сделаны (или продублированы) людьми, находившимися не в Иране.

Что касается второго вопроса, то весьма сомнительно, что “Твиттер” использовался именно для организации акций протеста. Многие из тех, кто говорит на фарси и давно знаком с иранской блогосферой, уверены в том, что “Твиттер” лишь освещал происходившие события. Иранский блогер и активист, широко известный как *Vahid Online*, находился в

Тегеране во время беспорядков. Он сомневается в обоснованности тезиса о твиттер-революции уже потому, что не многие иранцы пользовались “Твиттером”. “‘Твиттер’ никогда не был особенно популярен в Иране. [Но,] поскольку мир в те дни наблюдал за Ираном [с таким интересом], многие ошибочно решили, что и иранцы узнавали новости из “‘Твиттера’”, – заявил блогер.

В “Твиттере” появлялись сообщения о времени и месте акций протеста, однако неясно, делалось ли это систематически и помогало ли рекрутировать новых манифестантов. То, что “Зеленое движение” руководствовалось стратегическими соображениями, выбирая “Твиттер” (или любую другую интернет-технологию) как главное средство коммуникации, похоже на миф. Напротив, иранская оппозиция не выглядит организованной, и это объясняет, почему она потерпела неудачу. “С самого начала ‘Зеленое движение’ не было организованным, оно не действовало [организованно] – не то чтобы кто-то один принимал решение и сообщал о нем остальным. На улицах, на работе, куда бы ты ни шел – люди везде об этом говорили, и все хотели действовать”, – вспоминает Алиреза Резаи, еще один видный иранский блогер.

Запад, конечно, не галлюцинировал: в “Твиттере” действительно появлялись все новые записи, а тегеранские улицы наполнились людьми. Но это не обязательно означает, что между этими событиями существовала причинно-следственная связь. Ведь если в лесу упало дерево, а свидетели описали это происшествие в “Твиттере”, это не значит, что причиной падения дерева явились записи в блогах. Кроме того, время и место проведения акций протеста не были секретом. Не было нужды заходить в интернет, чтобы узнать о том, что в центре Тегерана масштабная уличная демонстрация: об этом можно было легко догадаться по гудкам автомобилей, застрявших в пробке.

На фоне эйфории, охватившей западные СМИ во время волнений в Иране, голоса скептиков, не разделявших мнение о ведущей роли интернета в организации протеста, звучали гораздо тише тех, что трубили о твиттер-революции. Так, Аннабель Среберни, профессор глобальных СМИ и коммуникаций Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, эксперт по иранским медиа, быстро распознала подмену, однако ее голос потонул в хоре славословий “Твиттеру”. “Значение ‘Твиттера’ было сильно переоценено... Я не стану спорить с тем, что социальные медиа действительно мобилизовали иранцев”, – заявила она в интервью “Гардиан”. Хамид Терани, иранский редактор блогерской сети “Глобал войсес” (*Global Voices*), настроен столь же скептически. Он полагает, что успех выражения “твиттер-революция” больше говорит о фантазиях Запада на тему новых медиа, чем об иранской действительности. “Запад сосредоточен не на иранцах, а на роли западных технологий, – заявил Терани. – Да, ‘Твиттер’ был важен для предания огласки происходящему, однако его роль была преувеличена”.

Многие представители иранской диаспоры также сочли, что “Твиттеру” досталось гораздо больше внимания, чем он заслуживал. Спустя пять дней после начала акций протеста Мехди Яхьянежад, управляющий “Балатарин” (*Balatarin*), лос-анджелесского новостного сайта на фарси, подобного *Digg.com*, заявил газете “Вашингтон пост”, что “влияние ‘Твиттера’ в Иране равно нулю... Здесь, [в США], много шума, но... его в основном производят сами американцы, обменивающиеся твитами друг с другом”.

То, что интернет может оказывать и негативное влияние на протестное движение, выпало из поля зрения большинства обозревателей СМИ. Исключением стала Гольназ Эсфандиари, иранский корреспондент “Радио Свобода”, которая спустя год после выборов в Иране на страницах журнала “Форин полиси” осудила “пагубную причастность ‘Твиттера’ к распространению слухов”. Эсфандиари отметила, что “в первые дни после выборов в ‘Твиттере’ распространился слух, будто полицейские вертолеты поливали манифестантов кислотой и кипятком. Сейчас, год спустя, эта история остается не более чем слухом”.

Эсфандиари напомнила также, что циркулировавшая в “Твиттере” история иранской активистки Саидэ Пурагхаи оказалась выдумкой. Пурагхаи арестовали за то, что она выкрикивала лозунг протестующих – “Господь велик” – с крыши своего дома, а затем якобы изнасиловали, изуродовали и убили. Пурагхаи стала символом “Зеленого движения”. Позднее

она появилась в передаче иранского гостелевидения и объяснила, что спрыгнула с балкона ночью, когда ее арестовали, и потом несколько месяцев не показывалась на людях. Некоторое время спустя реформистский сайт объявил, что слух об убийстве Саидэ Пурагхаи был пущен иранским правительством, чтобы дискредитировать другие свидетельства об изнасилованиях. Неясно, какая из сторон выиграла от этой мистификации и ее разоблачения, но именно такие истории должны были бы стать предметом расследования западных журналистов.

К сожалению, большинство журналистов, ожидающих падения режима Ахмадинежада под градом твитов, трубили о торжестве твиттер-революции. Пока политологи дрались за эфир, а блогеры – за подписчиков, никто особенно не пытался поставить под сомнение преувеличенную роль интернета. В результате возник миф о твиттер-революции в Иране – один из множества мифов о способности интернета свергать диктаторов. Это объясняет, почему менее чем через год после иранских акций протеста журналист из “Ньюсуик” осмелился объявить, что “восстания в Украине, Кыргызстане, Ливане, Бирме, Синьцзянском автономном округе, Иране никогда не произошли бы, если бы не было интернета”. Напомню, что “Ньюсуик” предупреждал о приближении иранской революции, вдохновленной интернетом, начиная аж с 1995 года. Тогда в журнале появилась статья “Чат и чадра”, в которой говорилось, что “если компьютерные гики правы, Ирану предстоит крупнейшая революция со времен аятоллы Хомейни”.

Если журналисты не занимаются анализом, а при необходимости и развенчанием мифов, то последние могут оказать разрушительное воздействие на политику. Пока в “Твиттере” видят двигатель иранских протестов, технологиям, которые позволят иранцам пользоваться им в обход цензуры, также будут придавать исключительную важность. Даже “Вашингтон пост” обосновывает увеличение расходов на такие технологии (автор одной из передовиц в июле 2010 года предположил, что “инвестиции в антицензурную технику наподобие той, которая способствовала тегеранской твиттер-революции июня 2009 года, могут иметь громадный эффект, который можно измерить”), но это гораздо более слабый аргумент, чем кажется вначале. Утверждение, что влияние интернет-технологий “можно измерить”, также заслуживает пристального внимания. Стоит задуматься и над словами Алека Росса, старшего советника Хиллари Клинтон по новым технологиям. Он заявил, что “социальные медиа сыграли главную роль в организации [иранских] протестов” (очень похоже на то, что в июне 2009 года озвучил Эндрю Салливан). Хотя Росс выступил через год после Салливана, он тоже не привел доказательств.

А в июле 2010 года Росс проговорился, что “есть очень мало информации, подтверждающей, что ‘Фейсбук’, ‘Твиттер’ или эс-эм-эс вызвали массовые беспорядки или могли спровоцировать восстание”.

Оружие массового сооружения?

Судя по экзальтации, которую вызвали иранские манифестации, западные политики блуждают в тумане киберутопизма – одного из главных элементов “доктрины ‘Гугл’”. Киберутопизм – это квазирелигиозная вера в сверхъестественные возможности интернета, начиная с ликвидации безграмотности в Африке и заканчивая приведением в порядок всей информации, накопленной человечеством. Откупорка “закрытых” обществ и накачивание их демократическим содержанием до тех пор, пока с них не сойдет авторитарная оболочка, – одна из больших надежд, возлагаемых на современный интернет. Неудивительно, что автор колонки, напечатанной в 2010 году в газете “Гардиан”, предложил даже “ударить по Ирану широкополосной сетью”. Интернет казался чем-то, что сильнее бомб. Киберутопизм в те дни, казалось, проник всюду: майки с призывом к политикам “сыпьте твитами, а не пулями” (*drop tweets, not bombs* ; отличный лозунг для современного антивоенного движения!) уже продаются в интернет-магазинах. А в 2009 году улицу в одном из лагерей палестинских беженцев даже называли в честь аккаунта в “Твиттере”.

Твитами, разумеется, правительства не свергают – это делают народы (иногда также ЦРУ

и американские морпехи). Джон Стюарт в своем “Дейли шоу” удивлялся мистической способности интернета добиваться того, на что лучшие солдаты планеты тратят столько сил в Ираке и Афганистане: “Зачем было отправлять туда войска, если можно было освободить эти страны тем же способом, каким мы покупаем ботинки?” И в самом деле, зачем? Дэниел Киммедж, старший аналитик “Радио Свобода”, шутки не понял. По его мнению, “неограниченный доступ к свободному интернету – это... практичный способ противодействия ‘Аль-Каиде’... По мере того, как пользователи все громче заявляют о себе, нарастающий хаос... может снести сетевые бастионы тоталитарной идеологии ‘Аль-Каиды’”. Блогер Джейн-Джихад⁴ и ряд других темных личностей, которые пришли к терроризму через интернет, вероятно, огорчились бы, узнав, что провели в Сети недостаточно времени.

К концу 2009 года киберутопизм достиг новых высот: Нобелевский комитет не возразил, когда итальянская редакция “Уайерд” выдвинула интернет на соискание в 2010 году Нобелевской премии мира. Это стало результатом общественной кампании, поддержанной несколькими знаменитостями, в том числе Джорджо Армани и нобелевским лауреатом 2003 года Ширин Эбади. Заметна интересная параллель с холодной войной: в 1991 году будущий президент Эстонии Леннарт Мери номинировал “Радио Свобода” на Нобелевскую премию мира за роль, которую эта станция сыграла в развале СССР. Почему интернет заслуживал премии больше китайского правозащитника Лю Сяобо, который в итоге ее и получил? Объяснения редакторов национальных версий журнала “Уайерд”, официального печатного органа “церкви киберутопизма”, характерны для того дискурса, который ввел американских дипломатов в заблуждение относительно событий в Иране.

Рикардо Луна, редактор итальянского “Уайерд”, предположил, что интернет – это “первое оружие ‘массового сооружения’, которым мы можем устранить ненависть и раздор и распространить мир и демократию”. Крис Андерсон, глава американской редакции, высказал мнение, что хотя “аккаунт в ‘Твиттере’ не сравнится с АК-47... в долгосрочной перспективе компьютерная клавиатура окажется сильнее меча”. Дэвид Роуэн, редактор “Уайерд” в Великобритании, заявил, что интернет “дал нам шанс вернуть власть, захваченную правительствами и транснациональными корпорациями. Он сделал мир совершенно прозрачным”. Почему же этот совершенно прозрачный мир заодно не стал чуть более свободным?

Впрочем, в интернете, которым пользуются редакторы “Уайерд”, ничего плохого никогда не происходит. Даже спам можно счесть высшим проявлением современной поэзии. Но нежелание замечать темную сторону интернета равносильно тому, чтобы после посещения Беркли в Калифорнии, штаб-квартиры киберутопистов, заключить, будто вся остальная Америка точно такая же: разноликая, толерантная, залитая солнцем, с обилием здоровой пищи и отличного вина, защищенная армией политических активистов, всю жизнь сражающихся за еще более светлое будущее. Однако остальная Америка живет иначе. И весь остальной мир – тоже.

Поясню: граница между наивностью и киберутопизмом размыта. Причина, по которой столько политиков и журналистов уверовали в могущество интернета, кроется в том, что они не слишком об этом задумывались. Их вера вовсе не базируется на скрупулезном изучении того, как именно диктаторы используют интернет или как он меняет культуру сопротивления и инакомыслия. Напротив, чаще всего она объясняется некритичным восприятием популярного мнения: раз правительства авторитарных государств цензурируют интернет, значит, они его боятся и, стало быть, само существование живой интернет-культуры делает падение диктатуры вероятнее.

⁴ Настоящее имя – Колин Лароуз. Американка, принявшая ислам, в январе 2014 года была приговорена к 10 годам тюрьмы за подготовку убийства шведского карикатуриста Ларса Вилкса, который изобразил пророка Мухаммеда с телом собаки. – *Прим. перев.*

NASDAQ спасет мир?

Убежденность в демократизирующей силе Сети вредит способности общества оценивать текущую и будущую политику. Сторонники этой точки зрения склонны преувеличивать положительный вклад корпораций в распространение демократии и игнорируют необходимость критического подхода к их деятельности. Стремление киберутопистов видеть исключительно светлую сторону вещей вполне проявило себя в начале 2010 года. Тогда компания “Гугл” объявила, что покидает Китай, поскольку по горло сыта растущими цензурными требованиями правительства и посягательствами на свою интеллектуальную собственность. Хорошо продуманное деловое решение было преподнесено как поддержка прав человека. Большинство восторженных комментаторов не заметило, что “Гугл” совершенно спокойно вел дела в Китае в течение более чем четырех лет, предшествующих скандалу.

Выдающийся американский журналист Джейкоб Вайсберг на страницах журнала “Ньюсуик” назвал решение “Гугл” “героическим”. Сенатор Джон Керри заявил, что “Гугл” серьезно рискует, отстаивая принципы”. Интернет-гуру Клэй Шерки объявил, что “компания [‘Гугл’] экспортирует не товары или услуги, а свободу”. Автор передовицы в “Нью репаблик” счел, что “Гугл” (“организация, наполненная американскими учеными”) прислушался к совету Андрея Сахарова, призывавшего своих коллег-ученых “сохранить тот запас мужества и честности, который дает возможность противостоять соблазнам и привычке к конформизму”. Автора не смутило то, что Сахаров не занимался продажей рекламных сниппетов, а также не был на короткой ноге с Агентством по национальной безопасности США.

Даже знаменитый журналист Боб Вудворд поддался гипнозу киберутопистов. Выступая в мае 2010 года в одном из популярнейших американских воскресных телешоу “Встреча с прессой” (*Meet the Press*), он предложил привлечь инженеров компании “Гугл” (“кого-либо из этих светлых умов”) к устранению последствий разлива нефти в Мексиканском заливе. А если “Гугл” сможет заткнуть течь, разве он не справится и с иранской проблемой? Складывается впечатление, что еще одна-две колонки – и Том Фридман признает “Гугл” с его чудесными сканерами и базами данных приемлемой заменой Министерству внутренней безопасности.

Восхищенные взгляды притягивает, конечно, не только “Гугл”. Заголовок в “Вашингтон пост” гласил: “‘Твиттер’ разоблачает пытки в Египте”. Передовица в “Файнэншл таймс” объявила социальные сети вроде “Фейсбука” “вызовом, брошенным недемократическим странам”, и предположила, что очередная великая революция “может начаться с записи в ‘Фейсбуке’”. (О том, бросает ли “Фейсбук” вызов в том числе и демократическому обществу, автор передовицы умолчал.) Джаред Коэн, двадцатисемилетний член отдела политического планирования Госдепа, который отправил то самое письмо руководству “Твиттера”, провозгласил “Фейсбук” “одним из наиболее естественных инструментов распространения демократии”.

Здесь есть одна сложность. Приписывание интернет-компаниям положительной роли в борьбе с авторитаризмом ставит все эти компании на одну доску и не учитывает разность их вклада в дело защиты прав человека, не говоря уже о содействии распространению демократии. Тот же “Твиттер”, который во время иранских событий получил широкое признание, отказался присоединиться к “Глобальной сетевой инициативе” (внутриотраслевое соглашение ИТ-компаний, в том числе “Гугл”, *Yahoo* и “Майкрософт”) и действовать в соответствии с законами и требованиями о защите свободы выражения и права на неприкосновенность личной жизни, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека. Отказался присоединиться к ГСИ и “Фейсбук” – еще один прославленный экспортер “цифровой революции”. Компания сослалась на... нехватку денег. Поистине нелепая отговорка для организации, доход которой в 2009 году составил около 800 миллионов долларов!

Несмотря на то, что решение “Твиттера” и “Фейсбука” вызвало гнев некоторых

американских сенаторов, оно ничуть не повредило репутации этих компаний. Волноваться и впрямь не о чем: их боссов приглашают на приватные обеды к госсекретарю США и возят на экскурсии в экзотические страны вроде Ирака, Мексики и России, чтобы улучшить имидж Америки за рубежом.

Эти визиты демонстрируют нечто большее, чем техническую грамотность американской дипломатии. Оказывается, американской ИТ-компании, желающей подружиться с американским правительством, совсем не обязательно строго следовать моральным принципам – по крайней мере, если этой компании отводится важная роль в вашингтонской внешнеполитической повестке. После восьми лет пребывания у власти Джорджа У. Буша, отмеченных доминированием в высшей степени закрытых государственно-частных партнерств, наподобие Группы по разработке энергетической политики под председательством Дика Чейни, подобное поведение едва ли представляет собой положительный пример народной дипломатии.

К компании “Гугл”, несмотря на ее присоединение к ГСИ, также есть претензии, в числе которых и растущее пренебрежение конфиденциальностью (что едва ли радует диссидентов по всему миру), и бравирование связями с американским правительством. Широко известное сотрудничество “Гугла” с Агентством по национальной безопасности в связи с кибератаками на ее серверы в начале 2010 года вряд ли можно назвать удачным способом убедить иранские власти в аполитичности интернета. Компании “Гугл”, “Твиттер” и “Фейсбук” сделали много такого, что достойно восхищения, однако поскольку они играют все более важную посредническую роль во внешней политике, восторги все же не слишком уместны.

Милкшейк или коктейль Молотова?

Заявление Джареда Коэна о том, что “Фейсбук” – естественный инструмент распространения демократии, может оказаться просто констатацией факта. При прочих равных условиях в мире, в котором множество китайцев и иранцев прибегает к услугам американских ИТ-компаний, в долгосрочной перспективе и в самом деле может победить демократия. С этим трудно не согласиться, особенно если альтернативой этому является замыкание пользователей в национальных секторах интернета: там цензура и регулирование точно жестче.

Вместе с тем следует помнить, что нынешняя ситуация не является результатом некоей искусной, чрезвычайно успешной манипуляции “Фейсбуком” со стороны правительства США. Скорее это следствие текущей интеллектуальной и рыночной обстановки. До сих пор авторитарные правительства не слишком задумывались о том, кому их граждане доверяют свою электронную корреспонденцию и как они делятся друг с другом кулинарными рецептами. Американские компании часто первыми предлагали качественные услуги, и большинство правительств не создавало им преград. Может быть, их задевало превосходство американских компьютерных платформ над местными сетевыми стартапами. Но ведь и индустрия фастфуда в их странах уступала “Макдоналдсу”. И до тех пор, пока никто не путал ванильный трипл-шейк из “Макдоналдса” с коктейлем Молотова, беспокоиться было не о чем.

Однако когда люди, подобные Джареду Коэну, начинают славить “Фейсбук” как естественное средство распространения демократии, ситуация мгновенно меняется. В сущности, единственная причина, по которой лидеры авторитарных государств обращали так мало внимания на интернет, это та, что они не замечали связи интересов американских компаний и американского правительства. Но как только Госдеп попытается эксплуатировать успехи Кремниевой долины на глобальном рынке, беспечность неминуемо сменится подозрительностью. Любые открытые шаги американских дипломатов в этой области будут тщательно изучены, более того, истолкованы исходя преимущественно из теорий заговора, а не из официозных пресс-релизов Госдепа.

В июле 2010 года одна из ведущих государственных исследовательских организаций в Китае, Академия общественных наук, опубликовала подробный доклад о значении интернета

для политики. В нем, в частности, утверждается, что социальные сети несут угрозу государственной безопасности, так как США и другие западные страны “пользуются ими для дестабилизации” обстановки. Трудно не увидеть здесь отсылку к словам и делам Джареда Коэна. (В докладе процитированы слова неназванных американских чиновников, заявивших, что социальные сети – это “бесценный инструмент” для свержения недружественных режимов, могущие сослужить добрую службу правительству, как, например, “Твиттер” во время иранских волнений в 2009 году.) Когда американские дипломаты называют “Фейсбук” инструментом распространения демократии, можно смело утверждать, что остальной мир сочтет, что Америка не просто отдает должное огромному потенциалу этого инструмента, но и не преминет в полной мере воспользоваться им.

Американские дипломаты ошибались, полагая интернет пространством, свободным от националистических предрассудков. Киберпространство гораздо менее склонно к политической амнезии, чем они думали. О прежних политических промахах и долгой взаимной вражде между Западом и остальным миром не так-то просто забыть. Даже в цифровую эпоху внешняя политика страны ограничена теми же досадными рамками, что и в “аналоговом” прошлом. Джозеф Най и Роберт Кеохейн, два ведущих специалиста по международным отношениям, отмечали более десяти лет назад, что “информация циркулирует не в вакууме, а в политическом пространстве, которое уже занято”. Может быть, до иранских волнений технологические гиганты Америки действовали по большей части в вакууме и могли игнорировать предрассудки, связанные с ярлыком “американское”. Однако эти дни миновали. В будущем неприятие новой реальности только осложнит задачу распространения демократии.

Хипстеры на баррикадах

В случае Ирана западные политики не только неверно оценили интернет, но и дали всем это понять. К большому удивлению западных политиков, иранское правительство приняло жесткие контрмеры, сильно затруднив использование Сети для работы по изменению иранского и других закрытых обществ. Еще три года назад правительства считали блогеров обычными пижонами, не способными организовать политическое движение. Теперь ситуация иная. Блогеров уже не считают просто модниками и бездельниками. Сегодня власти относятся к ним как к активистам новой “Солидарности”. Причем это идеалистическое (и совершенно неверное) убеждение разделяют и в демократических, и в авторитарных государствах.

Самое неприятное – чем чаще западные политики говорят об угрозе, которую несут блогеры авторитарным режимам, тем быстрее эти режимы сужают операционное пространство блогеров. В некоторых странах политизация может даже пойти на пользу, поскольку блогинг принимает более отчетливую политическую окраску и блогеры приобретают статус журналистов или правозащитников. Однако во многих других случаях это может уничтожить зарождающееся интернет-движение, которое могло бы добиться большего, если бы преследовало скорее социальные, чем политические цели. Нужно ли Западу политизировать блогинг и рассматривать его как естественное продолжение диссидентской деятельности, – безусловно трудный вопрос, который нуждается в широком обсуждении. Но отсутствие дискуссии на эту тему не означает, что блогинг не политизирован, в ряде случаев необратимо, словами и делами западных политиков.

Более того, пагубное увлечение политиков киберутопизмом может помешать им обратить внимание на целый ряд важных вопросов. Как относиться к ИТ-компаниям, которые работают в государствах с авторитарным режимом, изменяя в итоге своим стандартам? Являются ли они предвестниками демократии, каковыми стремятся выглядеть, или это просто цифровые эквиваленты “Халлибертон” и “Юнайтед фрут компани”, то есть бизнесмены, которые цинично пользуются новыми возможностями и попутно укрепляют позиции правительств, позволивших им работать в своих странах? Как Западу увязать свое внезапно возникшее желание насаждать демократию посредством интернета с прежней, “офлайновой”

тактикой достижения той же цели – возвращением независимых политических партий и организаций гражданского общества? Как, не подвергая риску цифровых активистов, вооружить их? Если интернет – это та самая революционная сила, которая способна подтолкнуть авторитарные режимы к демократизации, то должен ли Запад закрыть глаза на многие другие аспекты функционирования интернета (киберпреступность, распространение детской порнографии, кибервойны, интеллектуальное пиратство и т. д.) и ковать железо, пока горячо?

Это невероятно трудные вопросы. Хотя интернет способствовал удешевлению почти всего, за такой товар, как человеческая глупость, по-прежнему приходится платить относительно дорого. Мантра, повторяемая адептами движения за открытое программное обеспечение – ошибайся часто, ошибайся рано, – приводит к появлению великолепного софта, однако этот принцип неприменим к ситуациям, когда речь идет о человеческих жизнях. Западные политики, в отличие от политических аналитиков или ученых, не могут позволить себе роскошь делать ошибки.

С точки зрения авторитарных правительств, цена использования ошибок Запада тоже значительно снизилась. Небрежность всего одного активиста может обернуться утечкой имен, фото, адресов электронной почты всех, с кем он контактирует. Оцифровка информации привела к ее концентрации: один похищенный пароль открывает возможности прежде неслыханные. Представьте, к какому количеству данных – и людей! – даст доступ украденный у вас пароль от почтового ящика!

Безудержный киберутопизм обходится слишком дорого, поскольку авторитарные режимы не дремлют. Нет никаких гарантий, что они не найдут способ превратить интернет в мощное орудие угнетения. Если выяснится, что интернет вооружает также тайную полицию, цензоров, пропагандистов, то, скорее всего, задача демократизации усложнится, а не станет проще. Аналогичным образом, если интернет снизит уровень недовольства граждан режимом (потому что у них теперь есть доступ к безграничному морю дешевых цифровых увеселений или потому, что они нуждаются в защите государства от беззакония, царящего в киберпространстве), этот режим определенно получит еще один источник легитимности. Если интернет меняет характер политического сопротивления и инакомыслия, уводя их из действительности в анонимное виртуальное пространство, это скажется, и не обязательно положительно, на масштабе и темпе протестного движения.

Этого не понимают многие обозреватели, рассуждающие о влиянии интернета на политику. Непризнание того, что Всемирная паутина может укрепить, а не расшатать авторитарный режим, в высшей степени безответственно. Оно приводит к негодной политике, так как дает политикам ложную уверенность, будто все, что им нужно делать, – это действовать на упреждение, а не реагировать на сложившиеся обстоятельства. Если при внимательном рассмотрении выяснится, что авторитарные режимы определенных типов могут извлечь гораздо большую пользу из интернета, чем их оппоненты, Западу придется переориентироваться и вместо того, чтобы настраивать активистов против своих правительств, противодействовать использованию последними Всемирной паутины, чтобы они не стали еще авторитарнее. Нет смысла “прокачивать” революцию, если одновременно снижается вероятность ее успеха.

Инструмент без рукоятки

Большинство политиков блуждает по цифровому минному полю зажмурившись, распевая любимые киберутопические песенки и отказываясь обращать внимание на факты. До сих пор им невероятно везло: мины попадались редко. Однако теперь политики уже не могут позволить себе не смотреть под ноги: мины почти везде, и, благодаря росту интернета, они стали гораздо мощнее, а радиус поражения значительно выходит за границы киберпространства.

Шанти Калатил и Тейлор Боас в своей книге “Открытые сети, закрытые режимы”

(новаторская работа 2003 года, посвященная влиянию на авторитаризм интернета до эпохи “веб 2.0”) указывали, что “здоровый смысл... является составной частью той среды, в которой формируются политические принципы, и лучшее понимание того, как интернет влияет на политику, ведет к выработке лучшего политического курса”. Справедливо и обратное: недопонимание ситуации ведет к ошибочной политике.

Если единственный урок, который западные политики вынесли из иранских событий, состоит в том, что твиты подходят для мобилизации общества, им вряд ли удастся перехитрить своих авторитарных оппонентов, проявивших куда больше изобретательности в обращении с онлайн-миром. Становится ясно, что для полного понимания влияния интернета на демократизацию авторитарных государств требуется больше, чем просто изучение твитов иранской молодежи. Это только одна сторона медали. Необходим более тщательный многосторонний анализ, который будет учитывать всю совокупность сил, формируемых Сетью.

Нынешний когнитивный диссонанс – во многом заслуга самих доброхотов. В чем же они ошиблись? Возможно, в том, что сочли интернет детерминистской однонаправленной силой, нацеленной на всеобщее освобождение либо угнетение, космополитизм либо ксенофобию. В действительности интернет содействует всем этим силам сразу – и еще множеству других. И это все, что мы знаем о законах функционирования интернета. Какая из множества сил, высвобожденных Сетью, победит в определенной социальной и политической обстановке, сказать невозможно, не осмыслив ситуацию теоретически.

Столь же наивно думать, будто такая сложная, многоцелевая технология, как интернет, приведет к одинаковому результату, положительному или отрицательному, в таких разных странах, как Беларусь, Бирма, Казахстан и Тунис. Современные авторитарные режимы отличаются друг от друга настолько, что будет уместно перефразировать Льва Толстого: все свободные общества похожи друг на друга, каждое несвободное общество несвободно по-своему. Статистически маловероятно, что несопоставимые объекты будут реагировать одинаково на такой сильный стимул. Утверждать, будто интернет может привести к похожим переменам, то есть к демократизации, в таких странах, как Россия и Китай, все равно что сказать, будто глобализация также влияет на них одинаково. Сейчас, десятилетие спустя после начала нового века, подобный детерминизм выглядит очень сомнительным.

Равным образом ошибочно думать, что авторитаризм опирается только на грубую силу. Религия, культура, история, национализм – все эти могучие силы влияют на природу современного авторитаризма, и никто до конца не понимает, как именно, вне зависимости от того, участвует в этом интернет или нет. Иногда они подрывают авторитаризм. Чаще, однако, укрепляют. Все, кто верит в силу интернета, как верю в нее я, должны сопротивляться искушению интернетоцентризма, навязывающего представление, будто все эти сложные силы, направляемые техникой, действуют только в одном направлении, заставляя закрытые общества приоткрываться, быть сговорчивее, мягче, доступнее для демократизации. Интернет нужен, но мы пока не знаем, для чего именно. Парадоксально, но это только прибавляет ему значимости: цена неверного обращения с ним огромна. Кое-что можно уяснить, поняв логику интернета. А ее нельзя понять вне ситуации, в которой она проявляется.

Конечно, подобная неопределенность в цифровую эпоху ничуть не упрощает задачу укрепления демократии. Но она может пойти на пользу, если политики и общество избавятся от интеллектуальных помех и предрассудков, которые ведут к мечтам, очень далеким от реальности. Истерика по поводу акций протеста в Иране ясно показала, что Запад нуждается в приемлемой рабочей гипотезе, описывающей влияние интернета на авторитаризм. Вот почему политики, отчаянно пытающиеся хоть что-нибудь понять в технике и демократизации, ошибочно интерпретируют недавние события, например падение коммунистических режимов в Восточной Европе. Какой бы ни была теоретическая значимость исторических параллелей, политикам следует помнить, что одна неверно подобранная историческая аналогия приведет к тому, что построенная на ее основе стратегия окажется неудачной.

И хотя может оказаться, что невозможно сформулировать много общих законов,

описывающих взаимоотношения интернета и политических режимов, политики не вправе просто прекратить ломать над этим голову, начать исследования, рассчитанные на десятки лет, и спокойно дожидаться их результатов. Это нецелесообразно. По мере того, как интернет усложняется, расширяется и сфера его применения, а авторитарные режимы обычно очень скоро находят способ извлечь из этого выгоду. Чем дольше мы медлим, тем вероятнее, что некоторые из возможностей, сейчас предоставляемых интернетом, будут упущены.

Это не значит, что прирученный интернет не может стать могущественным инструментом политика. Если такой инструмент уже оказался у вас в руках, безответственно не пользоваться им. Правда, Лэнгдон Уиннер, один из самых проникательных людей, размышлявших о современной технике как политическом факторе, однажды заметил, что “наша техника, хотя ее мощь практически безгранична, – это набор инструментов без рукояток”. Интернет, к сожалению, не исключение. Политикам кажется, будто они крепко держат “рукоятку”, однако это иллюзия: инструмент их не слушается. Они не в состоянии ни использовать мощь интернета, ни предугадать последствия своих поступков. Между тем, совершенные ими ошибки суммируются и, как в случае Ирана, приводят к тяжелым последствиям.

Большинство попыток Запада использовать интернет для борьбы с авторитаризмом можно описать как лечение неверно диагностированной болезни негодными средствами. Политики мало что могут сделать с “лекарством”, которое постоянно изменяется и поэтому не работает так, как они предполагают. Отсутствие “рукоятки” тоже не идет на пользу. Что касается болезни, то положение очень тревожное. Авторитаризм того сорта, с которым пытаются бороться политики, остался в прошлом. Чем быстрее политики поймут, что времена изменились, тем быстрее они возьмутся за выработку интернет-политики, которая соответствует 2010, а не 1989 году.

Что же касается средств, то в хозяйстве пригодятся и инструменты без рукояток. Просто надо учитывать это и найти им применение, пусть и ограниченное. Но нужно убедиться, что такой инструмент не поранит того, кто возьмет его в руки. До тех пор, пока политики не усвоят, что их проблемы с интернетом вызваны его совершенно непредсказуемой динамикой, они никогда не смогут толком воспользоваться громадными возможностями Сети.

Глава 2

С новым 1989 годом!

История киберутопии небогата событиями, но двадцать первое января 2010 года точно займет место в ее анналах (наряду, вероятно, с рассуждениями Эндрю Салливана о роли “Твиттера” в тегеранских событиях). В тот день госсекретарь Хиллари Клинтон отправилась в вашингтонский Музей истории журналистики и новостей (*Newseum*), лучший в своем роде в Америке. Там госсекретарь произнесла историческую речь о свободе интернета, в которой отвела Всемирной паутине заметную роль во внешней политике.

Момент нельзя было выбрать удачнее. Всего неделей раньше компания “Гугл” объявила о своем уходе с китайского рынка, намекнув, что тут не обошлось без правительства КНР. По Вашингтону прокатилась волна возбуждения. Приверженность Америки делу свободы интернета обеспечивает работой целые вашингтонские семьи. “Обычные подозреваемые” (политологи, лоббисты, советники) с нетерпением принялись ждать первых залпов “войны за свободу интернета”, обещавшей им щедрое финансирование. Все в Вашингтоне с восторгом восприняли идею этого похода во имя всемирной справедливости, который позволил бы аналитическим центрам поставить на поток публикацию глубокомысленных научных трудов, военным подрядчикам – разработать несколько передовых технологий для преодоления цензурных барьеров, а неправительственным организациям – провести ряд рискованных тренингов в экзотических местах планеты. Вот почему вашингтонцы чаще, чем жители любого другого города мира (в том числе Тегерана и Пекина), печатают в поисковой строке

“Гугла” слова “свобода интернета”. Кампания в защиту свободы Сети – типично вашингтонский феномен.

Это была уникальная встреча. Нечасто вашингтонская “мафия” (застегнутые на все пуговицы аналитики и эксперты) с “блэкберри” сталкивается с поклонниками айфонов – неряшливыми, не признающими дресс-кодов предпринимателями из Кремниевой долины. Мало что могло свести вместе Ларри Даймонда, старшего научного сотрудника консервативного Гуверовского института, бывшего старшего советника Временной администрации коалиционных сил в Ираке, с Крисом Мессиной по прозвищу Фэктори Джо, двадцатидевятилетним пропагандистом “веб 2.0” и “защитником открытой Сети” (это официальное название его должности в “Гугле”). Это была общая вечеринка нон-конформистов и карьеристов.

В своей речи Клинтон ничего нового не сообщила. Ее целью было объявить “свободу интернета” новым приоритетом американской внешней политики. Судя по шуму, который выступление Клинтон вызвало в СМИ, цель была достигнута, даже если детали и остались неизвестны. Выводы, сделанные госсекретарем, звучали крайне бодро (“свобода информации обеспечивает мир и безопасность, которые составляют основу глобального прогресса”), так же, как и предложенные рецепты: “Нам следует вложить эти орудия в руки людей по всему миру, которые воспользуются ими для распространения демократии и прав человека”. Обилие модных словечек (“дефицит на нынешнем рынке инноваций”, “использование силы коммуникационных технологий”, “долгосрочные дивиденды, приносимые скромными инвестициями в инновации”), вероятно, стоит отнести на счет желания понравиться пришельцам из Кремниевой долины.

Оставим в стороне чрезмерный оптимизм и профессиональное пустословие. Творческий подход Клинтон к новейшей истории – вот что действительно заслуживает внимания. Хиллари Клинтон провела параллель между препятствиями, стоящими на пути распространения свободы интернета, и опытом поддержки диссидентов во времена холодной войны. Рассказывая о недавнем визите в Германию на торжества, посвященные двадцатой годовщине падения Берлинской стены, Клинтон упомянула “самоотверженных мужчин и женщин”, “боровшихся против угнетения, распространяя самиздат”, который “помог пробить бетон и разорвать колючую проволоку ‘железного занавеса’”. (Музей истории журналистики и новостей – очень подходящее место для того, чтобы дать волю ностальгии по временам холодной войны: там находится крупнейшая за пределами Германии коллекция обломков Берлинской стены.)

Нечто похожее, по словам Хиллари Клинтон, происходит и сейчас: “Одновременно с распространением сетей по миру вместо осязаемых стен вырастают виртуальные”. И по мере того, как “во многих странах опускается новый, информационный занавес, вирусные видеоролики и записи в блогах становятся самиздатом наших дней”. Несмотря на то, что Клинтон не обозначила почти никаких политических задач, о них было нетрудно догадаться: виртуальные “стены” надлежит пробить, информационные занавесы – поднять, распространение цифрового самиздата – поддержать, а блогеров – назначить диссидентами.

Поскольку речь шла о Вашингтоне, то произнесение Хиллари Клинтон выражения “новый информационный занавес” тем же тоном, что и “Берлинская стена”, было равнозначно объявлению 3D-сиквела холодной войны. Она угадала тайное желание множества политиков, которым до зарезу нужен был понятный враг. Такой враг, что отличался бы от бородачей из пещер Вазиристана, которым мало дела до рассуждений о балансе сил и которые буквально оккупировали текущую повестку дня.

Особенно происходящее порадовало соратников Рональда Рейгана. Победившие в аналоговой холодной войне, они чувствовали в себе силы выиграть и цифровую. Однако не слово “интернет” сделало свободу интернета настолько привлекательной для этой группы. Задача по уничтожению киберстен буквально стала спасительным кругом для стареющих солдат холодной войны, быстро теряющих связь с миром, который озабочен, например, изменением климата и недостаточным регулированием финансовых рынков. Не то чтобы

остальные проблемы современности не важны: они недостаточно важны в сравнении с борьбой против коммунизма. Для многих членов стремительно вымирающего лобби эпохи холодной войны битва за свободу интернета – это последний шанс на то, чтобы вернуть себе интеллектуальное лидерство. В конце концов, кого призовет публика, как не их, неутомимых и самокритичных государственных мужей, которые когда-то уже помогли избавить мир ото всех этих стен и занавесов?

Гнездо для “ястреба”

Всего несколько месяцев спустя одна из таких вашингтонских групп провела яркую конференцию, посвященную обсуждению того, как политика времен холодной войны (особенно поддержка Западом советских диссидентов) может быть извлечена из чулана истории и применена в современных условиях. Мероприятие, на котором председательствовал Джордж У. Буш (к тому времени почти сошедший с политической сцены), собрало ряд воинственных неоконсерваторов. Они решили объявить собственную войну за свободу интернета (возможно, из отвращения к вялой внешней политике администрации Барака Обамы).

Было, конечно, нечто сюрреалистическое в том, что в этом клубе председательствует Буш: будучи президентом, он довольно пренебрежительно отзывался об “интернетах”. С другой стороны (для Буша по крайней мере), мероприятие почти не имело отношения к Сети как таковой. Целью скорее был перенос повестки распространения свободы в мире (*freedom agenda*) на цифровые просторы. Сочтя интернет своим союзником, Буш, который всегда гордился собственной репутацией лучшего друга диссидентов (находясь на посту президента, он встретился более чем с сотней из них), согласился провести встречу “глобальных кибердиссидентов” в Техасе. Конференция с участием нескольких политических блогеров из таких стран как Сирия, Куба, Колумбия и Иран стала одним из первых заметных публичных мероприятий, организованных только что созданным Институтом им. Джорджа У. Буша. Помпезность мероприятия (темы дискуссий были сформулированы, например, так: “Истории о свободе с передовой” и “Глобальные уроки электронной свободы”) свидетельствует о том, что даже два десятилетия спустя после падения Берлинской стены ветераны холодной войны по-прежнему сильны в манихейской риторике.

Однако конференция в Техасе не стала просто собранием безработных неоконсерваторов. Там присутствовали и уважаемые эксперты по интернету, например, Итан Цукерман и Хэл Робертс из Беркмановского центра по изучению интернета и общества (Гарвард). В Техас отправился даже высокопоставленный чиновник Госдепа, то есть человек Обамы. “Эта конференция привлекает внимание к деятельности нового поколения диссидентов, вселяя надежду, что оно станет маяком для остальных”, – заявил Джеймс Глассман, бывший высокопоставленный сотрудник администрации Буша, ныне президент Института им. Джорджа У. Буша. По словам Глассмана, целью конференции было “определить тенденции эффективной киберсвязи, которая распространяет свободу и способствует продвижению прав человека”. Отмечу, что Джеймс Глассман значит для киберутопизма то же, что Генри Торо – для доктрины гражданского неповиновения. Он выступил соавтором книги “Доу 36 000”, в которой говорилось, что индекс Доу-Джонса находится на пути к новым высотам. Книга увидела свет в 2000 году, за несколько месяцев до того, как лопнул пузырь доткомов.

Дэвид Кейс, директор проекта “Кибердиссиденты” (*Cyberdissidents.org*), был одним из ключевых ораторов на мероприятии Буша. Он стал своего рода “мостиком” в мир старых советских диссидентов. Кейс работал с Натаном Щаранским, видным советским диссидентом, чей образ мыслей оказал большое влияние на представления администрации Буша о борьбе за свободу во всем мире. (Манифест Щаранского “В защиту демократии” – одна из немногих книг, прочитанных Бушем во время пребывания в должности президента, – по его словам, заметно на него повлияла: “Если хотите вкратце узнать, что я думаю о внешней политике,

прочитайте книгу Натана Щаранского... Прочитайте. Отличная книга”). По словам Кейеса, миссия “Кибердиссидентов” состоит в том, чтобы “сделать знаменитыми ближневосточных интернет-активистов, борющихся за демократию, и заставить Запад их полюбить”, то есть приблизить их по уровню популярности к Щаранскому (кстати, последний – один из советников этого проекта).

Но не следует торопиться с выводами. “Киберконсерваторы”, съехавшиеся в Техас, – не мечтательные утописты, думающие, будто интернет волшебным образом очистит мир от диктаторов. Напротив, они охотно соглашались (гораздо охотнее, чем либералы из администрации Обамы), что авторитарные правительства в интернете не менее активны. “Демократии твитами не добиться”, – пишет Джеффри Гедмин, президент “Радио Свободная Европа/Радио Свобода”⁵, также посетивший это мероприятие. Гедмин, ставленник Буша, – очень заметная фигура среди консерваторов (он занимает, кроме прочего, руководящую должность в Американском институте предпринимательства). То, что киберконсерваторы уверовали в способность блогеров свергать правительства, – не признак киберутопизма, а скорее элемент видения неоконсерваторами природы авторитаризма и роли диссидентов (онлайновых и обычных) в его трансформации. Оттенки утопизма, само собой, хорошо различимы в их подходе, но это утопический взгляд не на технологию. Это утопический взгляд на политику вообще.

Иракский опыт несколько остудил пыл неоконсерваторов, но их убежденность в том, что все общества стремятся к демократии и (если, конечно, все препятствия будут устранены) будут развиваться именно в этом направлении, сильна как никогда. Киберконсерваторы не сразу осознали огромный потенциал интернета для достижения намеченной ими цели. Менее чем за двадцать лет Сеть устранила больше препятствий, чем вся политика неоконсерваторов, но, поскольку авторитарные правительства не сидели сложа руки и активно осваивали киберпространство, теперь их нужно остановить. С точки зрения большинства присутствовавших на мероприятии Буша, борьба за свободу интернета быстро стала важнейшей задачей нового века, которая поможет завершить проект, начатый Рональдом Рейганом в 80-е годы и старательно продолженный Бушем в первое десятилетие нового века. Кажется, что в загадочной свободе интернета неоконсерватизм, который, как многие считали, пришел в упадок, обрел новый смысл существования – а с ним и возрождение идеологии.

Мало кто демонстрирует сложные интеллектуальные связи истории холодной войны и неоконсерватизма с дивным новым миром свободы интернета лучше, чем Марк Палмер. Палмер, соучредитель Национального фонда поддержки демократии (крупнейшая в мире организация, содействующая распространению демократии и финансируемая Конгрессом США), служил послом в Венгрии в последние годы коммунистического режима, поэтому прекрасно осведомлен о борьбе восточноевропейских диссидентов. Столь же хорошо Палмеру известно о том, как Запад им помогал, поскольку значительная доля этой помощи проходила через американское посольство. В настоящее время Палмер, член сверхвоинственного Комитета по существующей опасности, стал главным защитником свободы интернета, в основном в интересах Фалуньгун – преследуемой китайскими властями духовной группы, одного из главных закулисных игроков в быстро растущей индустрии защиты свободы интернета. В 1999 году, когда у этой группы возник конфликт с китайским правительством, несколько веб-сайтов Фалуньгун были заблокированы. Для преодоления многочисленных китайских файерволов последователи Фалуньгун создали впечатляющий набор технологий, позволяющих китайцам получить доступ к заблокированным сайтам. Палмер выступал со страстными призывами (в том числе в Конгрессе) к правительству США увеличить ассигнования кампании Фалуньгун, в том числе с целью распространения таких технологий в

⁵ Джеффри Гедмин был президентом “Радио Свободная Европа/Радио Свобода” с 2007 по 2011 год. – *Прим. ред.*

других угнетенных странах. Госдеп США отверг по меньшей мере одно такое требование, однако в мае 2010 года, под давлением многочисленных сторонников Фалуньгун, в том числе консервативных организаций вроде Хадсоновского института, и передовиц в “Нью-Йорк таймс”, “Вашингтон пост” и “Уолл-стрит джорнал”, он уступил. Группе выделили 1,5 миллиона долларов.

Взгляды Марка Палмера на потенциал интернета воплощают подход киберконсерваторов в его агрессивном варианте. В книге 2003 года “Переламывая настоящую ‘ось зла’. Как к 2025 году свергнуть последних диктаторов мира” – пособию по свержению сорока пяти авторитарных лидеров (Дик Чейни на этом фоне выглядит сущим “голубем”) – Палмер превозносит мощь интернета-освободителя, “расширяющего возможности демократии и обескровливающего диктаторов”. С его точки зрения, интернет – это отличный способ подогреть недовольство граждан, которое со временем может вылиться в революцию: “Навыкам работы в интернете легко научить, и это должны сделать сторонние демократические страны. Несколько инициатив такого рода принесут больше пользы, чем ‘обучение учителей’ для сетевой организации”. Итак, интернет – мощный инструмент свержения режима; продемократически настроенных активистов из авторитарных государств следует более или менее одинаково учить тому, как вести блог или оставлять записи в “Твиттере” – так же, как их учат гражданскому неповиновению и организации уличных протестов (излюбленные темы оплачиваемых США тренингов, на содержание которых сильно повлияли труды американского активиста и ученого Джина Шарпа, этого Макиавелли ненасильственной политики).

Применительно к Ирану, например, одно из предложенных Палмером решений заключается в том, чтобы превратить дипмиссии демократических государств в “дома свободы (*freedom houses*)”, создать для иранцев интернет-кафе с доступом к коммуникационному оборудованию, а также безопасные места для встреч”. Но пристрастие Палмера к “домам свободы” далеко не ограничивается Ираном. Он является членом совета попечителей и бывшим вице-председателем организации “Фридом хаус” (*Freedom House*), еще одной консервативной организации, которая занята тем, что наблюдает за демократизацией по всему миру и, если представляется удобная возможность, способствует ей. (Из-за предполагаемого участия в подготовке украинской оранжевой революции “Фридом хаус” и “Открытое общество” Джорджа Сороса стали главными кремлевскими пугалами.) Отчасти, вероятно, под давлением Палмера “Фридом хаус”, изучающий пути демократизации, недавно проявил интерес и к цифровой сфере. Организация опубликовала доклад о ситуации со свободой интернета в пятнадцати странах и при финансовой поддержке американского правительства открыла программу “Свобода интернета” (*Internet Freedom Initiative*). Каким бы ни был освободительный потенциал интернета, для Вашингтона он останется любимой индустрией будущего.

Холодная кибервойна

Неверно считать, что только неоконсерваторы припоминают свои прежние заслуги, пытаясь освоиться в цифровом мире. Представление, будто интеллектуальное наследие холодной войны можно использовать для того, чтобы лучше разобраться в новых проблемах, порождаемых интернетом, широко распространено среди представителей всего спектра американской политики. “Чтобы выиграть кибервойну, взгляните на войну холодную”, – пишет Майк Макконнел, бывший шеф американской разведки. “ [Бой за свободу интернета] во многом напоминает задачу, которая стояла перед нами во время холодной войны”, – вторит ему Тед Кауфман, сенатор-демократ от штата Делавэр. Фрейд здорово посмеялся бы, если бы увидел, как интернет (гибкая и устойчивая сеть, созданная американскими военными, чтобы обезопасить свои коммуникации в случае советского нападения) силится избавиться от наследия холодной войны. Подобная интеллектуальная утилизация совершенно не удивительна. Борьба с коммунизмом дала внешнеполитическому истеблишменту столько

словечек и метафор – “железный занавес”, “империя зла”, “звездные войны”, “отставание по ракетам”, – что многие из них можно сегодня воскресить, просто прибавляя к ним “кибер-”, “цифровой” и “2.0”.

Берлинскую стену поминают гораздо чаще, чем любое другое явление времен холодной войны. Американские сенаторы питают особенное пристрастие к метафорам, проистекающим из ее кажущегося сходства с файерволом. Арлен Спектер, демократ от Пенсильвании, призвал американское правительство “вышибать клин клином, отыскивая способы пробить брешь в этих файерволах, которые воздвигают диктаторы, чтобы контролировать народы и удерживаться у власти”. Почему? А потому, что “разрушение этих стен может сравниться с эффектом разрушения Берлинской стены”. В октябре 2009 года Сэм Браунбек, сенатор-республиканец от штата Канзас, заявил, что “по мере того, как близится двадцатая годовщина разрушения Берлинской стены, мы должны... посвятить себя изысканию способов разрушения... киберстен”. Будто спичрайтеры Рональда Рейгана вернулись в строй!

Речи европейских политиков не менее образны. Бывший премьер-министр Швеции Карл Бильдт полагает, что диктаторы неминуемо потерпят крах, поскольку “киберстены обречены пасть, как были обречены стены из бетона”. Даже представители либеральных неправительственных организаций не могут устоять перед искушением. “Так же, как во время холодной войны, когда существовал ‘железный занавес’, сейчас есть озабоченность, что авторитарные правительства... опускают ‘виртуальный занавес’”, – заявил Арвинд Ганесан из “Хьюман райтс вотч”.

Журналисты, всегда готовые пожертвовать нюансами ради мнимой ясности, – худшие из всех истолкователи истории холодной войны. Так, Роджер Коэн, внешнеполитический обозреватель газеты “Интернэшнл геральд трибюн”, пишет, что кличем XX века был: “Разрушьте эту стену”⁶, а подходящий для XXI века призыв – “Разрушьте эту киберстену”. Дэвид Фейт из журнала “Форин эффэйрс” заявляет, что “как восточные немцы, сбегая через КПП ‘Чарли’, подвергали сомнению советскую легитимность, так и нынешние ‘хактивисты’ делают то же самое, пробивая бреши в киберстенах”. Чтобы лингвистическая неразборчивость не выглядела простым совпадением, Эли Лейк из “Нью репаблик”, подчеркивает, что “во времена холодной войны главной метафорой репрессий со стороны тоталитарных режимов служила Берлинская стена. Если обновить метафору, то сейчас следует говорить о ‘киберстене’” (как будто сходство самоочевидно).

Еще хуже, когда наблюдатели проводят прозрачные, по их мнению, параллели, выходящие далеко за рамки сравнения Берлинской стены с файерволом, и пытаются связать некоторые явления, присущие эпохе холодной войны, и современный интернет. Так, блогинг становится самиздатом (Ли Боллинджер из Колумбийского университета считает, что Сеть, “подобно подпольному самиздату... позволяет пользоваться свободой слова в обход ограничений, устанавливаемых деспотичными режимами”). Блогеры превращаются в диссидентов (Алек Росс, старший советник Хиллари Клинтон по новым технологиям, заявил, что “блогеры – в своем роде диссиденты XXI века”). Да и сам интернет становится новой, улучшенной платформой для западного иновещания (Клэй Шерки из Университета Нью-Йорка утверждает, что интернет для авторитарных государств “гораздо страшнее, чем ‘Голос Америки’”). Лексикон холодной войны оказывает глубокое влияние на то, как западные политики оценивают интернет и его эффективность в качестве политического инструмента, и нет ничего странного в том, что многим из них Сеть очень нравится: ведь блоги, если речь идет о распространении информации, в самом деле эффективнее фотокопируемых аппаратов.

Таким образом, истоки масштабной киберконсервативной программы отыскать легко. Те, кто принимает эти метафоры всерьез – вне зависимости от идеологии, – неминуемо

⁶ Пассаж из речи Рональда Рейгана, произнесенной в Берлине и обращенной к Михаилу Горбачеву. – *Прим. перев.*

приходят к убеждению, что интернет – это новое поле битвы за свободу, и коль скоро западные политики гарантируют, что прежние киберстены разрушены, а вместо них не выросли новые, авторитаризм обречен.

Опасные аналогии

Но, может быть, не стоит игнорировать опыт холодной войны? Ведь она окончилась сравнительно недавно и еще жива в памяти многих из тех, кто сражается сейчас за свободу интернета. Многие аспекты холодной войны, связанные с информацией (например, радиоподавление), хотя бы отчасти имеют техническое сходство с сегодняшней обеспокоенностью цензурой в интернете. Кроме того, люди, которые принимают решения (в любой сфере, а не только в политике), столкнувшись с новыми задачами, неминуемо станут опираться на собственный опыт, даже если будут вынуждены пересмотреть некоторые свои предыдущие выводы под влиянием новых фактов. Мир международной политики слишком сложен, чтобы понять его без обращения к заимствованным понятиям и идеям. Люди, принимающие решения, неизбежно будут прибегать к метафорам для того, чтобы объяснить и обосновать эти решения. Следовательно, важно убедиться, что метафора прибавляет концептуальной ясности. Иначе это не метафора, а лозунг, легко вводящий в заблуждение.

Употребление метафор связано с издержками: они могут помочь уловить суть сложной проблемы, лишь приуменьшив значение других, кажущихся менее важными, сторон. Так, модель “эффекта домино”, популярная в годы холодной войны, предполагала, что если в одной стране победят коммунисты, другие страны вскоре ждет та же судьба, и в итоге все кости домино упадут. Хотя эта метафора, возможно, и помогла людям уяснить необходимость противостоять распространению коммунизма, она абсолютизирует взаимозависимость стран, почти не учитывая внутренние причины их нестабильности. Она недооценивает возможность того, что демократические правительства могут пасть сами собой, безо всякого внешнего воздействия. Но это становится очевидно только в ретроспективе. Главный недостаток метафор (неважно, насколько они удачны) в том, что когда они попадают в широкий оборот, мало кто обращает внимание на те аспекты проблемы, которые не охватывала первоначальная метафора. (По иронии, как раз в Восточной Европе, когда коммунистические правительства терпели крах одно за другим, казалось бы, как раз и проявил себя “эффект домино”.) “Опасность метафорического мышления заключается в том, что люди нередко переходят от выявления общих черт к допущению тождественности, то есть от понимания того, что нечто *похоже* на что-либо другое, к уверенности в том, что нечто *точь-в-точь такое же*, как что-либо другое. Проблема коренится в использовании метафор как замены новых мыслей, а не как стимула к творческому мышлению”, – пишет Кит Шимко, политический психолог из Университета Пердью. Неудивительно, что аналогии нередко создают иллюзию полнейшего владения предметом и внушают политикам ложное представление о сходстве явлений, которые на самом деле не имеют ничего общего.

Настораживает беззаботность, с которой западные политики начинают разбрасываться метафорами вроде “виртуальных стен” или “информационных занавесов”. Такие метафоры не только преувеличивают отдельные аспекты задачи по защите свободы интернета (например, трудность трансляции критических сообщений в страну-объект пропаганды), но и преуменьшают значение других ее аспектов (например, то, что само правительство искомой страны может воспользоваться Сетью для установления слежки или распространения пропаганды). Подобные аналогии также политизируют получателей информации, исходящей с другой стороны “стены” или “занавеса”, почти автоматически приписывая им прозападный настрой или, по меньшей мере, серьезное недовольство собственным правительством. А иначе зачем пытаться тайно приподнять занавес?

Западные политики, потратившие много времени и сил на то, чтобы проломить железный занавес, похоже, не заметили гораздо более действенных способов преодолеть занавес информационный. Опыт заставляет их видеть повсюду занавесы, которые следует

поднять, а не, например, поля, нуждающиеся в поливе. А ведь подход к проблеме, неотягченный дезориентирующей аналогией, показал бы, что перед нами “поле”, а не “стена”. Имеющийся у политиков опыт решения сходных задач, однако, затрудняет поиск действенных решений новых задач. Это хорошо известный феномен, который психологи называют эффектом Лачинса (эффектом установки).

Многие метафоры времен холодной войны подразумевают определенные решения. Чтобы демократия могла пустить корни, следует разрушить стены и поднять занавесы. То, что демократия может не прижиться и после уничтожения виртуальных стен, эти метафоры не предполагают (хотя бы потому, что такова мирная история посткоммунистической Восточной Европы). Заражая политиков неумеренным оптимизмом, метафоры времен холодной войны дают иллюзорное ощущение завершенности и необратимости. Прodelать брешь в файерволе – совсем не то же самое, что проломить Берлинскую стену или поднять шлагбаумы на КПП “Чарли”: “латание” файервола, в отличие от перестройки бетонной стены, занимает всего несколько часов. Настоящие стены дешевле уничтожить, чем возвести, но их цифровые эквиваленты – наоборот. Метафора “киберстены” ошибочно предполагает, что на месте устраненных цифровых преград не возникают новые, совершенно отличные от них. Это предположение совершенно неверное, поскольку контроль над интернетом принимает разные формы и вовсе не ограничивается блокированием сайтов.

Когда такой язык проникает в политический анализ, это может привести к поразительно нерациональному распределению ресурсов. И когда авторы передовицы в “Вашингтон пост” заявляют, что “если в файерволе достаточно дыр, он рушится. Технические возможности для этого существуют. Необходима только большая мощность”, то это утверждение (верное с технической точки зрения) в высшей степени ошибочно. “Большая мощность”, конечно, может помочь временно преодолеть файерволы, однако это не гарантирует, что принципиально отличные от файервола методы не окажутся гораздо эффективнее. Продолжать пользоваться метафорой киберстены – значит пасть жертвой предельного интернетоцентризма, закрыть глаза на социально-политическую суть проблемы контроля над интернетом и сосредоточиться исключительно на ее технической стороне.

Вопрос терминологии нигде не стоит так остро, как в общественной дискуссии на тему драконовского контроля над интернетом в Китае. С тех пор как в 1997 году журнал “Уайерд” назвал эту систему “Великим китайским файерволом”, большинство западных обозревателей пользуются этим образом для описания проблемы и ее возможных решений. В то же время остальным важным аспектам контроля над китайским интернетом, особенно распространению самоцензуры среди китайских интернет-компаний и развитию сетевой пропаганды, уделяют куда меньше внимания. По словам Локмана Сюя, исследователя интернета из университета Пенсильвании, “[метафора] ‘Великого китайского файервола’... мешает нам понять, что такое интернет в Китае, и, следовательно, выработать правильную политику в отношении него... Если мы хотим прийти к пониманию китайского интернета во всей его сложности, то в первую очередь должны перестать думать о ‘Великом файерволе’ – образе, уходящем корнями в холодную войну”. Совет заслуживает внимания, но пока политики ностальгируют по временам холодной войны, этого не произойдет.

Фотокопии – это не записи в блоге

Устаревший язык характерен и для истолкования обществом многих других сфер интернет-культуры, что в итоге приводит к нерезультативной и даже контрпродуктивной политике. Сходство интернета с техническими средствами, которыми оперировал самиздат (факсы и копировальные аппараты), меньше, чем можно вообразить. Самиздат, растиражированный на контрабандном копировальном аппарате, можно было использовать только двумя способами: текст можно было прочитать и передать дальше. Однако интернет – по определению гораздо более сложный медиатор, выполняющий бесконечно много задач. Он не только позволяет распространять неудобную для правительства информацию, но и

помогает государству следить за гражданами, утолять их жажду развлечений, скормливать им изощренную пропаганду и даже организовывать кибератаки на Пентагон. Решения Вашингтона, регулирующие использование факсов и копировальных аппаратов, мало повлияли на венгерских или польских пользователей оргтехники. И, напротив, многие из решений относительно блогов и социальных сетей, принимаемых в Брюсселе, Вашингтоне или Кремниевой долине, сказываются на всех пользователях в Китае и Иране.

Сходным образом взгляд на блогинг как на самиздат игнорирует многие его черты, способствующие укреплению режима, и упрочивает миф об интернете-освободителе. Едва ли в СССР существовал самиздат проправительственного характера (хотя в самиздате, заметим, печаталось много критики в адрес правительства за отход от основ марксизма-ленинизма). Если человек желал выразить поддержку партии и правительству, он мог написать письмо в местную газету или озвучить свою позицию на ближайшем партсобрании. Блоги же бывают самые разные, и ведут их люди с разными идеологическими установками. В Иране, Китае и России множество проправительственных блогов. Авторы многих всерьез поддерживают режим или, по крайней мере, некоторые его шаги, например, во внешней политике. Приравнивать блогинг к самиздату, а блогеров – к диссидентам, – значит закрывать глаза на то, что творится в чрезвычайно разнообразном мире новых медиа по всему миру. Многие блогеры настроены радикальнее своего правительства. Сьюзан Шерк, эксперт по азиатской политике и бывший заместитель помощника госсекретаря в администрации Клинтона, рассказывала: “Китайские чиновники... говорят, что испытывают растущее давление со стороны националистического общественного мнения. ‘А как вы узнаете, – спрашиваю я, – каково на самом деле общественное мнение?’ ‘Ну, это просто, – отвечают они. – Я узнаю о нем из ‘Глобал таймс’ [националистический таблоид, публикующий материалы о внешней политике и контролируемый государством] и из интернета”. Вот такое общественное мнение может порождать условия для проведения государством более жесткой политики, даже если правительству это не особенно нравится. “Китайские популярные медиа и веб-сайты дышат ненавистью к японцам. Заметки о Японии читают на сайтах чаще, чем новости на любую другую тему, а антияпонские петиции становятся очагами коллективных действий в Сети”. Иранская блогосфера тоже не отличается толерантностью. Так, в конце 2006 года консервативный блог обрушился на Ахмадинежада за то, что тот, находясь за границей на спортивном мероприятии, разглядывал женщин-танцоров.

Хотя прежде можно было утверждать, что существует некая линейная зависимость между количеством самиздата в обороте или даже числом диссидентов и перспективами демократизации, трудно принять этот аргумент в отношении блогинга и блогеров. Само по себе то, что китайских или иранских блогов становится больше, не означает, что демократизация пойдет успешнее. Многие аналитики приравнивают демократизацию к либерализации. Это не так. Демократизация, в отличие от либерализации, – процесс, результат которого очевиден. “Политическая либерализация влечет за собой расширение общественной сферы и основных свобод (не бесповоротное), но не конкуренцию взглядов на эффективное государственное управление”, – считают специалисты по ближневосточной политике Хольгер Альбрехт и Оливер Шлумбергер. Возможно, чем громче звучат голоса в Сети, тем лучше, однако по-настоящему важно, обернется ли это более активным участием в политике и голосованием. (И даже если это будет так, не все такие голоса в равной степени представительны, поскольку результаты выборов нередко фальсифицируются еще до того, как они начались.)

Чей твит прикончил СССР?

Главная проблема подхода к свободе интернета, отмеченного влиянием холодной войны, в том, что подход этот основан на поверхностной, триумфалистской трактовке ее финала. История политиков имеет мало общего с историей историков (представьте, что для того, чтобы разобраться в принципах работы блестящего новенького айпада, мы обратились бы к

невнятной инструкции XIX века по пользованию телеграфным аппаратом, которая к тому же была бы сочинена псевдоученым, не знакомым с физикой). Выбор холодной войны как источника отношения к интернету приведет нас в тупик хотя бы потому, что изучение ее самой настолько затруднено спорами и противоречиями (которые множатся год от года по мере того, как историки получают доступ к новым архивам), что совершенно не годится для сравнительного исследования, не говоря уже о том, чтобы определить эффективную политику на будущее.

Защитники свободы интернета обычно прибегают к риторике времен холодной войны, стремясь указать на причинно-следственную связь между распространением информации и крахом коммунизма. Политические последствия такого сопоставления легко предугадать: технологиям, которые обеспечивают увеличение мощности информационных потоков, следует отдать приоритет и оказать им основательную общественную поддержку.

Обратите внимание, например, на характеристику холодной войны, данную обозревателем “Уолл-стрит джорнал” Гордоном Кровицем. Он пишет, что “победа в холодной войне была одержана благодаря распространению информации о свободном мире... в мире тиранов, боящихся собственных граждан. А новые инструменты Сети, должно быть, вызовут еще больший страх, если внешний мир сделает все, чтобы люди получили доступ к этим инструментам”. (Кровиц обосновывал бюджетное финансирование групп в интернете, связанных с движением Фалуньгун.) Другая колонка, напечатанная в “Уолл-стрит джорнал” в 2009 году (авторы – бывшие сотрудники администрации Буша), содержит тот же трюк: “Поскольку фотокопировальные и факсимильные аппараты помогли польским диссидентам из ‘Солидарности’ в 80-е годы...” (это определитель, в отсутствие которого совет может показаться менее достойным доверия), то “...следует обеспечить грантами отдельные группы, разрабатывающие и испытывающие технологии, которые позволяют разрушать файерволы”.

Возможно, это достойные внимания политические рекомендации, однако они основаны на своеобразной (некоторые историки скажут – сомнительной) оценке событий холодной войны. Ее неожиданный, скоротечный финал породил всевозможные теории о власти информации над властью политической. То обстоятельство, что крах коммунизма на Востоке совпал с началом нового этапа информационной революции на Западе, многих убедило в том, что это и есть единственная причина случившегося. Появление интернета стало лишь самым заметным прорывом, лавина же почестей за поражение Советов досталась остальным технологиям, в первую очередь радио. “Как Запад победил в холодной войне? – вопрошает Майкл Нельсон, бывший председатель Фонда Рейтера, в книге 2003 года об истории западного радиовещания на страны советского блока. – Отнюдь не силой оружия. Не оно пробило железный занавес – Запад осуществил вторжение через радио, которое оказалось сильнее меча”. Автобиографии радиожурналистов и руководителей, командовавших “вторжением” с аванпостов вроде “Радио Свобода” или “Голоса Америки”, отмечены самодовольной риторикой. Их авторы явно не станут преуменьшать собственную роль в установлении демократии в Восточной Европе.

В широком распространении подобных взглядов следует винить того же героя, который, по убеждению консерваторов, выиграл холодную войну, – Рональда Рейгана. Поскольку именно он курировал упомянутые радиостанции и негласную поддержку диссидентов, распространявших самиздат, приписывание победы над коммунизмом новым технологиям должно было неминуемо привести к прославлению самого Рейгана. Рейгану не пришлось долго ждать признания. Объявив, что “электронные лучи проникают сквозь железный занавес как сквозь кружево”, он начал разговор, который постепенно перешел на призрачный мир “виртуальных занавесов” и “киберстен”. Стоило Рейгану назвать информацию “кислородом современной эпохи”, который “просачивается сквозь стены с колючей проволокой, сквозь электрические заборы”, ученые мужи, политики и эксперты почувствовали, что в их распоряжении оказалась настоящая россыпь метафор. А многочисленные поклонники Рейгана восприняли это как долгожданное признание вклада своего кумира в установление демократии в Европе. (Китайских производителей микрочипов должно очень веселить

предсказание Рейгана, что “Голиаф тоталитаризма будет сокрушен Давидом-микрочипом”).

Всего несколько месяцев ушло на то, чтобы придать заявлениям Рейгана аналитический лоск и увязать их с действительностью. В 1990 году корпорация “Рэнд” (*RAND Corporation*, аналитический центр со штаб-квартирой в Калифорнии, который, быть может, в силу своего местоположения, никогда не упускает возможность вознести хвалу могуществу современных технологий) пришла к поразительно схожему выводу. “Коммунистический блок потерпел неудачу, — говорилось в своевременно опубликованном докладе, — в основном (или во многом) не из-за своей централизованной экономики или непомерного бремени военных расходов, а потому, что закрытые общества входящих в него стран слишком долго отвергали плоды информационной революции”. Этот взгляд оказался поразительно устойчивым. В конце 2002 года Фрэнсис Фукуяма (кстати, питомец “Рэнд”) написал, что “тоталитарные методы управления основывались на государственной монополии на информацию, и как только современные информационные технологии сделали такую монополию невозможной, мощь режима была подорвана”.

В 1995 году те, кто свято верил в способность информации сокрушить авторитаризм, обрели манифест длиной в книгу. “Демонтаж утопии: как информация прикончила Советский Союз”, книга Скотта Шейна, который в 1988–1991 годах служил корреспондентом газеты “Балтимор сан” в Москве, попытался так обосновать значимость информации: “Советскую иллюзию погубили не танки и бомбы, а факты и мнения, информация, скрываемая десятилетиями”.

Огромную роль, по Шейну, сыграло то, что в эпоху гласности, когда открылись информационные ворота, люди одновременно узнали правду и о бесчинствах КГБ, и о жизни на Западе. Шейн оказался не так уж неправ: доступ к скрываемой властями информации раскрыл ложь, нагроможденную советским режимом. (Учебники истории подверглись столь серьезным изменениям, что в 1988 году пришлось отменить всеобщий экзамен по этому предмету, поскольку было неясно, можно ли считать историей прежний учебный курс.) По словам Шейна, “обычная информация, голые факты, взрывались как гранаты, разрушая систему и ее легитимность”.

Товарищ! Придержи информационную гранату

Взрывоопасные факты — хороший образ для публицистического дискурса, но это не единственная причина, почему эта идея столь популярна. Она неизменно выводит на первый план людей, а не некие абстрактные исторические или экономические силы. Любые трактовки финала холодной войны, в которых главной является информация, отдают приоритет вкладу диссидентов, участников демонстраций, НКО перед структурными, историческими факторами: неподъемным внешним долгом центральноевропейских государств, спадом в советской экономике, неспособностью Организации Варшавского договора противостоять НАТО.

Те, кто отвергает структурное объяснение, считая события 1989 года подлинно народной революцией, видят в толпах на улицах Лейпцига, Берлина и Праги средство давления на коммунистические институты, которое их в итоге и погубило. “Структуралисты” же не придают толпе большого значения. По их мнению, к октябрю 1989 года коммунистические режимы были и в политическом, и в экономическом отношении мертвы, и даже если на улицы не вышло бы столько людей, они все равно были обречены. А если восточноевропейские правительства были недееспособны и не могли — либо не хотели — сражаться, то героизм манифестантов значит гораздо меньше, чем предполагает большинство исследователей, для которых важнее всего фактор информации. Позировать на фоне мертвого льва, сдохшего от несварения, не так интересно.

Спор о том, кто победил коммунизм в Восточной Европе — диссиденты либо некие обезличенные общественные силы, — возобновился в виде научной дискуссии о том, существовало ли при коммунизме подобие “гражданского общества” (любимое словечко

многих фондов и учреждений развития) и сыграло ли оно сколько-нибудь значительную роль как катализатор общественного протеста. Спор о гражданском обществе имеет громадное значение для будущего политики, нацеленной на защиту свободы интернета, – отчасти потому, что этому туманному концепту часто приписывают революционный потенциал, а блогеров почему-то считают авангардом перемен. Но если оказывается, что диссиденты и гражданское общество не сыграли заметной роли в разрушении коммунизма, то и всеобщее ожидание новой волны интернет-революций может быть преувеличенным. А к этому стоит относиться трезво, поскольку слепая вера в могущество гражданского общества, точно так же, как вера в силу инструментов проникновения сквозь брандмауэры, в итоге приводит к вредной политике, к неэффективным действиям.

Стивен Коткин, известный специалист по советской истории из Принстонского университета, утверждает, что миф о гражданском обществе как движущей силе антикоммунистических перемен является большей частью изобретением западных ученых, спонсоров и журналистов: “В 1989 году ‘гражданское общество’ не могло расшатать советский социализм по той простой причине, что гражданского общества в странах Восточной Европы еще не существовало”. У Коткина есть все основания так говорить: в начале 1989 года, по данным органов госбезопасности Чехословакии, в стране насчитывалось не более пяти сотен активных диссидентов, а костяк движения состоял примерно из шестидесяти человек. Даже после начала в Праге акций протеста диссиденты требовали выборов, а не свержения коммунистического правительства. Тони Джадт, признанный знаток восточноевропейской истории, заметил, что под “Хартией-77” Вацлава Гавела подписались около двух тысяч человек, а население Чехословакии составляло тогда 15 миллионов. Диссидентское движение в ГДР не сыграло заметной роли в уличных манифестациях в Лейпциге и Берлине, и едва ли можно сказать, что такие движения существовали в Румынии и Болгарии. В Польше подобие гражданского общества существовало, но в то же время в 1989 году там почти не было заметных акций протеста. Коткин справедливо заметил, что “точно так же, как ‘буржуазия’ по большей части была продуктом 1789 года, ‘гражданское общество’ стало скорее следствием, чем причиной событий 1989-го”.

Но даже если гражданского общества как такового и не было, люди все же вышли на Вацлавскую площадь в Праге и провели холодные ноябрьские дни, скандируя антиправительственные лозунги под неусыпным надзором полиции. Какую бы роль ни сыграли толпы, они не помешали делу демократии. Если считать, что присутствие толпы имеет значение, то наиболее эффективный способ вывести ее на улицы тоже играет важную роль. Внедрение фотокопировального аппарата, который печатает листовки вдесятеро быстрее прежнего, было настоящим прорывом, как и любые другие перемены, которые помогают людям делиться друг с другом своими инициативами. Если вы узнаете, что двадцать ваших друзей присоединятся к готовящейся акции протеста, то шанс, что вы последуете за ними, увеличивается. Поэтому “Фейсбук” и стал поистине божьим даром для протестных движений. Было бы глупо отрицать, что новые средства коммуникации могут увеличить вероятность и масштабность акций протеста.

Тем не менее восточноевропейские режимы еще не были мертвы и могли остановить любой “информационный каскад”. Похоже, что восточногерманский режим просто не пожелал подавить первую волну протестов в Лейпциге, понимая, что в этом случае обречен на коллективное самоубийство. Кроме того, в 1989 году, в отличие от 1956 или 1968 года, советские лидеры, помнившие жестокость своих предшественников, не считали кровавые репрессии приемлемым способом решения проблем, а восточногерманская верхушка была слишком слаба и нерешительна для того, чтобы начать их самостоятельно. Перри Андерсон, один из самых проникательных исследователей новейшей истории Восточной Европы, заметил, что “ничто в Восточной Европе не могло фундаментально измениться до тех пор, пока советская армия была готова открыть огонь. Все стало возможно тогда, когда фундаментальные перемены начались в самой России”. Утверждать, будто фотокопировальные аппараты вызвали перемены в России и в остальной Восточной Европе, –

значит упростить историю настолько, что можно вообще ею не заниматься. Речь, конечно, не о том, что они не сыграли никакой роли, но о том, что нельзя считать их единственной причиной перемен.

Когда радио сильнее танков

Настоящий урок холодной войны заключается в том, что возросшая эффективность информационных технологий по-прежнему ограничена внутренней и внешней политикой существующего режима. Если политика начинает меняться, можно воспользоваться новыми технологиями. Сильное правительство, обладающее волей к жизни, сделает все для того, чтобы лишить интернет способности мобилизовать массы. Поскольку интернет привязан к инфраструктуре, это не так уж трудно осуществить: правительства почти всех авторитарных государств контролируют коммуникационные сети и могут отключить их при первых же признаках общественного протеста. Китайские власти, обеспокоившись в 2009 году растущим недовольством населения Синьцзян-Уйгурского автономного округа, попросту отключили все интернет-коммуникации в этом регионе на десять месяцев. В менее угрожающей ситуации хватило бы и нескольких недель. Разумеется, информационный блэкаут может привести к значительным экономическим потерям, однако между блэкаутом и мятежом чаще выбирают первое.

Протестующие постоянно бросают вызов даже самым сильным авторитарным правительствам. И наивно думать, будто авторитарные правительства воздержатся от крутых мер из-за боязни быть обвиненными в жестокости, даже если каждый их шаг будет заснят на камеру. Скорее всего, они просто научатся жить с этими обвинениями. Советский Союз, не колеблясь, послал танки в Венгрию в 1956 году и в Чехословакию – в 1968. Китайцы вывели на площадь Тяньаньмэнь солдат, невзирая на существование сети факс-машин, с помощью которых оппозиционеры передавали информацию на Запад. Присутствие иностранных журналистов в Мьянме не удержало хунту от разгона марша буддийских монахов. Во время тегеранских событий 2009 года правительство, которому было известно, что у многих демонстрантов с собой мобильные телефоны, все же разместило на крышах снайперов и приказало стрелять. (Возможно, один из них убил двадцатисемилетнюю Неду Ага-Солтан. Девушка, чья смерть запечатлена на видео, стала героиней “Зеленого движения”. Одна из иранских фабрик даже выпускает ее статуэтки.) Мало оснований считать, что лидеры (по крайней мере те, кому не светит Нобелевская премия мира) воздержатся от насилия только потому, что о нем станет всем известно.

Еще важнее то, что правительства тоже могут извлекать выгоду из децентрализации информационных потоков и дезинформировать население в вопросе о том, насколько в действительности популярно протестное движение. Предположение, что децентрализация и размножение цифровой информации облегчат понимание происходящего на улицах для тех, кто смотрит на это со стороны, беспочвенно: история свидетельствует, что СМИ могут легко ввести в заблуждение. В Венгрии многие хорошо помнят безответственные заявления “Радио Свобода” накануне советского вторжения 1956 года о том, что американская военная помощь уже близка (а это было не так). В некоторых передачах рассказывали даже, как справиться с танками, и убеждали венгров сопротивляться оккупантам. Эти передачи стали причиной (по крайней мере, отчасти) гибели трех тысяч человек. Подобная дезинформация, намеренная или случайная, вбрасывается и в эпоху “Твиттера”. Примером может служить попытка распространения постановочного видео, демонстрирующего сожжение после иранских волнений портрета аятоллы Хомейни.

Не стоит считать, что децентрализация коммуникаций неизменно полезна, особенно если целью является максимально быстрое оповещение максимального количества людей. Восточногерманский диссидент Райнер Мюллер в 2009 году в интервью “Глоуб энд мэйл” рассказывал о том, что в конце 80-х годов внимание нации не было рассеяно: “Люди не смотрели двести телеканалов, десять тысяч веб-сайтов и не получали электронные письма от

тысяч людей. Можно было передать что-либо западному ТВ или радио и быть уверенным, что полстраны это узнает”. Не многие оппозиционные движения могут похвастаться столь же широкой аудиторией в эпоху “Ю-Тьюба”, особенно если им приходится состязаться с кошками, умеющими обращаться со сливным бачком.

Хотя окончательная история холодной войны еще не написана, не стоит недооценивать беспрецедентность ее финала. Слишком многое оказалось против советской системы. Горбачев посылал коммунистическим лидерам Восточной Европы сигналы, предостерегая их от жестких действий и давая понять, что Кремль не станет помогать в подавлении восстаний. Экономика ряда восточноевропейских стран находилась на грани банкротства, и перспективы их были безрадостными даже без народных выступлений. Полиция ГДР могла с легкостью расправиться с демонстрантами в Лейпциге, но ее начальники ничего не предприняли. Наконец, незначительные технические поправки к избирательному законодательству могли привести к тому, что “Солидарность” не смогла бы сформировать правительство и польский пример не вдохновил бы демократические движения региона.

Здесь кроется парадокс. С одной стороны, структурное состояние государств Восточного блока в 1989 году было настолько плачевным, что гибель коммунизма казалась неизбежной. С другой – у сторонников жесткой линии в коммунистических правительствах было настолько широкое пространство для маневра, что абсолютно ничто не гарантировало бескровное окончание холодной войны. Очень многое могло пойти не так, и то, что советский блок (за исключением Румынии) распался мирно, похоже на чудо. Надо иметь довольно странные представления об истории, чтобы на основании этого нетипичного примера сделать далеко идущий вывод о роли техники в поражении Советов, а двадцать лет спустя пытаться применить его к абсолютно иной ситуации вроде китайской или иранской. Западные политики должны избавиться от иллюзии, что коммунизм пал под давлением информации или что его конец неминуемо должен был быть мирным, поскольку за этим следил весь мир. Крах коммунизма стал результатом более длительного процесса, а народные протесты были только самым заметным (но не обязательно важнейшим) его компонентом. Техника, вероятно, сыграла в этом некоторую роль, однако произошло все только благодаря определенным историческим обстоятельствам, а не из-за ее имманентных свойств. Эти обстоятельства были характерны для советского коммунистического режима и могут больше не повториться.

Западные политики не смогут изменить современные Россию, Китай или Иран методами конца 80-х годов. Само по себе разрушение информационной дамба не смоет современные авторитарные режимы, отчасти потому, что они научились существовать в среде, изобилующей информацией. И, вопреки ожиданиям Запада, информация определенного рода только укрепляет их.

Глава 3

Оруэлл и “ржачные котики”

“Сиськи-шоу” – многообещающее название для еженедельного шоу. Идея передачи, выходящей на канале *Russia.ru* (это новаторский эксперимент в сфере интернет-телевидения, поддержанный кремлевскими идеологами) довольно проста. Похотливый полноватый молодой человек курсирует по клубам Москвы в поисках совершенной женской груди. Поскольку ночная жизнь Москвы крайне насыщена, авторам программы всегда есть к кому пристать.

“Сиськи-шоу” – одно из более чем двадцати еженедельных и ежедневных программ, которые производит редакция *Russia.ru* для удовлетворения причудливых вкусов российских интернет-пользователей. Производит вполне качественно: большинство сотрудников редакции интернет-канала – перебежчики с профессионального ТВ. Некоторые программы посвящены политике (среди них даже несколько интервью с президентом Дмитрием Медведевым), однако большинство их все же легкомысленны. Одна из передач рубрики “Что

читать?” была посвящена обзору лучших книг об алкоголе, продающихся в книжных магазинах Москвы.

У читателя западных газет может сложиться впечатление, что лучшего орудия, чем интернет, для нападок на правительство или даже его свержения в России нет. Тем не менее, хотя гражданская активность (например, сбор денег для больных детей и кампания против коррупции в правоохранительных органах) в Рунете на виду, там доминируют развлекательные ресурсы и социальные медиа (в этом отношении Россия мало чем отличается от США и стран Западной Европы). Наиболее популярные запросы в интернет-поисковиках – не “что такое демократия” и “защита прав человека”, а “что такое любовь” и “как похудеть”.

Редакция *Russia.ru* не скрывает связей с Кремлем. Высшие функционеры прокремлевских молодежных движений даже ведут на канале собственные ток-шоу. Необходимость в таком сайте возникла из-за озабоченности Кремля тем, что переход полностью подконтрольного традиционного ТВ к вольному интернету может уменьшить возможности власти определять повестку дня и общественную реакцию на новости. Поэтому Кремль прямо или косвенно поддерживает ряд сайтов, посвященных политике. Они охотно обличают оппозицию и одобряют любую инициативу правительства, однако постепенно отказываются от политики в пользу развлечений. С точки зрения российского правительства, лучше вообще избавить молодежь от политики: пусть смотрят смешное видео на сайте “Рутуб” (российском аналоге “Ю-Тьюба”, которым владеет “Газпром”) или на канале *Russia.ru* (там они изредка получают и идеологические сигналы). Многих россиян это вполне устраивает, не в последнюю очередь из-за высокого качества онлайн-развлечений. Российские власти имеют к этому некоторое отношение: самая действенная система контроля над интернетом – не та, которая предполагает самую проницательную и жесткую цензуру, а та, при которой цензура вообще не нужна.

Растущая кремлевская империя интернет-увеселений может объяснить, почему в России редка традиционная цензура. Кремль не перекрывает доступ к сайтам оппонентов, если это не террористы и не растлители малолетних, и все же политическая активность в интернете на удивление низка. Открытие *Russia.ru* с высокопрофессиональной командой и гибким бюджетом представляет собой одну из множества попыток контролировать Сеть. В этом власти полагаются скорее на развлечения, чем на политику. Получится ли с помощью дешевых онлайн-развлечений погасить вероятный интерес российской молодежи к политике и предотвратить ее радикализацию? Когда-то западные благодетели ошиблись, полагая, что советские служащие втайне печатают на своих компьютерах самиздат, а не играют в “Тетрис”. Что, если интернет несет вместо освобождения деполитизацию и де-демократизацию? Может быть, Запад и сейчас напрасно питает надежды на то, что россияне обсуждают в блогах права человека и сталинские злодеяния, вместо того чтобы раскручивать чат-рулетку, – этот странный дар России интернету?

Как кабельное ТВ вредит демократии

Особое внимание, уделяемое Западом радиовещанию времен холодной войны, уводит нас от понимания той сложной роли, которую играет информация в авторитарных обществах. Есть две гипотезы, объясняющие, как западные СМИ смогли демократизировать Советы. Согласно первой (“освобождение через факты”), западные медиа продемонстрировали людям с промытыми мозгами, что их правители вовсе не так безгрешны, какими хотят казаться, и заставили их задуматься о политике. Вторая (“освобождение через гаджеты”) предполагает, что западные медиа, транслируя образы процветания, породили консюмеристское беспокойство. Рассказы о скоростных автомобилях, фантастической кухонной утвари и пригородном рае заставили граждан авторитарных государств задуматься о переменах и заняться политикой.

Заинтересовать людей политикой, в отличие от материального благосостояния, было труднее (по крайней мере тех из них, кто прежде политикой не интересовался). Для этого

западное радио передавало развлекательные программы и передачи об образе жизни. Одним из хитов “Радио Свободная Европа” был “Радиодоктор”. В программе сообщали о достижениях западной медицины и отвечали на вопросы слушателей, заодно указывая на несовершенство советской системы. Кроме того, в эфир нередко давали запрещенную музыку (опрос, проведенный в 1985 году среди белорусской молодежи, выявил, что 75 % респондентов слушали иностранные радиопередачи – в основном ради музыки, которую нигде иначе услышать было нельзя). Так Запад мог извлечь выгоду из культурной ригидности коммунизма, приманивая слушателей развлечениями и подспудно скармливая им политические идеи. (Не все считали такую стратегию действенной. В 1953 году Уолтер Липман, один из отцов современной пропаганды, писал в язвительной колонке: “Создать отлаженный аппарат международной коммуникации, а после заявить: Мы здесь, на ‘Голосе Америки’, занимаемся пропагандой и добиваемся того, чтобы понравиться вам сильнее наших врагов! – никакая не пропаганда, а вздор. А как способ привить вкус к американскому образу жизни это ничем не отличается от того, чтобы перед ужином попотчевать гостей касторкой вместо коктейля”). “Политизация” и участие в оппозиционной политической деятельности оказались, таким образом, побочными продуктами жажды развлечений, которую Запад умел утолить. Может, это и не привело к формированию гражданского общества, но сделало более привлекательными идеи, с которыми ассоциировались демократические революции 1989 года.

Роли медиа в передаче политических знаний в демократических и авторитарных государствах поразительно схожи. До распространения на Западе кабельного ТВ политическая информация, особенно новостная, попадала к потребителю случайно даже в демократических странах. Маркус Прайор, исследователь политических коммуникаций из Принстона, утверждает, что большинство американцев узнавали политические новости не потому, что хотели их смотреть, а потому, что больше смотреть было нечего. В итоге люди были лучше информированы о политике, были более склонны к участию в политической деятельности и менее предвзяты. Появление кабельного телевидения, однако, дало людям возможность выбирать между потреблением политических новостей и чем-либо еще. Большинство предсказуемо выбрало “что-либо еще”, то есть в основном развлечения. Меньшинство сохранило интерес к политике и, благодаря развитию специализированных медиа, получило больше возможностей, чем когда-либо могло мечтать. Остальное население в игре попросту не участвует.

Выводы Прайора могут пролить свет на вопрос, почему интернет не способствует повышению политической грамотности и политизации тех, кто пока не решился выразить свое недовольство правительством, в той степени, в какой некоторые из нас желают. Стремление к развлечениям просто перевешивает стремление к политическим знаниям, а “Ю-Тьюб” в состоянии удовлетворить даже самых требовательных любителей развлечений. Просмотр аналога “Сиськи-шоу” в 70-х годах сопровождался политической рекламой длиной по меньшей мере в пять секунд (даже если это был просто джингл “Радио Свобода”). В наши дни можно избежать и этого.

“Денверский клан” берет Восточный Берлин

Если бы политики перестали фокусироваться на виртуальных стенах и информационных занавесах (как будто это все, чему их научила холодная война), они смогли бы узнать кое-что о развлечениях. Германская Демократическая Республика представляла собой занятный пример коммунистического режима, который практически все время своего существования принимал западное вещание. Было бы естественно ожидать, что население ГДР окажется более политически информированным и что в стране будут бодрая оппозиция, гражданское общество и процветающий самиздат. Подобные ожидания вполне согласовались бы с представлением о роли информации во время холодной войны. Сделать вывод о том, что от медиа ждали исключительно политики, было очень легко, поскольку исследователи опирались на два узких источника: рассказы недавних эмигрантов и восторженные письма аудитории

клонов “Радио Свободная Европа”. Судя по этим источникам, официальная интерпретация событий в государственных СМИ вызывала апатию и разочарование и вынуждала их искать утешения в западных радиопередачах. Тем не менее ни одна из этих групп не была беспристрастной, и поэтому выводы исследователей вновь и вновь ставились под сомнение. Думать, будто авторы писем в редакцию “Радио Свободная Европа” составляли представительную выборку из всего населения – примерно то же самое, что прогуляться в бар за пару кварталов от Конгресса, поговорить там с несколькими сотрудниками парламентского аппарата, зачарованно смотрящими “Си-Спэн”⁷, а после объявить, что большинство американцев великолепно информированы о подоплеке внутренней политики своей страны. (Надо сказать, что не все исследователи, прибегавшие к подобному “сыску”, были дилетантами. Чтобы узнать о действительных взглядах людей, с которыми они беседовали и чьи письма читали, они обращали особое внимание на фрейдистские оговорки.)

Со временем появился гораздо лучший, эмпирический способ проверить западные предположения о роли СМИ в авторитарных государствах. Это была настоящая удача. География Восточной Германии затрудняла блокирование западного сигнала на большей части ее территории, и только шестая часть населения ГДР, сконцентрированная в основном в районах, лежащих далеко от западной границы, не могла принимать телесигнал из ФРГ (эти районы сами немцы прозвали Долиной невежд (*Tal Der Ahnungslosen*)). В 1961 году, когда была возведена Берлинская стена, Союз свободной немецкой молодежи (главная молодежная организация ГДР) начал посылать своих активистов на поиски телеантенн, нацеленных на Запад, чтобы снимать их или перенаправлять на восточногерманские вышки. Народный гнев, однако, привел к тому, что рейды прекратились. К 1973 году лидер ГДР Эрих Хонеккер, знавший о популярности в стране западногерманского телевидения, махнул на это рукой, разрешив своим согражданам (всем, кроме военных, полицейских и учителей) смотреть все, что им хочется, – при условии, что они критически относятся к информации западных СМИ. Одновременно Хонеккер поставил перед телевидением ГДР задачу “избавиться от скуки” и “учесть зрительский спрос на хорошие развлекательные программы”. Таким образом, в течение ряда лет большинство жителей ГДР находилось в довольно странной ситуации. Теоретически они могли сравнить, как два германских государства, демократическое и коммунистическое, интерпретируют одни и те же события. Если выводы исследователей, изучавших письма, отправленные в редакцию “Радио Свободная Европа”, были бы справедливы, то можно было бы ожидать, что жители ГДР буквально прилипают к экранам во время новостных выпусков с демократического Запада, стремясь узнать о злодеяниях режима, а также ищут подпольные антиправительственные ячейки, чтобы присоединиться к ним.

Трудно сказать, действительно ли восточные немцы столь критично относились к СМИ, как теперь предпочитают думать западные исследователи. Кажется, западное телевидение лишь убаюкивало граждан ГДР. Это признавала и правящая элита страны. Когда центральные власти настояли на демонтаже спутниковой тарелки, незаконно установленной жителями городка Вайссенберг, местные партийные чиновники и бургомистр поспешили заявить, что со времени установки антенны местные жители стали “гораздо спокойнее”, их отношение к режиму стало более “позитивным”, а все прошения о выдаче эмиграционных виз были отозваны. С начала 80-х годов правительство перестало обращать внимание на антенны.

Восточные немцы не особенно интересовались вестями из НАТО, предпочитая им ненавязчивые новости и развлекательные передачи, особенно американские (“Даллас”, “Полиция Майами: отдел нравов”, “Бонанза”, “Улица Сезам” и “Улицы Сан-Франциско”). Даже журнал Социалистической единой партии Германии “Айнхайд” признавал, что очень многие смотрят сериал “Династия” (известный в Германии под названием “Денверский клан”). Американец Пол Глейе, фулбрайтовский стипендиат, в 1988–1989 годах преподавал в ГДР.

⁷ *Cu-Cnэн* (*C -SPAN, Cable-Satellite Public Affairs Network*) – некоммерческая телесеть, транслирующая в основном заседания американских органов представительной власти. – *Прим. перев.*

Глейе вспоминал, что когда он раскрывал карту США, чтобы рассказать немцам о родине, “первой просьбой часто было ‘показать, где Даллас и Денвер’”. А студентам, казалось, “было интереснее слушать об Университете Монтаны, когда я сообщал, что он находится в 850 километрах к северо-западу от Денвера, чем когда я рассказывал, что он лежит в живописной долине в Скалистых горах”.

Долгое время спустя после падения Берлинской стены немецкие исследователи Михель Мейен и Уте Навратил опросили сотни бывших восточногерманских граждан. Оказалось, что многие из них даже не верили тому, что слышали в западных новостях. Они считали изображение жизни в ГДР намеренно искаженным и сильно идеологизированным; пропаганда собственного правительства заставила их ждать того же от западных. (По иронии, в своем недоверии к западному аппарату пропаганды они показали себя более хомскианцами, чем сам Хомский.) Кроме того, когда в рамках специального исследования жителям Восточной Германии задали вопрос, как те желали бы изменить телевизионное программирование в собственной стране, они высказались за увеличение количества развлекательных передач и уменьшение количества политических. Так чиновники, ответственные за пропаганду в ГДР, узнали, что лучший способ вынудить сограждан хотя бы иногда смотреть идеологически выдержанные программы по телевидению ГДР – это пускать их в эфир тогда, когда западногерманское ТВ показывало выпуски новостей и аналитические передачи. Их восточные немцы считали менее интересными.

Опиум для народа: сделано в ГДР

Бесперебойная поставка развлечений с Запада сделала значительную долю населения ГДР непригодной для политической активности, и это не ускользнуло от внимания немецких диссидентов. Кристофер Хайн, известный восточногерманский писатель и диссидент, в 1990 году заявил в интервью:

[Наша задача в ГДР осложнялась тем, что] все как один могли ежедневно в восемь вечера покинуть страну и отправиться на Запад – посредством телевидения. Это ослабляло давление. В этом состояло наше отличие от Польши, Чехословакии и СССР. Там давление не снижалось, что вызывало противодействие... Вот почему я всегда завидовал русским и полякам... Вообще же полезное соседство Федеративной Республики [Германия] не было полезным для нашего развития... У нас не было самиздата, поскольку был доступ к издательствам Западной Германии.

Исследование архивов подтвердило правоту Хайна. Восточно-германские власти, пекущиеся о самосохранении, прилагали много усилий для того, чтобы уловить настроения молодежи. Для этого они регулярно заказывали исследования, большинство которых проводила организация с жутковатым названием Центральный институт исследований молодежи (основан в 1966 году). В 1966–1990 годах сотрудники института провели несколько сотен опросов старшеклассников и студентов вузов, молодых рабочих и т. д. Руководство института не было вправе ни исследовать другие демографические группы, ни публиковать результаты своих исследований. (Эти материалы, ставшие доступными после воссоединения Германии – настоящий клад информации для ученых, изучающих жизнь в ГДР.) Респондентов спрашивали, например, согласны ли они с утверждениями “Я придерживаюсь марксистско-ленинского мировоззрения” или “Я люблю Восточную Германию”.

Хольгер Луц Керн и Йенс Хайнмюллер – немецкие ученые, преподающие в Соединенных Штатах, – изучили эти данные, чтобы понять, как удовлетворенность граждан ГДР своей жизнью и поддержка ими режима соотносились с доступностью западного вещания. Они опубликовали результаты в статье с провокационным названием: “Опиум для народа: о роли иностранных медиа в стабилизации авторитарных режимов”. Керн и Хайнмюллер обнаружили, что восточногерманская молодежь, которая могла смотреть передачи западного телевидения, в целом была более довольна жизнью и режимом. А молодые

люди, жившие в Долине невежд, были в большей степени политизированы, критически настроены по отношению к режиму и – самое интересное – склонны к обращению за выездными визами. По словам Керна и Хайнмюллера, “неожиданно для марксистов капиталистическое телевидение, похоже, выполняло в коммунистической Восточной Германии ту же роль, которую Маркс приписал религии в капиталистическом обществе, объявив ее ‘опиумом народа’”.

Керн и Хайнмюллер сочли это эскапизмом: “Западногерманское телевидение помогало восточным немцам ежевечернее сбегать от коммунизма по меньшей мере на пару часов, что делало их жизнь более терпимой, а восточногерманский режим – легче переносимым... Влияние западногерманского телевидения привело к тому, что поддержка режима со стороны населения выросла”. Как бы то ни было, доступ к превосходным западным развлечениям (у ГДР ушло много лет на то, чтобы научиться снимать качественные развлекательные программы, которые могли бы составить конкуренцию зарубежным) деполитизировал широкие слои населения Восточной Германии, несмотря на то, что правительство не мешало людям узнавать из западных новостей о несправедливости восточного режима. Западное телевидение делало жизнь в Восточной Германии легче и одновременно осложняло борьбу диссидентского движения. Протест начал созреть именно в Долине невежд: ее обитатели были гораздо менее довольны жизнью, чем немцы, находившие убежище в увлекательном мире “Династии”.

Если судить по этим исследованиям, молодежь особенно склонна к эскапизму, к тому же мы почти не располагаем данными о предпочтениях взрослых жителей ГДР. Возможно, здесь теория об “освобождении через гаджеты” имеет некоторые основания. Взрослые, разочарованные тем, что “социализм с человеческим лицом” так и не наступил, вероятно, были сильнее подвержены фрустрации и оттого легче обращались к политике под влиянием манящих картинок западного капитализма. Пол Беттс, английский ученый, изучавший восточногерманскую культуру потребления, отмечал, что “явления, якобы преодоленные государством во имя великого социалистического эксперимента (субъективные пристрастия, личный комфорт, товарный фетишизм, иррациональное потребительское поведение), неожиданно обернулись его могильщиками. По иронии, люди отнеслись к мечтам о лучшем мире, мире изобилия, серьезнее, чем показалось государству, так что государство поплатилось за свою недобросовестную рекламу”. Популярная шутка того времени гласила: “Марксизм работает, если речь идет не о машинах”. (Кажется, китайцы усвоили восточногерманский урок. В 2010 году они купили у “Форда” марку “Вольво”).

Опыт ГДР показывает, что в авторитарном обществе СМИ могут играть гораздо более сложную и противоречивую роль, чем вначале полагали на Западе. Вначале исследователи сильно недооценивали жажду развлечений, а информационному голоду (особенно если речь идет о политической информации), напротив, отводили слишком важную роль. Каким бы ни было давление извне, большинство в итоге сумеет приспособиться даже к самой жесткой политической ситуации посредством телевидения, искусства или секса.

Тот факт, что СМИ великолепно справились с освещением падения Берлинской стены, заставил многих поверить в то, что они играли такую же полезную роль в течение всей холодной войны. Однако это – утопия: какую бы роль ни играли СМИ в кризисных ситуациях, не следует ее абсолютизировать, поскольку их обычные функции совершенно иные и нацелены скорее на развлечения (уже потому, что они лучше продаются). Приведем пример: хотя многие высоко оценили роль “Твиттера” в освещении манифестаций в Иране и содействии им, смерть Майкла Джексона, последовавшая 25 июня 2009 года, быстро вытеснила политику из перечня наиболее популярных тем обсуждения на сайте.

“Аватар” в Гаване

Западные медиа, охотнее уделяющие внимание потребительской стороне капитализма, чем самиздату, дали своей страждущей восточноевропейской аудитории довольно

ограниченное представление о том, что такое демократия и какие обязательства граждан перед обществом и какие институты она подразумевает. Эразим Кокак, чехословацко-американский философ, семья которого эмигрировала в 1948 году в США, вспоминал в 1992 году: “Печальная правда заключается в том, что американская мечта, как ее представляют себе бывшие подданные советской империи, почти не имеет отношения к свободе и правосудию для всех, зато имеет прямое отношение к мыльным операм и каталогам ‘Сирс’... Эта мечта характеризуется главным образом безответственностью, нереальностью и моментально вознаграждаемой алчностью”. Кокак знал, чего на самом деле желали массы в Восточной Европе: изобилия, “заманчивого достатка, который маячил по ту сторону границы, в [Западной] Германии и Австрии... беззаботности, свободы от ответственности”, а не абстрактной демократии на джефферсоновский манер. Кокак указывал на то, что население Восточной Европы, в начале 90-х годов пришедшее к достатку, обошлось без серьезных раздумий о том, что такое демократия. “Когда популярный чешский карикатурист [Владимир] Ренчин захотел изобразить свое видение плодов свободы, – писал Кокак, – он нарисовал человека на диване, окруженного игрушками и трофеями: автомобиль, телевизор с видеомagneфоном, ПК, портативный бар, газовый гриль. Ни тени иронии в этом не было. Все это и означало свободу”.

Современные Россия и Китай – не то же самое, что ГДР или Чехословакия в конце 80-х годов. За исключением КНДР, Туркменистана и, может быть, Мьянмы, современные авторитарные государства приемлют консюмеризм. И он, похоже, только укрепил их. Поп-культура, особенно лишенная стремления к некоему идеалу, даже самых недовольных избавляет от интереса к политике. Хотя торжествующие чехи признали драматурга и интеллектуала Вацлава Гавела своим лидером, они не смогли противостоять потребительскому торнадо (по иронии, эссе “Сила бессильных”, самая известная инвектива Гавела против тоталитарной системы, была направлена против недалекости директора советского магазина). Гавелу стоило прислушаться к поистине драгоценному совету Филипа Рота, который тот дал чешским интеллектуалам в 1990 году в “Нью-Йорк ревю оф букс”. Рот предсказал, что скоро культ интеллектуалов-диссидентов сменится другим культом, гораздо более могущественным.

Могу гарантировать, что непокорные толпы никогда не соберутся на Вацлавской площади, чтобы свергнуть его тиранию, и никогда разгневанные массы не выдвинут ни одного драматурга-интеллектуала для спасения души народа от той бессмысленности, до которой этот враг доводит почти любое рассуждение. Я говорю об опошлителе всего и вся – о коммерческом телевидении: не о горстке скучных одинаковых телеканалов, которые никто не хочет смотреть, потому что их контролирует скудоумный государственный цензор, а о паре десятков скучных одинаковых каналов, которые безостановочно смотрят почти все, потому что это *развлекает*.

Филип Рот не мог предугадать успех “Ю-Тьюба”, который оказался еще развлекательнее кабельного ТВ. (Кажется, Роту незнакомы большинство удовольствий, которые предлагает Сеть: в интервью 2009 года газете “Уолл-стрит джорнал” он признался, что пользуется интернетом только чтобы покупать книги и овощи.)

Автор лондонской “Таймс” обрисовал ситуацию так: некоторые посткоммунистические страны “избавились от тисков диктаторов, чтобы вместо этого отдать власть ‘Луи Виттона’”. Из-за отсутствия высоких идеалов и непоколебимых истин стало почти невозможно пробудить политическую сознательность – даже для борьбы с авторитаризмом. Да и как это сделать, если окружающие озабочены покупкой “плазмы” (китайцы покупают телевизоры с самыми большими в мире экранами, обходя американцев на четыре дюйма), онлайн-покупками (компания, связанная с иранским правительством, открыла сетевой супермаркет на той же неделе, когда власти приняли решение запретить в стране *Gmail*) и передвижением по городу с наибольшим количеством “БМВ” на квадратный метр (это,

вероятно, Москва)? Даже государственное телевидение Кубы, этот оплот революции, теперь транслирует сериалы “Клан Сопрано”, “Друзья” и “Анатомия страсти”. В начале 2010 года, вскоре после выхода в американский прокат “Аватара”, по кубинскому ТВ показали пиратскую копию. (Коммунистических критиков “Аватар” не впечатлил. “ [Фильм] предсказуемый... плоский... сюжет избитый”, – таким был вердикт “Гранма”, ежедневной официальной газеты Коммунистической партии Кубы. Возможно, им просто не сказали о 3D-очках.) Неудивительно, что менее 2 % жителей Кубы слушают передачи финансируемого правительством США “Радио Марти” – эквивалента “Радио Свобода”. Зачем простым кубинцам рисковать, слушая идеологизированные и достаточно скучные новости о политике, если они могут совершенно открыто следить за злоключениями Тони Сопрано? Молодежь, которую Америка намерена освободить, распространяя информацию, вероятно, знакома с американской поп-культурой лучше многих американцев. Регулярно возникают группы китайских “сетян”, которые создают китайские субтитры к популярным американским фильмам наподобие “Остаться в живых” (которые часто можно найти в пиринговых сетях уже через десять минут после показа в США). Можно ли считать это современным аналогом самиздата? Возможно, но мало что указывает здесь на угрозу стабильности китайского режима. Если перед кем в этом случае и возникает необходимость “остаться в живых”, так это перед гражданами, а не властями. Даже авторитарные правительства усвоили, что лучший способ вытеснить диссидентскую литературу и идеи на периферию состоит не в запретах (это только подогревает интерес), а в том, чтобы позволить “невидимой руке рынка” завалить его детективным чтивом, пособиями по самосовершенствованию и инструкциями, как устроить детей в Гарвард. (Книги наподобие “И вы тоже можете поехать в Гарвард: секреты поступления в знаменитые американские университеты” и “Девушка из Гарварда” стали в Китае бестселлерами.)

Почувствовав, что сопротивление было бы контрпродуктивным, даже правительство Мьянмы нехотя позволило исполнителям хип-хопа выступать на официальных мероприятиях. Режим также учредил футбольную лигу после долгих лет отсутствия крупных матчей и увеличил количество FM-радиостанций, позволив им передавать западную музыку. В Мьянме даже открыли телеканал наподобие MTV. В начале 2010 года мьянманский бизнесмен, получивший образование на Западе, заявил “Нью-Йорк таймс”, что “правительство старается отвлечь людей от политики. Хлеба мало, зато зрелищ – много”. Поскольку Мьянма теперь опутана сетью проводов, а хунта поощряет развитие современных технологий (в 2002 году был учрежден аналог Кремниевой долины – Мьянманский информационный и коммуникационный технопарк), правительству больше не о чем беспокоиться. Граждане самостоятельно найдут, чем отвлечься.

Мы наблюдаем сражение не Давида с Голиафом, а – Давида с Дэвидом Леттерманом. Мы думали, что интернет породит поколение “цифровых бунтарей”, а он дал поколение “цифровых невольников”, умеющих с комфортом устроиться в Сети, какой бы ни была политическая реальность. Этих людей онлайн-овые увеселения, кажется, привлекают гораздо сильнее, чем доклады о нарушениях прав человека в их собственных странах (в этом они очень похожи на своих ровесников с демократического Запада). Опрос китайской молодежи, проведенный в 2007 году, показал: 80 % респондентов считает, что цифровая техника составляет существенную часть их жизни (точно так же считает 68 % американцев). Еще любопытнее – 32 % китайцев считает, что благодаря интернету их половая жизнь стала богаче, при этом только 11 % американцев думает так же. Опрос девятистот студенток семнадцати вузов города, проведенный в июне 2010 года исследователями из шанхайского университета Фудань, выявил, что 70 % респондентов не считают аморальной связь на одну ночь. В 2007 году шанхайский врач, руководящий “горячей линией” для беременных подростков, сообщил: 46 % от более чем двадцати тысяч девушек, позвонивших с 2005 года, рассказали, что занимались сексом с юношами, с которыми познакомились в интернете. Начало “гормональной революции” не укрылось от властей КНР, которые пытаются извлечь из этого политическую выгоду. Правительство Китая, в начале 2009 года ополчившееся на

порнографию в интернете, вскоре сняло большую часть установленных запретов, осознав, вероятно, что введение цензуры – это верный путь к политизации миллионов китайских пользователей. Майкл Анти, живущий в Пекине эксперт по китайскому сегменту интернета, считает произошедшее стратегическим маневром: “ [Правительство, очевидно, рассудило, что] если у интернет-пользователей есть порнография, они не слишком обращают внимание на политику”.

Крайне наивно полагать, будто политические идеалы, не говоря уже об инакомыслии, возникнут из смеси консюмеризма, развлечений и секса. Хотя соблазнительно думать об интернет-клубах свингеров, возникших в Китае в последние несколько лет, как об альтернативе гражданскому обществу, вполне возможно, что в ситуации, когда главные заветы Мао во многом утратили привлекательность, китайская компартия сумеет приспособиться к изменениям. Под давлением глобализации авторитаризм становится чрезвычайно гибким.

Правительства других стран также начинают понимать, что онлайн-развлечения, особенно вкупе с порнографией, отлично отвлекают людей от политики. Судя по сообщениям государственного информационного агентства Вьетнама, официальный Ханой заигрывает с идеей “веб-сайта, посвященного традиционному сексу”, с видеоматериалами, которые помогут мужчинам и женщинам узнать больше о “здоровом половом акте”. Вьетнамцев это не удивляет: цензура направлена в основном против политических, а не порнографических интернет-ресурсов. Билл Хейтон, бывший корреспондент Би-би-си, свидетельствует, что “вьетнамский файервол позволяет молодежи обильно потреблять порнографию, но не доклады ‘Международной амнистии’”. По мере того как порнография распространяется в Сети, необходимость в политических запретах может отпасть.

Пока Запад не прекратит наделять жителей авторитарных государств героическими чертами, он рискует пасть жертвой иллюзии, что если создать достаточно орудий для того, чтобы сломать барьеры, воздвигнутые правительствами авторитарных стран, их граждане неизбежно превратятся в клонов Андрея Сахарова и Вацлава Гавела и восстанут против репрессивного режима. Этот сценарий в высшей степени сомнителен. Скорее всего, эти люди, попав в интернет, первым делом отправятся за порнографией, и неясно, вернутся ли они к политическому контенту. В 2007 году состоялся эксперимент с участием “добрых самаритян” с Запада, посредством технологии “Псифон” (*Psiphon*) одолживших свои широкополосные каналы незнакомым бедолагам из стран, в которых доступ в Сеть контролируется государством. Экспериментаторы надеялись, что, почувствовав вкус свободного интернета, последние поспешат узнать правду о том, что творится в их странах. Результат разочаровал. По данным “Форбс”, пользователей, избавившихся от государственной опеки, интересовали “фото обнаженной Гвен Стефани и Бритни Спирс без трусов”. Конечно, свобода искать в Сети какую бы то ни было информацию заслуживает защиты сама по себе. Однако важно помнить – хотя бы политикам, – что эта свобода, вопреки ожиданиям Запада, не обязательно приводит к демократической революции.

Недовольство в Сети и довольные интеллектуалы

В предупреждении Филипа Рота, адресованном в 1990 году чехам и словакам, содержалось еще одно пронизательное наблюдение: высоко ценимые публичные интеллектуалы, которые помогли принести народу демократию, вскоре потеряют власть над массами и уважение, которыми пользовались при коммунистах. Интерес к диссидентам-интеллектуалам неизбежно должен был угаснуть после того, как интернет распахнул врата в мир развлечений, а глобализация открыла дорогу к консюмеризму. В современной России немыслимо появление фигуры, подобной Андрею Сахарову. Но даже если такой человек появится, он, вероятно, будет пользоваться меньшим влиянием на национальный дискурс, чем Артемий Лебедев, который еженедельно устраивает в своем блоге фотоконкурс для женщин с красивой грудью. Тема “сисек” среди российских блогеров гораздо популярнее

демократических реформ.

Нельзя сказать, что в происходящем нет вины самих интеллектуалов. Когда коммунизм сменился демократией, многие из них были горько разочарованы популистской, ксенофобской и вульгарной политикой, которую предпочли массы. Несмотря на широко распространенное мнение, будто советские диссиденты были все как один поклонниками американской модели, многие из них (даже, до некоторой степени, Сахаров) испытывали в высшей степени противоречивые чувства, когда речь шла о том, чтобы передать бразды правления народу. Некоторые из них скорее предпочли бы усовершенствованный коммунизм. Но триумф либеральной демократии, приведший к разгулу консюмеризма, отправил многих интеллектуалов во вторую (возможно, менее связанную с репрессиями) внутреннюю эмиграцию, на сей раз соединенную с оскорбительной безвестностью.

Для того чтобы пробудить умы сограждан от нынешней развлекательной спячки, понадобится новое поколение интеллектуалов, причем необычайно изобретательных. Выясняется, что спрос на интеллектуалов не так уж высок, если многие социальные и культурные запросы могут быть удовлетворены тем же путем, что и на Западе: с помощью айпада. (А в Китае знают, как сделать его вдвое дешевле!) Белорусская писательница Светлана Алексиевич считает, что игра окончена, по крайней мере, в том, что касается больших идей: “Дело не в том, что у нас таких людей нет, а в том, что они не востребованы обществом”. Неудивительно, что правительство Беларуси не против такого положения вещей. Во время своей прошлой поездки в Беларусь я узнал, что некоторые провайдеры хранят на своих серверах контрафактные кинофильмы и музыку, которые доступны для их клиентов бесплатно, а правительство, которое с легкостью может это пресечь, смотрит на происходящее сквозь пальцы и даже, вероятно, поощряет эту практику.

Консюмеризм – не единственная причина усиливающегося разъединения масс и интеллектуалов в авторитарных государствах. Интернет стал для интеллектуалов настоящей сокровищницей: он позволил им связываться с западными коллегами и следить за ходом мировых дискуссий (а не только узнавать об их результатах из провезенных тайно через границу желтоватых ксерокопий). Однако эффективность и комфорт, которые обеспечивает интернет, не лучшие условия для пробуждения инакомыслия среди образованных людей. Настоящая причина, по которой так много советских ученых и преподавателей стали диссидентами, кроется в том, что власти не позволяли им заниматься наукой так, как они считали правильным. Проводить исследования в области общественных наук было довольно трудно, даже если бы не нужно было следить за тем, чтобы не отклоняться от партийной линии; со многими сложностями было сопряжено и сотрудничество с иностранцами. Отсутствие условий для работы заставило многих ученых и интеллектуалов эмигрировать или, оставаясь на родине, стать диссидентами.

Интернет полностью или частично решил многие проблемы этого рода. Он прекрасно подошел для исследовательских целей, однако оказался не слишком подходящим для вовлечения в диссидентское движение умных, высокообразованных людей. Совместная работа сейчас не требует больших хлопот и затрат. Ученые получили доступ к большому количеству статей, чем они могли мечтать. Ограничения на выезд отменены, а исследовательские бюджеты заметно увеличились. Ожидается, что к 2020 году китайские ученые будут публиковать больше статей, чем американские, и это неудивительно. Но важнее всего то, что, способствуя интеграции ученых и интеллектуалов из авторитарных государств в глобальную интеллектуальную сферу (теперь и они могут следить за дискуссиями на страницах “Нью-Йорк ревю оф букс”), интернет привел к утрате связей этих интеллектуалов со своим, местным сообществом. Российские либеральные интеллектуалы собирают большую аудиторию в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, чем в Москве, Новосибирске или Владивостоке, где они мало кому известны. Неудивительно, что эти люди знают гораздо больше о том, что происходит в Гринвич-виллидж, чем в собственном муниципалитете. Их связь с национальной политикой своих стран нарушена. Парадокс заключается в том, что эти люди, получив широкие возможности для выражения недовольства происходящим, отошли от политики.

Увы, ни один из крупных российских писателей, довольно активных в интернете, не удосужился хотя бы упомянуть в блоге о результате президентских выборов 2008 года в России. Элен Раттен из Кембриджского университета первой заметила почти полное отсутствие реакции на это важное политическое событие: “Никто из [ведущих блог] писателей... не включил компьютер и не отреагировал на новости, которые должны были охватить все интеллектуальное сообщество”. Вместо этого столпы современной русской литературы решили посвятить свои первые после выборов записи: а) обсуждению недавней интернет-конференции, б) размещению театральной рецензии, в) описанию гигантского пирога с “вишенками и персиками”, виденного не так давно на книжной ярмарке, г) рассуждению об Уолте Уитмене, д) рассказу о человеке с двумя мозгами (остается надеяться, что хоть это явилось аллегорией странного альянса Медведева и Путина). Евгений Евтушенко совсем не это имел в виду, когда заявлял, что поэт в России – больше, чем поэт.

Это едва ли подходящие условия для борьбы с авторитарной химерой. Все потенциальные революционеры, кажется, пребывают в приятной интеллектуальной ссылке где-то в Калифорнии. Массы перенесли в Голливуд с помощью файлообменника *BitTorrent*, а элиты курсируют между Пало-Альто и Лонг-Бич посредством лекций *TED*. Кто же тогда поведет за собой “цифровых революционеров”? “Ржачные котики”?

Очевидно, что интернет затрудняет, а не поощряет стремление людей к беспокойной жизни – уже потому, что имеющиеся альтернативы политическим действиям гораздо приятнее и безопаснее. Однако это не значит, что Западу следует прекратить отстаивать беспрепятственный (читай: неподцензурный) доступ к интернету. Скорее, нужно найти способ заменить нынешнее стремление сделать интернет свободнее комплексом мер, которые смогут вовлечь людей в политическую и социальную деятельность. Нам следует иметь дело и с любителями видео с котиками, и с читателями антропологических блогов. Иначе мы рискуем однажды столкнуться с целой армией людей, которые свободно пользуются интернетом, но лишь затем, чтобы найти любовника, посмотреть порнушку и узнать свежие сплетни о знаменитостях.

Информационный потоп сам по себе не способствует демократизации, поскольку может разорвать некоторое количество малозаметных, но важных связей, способствующих развитию критического мышления. Только теперь, когда даже демократические общества сталкиваются с бесконечным наплывом контента, мы понимаем, что демократия – это гораздо более сложное, хрупкое и капризное создание, чем мы думали, и что некоторые условия, сделавшие ее возможной, присущи лишь эпохе, когда информации не хватало.

Между Оруэллом и Хаксли

Восточногерманский опыт показал, что многим западным наблюдателям нравится наделять людей, живущих в авторитарных государствах, сверхкачествами, которыми те в действительности не обладают. Воображать, будто эти бедолаги неустанно борются с всевидящим КГБ вместо того, чтобы зависать, скажем, на “Ю-Тьюбе” или играть в “Тетрис”, – быть может, единственный способ для западных наблюдателей не впасть в отчаяние от собственного бессилия. Тем не менее то, что они видят суть политического контроля в авторитарном обществе именно так, вовсе не случайно. Западный взгляд на этот предмет во многом определяют – и, вероятно, ограничивают – работы двоих мыслителей, которые десятилетиями размышляли о рассредоточении власти и контроля в условиях демократии, коммунизма и фашизма. Джордж Оруэлл (1903–1950) и Олдос Хаксли (1894–1963), оба – литераторы, оставили заметный след в истории политической мысли. Каждый из них предложил убедительное и крайне своеобразное видение того, как современное правительство может контролировать граждан (в наши дни эти картины преследуют миллионы старшеклассников, которых заставляют сравнивать Оруэлла и Хаксли в сочинениях). Влияние этих писателей на современную общественную жизнь трудно игнорировать. Ни дня не проходит без того, чтобы кто-либо в СМИ, рассуждая о будущем демократии или прошлом

тоталитаризма, не помянул одного либо другого. Или сразу обоих: вполне обычное дело – апеллировать одновременно и к Оруэллу, и к Хаксли, будто все виды политического контроля помещаются между этими полюсами. А ловкий политик вполне может выразить восхищение обоими – как, например, Хиллари Клинтон, которая на вопрос о книгах, которые повлияли на нее сильнее всего, назвала поочередно “1984” Оруэлла и “Дивный новый мир” Хаксли.

Оруэлл в “1984” (написан в 1949 году) – самом известном своем произведении, одном из лучших романов XX столетия – делает упор на тотальной слежке и отупляющей пропаганде, которую олицетворяет лишенный смысла “новояз”. В оруэлловском мире люди не имеют права на частную жизнь, поэтому они бережно хранят всякий хлам и клочки газет, поскольку эти вещи находятся вне сферы государственного контроля и напоминают об ином прошлом. Даже домашние телевизоры приспособлены для слежки. Главный герой книги, Уинстон Смит, однажды узнает, что неврологи ищут средства “свести оргазм на нет”: беззаветная преданность партии требует подавления полового влечения.

Хаксли изложил свое видение проблемы в “Дивном новом мире” (1932) и написанном позднее эссе “Возвращение в дивный новый мир” (1958). Наука и техника в хакслианском мире успешно используются для максимизации удовольствия, минимизации одиночества и обеспечения непрерывного потребления (один из официальных лозунгов гласит: “Чем старое чинить, лучше новое купить”). Неудивительно, что в этих условиях люди совершенно теряют способность критически мыслить и соглашаются со всеми ограничениями, накладываемыми властями. Промискуитет поощряется с раннего детства. При этом секс считается не репродуктивным поведением, а общественной деятельностью. Идея семьи объявлена “порнографической”, а общественные отношения построены по принципу “Каждый принадлежит всем остальным”.

Хаксли и Оруэлл были знакомы и переписывались. Оруэлл, будучи моложе Хаксли, даже изучал в Оксфорде под его руководством (недолго) французский язык. В 1940 году Оруэлл сочинил провокационную рецензию на книгу Хаксли, а тот на страницах “Возвращения в дивный новый мир” вернулся и к собственной работе, и к “1984”. Оруэлл считал, что хотя Хаксли и нарисовал “верную карикатуру на гедонистическую утопию”, он все же неверно понял природу власти современного тоталитарного государства. В эссе 1940 года Оруэлл писал: “[‘Дивный новый мир’]... казался возможным, даже неминуемым, пока не появился Гитлер. К подлинному будущему, однако, он не имеет отношения. Нас ждет нечто, похожее скорее на испанскую инквизицию, а возможно, гораздо хуже, поскольку у нас есть радио и тайная полиция”.

Он не убедил Хаксли. В 1949 году в письме к Оруэллу тот поделился своими сомнениями о системе контроля над обществом, описанной в романе “1984”: “Философия правящего меньшинства в ‘1984’ – это садизм, доведенный до своего логического завершения путем выхода за рамки секса и его отрицания. Мне кажется сомнительным, что политика сапога, топчущего лицо человека, будет продолжаться вечно⁸ ... Полагаю, что правящая олигархия найдет менее трудные и изнурительные способы управления и удовлетворения своей жажды власти и что эти способы будут напоминать те, что я описал в ‘Дивном новом мире’”.

Хаксли, в отличие от Оруэлла, не был убежден в том, что люди – разумные существа, всегда действующие в собственных интересах. Он отметил в эссе “Возвращение в дивный новый мир”, что Оруэлл и другие сторонники свободомыслия, рассуждая об обществе, зачастую совсем забывают о “почти неутолимом человеческом аппетите к развлечениям”. Хаксли, однако, был несправедлив к Оруэллу. Тот не сбрасывал со счетов силу развлечений: *пролов*, низший из трех классов общества, описанного в “1984”, правители держали в узде при

⁸ Антигерой романа “1984” так излагает принцип управления тоталитарным обществом: “Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно... Лицо для растаптывания всегда найдется. Всегда найдется еретик, враг общества, для того чтобы его снова и снова побеждали и унижали. <...> Никогда не прекратятся шпионство, предательства, аресты, пытки, казни, исчезновения. Это будет мир террора – в такой же степени, как мир торжества” (пер. В. Голышева). – *Прим. перев.*

помощи дешевого пива, порнографии и лотереи. Однако не это, а страх перед всемогущим, всевидящим Старшим братом стал визитной карточкой оруэлловского романа.

С момента краха СССР стало принято обвинять Оруэлла в том, что он не сумел предсказать расцвет общества потребления и то, насколько техника приблизится к удовлетворению его потребностей. Хотя Олдос Хаксли и упрекают в том, что он недооценивал способность человека образовывать островки инакомыслия даже в условиях господства консюмеризма и гедонизма, все же считается, что он оказался прозорливее Оруэлла (особенно в том, что касается генетики). “‘Дивный новый мир’ – гораздо более точное предсказание будущего тирании, чем видение сталинского террора в ‘1984’ Оруэлла”, – отметил в 2002 году британский писатель-антиутопист Джеймс Баллард в рецензии на биографию Хаксли, напечатанной в газете “Гардиан”. А вот что сказал об этом Нил Постмен в своем бестселлере “Веселимся до смерти”: “Оруэлл боялся, что нас уничтожит то, что мы ненавидим. Хаксли боялся, что нас уничтожит то, что мы любим. Эта книга о том, что, возможно, прав оказался Хаксли, а не Оруэлл”. “[В отличие от ‘Дивного нового мира’], политические прогнозы... в романе ‘1984’ оказались совершенно ошибочными”, – писал Фрэнсис Фукуяма в “Нашем постчеловеческом будущем”. Может, и так, однако многие критики упускают из виду, что целью и Хаксли, и Оруэлла была критика современного им общества, а не общества будущего.

Мишенями Оруэлла были сталинизм и удушающая британская цензура, Хаксли – популярная в то время философия утилитаризма. Иными словами, их книги, возможно, рассказывают куда больше о том, что волновало тогда английских интеллектуалов, чем о представлениях авторов о будущем. Так или иначе, и “Дивный новый мир”, и “1984” заняли почетное место в истории литературы XX века, пусть и в разных разделах. Книга Хаксли – это в первую очередь блестящая критика современного демократического общества с его культом развлечений, секса, рекламы. Роман же Оруэлла и сейчас может служить пособием по изучению современного авторитаризма с его тотальным надзором, контролем над мыслями посредством пропаганды и жесткой цензурой. Оба писателя имели определенную политическую цель: первый целился в фундамент современного капитализма, второй атаковал основы современного авторитаризма. Олдос Хаксли, отпрыск именитой британской семьи, беспокоила растущая коммерциализация жизни на Западе. (Хаксли нашел утешение в галлюциногенных наркотиках и сочинил об этом книгу “Двери восприятия” (*The Doors of Perception*), которая позднее подсказала Джиму Моррисону название для его рок-группы). Оруэлл, убежденный социалист, неожиданно стал любимым автором Рональда Рейгана и правых (по словам писателя Майкла Скаммела, Оруэлл был “святым покровителем холодной войны”). Комитет за свободный мир (ведущая неоконсервативная организация 80-х годов) даже назвал свое издательство “Оруэлл пресс”.

Однако два десятилетия спустя после развала СССР противопоставление взглядов Оруэлла и Хаксли на природу политического контроля выглядит устаревшим, если не ложным. Оно тоже является продуктом эпохи холодной войны и склонности ее участников к пристрастной оценке этого идеологического противостояния. В действительности оруэлловской тотальной слежки было предостаточно в маккартистской Америке, в то время как в хрущевском Советском Союзе было много удовольствий и развлечений. Само по себе существование мысленной системы координат, полюсами которой являются позиции Оруэлла и Хаксли, диктует собственную в высшей степени обманчивую динамику. Нельзя стоять разом на обеих этих позициях. Думать, что все политические режимы уместаются между Оруэллом и Хаксли, было бы опасным упрощением. А считать, будто правительство будет выбирать между перлюстрацией и закармливанием населения дешевыми развлечениями, – значит упускать из вида тот вариант, что сообразительное правительство может одновременно заниматься и тем и другим.

Жить станет не лучше, но точно веселее

Пользуясь современным сленгом, можно сказать, что пора уже “замиксовать” подходы Оруэлла и Хаксли. Для понимания современного авторитаризма (и современного капитализма, прибавят некоторые) понадобятся озарения обоих мыслителей. Ригидность мышления, обусловленная оруэлловско-хакслианской системой координат, ведет к тому, что даже проницательный наблюдатель может не заметить хакслианские элементы в диктатуре и, что еще опаснее, оруэлловские элементы – в демократии. Именно поэтому так легко упустить из виду то, о чем говорила Наоми Кляйн: “Китай становится внешне похожим на Запад (кофейни ‘Старбакс’, рестораны ‘Хутерс’, мобильные телефоны круче наших), а Запад становится похожим на Китай в менее заметных чертах (пытки, несанкционированное судом прослушивание переговоров, бессрочное содержание под стражей, пусть далеко не в китайских масштабах)”.

Кажется вполне логичным, что большинство современных диктаторов готовы предпочесть оруэлловскому миру хакслианский, – уже потому, что контролировать население с помощью развлечений дешевле и не так хлопотно, как путем репрессий. Когда в высшей степени склонное к запретам правительство Мьянмы разрешает, а иногда и спонсирует, фестивали хип-хопа, оно вдохновляется точно не оруэлловским романом.

Все диктаторы, кроме явных садистов, жаждут не крови, а денег и власти. И тем лучше, если они могут получить власть и деньги, не прибегая к арестам, цензуре и слежке, а просто отвлекая людей. В долгосрочной перспективе эта тактика оказывается гораздо эффективнее круглосуточного полицейского надзора. Если Старшему брату уже не нужно следить за гражданами, поскольку они сами следят по ТВ за перипетиями “Старшего брата”⁹, у демократической революции вряд ли есть будущее.

Предлагая массу способов отвлечься, интернет только усилил диктатуры хакслианского типа. “Ю-Тьюб” и “Фейсбук” с их неиссякаемым запасом дешевых развлечений позволяют людям найти занятие на любой вкус. Когда Филип Рот предупреждал чехов об опасности, которую несет коммерческое телевидение, он говорил и о том, что телевидение может сделать невозможной такую революцию, как в 1989 году. Чехам повезло: индустрией развлечений в Чехословакии руководили нерасторопные аппаратчики. Люди заскучали и занялись политикой. Но уж в чем новые медиа и интернет действительно преуспели, так это в подавлении скуки. Она являлась одним из немногих действительно важных факторов политизации населения, лишенного возможности выпустить пар. Теперь это не так. В определенном смысле интернет сделал развлечения граждан авторитарных и демократических стран очень похожими. Чехи сейчас смотрят то же самое голливудское кино, что и белорусы, и, вполне вероятно, загружают его с тех же сербских или украинских пиратских серверов. Единственная разница в том, что в Чехии уже произошла демократическая революция, и ее результаты были закреплены принятием страны в Евросоюз. Беларуси же повезло меньше – перспективы демократической революции в этой стране в эпоху “Ю-Тьюба” представляются весьма сомнительными.

Иными словами, интернет принес развлечения того сорта, о котором говорил Филип Рот, в самые закрытые общества и не разрушил при этом авторитаризм. Кроме того, “Ю-Тьюб” для пользователей бесплатен (если только диктаторы тайно не жертвуют деньги Голливуду), так что средства, сэкономленные на производстве унылых развлекательных программ, государство может тратить на что-либо другое.

То, что свобода интернета приобрела антидемократическое измерение, не значит, что диктаторы это спланировали. В большинстве случаев это просто результат проявленной ими некомпетентности. Позволили ли бы диктаторы пользоваться согражданам “Ю-Тьюбом”, если бы они попросили об этом? Вероятно, нет: авторитарные правители далеко не всегда осознают стратегическое значение развлечений и переоценивают риск народных волнений. Они разрешили интернет только по недомыслию или по ошибке. Однако оказалось, что подопечная

⁹ Популярное реалити-шоу. – *Прим. перев.*

молодежь интересуется вовсе не блогами, высмеивающими государственную пропаганду, а дурацкими сайтами, посвященными, например, “ржачным котикам” (*lolcats*). (Смею вас заверить, что скоро какой-либо аналитический центр объявит о том, что наступила эпоха “авторитаризма с кошачьей мордой”.) Те из нас, кому небезразлично будущее демократии на земном шаре, должны перестать мечтать и взглянуть в лицо действительности: интернет предоставляет гражданам авторитарных стран столько дешевых и доступных способов отвлечься, что становится гораздо труднее в принципе заинтересовать людей политикой. Хакслианское измерение авторитарного контроля обозреватели и политики по большей части игнорируют. Находясь под влиянием таких критиков современного капитализма, как Герберт Маркузе и Теодор Адорно, они замечают его главным образом в демократических обществах. Идеализация граждан авторитарных государств неминуемо приведет к ошибочной политике. Если Запад стремится спровоцировать революцию или хотя бы усилить накал политической дискуссии, с такой установкой он вряд ли преуспеет: обеспечить этих людей инструментами для преодоления цензуры – это примерно то же самое, что вручить человеку, далекому от современного искусства, годовой абонемент в музей. В 99 % случаев это не сработает. Я не против музеев или борьбы с цензурой. Я просто призываю подумать о стратегии, свободной от утопизма.

Троица авторитаризма

Допустим, “контроль с помощью развлечений” применим не ко всем. Некоторые так обозлены на свои правительства, что не изменят своей точки зрения, сколько их ни развлекай. К тому же западные правительства и фонды всегда находят способы политизировать местное население, даже если это подразумевает возбуждение межэтнической или религиозной вражды, – верный способ разжечь ненависть в век “Ю-Тьюба”. Таким образом, отдельные элементы политического контроля в оруэлловском духе так или иначе должны присутствовать, – например, чтобы заставить повиноваться тех, кто не утратил способность мыслить самостоятельно. Несмотря на успех редуccionистских моделей, заставивших многих на Западе поверить в то, что информация способна победить авторитаризм, она продолжает служить инструментом пропаганды, цензуры и слежки, – трех столпов авторитарного контроля по Оруэллу.

С появлением интернета состав этой “троицы авторитаризма” остался прежним, однако он заметно изменил соотношение ее элементов. Децентрализация интернета, возможно, сильно затруднила всеобъемлющую цензуру, однако она сделала пропаганду эффективнее, так как посылаемые правительством сигналы стало возможно распространять через неявно подконтрольные ему блоги. Удешевление шифрования онлайн-коммуникаций, может, и обезопасило “профессиональных” политических активистов, однако распространение сервисов “веб 2.0” (особенно социальных сетей) превратило активистов-любителей в удобные объекты слежки.

Но если мы на Западе ничего не можем поделать с усиливающейся притягательностью “Ю-Тьюба” и “ржачных котиков” (сетевые развлечения, скорее всего, останутся мощным, хотя и вторичным, орудием авторитарного арсенала), можно воздействовать на каждый из трех столпов авторитаризма. Опасность, однако, кроется в том, что западные лидеры могут, как прежде, попытаться решить проблему средствами, знакомыми еще со времен холодной войны, когда обычным ответом на ужесточение цензуры в СССР была мощная информационная атака со стороны “Радио Свобода” и его аналогов. Мы должны побороть желание поступить так же. Стратегия радиостанций, вещавших на страны восточного блока в времена холодной войны была сравнительно простой. Финансируя как можно больше радиопередач, западные политики стремились сделать так, чтобы авторитарная пропаганда не осталась без ответа или была ослаблена, чтобы драконовская система цензуры была разрушена и чтобы как можно больше слушателей усомнились в основах коммунистического учения.

Имея дело с радио, было относительно легко проследить, как усилие приводит к

определенному результату. Так, когда Советы глушили передачи западных радиостанций, было достаточно просто прибавить громкости, – Запад отвечал за все программирование и не сомневался, что влияние радиопередач приведет к желаемой политизации масс. Советы не могли перехватить сигнал с Запада и отправить его обратно, а у радиослушателей не было возможности выбирать одни развлечения, избегая политики. (Не все программы носили политический характер, но даже передачи о западном образе жизни, как правило, раскрывали глаза на моральную несостоятельность советской системы.)

В отношении интернета такой уверенности нет. У Запада гораздо меньше рычагов влияния на интернет, чем на радио. Интернет гораздо капризнее. Он вызывает побочные эффекты, которые ослабляют влияние пропаганды, зато делают действенное слежку. Или, например, помогают обойти цензуру, при этом делая общественность восприимчивее к пропаганде. Интернет крепко связал три информационных столпа авторитаризма, поэтому попытки Запада повалить один из них могут помешать расшатывать два других.

Вот один пример: как бы ни было заманчиво объединяться в социальных сетях и блогах, чтобы обойти цензуру, это столпотворение играет на руку тем, кто курирует слежку и пропаганду. Чем больше связей активистов друг с другом правительство сможет найти, тем лучше для него. И чем больше доверия у пользователей вызывают блоги и социальные сети, тем легче использовать их для трансляции завуалированных сигналов правительства и стимулирования аппарата пропаганды. Единственный способ избежать опасных ошибок и не позволить авторитаризму укрепить свои позиции – это тщательно изучить, как в эпоху интернета изменились принципы слежки, цензуры и пропаганды.

Глава 4

Чего хотят цензоры

Хотя западная пропаганда времен холодной войны была не такой уж убедительной, она оказалась действенной по крайней мере в одном отношении. Она породила настолько устойчивый миф об авторитаризме, что его трудно развенчать даже сейчас, десятилетие спустя после начала XXI века. Многие западные обозреватели до сих пор считают, что авторитарные государства населены гиперактивными двойниками Артура Кестлера (умными, бескомпромиссными и готовыми к смертельному риску во имя свободы), а управляют ими нелепые диснеевские персонажи – глупые, рассеянные, без навыков выживания, постоянно находящиеся на грани группового самоубийства. Борьба и сопротивление – нормальное состояние первых, пассивность и некомпетентность – нормальное состояние последних. А если так, то все, что требуется для изменения мира – это представить бунтарей друг другу, направить на них струю шокирующей статистики, доселе им не известной, и вручить несколько новеньких блестящих гаджетов. Ура! Революция не за горами: перманентный бунт, согласно этому взгляду, – естественная черта авторитаризма.

Но такая картина больше говорит о западных предубеждениях, чем о современных авторитарных режимах. Их живучесть можно объяснить самыми разными причинами – высокими ценами на нефть, полным или частичным отсутствием опыта демократии, тайной поддержкой аморальных западных правительств, дурными соседями, но в этот перечень, как правило, не входит неосведомленность граждан, которые жаждут освобождения при помощи электронной бомбардировки фактоидами и колкими твитами. Подавляющее большинство граждан современной России или Китая не читают “Слепящую тьму” Кестлера перед сном. И будит их по утрам не джингл “Голоса Америки” или “Радио Свобода”, а, скорее всего, та же надоедливая песня леди Гага из надрывающегося айфона, что и западных обывателей. Даже если они предпочли бы жить в демократической стране, для многих это означает скорее работающее правосудие, чем наличие свободных выборов и других институтов западной либеральной демократии. Для многих свободные выборы не столь ценны, как возможность получить образование или медицинскую помощь, не давая при этом взятку десятку жадных

чиновников. Более того, граждане авторитарных государств не обязательно считают, что их правительства, получившие власть недемократическим путем, нелегитимны. Легитимность правительству могут обеспечить не только выборы, но и шовинистические настроения, как в Китае, или страх перед иностранными агрессорами, как в Иране, или быстрый экономический рост, как в России, или низкий уровень коррупции, как в Беларуси, или эффективность государственного управления, как в Сингапуре.

Чтобы понять, как интернет влияет на авторитаризм, нужно отвлечься от очевидных способов использования интернета политической оппозицией и посмотреть, как он способствует легитимации современного авторитаризма. Внимательно изучив блогосферу почти любого авторитарного государства, вы, вероятно, увидите, что она представляет собой питательную среду для национализма и ксенофобии, причем нередко настолько ядовитую, что правительство на фоне блогеров выглядит настоящим клубом космополитов. Трудно сказать, как отразится радикализация националистических взглядов на легитимности режима, но очевидно, что сторонникам модели плавной демократизации, которой кое-кто ожидал после появления интернета, рассчитывать не на что. Точно так же блогеры, разоблачающие местную коррупцию, легко могут стать (и становятся) участниками антикоррупционной кампании, затеянной федеральными политиками. Общий эффект для режима в этом случае трудно оценить. Блогеры могут ослабить влияние местных властей, одновременно усилив позиции федерального центра. Трудно предугадать, какой может быть роль интернета, не осознав прежде, как именно поделена власть между центром и периферией и как изменение отношений между ними влияет на демократизацию.

Взгляните на то, как “вики” и социальные сети (не говоря уже о разнообразных сетевых начинаниях государства) повышают эффективность и правительств, и бизнеса, которому те покровительствуют. В речах нынешних авторитарных лидеров, одержимых модернизацией экономики, модные словечки звучат чаще, чем в среднестатистической передовице “Тарвард бизнес ревю”. (Владислав Сурков, один из главных кремлевских идеологов и попечитель российской Кремниевой долины, недавно признался, что ему очень нравится “метод краудсорсинга или, как раньше говорили, ‘народной стройки’”). Так, центральноазиатские авторитарные режимы охотно перенимают методы электронного правительства. Однако причина их увлечения модернизацией заключается не в желании сделать чиновников ближе к народу, а в том, чтобы получить деньги от зарубежных спонсоров вроде МВФ и Всемирного банка, а также устранить препятствия на пути экономического роста.

Институты – это важно

Выживание авторитарного режима во все большей степени зависит от разделения власти и институционального строительства: двух процессов, которые политологи обычно игнорируют. Даже такие знатоки современной политики как Збигнев Бжезинский и Карл Фридрих в своей ставшей классикой книге “Тоталитарная диктатура и автократия” (1965) советуют не обращать внимания на институты: “Читатель, вероятно, удивлен тому, что мы не обсуждаем ‘структуру управления’ или, например, ‘конституции’ этих тоталитарных государств. Дело в том, что эти структуры совершенно не важны”.

Такие жесткие концептуальные рамки могли быть полезны для изучения сталинизма, однако они не годятся для объяснения внутреннего устройства современных авторитарных государств, которые пекутся об организации выборов, формировании парламентов и подкармливании судей. Если авторитарные режимы решаются даже объявлять выборы, почему бы не предположить, что они допустят и ведение блогов по причинам, которые пока не ясны западным аналитикам?

“Институты, нередко утверждают исследователи авторитаризма, – это не что иное, как очковтирательство, – полагает профессор политологии Нью-Йоркского университета Адам Пшеворски. – Но зачем некоторые диктаторы этим занимаются?” И в самом деле: зачем? В последние тридцать лет политологи назвали множество вероятных мотивов. Одни правители

хотят выделить наиболее способных бюрократов, заставляя их участвовать в бутафорских выборах. Другие привлекают на свою сторону потенциальных врагов, предлагая им поучаствовать в сохранении режима в обмен на кресло в немоощном парламенте или ином квазипредставительном органе. Третьим рассуждения о демократии помогают получать на Западе деньги, а институты – особенно узнаваемые, прочно ассоциирующиеся с либеральной демократией – это все, чем обычно довольствуется Запад.

Кажется, однако, что самые “прогрессивные” диктаторы не только устраивают фиктивные выборы, но и умудряются проводить их с блеском, который обеспечивают современные технологии. Как еще объяснить то, что на выборах 2009 года в Азербайджане решили установить на участках для голосования пятьсот веб-камер? Пиар вышел отменный, но это не приблизило выборы к демократическим стандартам: львиная доля манипуляций совершилась еще до начала избирательной кампании. У подобных шагов может быть и более зловещая подоплека. Так, Башир Сулейманлы, исполнительный директор азербайджанского Центра мониторинга выборов и обучения демократии, накануне выборов заявил журналистам, что “местные исполнительные органы и бюджетные организации диктуют своим сотрудникам, за кого им голосовать, и запугивают людей веб-камерами, на которые будет фиксироваться их участие в выборах и то, за кого они станут голосовать”. Российские власти также считают, что подобие прозрачности, обеспеченной веб-камерами, может улучшить их демократическое реноме. После летних пожаров 2010 года, уничтоживших множество российских деревень, Кремль распорядился установить веб-камеры на стройплощадках, так что за ходом возведения домов для погорельцев можно было следить в режиме реального времени. Правда, это не избавило власти от жалоб со стороны будущих новоселов – у жителей глубинки не было компьютеров и пользоваться интернетом они не умели.

Диктаторам нравится создавать разнообразные институты – хотя бы для того, чтобы подольше задержаться у власти. Относительную пользу интернета, особенно блогосферы, необходимо рассматривать через ту же самую институциональную призму. Блогеры бывают слишком полезны, чтобы избавляться от них. Многие из них талантливы, изобретательны, великолепно образованы, и только недалёковидный диктатор станет воевать с ними, вместо того чтобы их использовать. Разумнее создать такую среду, в которой присутствие блогеров будет символом “либерализации” для внешнего и внутреннего употребления. К тому же их можно привлечь к генерированию новых идей и идеологий в случае дефицита интеллектуальных ресурсов.

Неудивительно, что во многих авторитарных странах уже начались попытки институционализировать блогинг. Чиновники в некоторых государствах Персидского залива призывают к созданию блогерских ассоциаций. А один из российских высших чиновников [Сергей Миронов] предложил учредить “единый национальный консультативный орган ведущих участников Сети и ведущих блогеров”, который выработал бы стандарты приемлемого поведения в блогосфере. В этом случае Кремлю не придется прибегать к внешней цензуре. Такие “консультативные органы”, скорее всего, окажутся укомплектованными прокремлевскими блогерами, и это еще один способ скрыть стремление контролировать Рунет, не прибегая к повальному закрытию сайтов. Такие попытки могут окончиться ничем (на что Западу остается только надеяться), однако они указывают на то, что авторитарным правителям присущ трезвый операционалистский взгляд на блогинг, который намного реалистичнее отношения к блогерам как к диссидентам XXI века.

Полагая всю интернет-активность в авторитарных государствах заведомо политической и оппозиционной, мы рискуем не заметить многое из того, что делает ее такой богатой и разносторонней. Западные медиа обращают много внимания на то, что “поисковики плоти” (те, кто клеймит позором официальных лиц и интернет-пользователей, публикуя личные данные) делают правительство Китая сговорчивее. Однако СМИ редко сообщают о том, что и правительство находит способы использовать “поисковики плоти” в собственных целях. Так, в марте 2010 года интернет-пользователь из китайского города Чанчжоу пожаловался на загрязненность реки Бэйтан и, обвинив в этом главу местного бюро защиты природы,

потребовал отставки чиновника. Местная администрация мобилизовала местных “поисковиков плоти”, чтобы выследить жалобщика и... вручить ему награду: две тысячи юаней.

Один из соблазнов, которых следует избегать западным наблюдателям, – принимать корректировку методов авторитарных правительств за признак демократизации. Это заблуждение. Авторитарным правителям помогает так долго оставаться на плаву не стагнация, а вечное движение. Современное авторитарное государство напоминает “Арго”, корабль Тесея: его чинили и перестраивали столько раз, что даже сами аргонавты не были уверены, что в корпусе осталась хоть одна доска из тех, которые были в начале путешествия.

Видные западные ученые-блогеры вроде Гленна Рейнольдса (он ведет блог *Instupundit*) славят мобильную связь. Они утверждают, что “превращение безответственной, кровавой сталинистской (маоистской) тирании в нечто такое, что отвечает на звонки мобильных телефонов, – это достижение, с которым следует считаться”. Мы не должны расслабляться. Тирания с мобильником в руке остается тиранией: не следует думать, будто тиран не может забавляться с айфоном. Предполагаемые успехи “демократизации” могут показаться куда менее впечатляющими, если мы осознаем, что косвенно они помогают выживанию диктатур, просто в несколько иной форме.

Кремль любит блоги – полюбите их и вы

Современные диктаторы, вопреки западным стереотипам, – вовсе не недоумки, которые бездельничают в своих непроницаемых для информации бункерах, пересчитывают богатства, как Скрудж Макдак, и только и ждут, когда их свергнут. Совсем наоборот: диктаторы – активные потребители и поставщики информации. На самом деле сбор информации, особенно об угрозах режиму, – одно из важнейших условий сохранения авторитаризма. Но диктатор не может просто выйти на улицу, чтобы расспросить прохожих, – ему приходится прибегать к помощи медиаторов (чаще всего эту роль играет тайная полиция).

Обращение к посредникам редко дает адекватное представление о происходящем (потому, например, что никто не хочет нести ответственность за неизбежные промахи системы). Вот почему с глубокой древности правители всегда старались получать информацию из разных источников. Интернет-стратегия Махмуда Ахмадинежада имеет давнюю традицию. В XIX веке иранский монарх Насреддин-шах Каджар опутал страну сетью телеграфных проводов и требовал *ежедневных* докладов даже от чиновников низшего ранга (чтобы перепроверять доклады вышестоящих чиновников). Эта линия поведения вполне соответствовала наставлению из знаменитой “Книги о правлении” визиря Низама аль-Мулька (XI век): “Государю необходимо ведать все о народе и о войске, вдали и вблизи от себя, узнавать о малом и великом, обо всем, что происходит”.

Известному социологу Итиэлю де Сола Пулу, одному из видных теоретиков XX века, размышлявших о технике и демократии, принадлежит важная роль в формировании западного понимания роли информации в авторитарных государствах. “Авторитарное государство внутренне непрочное и быстро потерпит крах, если информация станет распространяться беспрепятственно”, – писал Пул. Подобная точка зрения породила популярный взгляд на проблему и, несомненно, заставила Пула и его многочисленных последователей переоценить освободительную силу информации. (Пул, разочаровавшийся в троцкизме, также широко известен тем, что переоценил влияние западных радиоголосов, поскольку опирался главным образом на письма, которые восточно-европейцы слали в редакцию “Радио Свободная Европа”.) Подобный техноутопизм проистекает из поверхностного прочтения политики и динамики авторитарных государств. Если вслед за Пулом предположить, что структуры авторитарного государства покоятся главным образом на подавлении информации, то, стоит Западу найти способ наделать в этих структурах дырок, как демократия информационным ливнем хлынет сквозь них на головы угнетенных.

При внимательном рассмотрении позиция Пула и его единомышленников оказывается

противоречащей здравому смыслу, и это не случайно. Разумеется, выгодно иметь как можно больше источников информации, хотя бы для того, чтобы замечать возникающие угрозы режиму. (В этом отношении древние иранские правители были мудрее современных западных ученых.) Информация, поступающая из различных независимых источников, может усилить авторитарные режимы или по крайней мере законсервировать их. Проницательный свидетель последних лет СССР заметил в 1987 году: “Наверняка бывают дни (может быть, наутро после Чернобыля), когда Горбачеву хочется купить кремлевский эквивалент ‘Вашингтон пост’ и выяснить, что же на самом деле происходит в его... стране чудес”. (Горбачев упоминал о том, что западные радиопередачи помогли ему следить за событиями путча в августе 1991 года, когда он был заперт на даче в Форосе.)

Сейчас нет нужды охотиться за российским эквивалентом “Вашингтон пост”. Даже в отсутствие действительно свободной прессы Дмитрий Медведев может узнать почти все, что ему нужно, из блогов. Однажды он признался, что зачастую именно с этого начинается рабочий день (Медведев – большой поклонник электронных книг и айпада).

Президенту не приходится тратить много времени на поиски жалоб. Обиженный местным чиновником россиянин может пожаловаться президенту, оставив комментарий в его блоге (это очень распространенная в России практика). Чтобы заработать пару бесплатных очков, подчиненные Медведева с большой помпой латают ветшающую инфраструктуру и увольняют коррумпированных чиновников. Президент, однако, действует избирательно и скорее в целях пиара, чем ради устранения недостатков системы. Никто не знает, что происходит с жалобами, содержащими слишком серьезную критику в адрес властей, однако известно, что довольно много едких комментариев быстро исчезают из президентского блога. Владимир Путин тоже любит собирать жалобы в ходе ежегодной “прямой линии” на ТВ. Но в 2007 году офицер милиции сообщил оператору линии, что хочет пожаловаться на коррупцию в своем подразделении. Звонившего вычислили и наказали.

Китайские власти поступают сходным образом: блокируют откровенно антиправительственный контент, не трогая записи в блогах, обличающие местную коррупцию. Власти Сингапура следят за блогами, в которых звучит политическая критика, и утверждают, что учитывают замечания “сетян” в свой адрес. Поэтому, хотя темы многих блогов современным авторитарным режимам явно не по вкусу, есть множество других, авторов которых власти терпят или даже поощряют.

“Дилемма диктатора”

Редкие авторитарные режимы заинтересованы в отрезании коммуникаций (уже хотя бы потому, что они желают знать заранее о приближении неприятностей), однако частичная цензура интернет-контента неизбежна. Последние три десятилетия считалось, что нужда в цензуре загоняет авторитарные режимы в угол. Они либо осуществляют цензуру, страдая от ее экономических последствий (так как цензура несовместима с глобализацией), либо совсем не прибегают к ней – и рискуют получить революцию. Хиллари Клинтон заявила в своей речи, посвященной свободе интернета: “Государства, осуществляющие цензуру новостей и информации, должны оценить ее последствия с экономической точки зрения. Не существует разницы между цензурой политической дискуссии и цензурой коммерческих переговоров. Если бизнес в вашем государстве лишен возможности получить *всю* информацию, то это неминуемо отразится на экономическом росте”. Рассказывая о роли высоких технологий в иранской твиттер-революции, газета “Нью-Йорк таймс” выразила сходное мнение: “Поскольку в наши дни цифровые технологии критически важны для современной экономики, то репрессивные режимы могут дорого заплатить за полное их блокирование (если такое вообще возможно)”.

Этой концепции (диктаторы якобы не смогут участвовать в глобализации, пока они не откроют свои сети полчищам зарубежных советников и инвестиционных банкиров, которые вытопчут их страны в поисках выгоды), известной как “дилемма диктатора”, придерживаются

многие политики, особенно если речь идет о благотворной роли интернета. Но прямая связь экономического роста с цензурой интернета не очевидна. Не является ли это еще одним вредоносным допущением времен холодной войны?

В 1985 году Джордж Шульц, госсекретарь США, одним из первых изложил этот популярный взгляд. Он заявил, что “тоталитарные общества стоят перед дилеммой: они либо отвергают эти технологии (и пропускают новую промышленную революцию), либо разрешают их (что неминуемо сводит на нет тоталитарный контроль”. Итак, авторитарные правительства, по мысли Шульца, обречены: “У них нет выбора, потому что они никогда не смогут полностью остановить вал технического прогресса”. Этот подход, сформулированный на страницах “Форин эффэйрс”, приобрел много сторонников. В 1989 году автор передовицы в журнале “Нью репаблик”, напечатанной всего неделю спустя после зачистки площади Тяньаньмэнь, заявил, что диктаторы стоят перед выбором – “позволить людям думать самостоятельно и говорить то, о чем они думают... либо смириться с тем, что экономика попросту протухнет”.

В то время это звучало подобно музыке для ушей многих жителей Восточной Европы, и последовавший коллапс советской системы, казалось, подтвердил справедливость детерминистского подхода редакторов “Нью репаблик”. На самом деле подобные предсказания были продуктом той оптимистичной эпохи. Все, кто помнит атмосферу конца 80-х – начала 90-х годов, не могут не заметить связь двух популярных в то время концепций. Первая имела отношение к технологиям, а вторая – к политике, однако в силу таинственных причин носила то же название. Первая из концепций (автор – футуролог Элвин Тоффлер) гласила, что быстрый технический прогресс приведет к возникновению общества “третьей волны”, для которого характерны демократизация доступа к знанию и наступление информационной эры. С точки зрения Тоффлера, бурное развитие информационных технологий, следовавшее за двумя революционными “волнами” – аграрной и индустриальной, ознаменовало постиндустриальную эпоху в истории человечества.

Вторая концепция, предложенная гарвардским политологом Сэмюэлом Хантингтоном, гласила, что конец 80-х – начало 90-х годов были отмечены “третьей волной” демократизации, когда страны одна за другой выбирали для себя демократическую форму правления. Первая “волна”, по мысли Хантингтона, продолжалась с начала XIX века вплоть до возникновения фашизма в Италии, а вторая – с момента окончания Второй мировой войны до середины 60-х годов.

Было крайне заманчиво найти точку совпадения двух третьих волн в недавней истории, и 1989 год подходил для этого как нельзя лучше. Эти взгляды нередко предполагают существование строгой зависимости между победоносным шествием по планете демократии и информационной революцией (о такой связи много кто говорил, но мало кто брался ее доказать). “Дилемма диктатора” превратилась в удобный шаблон, способ сказать о крахе авторитарного режима, неминуемом в случае его столкновения с факсами, ксероксами и т. п. Вслед за Джорджем Шульцем в 1990–2010 годах множество высших американских чиновников, включая Джеймса Бейкера, Мадлен Олбрайт и Роберта Гейтса, говорили о “дилемме диктатора” как о чем-то общеизвестном. Джагдиш Бхагвати, экономист из Колумбийского университета, выразил суть “дилеммы диктатора”, пожалуй, наиболее красноречиво: “Компьютер несовместим с компартией”. Свободомыслящий интеллигент Бхагвати, разумеется, вправе думать, как ему хочется, и не обращать внимания на то, что творится вокруг. Однако политические лидеры не могут себе этого позволить уже потому, что ставят под угрозу эффективность политики будущего. Опасность веры в “дилемму диктатора” (и другие подобные концепции, предполагающие неизбежность победы капитализма или наступления “конца истории”) кроется в том, что она вселяет в политических лидеров чувство исторической неизбежности и поощряет лень: если перед авторитарными государствами стоит такая серьезная, можно сказать, смертельная дилемма, зачем вмешиваться? Подобный необоснованный оптимизм неминуемо ведет к бездействию и параличу воли.

Внешнеполитический обозреватель “Нью-Йорк таймс” Томас Фридман в своей обычной

манере упростил “дилемму диктатора” (и тем самым, к несчастью, способствовал ее популяризации), изобретя модное словечко: СИМ, “синдром иммунодефицита микропроцессора”, от которого “может страдать всякая разбухшая, ожиревшая, склеротическая система после холодной войны. Этот синдром обычно поражает страны и компании, не привитые от перемен, принесенных микрочипом, и демократизации техники, финансов и информации”. Поскольку теперь есть интернет, авторитарные правительства обречены: “В течение нескольких лет каждый сможет сравнить товарные преимущества своего... правительства и правительства соседей”. (По какой-то причине американцы, имеющие неограниченный доступ к интернету, не следуют совету Фридмана и не заглядываются на другие правительства, у которых может быть гораздо более разумный подход, например, к тюремному заключению своих граждан.) Николас Кристоф из “Нью-Йорк таймс”, более трезво мыслящий коллега Фридмана, также твердо убежден в неминуемом крахе авторитаризма, подточенного информационными потоками. Он написал, что “предоставляя китайскому народу широкополосную связь”, лидеры КНР “роют могилу компартии”.

Многие до сих пор считают, что интернет не оставит от авторитаризма мокрого места, нанося ему тысячи смертельных информационных ударов. Авторитарные правительства жить не могут без информационных технологий, но даже допустив их, они все равно падут, потому что граждане, жаждущие бигмаков, *MTV* и Диснейлендов, выйдут на улицы и потребуют честных выборов. Уязвимость этой гипотезы в том, что, когда речь заходит об эмпирических доказательствах, трудно найти пример государства, которое не смогло справиться с “дилеммой диктатора”. Все авторитарные государства, кроме КНДР, приняли интернет (в Китае, например, число пользователей Сети превышает все население США). Политологи и политические деятели недооценили изощренность и гибкость аппарата сетевой цензуры. “Дилемма диктатора” предполагает одно важное допущение: невозможно создать механизмы цензуры настолько чуткие, чтобы они могли пресекать откровенно политическую деятельность в интернете, в то же время допуская или даже поощряя в Сети такую деятельность, которая способствует экономическому росту. Это предположение оказалось неверным. Правительства овладели искусством фильтрации по ключевому слову и, следовательно, получили возможность блокировать сайты, исходя из *URL* -адресов и даже текста на веб-страницах. Следующим шагом правительства станет, вероятно, нахождение способов перекрыть доступ к контенту, исходя из демографических данных и поведения пользователя. Оно узнает, кто и зачем пытается получить доступ к определенному контенту, чем этот пользователь занимался в Сети в предыдущие две недели, и так далее, а после решит, давать ему доступ к определенной веб-странице или нет.

Это не такое уж далекое будущее. Вероятно, финансистке, которая читает исключительно ленту агентства “Рейтер” и “Файнэншл таймс” и друзья которой – исключительно финансисты, будет позволено делать что угодно, даже искать и находить в “Википедии” статьи о нарушениях прав человека.

А женщине, чей род занятий неизвестен, иногда просматривающей “Файнэншл таймс”, связанной в “Фейсбуке” с пятью хорошо известными политическими активистами и оставляющей в блогах комментарии, содержащие слова вроде “демократия” и “свобода”, позволят посещать только правительственные сайты. Если же она представляет интерес для спецслужб, ей могут разрешить ходить на другие сайты, – но под присмотром.

Когда цензор понимает вас лучше собственной матери

Возможна ли такая индивидуализация цензуры? Будут ли цензоры знать о нас столько, что смогут принимать решения автоматически не просто в отношении каждого пользователя, но и с учетом его (или ее) поведения в определенной ситуации?

Если судить по сетевой рекламе, ждать появления “тонкой настройки” такого рода не так уж долго. “Гугл” уже сейчас решает, какие рекламные объявления нам показать, исходя из записей журнала посещений интернет-поисковика и текстов наших электронных писем.

“Фейсбук” стремится сделать свою рекламу еще изощреннее: система учитывает, какой контент других сайтов мы одобрили, поставив “лайк”, а также – что понравилось нашим френдам и что они покупали в Сети. Представьте себе цензурные системы, которые подогнаны к запросам пользователей так же тщательно, как поведенческая реклама, с которой мы ежедневно сталкиваемся. Единственное различие между двумя системами заключается в том, что первая собирает данные о нас затем, чтобы показать подходящую рекламу, а вторая – чтобы запретить нам посещение некоторых веб-страниц. Диктаторы не сразу поняли, что механизмы индивидуализации, лежащие в основании “веб 2.0”, можно использовать в собственных целях. Однако они быстро учатся.

Уделяя столько внимания общепринятому и легкому способу контролировать интернет – блокированию доступа к определенным *URL* -адресам, – мы, возможно, упустили фундаментальные сдвиги в этой сфере. Цензура в интернете стремится к распространению вглубь (все пристальнее изучая, чем мы занимаемся в Сети и даже в офлайне) и вширь (учитывая все больше информационных параметров перед тем, как принять решение о цензурировании чего-либо).

Летом 2009 года китайское правительство объявило, что на любом проданном в стране компьютере должна быть установлена программа “Гриндэм” (*GreenDam*). Большинство СМИ обратили внимание на грандиозность плана, а также на то, насколько неудачно власти провели демонстрацию “Гриндэм”. Под давлением жесткой критики внутри страны и за ее пределами власти КНР от этого плана отказались, однако в миллионах компьютеров в китайских школах и интернет-кафе это программное обеспечение до сих пор работает.

Оставим в стороне внутреннюю политику. Чем действительно интересен “Гриндэм”, так это инновационным подходом к предварительной цензуре. Эта система предвещает появление в ближайшем будущем индивидуализированной цензуры. “Гриндэм” идет гораздо дальше механического блокирования доступа к сайтам из своего списка. Он анализирует поведение пользователя и решает, соответствует ли оно закону. Это точно не самое сообразительное в интернете ПО: некоторые пользователи сообщили, что “Гриндэм” заблокировал доступ ко всем сайтам, адрес которых начинался с буквы “f”.

Стоит, однако, обратить внимание не на результат, а на принцип работы “Гриндэм”. Программа очень агрессивна. Она изучает поведение пользователей (начиная с выбора сайтов и печатания текстов и кончая просмотром картинок) и пытается пресечь деятельность, которая ей не нравится (чаще всего система просто закрывает соответствующие приложения, например браузер или текстовый редактор).

Скажем, розовый цвет для “Гриндэм” – это первый признак порнографии. Если система замечает на просмотренных пользователем фотографиях избыток розового, она закрывает программу для просмотра изображений. Любопытно, что снимки обнаженных людей с темным цветом кожи программа не распознает.

Тревожнее всего то, что “Гриндэм” снабжен “черным ходом”, который позволяет программе связываться со своим “штабом” в Сети и делиться наблюдениями о характере пользователя, вверенного попечению программы. Это позволяет обучать другие компьютеры в сети новым способам идентификации нежелательного контента. “Гриндэм” – самообучающаяся и обладающая колоссальным потенциалом сетевая система цензуры: как только программа поймет, что некто набирает в поисковике слово “ди ма кратия” вместо “демократия”, чтобы обмануть цензоров, остальные пользователи воспользоваться этой лазейкой больше не смогут.

Вообразите глобальный мозг, который ежесекундно собирает подсказки от миллионов пользователей, пытающихся обвести систему вокруг пальца, и почти сразу же использует их, чтобы закрыть имеющиеся лазейки. “Гриндэм” – это неудачное воплощение в высшей степени плодотворной и опасной идеи.

Время расстаться

Правительствам, однако, нет необходимости ждать появления революционных разработок в сфере искусственного интеллекта, чтобы принимать более обоснованные решения о том, что цензурировать, а что нет. Отличие интернета от других медиа в том, что информация в Сети связана гиперссылками. По большому счету, все эти ссылки служат положительными аттестациями. Когда пользователь посещает определенную веб-страницу, он “голосует” за нее, и она приобретает некоторый авторитет. “Гугл” сумел свести воедино все эти нано-аттестации (сделав число входящих ссылок прогностическим параметром релевантности поискового результата) и извлекает из этого большую выгоду.

Кроме того, гиперссылки позволяют обобщать контекст, в котором появляются определенные фрагменты информации, причем понимать смысл этой информации совершенно не обязательно. Если в десятке антиправительственных блогов появится ссылка на документ PDF, размещенный в блоге, который прежде не попадал в поле зрения киберполицейских, они могут решить, даже не заглядывая в него, что документ заслуживает блокирования. Ссылки (подтверждения релевантности от блогеров-оппозиционеров) говорят сами за себя, и файл. плох уже поэтому. Благодаря “Твиттеру”, “Фейсбуку” и другим социальным медиа тайной полиции гораздо проще выявлять такие связи.

Если авторитарные правительства овладеют искусством сбора популярных ссылок, которыми оппозиционеры делятся в “Твиттере”, “Фейсбуке” и других социальных медиа, они найдут изящное и, главное, надежное решение всех проблем цензора. Хотя абсолютный объем информации (в нашем случае – количество ссылок) будет расти, это не повлечет за собой ослабление цензуры. Она просто будет более тонко настроена. Цензуры, которая стрижет всех под одну гребенку, станет меньше, но это едва ли повод для радости.

Убежденность в том, что интернет цензурой не объять, наивна и очень опасна. Сеть становится более открытой для общения, и правительствам (как и любым другим заинтересованным игрокам) ничто не мешает конструировать цензурные аппараты, работающие по принципу рекомендаций, как это делают “Амазон” и “Нетфликс” (*Netflix*). Единственная разница – вместо того чтобы рекомендовать пользователю страницы, система будет блокировать доступ к ним. Таким образом, мы все можем оказаться в плену концепции “социального графа” – схемы, учитывающей всех, с кем мы связаны через веб-сайты, начиная с “Фейсбука” и “Твиттера” и заканчивая “Ю-Тьюбом”, которая сейчас в чести у киберэлиты (*digerati*).

Главная причина, по которой цензоры не пользуются принципом рекомендаций, в том, что навигация в интернете в основном анонимна. Когда мы посещаем сайты, их администраторам трудно узнать, кто мы. Однако нет гарантии, что так будет и через пять лет. Две могущественные силы могут уничтожить сетевую анонимность. Во-первых, это коммерция. Мы наблюдаем стремительную интеграцию социальных сетей и различных сайтов (теперь много где есть кнопка “Мне нравится”, ведущая на “Фейсбук”), что побуждает нас выдавать себя. Многие охотно жертвуют анонимностью ради скидок в *Apple Store*. Во-вторых, растет озабоченность правительств по поводу детской порнографии, нарушений авторского права, киберпреступности и кибервойн. Поэтому, вероятно, нам все чаще придется доказывать в Сети, что мы – это именно мы.

Таким образом, будущее контроля над интернетом зависит от многочисленных и довольно сложных деловых и общественных групп. К сожалению, многие из них происходят из свободных демократических обществ. Западные правительства и фонды не могут решить проблему цензуры лишь путем создания инструментов для того, чтобы ее обойти. Им следует выявить все эти многочисленные силы, начать публичную дискуссию и, если необходимо, предпринять законодательные шаги для защиты от каждой из этих сил. Запад изобретает новые действенные способы для преодоления файерволов, выстраиваемых авторитарными правительствами, но одновременно позволяет многим своим корпорациям пренебрегать личной информацией пользователей, а это нередко приводит к катастрофическим последствиям для граждан несвободных обществ. Следуя модному императиву свободы интернета, западные политики мало задумываются о решении проблем, к возникновению

которых сами же причастны.

Это не цензура. Это – аутсорсинг

Еще одна причина, по которой цензура в интернете малозаметна, заключается в том, что осуществляют ее вовсе не правительства. Хотя в большинстве случаев достаточно заблокировать доступ к определенной записи в блоге, содержащей критику, проще удалить эту запись. У правительств таких полномочий нет, зато компании, владеющие блог-платформой, могут сделать это во мгновение ока. Заставить компании контролировать Сеть в соответствии с широким набором рекомендаций – мечта любого правительства. Компании несут все расходы, делают всю грязную работу и выслушивают проклятия пользователей. Они же успешнее выловят нежелательный контент, поскольку знают свои онлайн-сообщества лучше цензоров. Наконец, ни один пользователь не может приказывать компаниям, как им вести дела, поэтому апелляции к свободе слова в таких случаях обычно бессмысленны.

Неудивительно, что китайские цензоры пошли именно этим путем. Согласно исследованию, проведенному Ребеккой Маккиннон, бывшим шефом пекинского бюро Си-эн-эн, изучающей в фонде “Новая Америка” китайский сектор интернета, цензура контента, создаваемого китайскими пользователями, “в высшей степени децентрализована”: ее “осуществление предоставлено самим интернет-компаниям”. Чтобы доказать это, Маккиннон в середине 2008 года открыла анонимные аккаунты на десятке китайских блог-платформ и оставила в каждом блоге более ста записей, касавшихся различных спорных вопросов – от коррупции и СПИДа до независимости Тибета. Целью эксперимента была проверка, будут ли удалены эти записи, и если да, то как скоро. Результаты различались в зависимости от компании. Самые бдительные удалили около половины записей Маккиннон. Одна компания подвергла цензуре лишь одну запись. Китайские интернет-компании выступили несогласованно – именно так и происходит, когда правительство приказывает прибегать к цензуре, но не уточняет, что именно следует запрещать, и оставляет это на усмотрение запуганных менеджеров. Чем большая свобода действий предоставлена компаниям в интерпретации правил, тем меньше вероятность угадать, будет ли удалена “крамольная” запись в блоге. Подобная кафкианская неопределенность может причинить больше вреда, чем сама цензура: активистам трудно планировать кампанию, если нет уверенности, что их сетевой контент уцелеет.

Это значит, кроме прочего, что насколько бы плохими ни казались “Гугл” и “Фейсбук”, они все же лучше большинства компаний, работающих в странах с авторитарными правительствами. Транснациональные компании обычно с неохотой играют роль цензоров, поскольку это может дорого им обойтись, к тому же в этом случае они столкнутся с валом обвинений на родине. Местным же компаниям на это наплевать: азербайджанские социальные сети скорее всего не собираются вести дел с США или Западной Европой и не боятся, что их осудят на слушаниях Конгресса.

На этом поле Запад определенно проигрывает. Пользователи обычно предпочитают местные сети глобальным – они обычно быстрее, проще в обращении и соответствуют местным культурным нормам. Если вы оцените рынок интернет-услуг в большинстве стран с авторитарным режимом, то, вероятно, увидите по меньшей мере пять местных альтернатив любому заметному стартапу из Кремниевой долины. Если учесть, что общее количество китайских интернет-пользователей составляет более 300 миллионов, 14 тысяч китайских клиентов “Фейсбука” (данные 2009 года) – это капля в море, точнее – 0,00046 % пользователей.

Интернет-компании, однако, не единственные медиаторы, которых можно принудить к удалению контента. Рунет, например, полагается на коммьюнити, сходные с группами в “Фейсбуке”, которые ведут модераторы. Сетевая социальная активность в России базируется на “Живом журнале”. Когда в 2008 году сообщество автолюбителей в ЖЖ превратилось в место обмена информацией о волне протестов водителей во Владивостоке, недовольных

политикой властей, ФСБ немедленно потребовала у его модераторов удалить соответствующие записи. Модераторы подчинились, однако сообщили о произошедшем в последней своей записи на странице сообщества (через несколько часов исчезла и она). Формально, однако, никто ничего не блокировал – это и есть скрытая цензура, бороться с которой труднее всего.

Чем больше посредников появляется при опубликовании и распространении информации, тем больше возникает контрольных пунктов, в которых эту информацию можно незаметно убрать или исказить. Сторонники “дилеммы диктатора” сильно недооценили роль сетевых медиаторов: ведь кому-то приходится обеспечивать доступ в интернет, размещать блог или сайт, модерировать сетевое сообщество или делать так, чтобы это сообщество заметили поисковые программы. До тех пор, пока эти организации-медиаторы будут зависеть от государства, найдутся способы заставить их содействовать цензуре, которая никак не скажется на экономическом росте.

“Умная” толпа? Совсем не обязательно

Очень жесткие законы об оскорблении величества, существующие в Таиланде, карают любые высказывания (в том числе в блогах и в “Твиттере”), оскорбительные для королевской семьи. Но контроль над быстро растущей тайландской блогосферой оказался непростой задачей для полиции. В начале 2009 года один из членов Национальной ассамблеи Таиланда, лояльный королю, предложил новый вариант решения трудной задачи. Власти открыли сайт “Защитим короля” (*ProtectTheKing.net*), чтобы подданные могли сообщить о сайтах, якобы содержащих оскорбительную для монарха информацию. После этого, по данным Би-би-си, всего за сутки правительство Таиланда заблокировало доступ к пяти тысячам крамольных ссылок. Неудивительно, что создатели сайта “забыли” предусмотреть возможность разблокирования сайтов, закрытых по ошибке.

Сходным образом власти Саудовской Аравии позволяют гражданам докладывать о гиперссылках, которые те сочтут оскорбительными, и в результате каждый день в Комиссию по коммуникациям и информационным технологиям поступают сообщения о 1200 ссылках. Это позволяет правительству сравнительно эффективно осуществлять цензуру. По данным журнала “Бизнес уик”, в 2008 году в цензурном подразделении комиссии было всего двадцать пять сотрудников, правда, многие из них окончили ведущие западные университеты, такие как Гарвард и Карнеги-Меллон.

Самое любопытное в саудовской системе цензуры то, что она хотя бы извещает пользователя, почему заблокирован сайт. Во многих странах пользователь просто увидит сухое извещение вроде “Страница не может быть отображена”, оставляющее в неведении относительно того, заблокирован ли этот сайт либо недоступен по техническим причинам. В Саудовской Аравии на заблокированные порнографические веб-страницы помещается текст, подробно объясняющий причины запрета и содержащий ссылки на опубликованную в “Дьюк ло джорнал” статью о порнографии, написанную американским правоведом Кассом Санстайном, а также на 1960-страничный “доклад Миза”, подготовленный в 1986 году комиссией Генпрокурора США по порнографии. (Для большинства не-юристов это гораздо менее привлекательно, чем порносайты.)

“Краудсорсинговая цензура” становится популярной и в демократических государствах. Власти Великобритании и Франции разработали сходные схемы для собственных граждан: им предлагается сообщать в компетентные органы о детской порнографии и некоторых других видах нелегального интернет-контента. Поскольку сайтов и блогов с незаконными материалами появляется все больше, краудсорсинговые схемы скорее всего получат широкое распространение.

Власти Таиланда, Саудовской Аравии и Великобритании полагаются на бескорыстие граждан, китайские же предлагают денежное вознаграждение тому, кто поделится с ними ссылкой на порносайт. Нашел порносайт? Донеси, получи деньги. Заметим, эта схема не

лишена недостатков. В начале 2010 года, когда она начала действовать, был отмечен резкий рост числа поисковых запросов от тех, кто ищет порнографию. Но кто знает, сколько видеороликов пользователи прежде загрузили и сохранили у себя? А главное – сколько веб-страниц, не имеющих сексуального содержания, были закрыты таким образом?

В некоторых случаях прямое вмешательство государства и не требуется. Отряды лоялистов пользуются сетями для осуществления цензуры, обычно уничтожая группы оппонентов в социальных сетях. Самая известная из таких сетей – таинственная организация “Силы еврейской обороны в интернете”. Это израильское сообщество произвело сенсацию. Его члены находят в “Фейсбуке” антиизраильские группы, проникают в них, становятся администраторами и в конце концов разваливают их. Одним из наиболее заметных достижений “Сил еврейской обороны в интернете” стал вывод из игры почти 110 из 118 тысяч членов мощной арабоязычной группы, симпатизирующей “Хезболла”.

Иногда персонал “Фейсбука” успевает вмешаться и предотвратить полное уничтожение группы, но часто – нет, и тогда сетевой социальный капитал, на формирование которого ушли месяцы, бывает пущен по ветру за считанные часы. Важно понимать, что в интернете все большую ценность приобретают сообщества, а не блогеры-одиночки. Следовательно, современная цензура будет все сильнее стремиться не просто блокировать доступ к контенту определенного рода, но уничтожать целые сообщества.

Вашей философии не снилось

Если вы поклонник философии и хотите провести год-другой за границей, то Саудовская Аравия – не то место, куда вам стоит отправиться в первую очередь. Возможно, из-за того, что занятия философией поощряют свободомыслие и сомнения в непогрешимости властей (или просто усугубляют проблему безработицы), изучение этой дисциплины в вузах запрещено, как и философские книги. Объясняя свое нежелание включать изучение философии в школьный курс, директор по планированию отдела образования города Джидда заявил в декабре 2005 года, что “философия – это предмет, восходящий к грекам и римлянам... Нам не нужна такая философия. Коран – вот сокровищница исламской философии”.

Современно мыслящие члены гражданского общества Саудовской Аравии надеялись добиться некоторой самостоятельности в киберпространстве. Их надежда не была напрасной: интернет быстро заполнил пустующую нишу, и они получили почти бесплатный и легкий доступ к философским книгам, видеозаписям лекций, научной периодике. Однако единой базы гиперссылок на этот контент не было. Поэтому несколько саудовцев, получивших образование в США, открыли интернет-форум “Томаар” (*Tomaar*), чтобы беседовать о философии и обмениваться гиперссылками. Сайт пользовался грандиозным успехом: всего за несколько месяцев он значительно разросся, и его посетители перешли также к обсуждению ближневосточной политики и спорных социальных вопросов (поскольку форум был арабоязычным, там оказалось много пользователей из других арабских стран). На пике популярности на форуме насчитывалось более двенадцати тысяч активных участников, которые ежедневно оставляли в среднем тысячу записей.

Однако радость была недолгой. Вскоре правительство отметило феноменальный успех “Томаар” и “выключило” форум для саудовских пользователей. Но справиться с возникшей проблемой труда не составило. За последнее десятилетие – в основном в ответ на ужесточение цензуры в китайском интернете – было придумано множество способов преодолеть правительственные запреты. Дело в том, что правительства не могут ликвидировать интернет-контент, который им не нравится (особенно если он хранится на иностранном сервере), зато могут лишить своих граждан возможности добраться до этого контента, потребовав у поставщиков услуг интернета запретить соединение с определенным *URL*-адресом. Эту преграду легко обойти, подключившись к третьему компьютеру и добравшись до желаемого контента при помощи его интернет-соединения. В этом случае правительство увидит, что вы подключились к некоему случайному компьютеру в Сети, но не узнает, что вы ищите

запрещенный контент. Поклонникам “Томаар” здорово пригодились эти инструменты: они смогли посещать сайт, несмотря на запрет. (Разумеется, если очень много пользователей обращаются к одному и тому же компьютеру или же его *IP* -адрес становится широко известным, власти могут понять, что происходит, и перекрыть доступ к нему.)

Ликование было недолгим. Вскоре “Томаар” стал недоступен даже тем, кто добирался до него в обход цензурных ограничений. Сверхпопулярный сайт “съедал” слишком много трафика, и американская хостинговая компания сообщила администраторам “Томаар”, что разрывает с ними контракт. Сайт стал сетевым “беженцем”. Происходило что-то странное, но администраторы “Томаар” не могли понять, что именно (ни один из них не был компьютерщиком: первый работал продавцом в магазине дорогой домашней электроники, а второй служил в банке финансовым консультантом).

Через некоторое время выяснилось, что “Томаар” стал мишенью длительной кибератаки, предпринятой, чтобы сделать сайт недоступным. Тактика, о которой идет речь – распределенная атака типа “отказ в обслуживании” (*DDoS* -атака), – становится все более популярной, когда требуется заткнуть рот оппонентам. Веб-сайт может принять ограниченное количество клиентов. Популярные сайты наподобие *CNN.com* могут принять одновременно миллионы посетителей, в то время как большинство частных сайтов едва ли справятся с сотней-двумя одновременных обращений. Цель *DDoS* -атаки – исчерпать ресурсы сайта, направляя туда несуществующих посетителей. Откуда берутся все эти воображаемые посетители? Их генерируют компьютеры, зараженные вирусами и вредоносными программами с целью получить контроль над ними и использовать их по собственному усмотрению. Зачастую возможность устроить *DDoS* -атаку можно купить или продать на аукционе *eBay* всего за несколько сотен долларов.

Поскольку жертву атакуют одновременно тысячи компьютеров, определить заказчика нападения почти невозможно. Так вышло и в случае “Томаар”. Логично предполагать заинтересованность саудовского правительства в прекращении работы сайта, однако серьезных доказательств его вмешательства нет. Но хостинговая компания, обслуживавшая “Томаар”, не оставила произошедшее без внимания: *DDoS* -атаки едят трафик, потом нужно все чистить, да и платить по счетам приходится именно хостингу. Вот почему сетевое инакомыслие может легко сойти на нет. Если вы располагаете информацией, обнаружение которой может повлечь за собой *DDoS* -атаку, хостинговые компании задумаются над тем, стоит ли предоставлять вам трибуну. Поскольку деловые организации тоже часто становятся объектами *DDoS* -атак, уже есть рынок услуг по защите сайтов (например, можно запретить их посещение с компьютеров из определенных регионов). Однако сайтам, существующим на общественных началах, такой сервис обычно не по карману. В конце концов “Томаар” нашел новую хостинговую компанию, но кибератаки не прекратились. Сайт “лежал” в среднем одну неделю из четырех. Это подорвало боевой дух сообщества и опустошило кошельки его основателей, наивно полагавших, что цена онлайн-инакомыслия равна плате за хостинг.

Ситуации, подобные той, в которой оказался “Томаар”, возникают все чаще, особенно если речь идет об активистах и правозащитных организациях. Мьянманские СМИ в изгнании “Иравади”, “Миззима” и “Демократический голос Бирмы” пережили масштабные кибератаки (самые тяжелые пришлось на 2008 год, первую годовщину “шафрановой революции”). То же самое довелось пережить белорусскому оппозиционному сайту “Хартія’97”, российской “Новой газете”, казахстанской оппозиционной газете “Республика” и даже местным подразделениям “Радио Свобода”.

Те, кто ведет собственный блог, также становятся жертвами нападений. В августе 2009 года, в первую годовщину российско-грузинской войны, *Сухути*, один из самых популярных грузинских блогеров, подвергся ожесточенной *DDoS* -атаке, которую зарегистрировали даже гиганты вроде “Твиттера” и “Фейсбука”, где *Сухути* параллельно вел блоги. Диссиденту заткнули рот: все интернет-платформы, на которых он открыл аккаунты, стали мишенью интенсивных *DDoS* -атак, так что администраторы этих платформ подверглись нешуточному давлению – и, конечно, не смогли сопротивляться соблазну попросту удалить аккаунт жертвы,

чтобы не страдали остальные клиенты.

DDoS-атаки представляют собой серьезную и малоизученную пока угрозу свободе слова в интернете. Атаки учащаются, и их целями становятся не только сайты официальных органов и деловых предприятий, но и частных лиц. В прошлом для того, чтобы маргинальное сообщество было услышано, как правило, было достаточно доступа в Сеть и, возможно, оплаты его счетов за пользование интернетом. Теперь все не так. Чтобы быть услышанным в Сети, если речь не идет о редких твитах и записях в блогах, нужно заботиться об администрировании сервера, запасных хранилищах на случай *DDoS*-атак и даже о покупке дорогостоящих услуг по защите от таких нападений.

Худшая сторона ограничения свободы выражения с помощью *DDoS*-атак заключается в том, что эта практика ведет к недооценке масштаба распространения интернет-цензуры в мире. Традиционное представление о цензуре до сих пор в значительной степени основано на логической схеме “заблокировано/разблокировано”, которая в случаях блогера *Сухути* или сайта “Новой газеты” не имеет большого смысла. Технически сайт может быть разблокирован, но для пользователей неделю в месяц он будет недоступен.

Чтобы решить эту задачу, нужно не только предложить новые критерии определения интернет-цензуры, но и придумать что-то новое, помимо обычных средств борьбы с ней вроде обходных путей к запрещенному контенту. В результате *DDoS*-атак пользователи даже в тех странах, где интернет не блокируют, не могут посетить атакуемые сайты. Испытанные средства здесь бесполезны. Мы имеем дело уже не с brutальными советскими агентами, которые глушат “Радио Свобода”. Теперь это по большей части никому не известные люди (может, находящиеся на содержании у Кремля, а может, и нет), которые устраивают засады поблизости от здания, откуда собирается вещать новое “Радио Свобода”. “Антиглушилки” не помогут: сотрудники радиостанции просто не смогут попасть на работу и выйти в эфир.

Когда крушат не те стены

Те, кому небезразлична свобода слова в интернете, уже не могут себе позволить рассуждать о цензуре, основываясь на устаревших моделях времен холодной войны. Прежняя модель предполагала, что цензура стоит дорого и по карману только правительству. В наши дни, хотя многие инструменты цензуры (такие как “Гриндэм”) по-прежнему обходятся недешево, некоторые все же дешевы и продолжают дешеветь (например, *DDoS*-атаки). Это позволяет правительствам отклонять обвинения в свой адрес (ведь это не они осуществляют цензуру) и сильно искажает реальную ситуацию с цензурой в мире. Во многих случаях государству вообще нет нужды во что-либо вмешиваться: лоялисты могут самостоятельно организовывать *DDoS*-атаки. Доступность кибератак привела к демократизации цензуры, а это неизбежно отразится на свободе мнений. Поскольку цензура все чаще осуществляется медиаторами (например, социальными сетями), а не государством, защититься от цензуры можно, найдя способы оказать не только политическое, но и коммерческое давление на главные действующие лица.

Также становится ясно, что авторитарные режимы могут и будут развивать сложные информационные стратегии, которые способствуют экономическому росту, одновременно позволяя не терять контроль над деятельностью оппозиции в интернете. Не стоит тратить все силы на сокрушение неких воображаемых стен (то есть на то, чтобы сделать всю информацию доступной) лишь ради того, чтобы обнаружить: государство доверило цензуру аутсорсерам, организующим *DDoS*-атаки. Это еще одна причина, по которой “виртуальные стены” и “информационные занавесы” представляются ошибочными метафорами, мешающими нам сформулировать, в чем именно заключается угроза свободе интернета. Они подталкивают политиков к поиску путей преодоления информационной блокады. Это, конечно, полезно, но только если по ту сторону барьера что-нибудь есть. Представьте разочарование человека, пробившегося сквозь файерволы и обнаружившего, что информация, к которой он стремился, уничтожена организатором кибератаки или рьяным сетевым медиатором!

Многое предстоит сделать для того, чтобы защититься от этой новой, более агрессивной цензуры. Нужно готовить “зеркала” сайтов, которые подвергаются DDoS -атакам, или учить делать это администраторов: многие из них самоучки и не всегда способны справиться с проблемой. Нужно учиться искажать, скрывать или даже сознательно засорять свой “социальный граф”, представляя его так, что он окажется бесполезным для тех, кто будет пытаться блокировать информацию исходя из демографических характеристик пользователей. Можно придумать, как изобразить любого пользователя инвестиционным банкиром, который хочет читать “Файнэншл таймс”. Можно затруднить захват и уничтожение групп в “Фейсбуке” и других социальных сетях. Или, например, найти способ извлекать пользу из таких методов, как краудсорсинг, в борьбе с цензурой в интернете, а не в облегчении работы цензоров. Если лоялисты рыщут во Всемирной паутине в поисках крамолы, то почему бы оппозиционерам не искать сайты, нуждающиеся в дополнительной защите?

У западных политиков большой выбор возможных шагов, и все их стоит тщательно взвесить с учетом незапланированных негативных последствий, которые может вызвать каждый из этих шагов – зачастую за границами региона, где эти меры будут приняты. Разумеется, крайне важно продолжать финансировать разработку инструментов для доступа к заблокированным сайтам: блокирование сетевых адресов остается главным методом контролирования интернета. Но политики не должны упускать из виду новую, потенциально более опасную угрозу свободе мнений, которую несет интернет. Борьба со старыми, уже рассыпающимися барьерами – неважный фундамент для политики. Иначе случаи вроде российского (редко применяется фильтрация интернета, но есть множество других способов продемонстрировать возможности правительства) будут неизменно озадачивать западных наблюдателей.

Главное, о чем следует помнить: если различаются контексты, различаются и проблемы. Следовательно, нужны нестандартные решения и стратегии. Интернетоцентризм (это пагубное стремление ставить интернет-технологии выше среды, в которой они будут применяться) рождает у политиков ложное чувство комфорта, пустую надежду на то, что некая универсальная технология снесет все файерволы на своем пути, решив таким образом проблему контроля над интернетом. События последнего десятилетия, для которого характерны усиление и усложнение контроля, позволяют сделать вывод о том, что авторитарные режимы добились больших высот в преследовании инакомыслия, причем вовсе не обязательно с привлечением высоких технологий. Большинство файерволов, которые предстоит уничтожить, имеют скорее социальную или политическую, чем технологическую природу.

Проблема в том, что именно те, кто конструирует (нередко при финансовой поддержке западных правительств и фондов) орудия для разрушения файерволов, имеющих технологическую природу, доминируют в публичной дискуссии. В их интересах преувеличить действенность собственного продукта и скрыть наличие других, не связанных с технологиями, угроз свободе выражения. Тем самым технари вводят в заблуждение политиков, а те принимают неверные решения о распределении ресурсов для борьбы за свободу интернета. Чжоу Шиюй, основатель группы технической поддержки Фалуныгун (группа создает и распространяет ПО, с помощью которого можно пробиться на сайты, блокируемые китайским правительством), полагает, что “сражение за интернет свелось к потасовке за доступ к деньгам”. Он также заявил в интервью “Нью-Йорк таймс”, что “на каждый доллар, который тратим мы [США], Китай тратит сто, а может быть, несколько сотен” (это был аргумент в пользу того, чтобы выделять больше средств на продвижение подобных инструментов в Иране). Это в высшей степени неверно и лицемерно и напоминает споры времен холодной войны об отставании по числу ракет, только на сей раз речь идет о том, чтобы обогнать врага в цифровых вооружениях.

Такого рода аргумент консервирует миф о “дилемме диктатора” и о том, что авторитарные правительства уязвимее для технологической угрозы, чем они кажутся. Однако даже если такая манипуляция общественным мнением может быть устранена, следует

помнить, что нельзя справиться с цензурой, не занимаясь решением двух других проблем – слежки и пропаганды. Децентрализация интернета делает сравнительно легкой бесконечную мультипликацию каждого байта. Но за это приходится платить, ведь одновременно возникает возможность создавать новые, более оперативные и зачастую более легитимные СМИ, которые сделают государственную пропаганду правдоподобнее. Более того, можно проследить, как информация распространяется в киберпространстве, и больше узнать о тех, кто ее распространяет. Информация тяготеет к свободе, но этого мало: свободными должны быть и те, кто ею обменивается.

Глава 5

Добро пожаловать в “спинтернет”¹⁰

Долго казалось, что у президента Уго Чавеса не может быть аккаунта в “Твиттере”. Лаконичность точно не принадлежит к числу добродетелей венесуэльского президента: за последние десять лет он провел в телеэфире более полутора тысяч часов, развенчивая капитализм в собственном шоу “Алло, президент”. В марте 2010 года самопровозглашенный лидер “боливарианской революции”, выступая по телевидению, даже назвал интернет “вражеской траншеей”, а всех, кто пользуется “Твиттером”, интернетом и эс-эм-эс, чтобы критиковать его режим, причислил к террористам. У президента Чавеса были причины опасаться интернета. Отправленная им за решетку судья стала пользоваться “Твиттером” для общения с единомышленниками, оставшимися на свободе, а глава оппозиционного телеканала во всеуслышание объявил о плане властей сместить его с должности. Реакция венесуэльского президента – нечто большее, чем цветистое выражение. Очевидно, у него, как и у его американских хулителей, сложилось впечатление, будто движущей силой иранских протестов был “Твиттер”.

Когда венесуэльские оппозиционеры начали пользоваться “Твиттером” для координации своих действий, Чавес изменил свою точку зрения. В конце апреля 2010 года Диосдадо Кабельо – советник Чавеса, возглавляющий орган по надзору за массовыми коммуникациями, – оповестил пользователей “Твиттера” о том, что скоро у Чавеса появится собственный аккаунт: “Товарищи! Открыт аккаунт @chavezcandanga. Скоро мы начнем получать сообщения от нашего команданте”. Испанское слово *candanga* означает “дьявол”, но не только: так в Венесуэле называют человека, отличающегося крутым нравом. В течение суток после регистрации в “Твиттере” у Чавеса появилось пятьдесят тысяч подписчиков, а в течение месяца – более полумиллиона. Это сделало венесуэльского президента одним из самых популярных неанглоязычных политиков, имеющих аккаунты на англоязычных сайтах. Роман Чавеса с хайтеком продолжился. В июле 2010 года он дошел до того, что всю расхваливал “аппаратик” – айпод, подарок от дочери. “В нем около пяти тысяч песен, но он крошечный. Помню, раньше приходилось иметь дело с грудой кассет”, – хвастался Чавес. Боливарианская революция превратилась в техническую.

Чавес – пользователь “Твиттера”, в отличие от реального задиристого Чавеса, был обаятельным и любезным. Он вполне вежливо ответил шестнадцатилетней мексиканке, обвинившей его в стремлении к диктатуре: “Здравствуй, Марианна! На самом деле я – антидиктатор. И я люблю прекрасную Мексику”. А когда венесуэлка с никнеймом *Desiree* поведала в микроблоге о своем восхищении Чавесом, он “прочирикал” в ответ: “Моя дорогая *Desiree* ! Шлю поцелуй”. Кроме того, Чавес заявил, что сумеет убедить своего приятеля Эво Моралеса, президента Боливии, также начать пользоваться “Твиттером”.

¹⁰ *Спинтернет* (англ. *Spinternet*) – термин, образованный от глагола *to spin* (крутить), обозначающего, кроме прочего, манипуляцию общественным мнением, предвзятую подачу информации и передергивание. – Прим. перев.

Венесуэльский лидер творчески подошел к использованию “Твиттера”. Три месяца спустя после появления у него аккаунта Уго Чавес похвастался, что получил от сограждан около 288 000 просьб о помощи. В июле 2010 года Чавес попал в заголовки международных новостей, поведав в “Твиттере” об эксгумации останков своего героя Симона Боливара – аристократа, жившего в XIX веке и освободившего большую часть Латинской Америки от владычества испанцев. “Какие волнующие моменты мы пережили сегодня! Восстань, Симон, еще не время умирать”, – написал президент Венесуэлы.

Секрет успеха Чавеса в “Твиттере” заключается не только в его харизме, но и в эффективном использовании государственных возможностей для поддержки своей кампании. Спустя всего несколько дней после появления в социальной сети Чавес развеял любые иллюзии насчет “Твиттера” как преходящего, временного развлечения. “Я открыл здесь миссию *Chavezcandanga*, чтобы отвечать на сообщения. Мы даже собираемся создать для этой миссии фонд, чтобы сделать многое, чего у нас нет, в чем мы отчаянно нуждаемся”, – заявил Чавес на открытом для СМИ заседании правительства. Для этого Чавес пообещал нанять за счет госбюджета двести сотрудников, чтобы помочь ему выиграть войну в “Твиттере”. Чавес предъявил телезрителям “блэкберри” и заявил, что аккаунт в “Твиттере” – это его “секретное оружие”. Чавес отверг мысль, что пользуется оружием капиталистов. “Интернет – не только для буржуазии. Он подходит и для идеологических битв”, – объявил венесуэльский президент и похвастался, что к армии его поклонников в “Твиттере” ежеминутно прибавляется двести человек.

Но я же видел это в “спинтернете”!

Изменение отношения Уго Чавеса к “Твиттеру” – от идейного неприятия до всемерного одобрения – типичная реакция авторитарного лидера на интернет. Сначала авторитарные лидеры считают Всемирную паутину обычным поветрием. К их разочарованию, это оказывается не так. Хуже того, рано или поздно на интернет обращает внимание оппозиция, пользующаяся им в основном для того, чтобы обойти правительственный контроль над СМИ. Тогда авторитарные правительства начинают экспериментировать с цензурой. Многое зависит от политической ситуации. Кое-где цензура интернета допустима, поскольку правительство уже контролирует другие СМИ. Там же, где открытая цензура невозможна, правительства предпочитают расправляться с неподконтрольными СМИ непрямыми методами. Спектр возможностей обычно широк: от налоговых проверок до запугивания журналистов. Когда цензура в интернете оказывается непрактичной, политически неудобной или чересчур дорогой, правительства начинают экспериментировать с пропагандой, а в крайних случаях прибегают к тотальной слежке.

Режим Уго Чавеса всегда предпочитал мягкие средства вмешательства и контроля, избегая жестких методов, применяемых, например, правительствами Китая и Ирана. Тем не менее в 2007 году Чавес отказался пролонгировать лицензию популярного и критически настроенного телеканала “Глобовисьон”, фактически вынудив его перейти от эфирного вещания к кабельному. В 2009 году венесуэльский министр массовых коммуникаций закрыл более шестидесяти радиостанций, объявив, что у них якобы нет необходимых лицензий, и пообещал передать освободившиеся частоты общественным медиа. Когда же дело дошло до “Твиттера”, у которого правительство не могло отозвать лицензию, Чавесу пришлось выбирать не между цензурой и свободой слова, а между тем, чтобы игнорировать “Твиттер”, рискуя потерять контроль над сетевыми дискуссиями, и попыткой “инфицировать” эти дискуссии собственной идеологией.

Это был неожиданный поворот. На заре интернета многие предсказывали, что он очистит мир от государственной пропаганды. Фрэнсис Кернкросс в своем бестселлере “Исчезновение расстояний” (1997) – центральном тексте киберутопического канона – предсказала, что, “способные знакомиться с различными мнениями в интернете или на тысячах теле- и радиоканалов... люди станут менее восприимчивыми к пропаганде”. Это пророчество не

сбылось: правительства научились манипулировать сетевыми дискуссиями, чуть изменив технологию производства и упаковки пропаганды, так что некоторые из лежалых лозунгов приобрели новую аудиторию. Трудно было предположить, что ксенофобские и антиамериканские заявления будут звучать убедительнее из уст острых на язык и предположительно независимых блогеров.

Однако возникает вопрос: почему официальная пропаганда (особенно основанная на лжи и искажении фактов) оказывается действенной в эпоху, когда любой желающий может найти в интернете достаточно сведений, опровергающих официальную точку зрения? Пропаганда срабатывает по тем же таинственным причинам, в силу которых внимание многих американцев привлекают миф об отсутствии у Барака Обамы свидетельства о рождении и выдумки о событиях 11 сентября 2001 года. Доступности информации, доказывающей обратное, недостаточно, поскольку пропаганда не всегда основана на критическом отношении к фактам. Вдобавок определенное структурное состояние общественной жизни при авторитарном режиме может делать насаждаемые правительством мифы устойчивее. Барбара Геддес, выдающийся политолог из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, изучавшая источники народной поддержки авторитарных правительств, выяснила, какая из групп населения восприимчивее к пропаганде: обычно та, которую можно наилучшим образом описать как средний класс. Это те, кто получил некое базовое образование и зарабатывает себе на жизнь, то есть люди, которые не являются ни бедными и невежественными, ни богатыми и высокообразованными. (Две последние группы, установила Геддес, менее восприимчивы к пропаганде, чем средний класс: первые не понимают, чего хочет правительство, вторые, напротив, понимают это слишком хорошо.)

Пропаганда в больших дозах не обязательно настораживает людей, они не отдают себе отчета, что им промывают мозги, не говоря уже о том, чтобы читать между строк.

Общепринятый взгляд на эффективность пропаганды в авторитарных государствах лучше всех выразил Итиэль де Сола Пул, предположивший, что “когда режим ежедневно скармливает людям пропаганду в больших дозах, люди перестают прислушиваться”. Геддес возражает: “Чтобы контроль правительства над информационными потоками всерьез обернулся против него самого, население должно быть необычайно образованным”. Сама по себе доступность информации не снижает уровень общественной поддержки авторитарного правительства и не гарантирует критического отношения к СМИ. Предоставление населению широкого доступа в интернет не делает людей сознательнее, а судя по недавней всемирной истерии по поводу того, оглушает ли нас интернет, многие и вовсе уверены в обратном.

Стоит ли тогда удивляться, что авторитарные режимы, начиная с России и Китая и заканчивая Ираном и Азербайджаном, стремятся превратить интернет в “спинтернет” (Сеть, где мало цензуры, зато много манипуляций и пропаганды), который поддерживает их идеологическое доминирование? В эпоху новых медиа, для которой характерны фрагментация общественного дискурса и децентрализация контроля, жизнь многочисленных чиновников, ответственных за пропаганду в авторитарных странах, стала существенно легче.

Кошки-мышки и пропаганда

В январе 2009 года двадцатичетырехлетнего китайского крестьянина Ли Цяомина, жившего поблизости от города Юйси в юго-западной провинции Юньнань, арестовали за незаконную порубку леса. Ли посадили в камеру № 9 тюрьмы уезда Пунин. Жить ему оставалось две недели. Якобы играя с сокамерниками в кошки-мышки, он ударился головой о дверь и умер. Во всяком случае, так местные полицейские объяснили смерть Ли его родителям.

В течение нескольких часов гибель Ли Цяомина стала в китайской блогосфере новостью номер один. “Сетяне” быстро решили, что полиция неуклюже пытается замести следы. Известие об этом происшествии собрало на сайте *QQ.com*, одном из самых популярных в Китае, более семидесяти тысяч комментариев. Обвинения сыпались градом. Власти

столкнулись с настоящим кибербунтом.

То, что случилось после, – блестящий пример того, как эволюционировал контроль над интернетом в Китае, который, без сомнения, когда-нибудь войдет в учебники интернет-пропаганды. Вместо того чтобы приказать цензорам удалить сотни тысяч гневных комментариев, власти публично обратились к пользователям интернета с призывом стать “сетями-следователями”, помочь им расследовать гибель заключенного и подготовить доклад, который устранил бы любые сомнения в причине произошедшего. Это показалось разумным решением и помогло хотя бы временно снизить напряженность. Заявки подали более тысячи кандидатов. В состав “следственного комитета”, целью деятельности которого была подготовка доклада о гибели Ли Цяомина, который устроил бы всех, вошли пятнадцать человек.

“Опыт прошлого показывает, что со временем сомнения ‘сетей’ не ослабнут и не испарятся, – заявил У Хао, ответственный за пропаганду чиновник из провинции Юньнань, который инициировал кампанию, – поэтому дело, касающееся общественного мнения и интернета, следует решать методами интернета”. Эти методы подразумевают публичное и децентрализованное принятие решений. Не было лучшего способа заявить о демократизации госуправления в Китае, чем сформировать комиссию из “сетей”.

Деятельность комиссии оказалась формальностью. “Следователям” даже не позволили просмотреть видеозаписи из тюремного помещения, в котором находился Ли Цяомин. Доклад получился неубедительным, и все, что “сетяне-следователи” смогли сказать – это что им не хватило доказательств. Полиция, которой была известна истинная причина смерти Ли, воспользовалась шумихой, вызванной обнародованием доклада, чтобы публично извиниться перед родителями погибшего и объявить, что Ли убили сокамерники. Пропаганда записала себе в счет очередное очко, продемонстрировав смирение полиции.

Это был блестящий цифровой пиар. Инцидент, за который власти можно было призвать к ответу, дал им возможность щегольнуть своей демократичностью. Дальновидные китайские пропагандисты могут составить конкуренцию большинству своих западных коллег. Вместо того чтобы прибегнуть к цензуре, они поступили мудро. Исполнение, правда, оставило желать лучшего. Когда китайские “поисковики плоти” проверили, кто эти пятнадцать отобранных для участия в “гражданском расследовании”, выяснилось, что почти все они – бывшие или действующие сотрудники государственных СМИ. Но в будущем китайские власти скорее всего не станут повторять эту ошибку. (Известно, что государственные СМИ в Китае имеют привычку нанимать малоизвестных актеров на роль прохожих во время “полевых” интервью, когда обычные люди комментируют важные события. По крайней мере, актеры умеют лгать.)

Любопытно, что не так давно правительство Южной Кореи (вероятно, последовав примеру китайского) прибегло к подобному шагу, чтобы противодействовать слухам, распространяемым в интернете, и успокоить собственных “сетей” по гораздо более взрывоопасному поводу. Когда многие в блогосфере и даже в традиционных СМИ начали сомневаться в правдивости официального объяснения (оно гласило, что южнокорейский корвет “Чхонан” потоплен подлодкой северян) и думать, что всю вину свалили на КНДР затем, чтобы скрыть некомпетентность или некую зловещую внутреннюю операцию, правительство Республики Корея решило не воевать с интернет-сообществом. Оно предъявило результаты расследования группе, составленной из пяти официальных лиц, двадцати пользователей “Твиттера”, десяти блогеров, тридцати студентов журфака и пятерых представителей интернет-порталов, случайным методом выбранных из всех заявителей. Правительство Южной Кореи, правда, пошло дальше китайского: “сетям” позволили вести фото– и видеосъемку: это был истинный триумф гражданской журналистики, срежиссированный властями. Правда, их планы несколько нарушили северокорейские власти, которые невероятно быстро подчинили себе капиталистическое киберпространство. В августе 2010 года северокорейцы перенесли пропагандистскую кампанию в “Твиттер” и открыли аккаунт для опровержения южнокорейской версии гибели корвета.

Чему Барбара Стрейзанд могла бы научить Николае Чаушеску

В последние годы существования СССР наиболее прогрессивные советские лидеры любили декларировать – полушутливо, разумеется, – свою приверженность “доктрине Синатры”, намекая на то, что центрально– и восточноевропейские государства вольны идти собственной дорогой в полном соответствии со строками песни Фрэнка Синатры “Мой путь”.

У нынешних пользователей интернета Синатра не в чести. На повестке дня – “эффект Стрейзанд”. Это выражение означает, что чем старательнее вы пытаетесь убрать что-либо из интернета, тем вернее поощряете всеобщий интерес к этому предмету и тем дальше оказываетесь от достижения своей цели. Термин “эффект Стрейзанд” придумал Майк Масник (популярный американский блогер, пишущий о хайтеке), чтобы описать отчаянные попытки Барбары Стрейзанд удалить из интернета фотографии ее дома в Малибу. Эти снимки, сделанные профессиональным фотографом в рамках *California Coastal Records Project* – проекта созданного с целью документирования береговой эрозии, оставались без внимания до тех пор, пока Стрейзанд не вчинила их автору 50-миллионный иск.

Обитателям склочного мира техноблогов показалось, что Барбара Стрейзанд объявила войну интернету и здравому смыслу. Немедленно началась массовая онлайн-кампания поддержки проекта. Сотни блогеров начали размещать в блогах фотографии из Малибу. Разумеется, недвижимость Стрейзанд стали обсуждать гораздо шире, чем прежде.

Сейчас ясно, что Барбаре Стрейзанд не следовало предпринимать ничего и оставить фотографии там, где они находились: на сайте, где им была почти гарантирована безвестность (в конце концов, снимки ее дома составляли небольшую долю из примерно двенадцати тысяч фотографий береговой линии). Вместо этого она избрала путь цензуры – и жестоко поплатилась. Более того, Стрейзанд проложила дорогу бесчисленным знаменитостям и випам. Церковь сайентологии, российский олигарх Алишер Усманов, корпорация “Сони”, “Интернет вотч фаундейшн”, популярный сайт социальных новостей *Digg.com* – лишь некоторые из жертв “эффекта Стрейзанд”. Противодействуя распространению интернет-контента, они не желали огласки. Они инстинктивно отвечали ударом на удар, не понимая, к чему может привести их агрессия. Даже если кто-либо из них одерживал победу и неудобный контент на время исчезал из интернета, это, как правило, лишь подогревало интерес к тому, что они пытались утаить.

Появилась целая организация (“Викиликс”), заботящаяся о том, чтобы у всех скандальных документов, которые кто-то очень хочет убрать из Сети, было надежное место в интернете. Даже всемогущий Пентагон испытывает затруднения с очисткой Сети от секретного контента после того как “Вики-ликс” опубликовал видеозапись воздушного налета в Багдаде в 2007 году (когда были убиты несколько сотрудников агентства “Рейтер”), а также множество важных документов, касающихся войны в Афганистане.

Впрочем, логика, приводящая к “эффекту Стрейзанд”, не имеет отношения к интернету. Из истории известно, что нет лучшего способа заставить людей говорить о чем-либо, чем запретить им это обсуждать. Случай Герострата, молодого грека, который в 356 году до н. э. сжег в Эфесе храм Артемиды, – вот, вероятно, первое документированное проявление “эффекта Стрейзанд”. Герострата, конечно, подвергли наказанию. Но главная кара, наложенная на преступника властями Эфеса, состояла в том, что людям строго запретили упоминать имя Герострата. Тем не менее тысячи лет спустя мы продолжаем обсуждать этого самовлюбленного пиромана (власти Эфеса не могли предвидеть, что он будет увековечен на собственной странице в “Википедии”).

Хотя чаще всего испытывают на себе “эффект Стрейзанд” пекущиеся о своей репутации голливудские звезды, корпорации и общественные организации, заботит он и авторитарные правительства. На протяжении большей части своей истории авторитарные государства считали, и не без оснований, что могут контролировать информацию, ограничивая доступ к средствам ее распространения и следя за тем, как ими пользуются те, у кого этот доступ есть. Николае Чаушеску, жестокий диктатор, правивший Румынией с 1965 по 1989 год, объявил

владение пишущими машинками, не зарегистрированными в милиции, преступлением. Более того, он подумывал о том, чтобы заполучить образцы почерка всех граждан Румынии, дабы пресечь их массовую переписку с западными СМИ вроде “Радио Свобода”. Но даже столь решительные меры ему не помогли.

Если издержки незаконного распространения информации, финансовые или репутационные, слишком велики, становится меньше возможностей ею делиться и “эффект Стрейзанд” не оказывает заметного влияния на поток официальной информации. Но когда почти каждый может публиковать все, что хочет, без особых затрат и при этом сохранять анонимность, “эффект Стрейзанд” превращается в настоящую угрозу. Нередко он делает традиционные формы цензуры контрпродуктивными. Большинство блогеров, пишущих о политике, приходят в восторг от мысли, что можно дразнить цензуру, публикуя то, что власть хочет скрыть.

Однако неверно думать, будто “эффект Стрейзанд” подразумевает отказ от контроля над информацией. Цензоры просто могут обратиться к менее очевидным и более тонким средствам минимизации негативного влияния информации, распространяемой в интернете. Вместо цензуры (нередко она лишь прибавляет достоверности критике, которая содержалась в записи в блоге или в статье) правительство может прибегнуть к услугам “спинтернета” и обезвредить критику действенной пропагандой. В странах, где даже страстные сторонники демократизации очень подозрительно относятся к иностранному вмешательству, для дискредитации блогера достаточно обвинить его в получении спонсорской помощи от американского ЦРУ, английской МИ-6 или израильского Моссада (а лучше – всех трех спецслужб разом). Когда эту инвективу озвучат сто блогеров (даже если некоторые из них – личности сомнительные), самые здравомыслящие критики правительства дважды подумают, прежде чем решиться на перепост. Лучший для правительства способ создать культуру недоверия – вышибать клин клином, поддерживая блогерские “группы быстрого реагирования”.

Выгоды этого подхода очевидны и западным всезнайкам. В 2008 году видный американский правовед Касс Санстайн, возглавляющий департамент информации и нормативно-правового регулирования в администрации Обамы, выступил соавтором бойкой статьи, в которой порекомендовал правительству США заняться “когнитивным внедрением” в онлайн-группы, распространяющие теории заговора. По мнению Санстайна, “правительственные агенты и их помощники, действующие открыто или анонимно, в виртуальном пространстве и наяву, смогут подорвать убогую эпистемологию конспирологов, посеяв сомнения в верности их теорий и подогнанных под них фактов, циркулирующих в этой среде”. Уго Чавес или Махмуд Ахмадинежад считают, что подталкивание к демократизации их стран в американской манере – это часть своеобразного плана заговора. Неудивительно, что Чавес и Ахмадинежад воплотили в жизнь рекомендации Санстайна и рекрутировали целую армию оплачиваемых, но технически независимых сетевых комментаторов. (Не стало неожиданностью и то, что предложения Санстайна оказались политически неприемлемы на Западе: трудно представить себе человека, который поддерживает тайно оплачиваемых Белым домом блогеров, вступая в дискуссии с их оппонентами-консерваторами.)

Первый порнограф России + российская Сара Пэйлин =?

Один из самых прочных мифов об интернете гласит: авторитарные правительства – это слабые, неэффективные бюрократии, которые опасаются распространения технологий или же не понимают, что это такое, и поэтому (даже если они, отбросив “дилемму диктатора”, допустят их распространение у себя в стране) не смогут ими распорядиться. Этот взгляд, конечно, ошибочен. В конце концов, это Уго Чавес, а не Хиллари Клинтон шлет твит за твитом со своего “блэкберри”. (Спустя несколько дней после начала акций протеста в Иране Клинтон спросили о “Твиттере”, и она не смогла сказать ничего лучше, чем “Я бы не отличила ‘Твиттер’

от твитера¹¹. Однако ясно, что он очень важен”).

Причина, по которой многие авторитарные правительства наладили онлайн-пропаганду, кроется в том, что их окружают блестящие знатоки интернета. Не стоит думать, что авторитарные лидеры прислушиваются к советам случайных людей, – напротив, у них великолепные советчики. Это происходит отчасти потому, что работа на правительство в несвободных странах приносит несомненную выгоду. Несмотря на кажущуюся несовместимость коммунистических идеалов с реалиями современного глобализирующегося мира, некоторые из наиболее способных молодых китайцев и сейчас стремятся вступить в ряды компартии, просто из карьерных соображений. (Популярный у китайской молодежи лозунг гласит: “До вступления в партию ты надрываешься, после – отдыхаешь. До вступления в партию ты независим, после – сливаешься с толпой”). Один из китайских университетов провел исследование, опросив студентов и преподавателей, которые были членами КПК. Оказалось, что почти половина этих людей вступили в партию, надеясь, что это поможет найти хорошую работу. Поскольку современные авторитарные режимы не предлагают собственной системы ценностей или последовательной идеологии (Китай и Россия не смогли толком решить, что такое “после Ленина” и “после Мао”), многие талантливые молодые люди соглашались работать на государство без особых сомнений, которые у них появились бы, если бы их лидеры верили в то, что они говорят публично.

Кремль отчасти сумел установить прочные связи с динамичной интернет-культурой и научился использовать ее в своих идеологических интересах. Упомянем, например, Евгения Касперского (основателя фирмы-производителя популярного антивирусного софта, одного из лучших специалистов по сетевой безопасности), которого убедили стать членом Общественной палаты. Это квазигосударственный институт, составленный из прокремлевски настроенных знаменитостей, бизнесменов и интеллектуалов и призванный от имени гражданского общества поддерживать инициативы, одобрения которых требует Кремль. После своего назначения в Общественную палату Касперский выступил за ограничение сетевой анонимности.

Однако никто не воплощает удивительную сложность российской машины сетевой пропаганды лучше, чем Константин Рыков. Он – бесспорный “крестный отец” Рунета. Рыков, родившийся в 1979 году, сыграл значительную роль в некоторых страннейших контркультурных проектах середины 90-х годов. В 1998 году он стал одним из основателей электронного журнала *fuck.ru*, в котором репортажи о ночной жизни Москвы соседствовали с развлекательными материалами и заметками об искусстве. В многочисленных интервью он даже называл себя первым порнографом России.

Мало кто из знающих Рыкова в то время мог предположить, что спустя всего десять лет он станет уважаемым (и одним из самых молодых) депутатом Государственной думы, а по совместительству – неофициальным послом Кремля во Всемирной паутине. Отойдя от радикализма 90-х годов, депутат Рыков стал защитником семейных ценностей. Он предложил в качестве меры борьбы с пропагандой насилия и порнографией в СМИ запретить детям в возрасте до девяти лет заходить в интернет самостоятельно.

Кремлю Рыков был важен потому, что он за прошедшие годы создал эффективную пропагандистскую империю, включающую как традиционные, так и новые медиа. Что касается первых, то Рыков основал издательство “Популярная литература”, которое печатает беллетристику, рассчитанную на массового читателя, и в рекламных целях активно пользуется социальными медиа. Присутствие Рыкова в интернете связано в основном с его компанией “Нью медиа старз”. Ей принадлежат: сайт *zaputina.ru* (запущенный в рамках непродолжительной кампании в поддержку третьего президентского срока Владимира Путина), сетевой таблоид “Дни”, многопользовательская игра “Дозоры”, лидер российского интернет-телевидения *Russia.ru*, газета “Взгляд” – онлайн-аналог журнала “Слэйт” с

¹¹ *Tweeter* – высокочастотный динамик, “пищалка” (англ.). – Прим. перев.

заметным консервативным уклоном.

Рыков, один из основателей гедонистического интернет-телевидения *Russia.ru*, показывающего “Сиськи-шоу”, ответственен за фабрикацию массы откровенно пропагандистского видеоконтента. Один из пиков карьеры Рыкова как пропагандиста пришелся на изготовление документального фильма “Война 08.08.08. Искусство предательства” на щекотливую тему грузино-российского военного конфликта. В фильме (он смонтирован из видеозаписей, предположительно сделанных грузинскими военными на камеры мобильных телефонов, ставших российскими трофеями) война показана сквозь призму идеологии, а грузины предстают в самом невыгодном свете.

Фильм невероятно быстро распространился в Сети. Его посмотрели 2,5 миллиона человек. Успех кампании во многом обусловил то, что продюсеры использовали всевозможные способы распространения цифровых материалов. Они разместили фильм во всех популярных пиринговых сетях и поощряли пиратов к его копированию. Показ на канале *Russia.ru* помог популяризации фильма. На телеэкраны он тоже попал: в первую годовщину войны “Искусство предательства” было показано одним из российских патриотических каналов. А чтобы упрочить доминирование в медиа, за фильмом последовала книга, которую хорошо приняли российские блогеры и журналисты. О таком уровне конвергенции западные производители интернет-контента могут только мечтать.

Рыков, один из самых заметных людей в современном Рунете, понимает природу “эффекта Стрейзанд” и поэтому стремится заменить очевидную правительственную цензуру в Сети на мягкие, пропагандистские методы контроля. В 2009 году он предельно ясно выразил свой взгляд: “Цензура – это термин, который невозможно поставить рядом с интернетом. Технологии цензуры в интернете просто нет. Пока существует интернет, цензура невозможна”. Российские лидеры прислушиваются к Рыкову и настойчиво повторяют, что “в России нет цензуры интернета”, – хотя бы для того, чтобы показать себя более прогрессивными, чем китайские соседи. Здесь во всей красе проявился пропагандистский гений Рыкова: Кремль ухитряется зарабатывать баллы на пропаганде, *не* прибегая к цензуре в интернете.

Когда за выстраивание стратегии сетевой пропаганды Кремля берутся люди вроде Рыкова, русским становится очень непросто оценить то, что они читают в интернете, даже если там нет цензуры. Еще хуже, что дело Рыкова продолжила растущая когорта молодых интернет-гуру, возникшая отчасти благодаря прокремлевским молодежным движениям. (Эти движения были созданы для противодействия угрозе цветной революции, поскольку в Сербии, Грузии и Украине прозападные молодежные движения сыграли заметную роль в свержении правительства.) Среди этих “гуру” наиболее примечательна Мария Сергеева, двадцатипятилетний член федерального политсовета “Молодой гвардии”.

“Политическая блондинка”, изучавшая философию, ведет популярный блог, в котором рассуждает о необходимости господдержки гибнущей российской автоиндустрии и высылки “домой” иммигрантов, восхищается императрицей Екатериной II и время от времени публикует фотоотчеты с крутых загородных вечеринок. “С первого дня меня воспитывали быть патриотом, – заявила она в интервью лондонской газете “Таймс”. – Я впитала любовь к России с молоком матери. Мне нравится слушать героические рассказы дедов о войне. Путин дал нам стабильность и экономический рост. Хорошо, что он тверд и последователен”.

Вообразите Патрика Бьюкенена¹² с телом Пэрис Хилтон, и вы получите некоторое представление о Марии Сергеевой. Благодаря ряду видеоклипов прокремлевской направленности и широко разошедшимся записям в блогах, Сергеева приобрела даже международную известность. Газета “Дейли мейл” назвала ее “путинской девушкой с обложки”, а “Нью-Йорк дейли ньюс” – “российской Сарой Пейлин”.

¹² Консервативный американский политик, автор антииммигрантского сочинения “Смерть Запада”. – *Прим. перев.*

Кремль чрезвычайно нуждается в таких людях, как Сергеева, чтобы привлечь внимание молодежной аудитории, недостижимой с помощью площадок, которые правительство уже контролирует: радио, ТВ, прессы. Для российских властей задача по возвращению молодежи под свое крыло (отчасти через изображения Кремля “крутым”) важна настолько, что в 2009 году Владимир Путин в приветственной речи участникам национального конкурса хип-хопа “Битва за респект” заявил, что “брейк-данс, хип-хоп и граффити – это даже более привлекательное сочетание, чем водка, икра и матрешки”.

(Попытки Кремля поставить себе на службу хип-хоп движение того же рода, что и стремление освоить блогосферу. В отличие от российских рокеров и поп-певцов, рэперы охотно берутся за политические темы и рассказывают в своих песнях о коррупции, полицейских бесчинствах и пренебрежении Кремля к неимущим.)

При необходимости Кремль готов впрячь в одну телегу интернет, молодежь и религию. В 2009 году Борис Якеменко, один из основателей прокремлевского движения “Наши”, опубликовал колонку, в которой давал Русской православной церкви советы о том, как обращаться с интернетом. Он призвал ее готовить “интернет-миссионеров... которые умеют спорить и убеждать и смогут вытаскивать запутавшихся из Всемирной паутины на свет божий и передавать их тем, кто поведет их в храмы... Победа церкви в интернете является принципиально важной в борьбе за молодежь”. Менее года спустя глава РПЦ откликнулся на призыв Якеменко и призвал своих последователей проявлять больше активности в Сети.

Влияние на национальный дискурс людей, подобных Рыкову и Сергеевой, расширяется. Кремль не прочь превратить их в знаменитостей: традиционные, контролируемые государством СМИ транслируют фрагменты записей их выступлений и освещают их бурную общественную деятельность. Максим Кононенко, видный консервативный блогер, близкий к Рыкову, даже стал соведущим ток-шоу на одном из национальных каналов, идущего в прайм-тайм. Это прибавило ему популярности в блогосфере. Таким образом, “новые” и “старые” медиа дополняют друг друга: чем больше новые кремлевские пропагандисты появляются на телевидении или в печати, тем больше людей обращают внимание на их деятельность в Сети. Блогеры, связанные с Кремлем, получают солидную фору и доступ к почти неограниченным ресурсам. Неудивительно, что они гораздо заметнее своих либеральных оппонентов. Парадоксально, но Кремль агрессивно использует свою власть, чтобы извлечь выгоду из децентрализации Всемирной паутины.

Государство вкладывает деньги и в обучение. В 2009 году связанный с Кремлем аналитический центр основал “Кремлевскую школу блогеров”: курс открытых семинаров и мастерские, которые ведут идеологи и пропагандисты российского режима. История появления этого проекта – поучительный пример того, как полезные на первый взгляд шаги Запада могут вызвать деструктивные встречные шаги правительств, которые Запад стремится ослабить. Проект явился прямым ответом на “Школу блогеров”, организованную фондом “Гласность”, финансовую поддержку которому оказывает в том числе американский Национальный фонд поддержки демократии (один из его основателей – “ястреб” Марк Палмер, идеолог свержения диктаторов при помощи интернета).

Когда консервативно настроенные блогеры, предводительствуемые тем же Кононенко, узнали, что фонд, тесно связанный с правительством США, имеет некоторое отношение к финансированию российских “Школ блогеров”, блогосферу заполнили всевозможные конспирологические теории и соображения о том, как противостоять иностранной “виртуальной угрозе” российскому суверенитету. Это привело к учреждению “Кремлевской школы блогеров”. (Очевидно, сыграло роль и то, что на роль руководителя своего проекта фонд “Гласность” выбрал Григория Пасько – известного российского журналиста, обвиненного в шпионаже в пользу Японии.) Конечно, шума было бы меньше, если у проекта было бы менее броское название. Мало кто из бдительных сторонников Кремля обратил бы внимание на семинар с названием “Основные электронные технологии для профессионалов негосударственного сектора. Введение”. Но в ситуации, когда блогосфера стремительно политизируется, любой тренинг, в названии которого присутствует слово “блог”, все чаще

воспринимается как партизанский лагерь для подготовки цветной революции. Как бы то ни было, общественный резонанс, вызванный первой “Школой блогеров”, заставил Кремль всерьез озаботиться собственным присутствием в новом медиапространстве – чтобы не уступить его Западу.

Вдохновитель “Кремлевской школы блогеров” – Алексей Чадаев, тридцатидвухлетний идеолог “Единой России” и один из умнейших апологетов путинского режима. В 2006 году Чадаев опубликовал книгу “Путин. Его идеология”, которую “Единая Россия” позднее объявила “официальной трактовкой курса властей”. Алексей Чадаев, защитивший кандидатскую диссертацию на тему “Влияние развития новых информационных сред на формирование информогенных субкультур”, проложил себе путь в политику при помощи техники. Он создал сайт для заметного политика-либерала Бориса Немцова. Несколько лет спустя он даже вел антипутинскую сетевую кампанию, а после перешел на сторону Владимира Путина.

Алексей Чадаев, который представляет собой противоположность антиинтеллектуально настроенной популистки Марии Сергеевой, не боится блеснуть знаниями. Особенно он любит рассуждать в своем блоге (теперь и в “Твиттере”) о значимости для кремлевской пропаганды таких мыслителей, как Славой Жижек, Жак Лакан и Жиль Делез. В июле 2010 года его сердитые твиты даже вынудили уйти в отставку главу президентского совета по правам человека Эллу Памфилову, одного из немногих либеральных политиков, занимавших высокий государственный пост. Чадаев, который признался, что всем, что он имеет, он обязан интернету, великолепно разбирается в сетевых трендах и новейших методах пропаганды. Он пристально следит за российской пестрой молодежной культурой и особенно – за растущей группой людей, которые игнорируют контролируемые государством СМИ, образуют малые сетевые сообщества и узнают новости в интернете. Чадаев так определил повестку дня – собственную и партийную: “Задача ‘Единой России’ сейчас – найти общий язык с этими сообществами, найти точки входа в эти сообщества”.

Подобно Рыкову и Сергеевой, Чадаев знает, как сделать так, чтобы тебя заметили в Сети (в основном потому, что интернет – это среда, в которой он сформировался профессионально и интеллектуально). Он создает тот сложный закадровый звуковой фон, который легко не заметить, особенно если судить о российской блогосфере по числу новых голосов, звучащих в сетевых дискуссиях. С такими советчиками у Кремля нет необходимости контролировать Всемирную паутину. С их точки зрения, интернет – это не пространство, которое надо контролировать, а отличный полигон для пропагандистских экспериментов.

“Пятидесятицентовая армия”

Константин Рыков и Мария Сергеева спокойно занимаются производством брендированной пропаганды и не скрывают своих отношений с Кремлем, однако некоторые государства используют для этого анонимные – и более творческие – модели. Китайский “спинтернет” разветвленнее российского. Органы власти на местном и региональном уровнях играют важную роль в формировании общественного дискурса в “своих” областях блогосферы. Китайские лояльные правительству интернет-комментаторы известны как *умаодан*, или “пятидесятицентовая армия”: эти люди якобы получают эквивалент пятидесяти центов за каждый комментарий в поддержку правительства.

Дэвид Бандурски из Гонконгского университета, эксперт по Китаю, внимательно следящий за эволюцией *умаодана*, утверждает, что миссия “пятидесятицентовиков” заключается в “защите интересов компартии путем освоения быстро растущего китайского сектора интернета и надзора за ним”. Являясь частью гигантской пропагандистской машины, *умаодан* ввязывается в сетевые дискуссии, направляет их в идеологически приемлемое русло и, по словам Бандурски, “нейтрализует нежелательные настроения, отстаивая партийную точку зрения в чатах и на интернет-форумах”. По мнению Бандурски, численность *умаодана* составляет около 280 тысяч “бойцов”. Им не только регулярно платят за сотрудничество:

различные официальные органы организуют тренинги для совершенствования их риторических навыков.

Китайское правительство не скрывает, что оно дирижирует сетевыми дискуссиями. У Хао – чиновник, ответственный за устранение репутационного ущерба после истории с гибелью заключенного, – признался, что “когда... общественное мнение [в Сети] полностью оказывается на одной стороне, мы действительно разбавляем этот хор другими голосами, чтобы общественность могла вынести собственное независимое суждение”. Иными словами, китайские чиновники не против того, чтобы люди делали собственные умозаключения, но будут старательно манипулировать доказательствами. Ли Сяолин, начальник отдела пропаганды китайского города Шаогуань, утверждает, что во многом деятельность *умаодана* направлена не на пропаганду, а на пресечение слухов: “Иногда слухи подобны снежному кому. Они растут на глазах, особенно в интернете. При недостатке общения появляется спрос на слухи. Если же коммуникация налажена, слухам не остается места”.

Сама идея *умаодана* (гибрид прежних моделей правительственной пропаганды и новых, гибких форм воздействия, которые можно применять за рамками государственного аппарата) отвечает пристрастию китайских лидеров к “руководству общественным мнением”, когда правительство и граждане взаимно дополняют усилия друг друга (правительству, разумеется, отведена в этой паре ведущая роль). Китайские коммунисты-интеллектуалы ясно осознают, что пропагандистская модель должна адаптироваться к эпохе интернета, а некоторые решительно призывают использовать Сеть в идеологических целях более активно. Молодые китайские ученые Хуан Тяньхань и Хуэй Шуган отмечают: “Мы должны... понимать, что существует громадная пропасть между традиционными формами пропаганды и образованием и методами современных СМИ. Это вынуждает нас творчески изменять традиционные формы пропаганды и пользоваться современными высокими технологиями для отладки, обогащения и усовершенствования содержания и внешних форм нашей культуры. Это сделает ее понятней для молодежи и откроет больше возможностей для обучения”.

Язык пропаганды – еще один объект “творческих изменений”. В 2010 году на собрании в Центральной партшколе, где присутствовало девятьсот чиновников и студентов, вице-президент Си Цзинпин потребовал, чтобы чиновники избегали в своих речах употребления “нездорового” стиля, “пустых слов” и политического аргумента, поскольку это может пойти в ущерб эффективности.

Рост влияния *умаодана* на интернет – важный этап постоянного совершенствования китайской пропаганды. Сейчас она характеризуется большей децентрализацией, возросшей зависимостью от частного сектора и радикальной интернационализацией. Анн-Мари Брейди, один из ведущих экспертов по китайской пропаганде, в своей книге 2009 года “Маркетинг для диктатуры: пропаганда и контроль над мыслями в современном Китае” указала на то, что китайские чиновники восприняли научный подход к пропаганде. После событий на площади Тяньаньмэнь они стали уделять больше внимания связям с общественностью, работе со СМИ и социальной психологии. По словам Брейди, после трагедии (которая якобы стала прямым результатом временного снижения оборотов маховика пропаганды и либерализации общественной жизни в 90-е годы) компартия вернулась к прежнему лозунгу: “Держись обеими руками; обе руки должны быть сильны и крепки” (это значит, что источниками политической легитимности должны служить и экономические успехи, и пропаганда).

К счастью для КПК, многие западные интеллектуалы, особенно в первой половине XX века, также видели в пропаганде неотъемлемую деталь механизма современного капиталистического государства. Неудивительно, что работы американских теоретиков пропаганды вроде Гарольда Ласуэлла (характерная цитата: “Мы не должны поддаваться влиянию демократических догм, гласящих, что люди – наилучшие судьи собственных интересов”) и Уолтера Липмана (“общественность следует поставить на место... чтобы каждый из нас мог жить, не слыша топота и рева сбитого с толку стада”) были переведены на китайский и, по данным Брейди, стали достаточно популярны среди китайских государственных пропагандистов.

Иными словами, китайские мастера пропаганды обращаются к Западу и его обширным интеллектуальным ресурсам в собственных, далеких от демократии целях. (Нечто подобное происходит в России, где связанные с Кремлем молодые интеллектуалы часто оставляют в своих блогах гиперссылки на пиратские сетевые издания ключевых западных текстов по экономике, психологии и политологии.) Брейди отмечает, что “перестройка лейбористской партии Великобритании при Блэре стала образцом для реорганизации КПК в 90-х годах”. Питера Мандельсона, сыгравшего ключевую роль в обновлении лейбористской партии, в 2001 году приглашали в Пекин, в Центральную партшколу, чтобы он поделился своими знаниями. Брейди считает, что китайские чиновники, ответственные за пропаганду, последовали примеру политтехнологов Блэра для манипуляции СМИ во время политического кризиса, вызванного эпидемией атипичной пневмонии 2002–2003 годов. Кроме того, китайские официальные лица также наносили визиты левым партиям Германии, чтобы разобраться, как они менялись в последние несколько десятилетий. Учитывая, что большинство пропагандистских приемов, используемых сейчас китайским режимом, заимствованы из западных учебников, не станет сенсацией, если однажды обнаружится, что “бойцы” *умаодана* вдохновлялись распространенной деловой практикой “астротурфинга”¹³. Это как если бы рекламщики с Мэдисон-авеню открыли филиал в Пекине.

Китайский опыт вдохновил другие правительства (и авторитарные, и демократические) на создание собственных кибербригад. В 2009 году правительство Нигерии решило поставить под ружье более семисот нигерийцев дома и за границей, чтобы создать так называемый Фонд антиблогеров и воспитать новое поколение лояльных правительству сетевых деятелей, которые вели бы онлайн-битвы с оппозиционерами. Взамен лоялисты получали талоны в интернет-кафе и денежное вознаграждение. В том же году передовицы официальных кубинских газет начали зазывать кубинских журналистов в “кибертраншеи”, чтобы защищать завоевания революции в режиме онлайн, открывая блоги, оставляя критические комментарии в антиправительственных блогах и перепечатывая лучшие записи из лоялистских блогов в государственных СМИ. Прежде чем перенять у китайцев тактику кооптирования противников в свои ряды, южнокорейские официальные лица обвиняли правительство КНДР в том, что оно развязывает войну при помощи вымышленных пользователей: якобы северокорейцы сеяли слухи о том, что корвет “Чхонан” не был потоплен их торпедой, как утверждало южнокорейское правительство, и что представленные доказательства были сфабрикованы. В мае 2010 года правящая партия Азербайджана, обеспокоенная тем, что оппозиционеры активно пользовались “Фейсбуком” и “Ю-Тьюбом” для распространения своих материалов, организовала встречу с представителями проправительственных молодежных групп. В итоге было решено предоставить нарождающемуся движению “спинтернетчиков” офис, откуда они смогут вести сетевые сражения с противниками режима.

Уго Чавес, прежде чем присоединился к поклонникам “Твиттера”, объявил об учреждении “Коммуникационной герильи” – сети из семидесяти пяти рекрутов в возрасте от тринадцати до семнадцати лет. Одетых в хаки и с красными банданами на шее юношей и девушек предположительно готовили к “противостоянию империалистическим обращениям” в социальных сетях в интернете, в граффити, в памфлетах и “путем прямого вмешательства”.

Не отстает и Египет. Власти этой страны, обратив внимание на распространявшиеся в 2008 году в “Фейсбуке” антиправительственные призывы, решили приспособить этот сайт для своих нужд (он был слишком популярен, чтобы просто перекрыть к нему доступ). Когда Гамаль Мубарак, сын и возможный преемник президента Хосни Мубарака, начал давать сетевые интервью, в “Фейсбуке” появилось – предположительно стихийно – более полусотни групп, призывавших его выдвинуть свою кандидатуру на пост президента.

Несмотря на свое негативное отношение к интернету после манифестаций 2009 года,

¹³ Астротурфинг (от англ. *Astroturf* – марка искусственного травяного покрытия) – имитация общественной поддержки политика или партии, товара или услуги, события или позиции. – *Прим. перев.*

иранские власти, кажется, тоже поняли, что им следует быть активнее в киберпространстве. В 2010 году в Иране сторонники жесткой линии организовали собственную социальную сеть “Велаятмадаран” (*Velayatmadaran*), что отсылает к последователям велаят-факиха, Высшего руководителя Ирана аятоллы Али Хаменеи. Набор опций стандартен для соцсети: пользователи “Валайятмадаран” (к середине 2010 года их было около трех тысяч) могут “френдить” друг друга, публиковать картинки (особенно популярны карикатуры на “Зеленое движение”), видеоролики и гиперссылки на любопытные статьи.

Пользователей этой сети мало что связывает, кроме высокой цели противостояния “злу”, хотя здесь есть возможность для обсуждения более прозаических тем, таких как “Правление велаят-факиха” или “Женщины и семья”. В определенном смысле появление “Велаятмадаран” явилось лишь очередным этапом в долгосрочной государственной стратегии освоения новых медиа. Иран начал готовить новое поколение религиозных блогеров в 2006 году. Тогда в городе Кум, центре религиозного образования страны, появилось Бюро по развитию религиозного блогинга. Его деятельность в основном направлена на женщин. Хотя духовенство с трудом, но смирилось с тем, что существуют женщины-блогеры, им по-прежнему пытаются указывать, о чем говорить. В 2006 году Иран с гордостью принимал Фестиваль коранических блогеров, в рамках которого прошел конкурс, призванный “помочь расширению влияния священного Корана в интернете”.

“Стражи исламской революции” также пытаются покорить киберпространство. В конце 2008 года они пообещали открыть десять тысяч блогов под надзором полувоенной организации “Басидж”, чтобы противодействовать светским блогерам.

Все это может при необходимости пригодиться. Самое замечательное – и почти незамеченное – в твиттер-революции то, что спустя две недели после начала манифестаций в “Твиттере” стало в двести раз больше лоялистских записей, чем перед выборами. И вряд ли это произошло потому, что иранские пользователи “Твиттера” вдруг полюбили Ахмадинежада.

Пропаганда вредна и в малых дозах

Какую бы тактику ни избирали авторитарные правительства (манипулирование общественным мнением с помощью *умао-дана*, опровергающего предрассудки подкармливаемых Западом оппозиционеров, либо поддержка харизматичных сетевых деятелей наподобие Сергеевой или Рыкова), они мастерски регулируют сетевую полемику на самые болезненные темы (и почти всегда определяют ее итог).

Не все эти приемы работают. Некоторые методы сетевой пропаганды, как показывает история с гибелью китайского заключенного, далеки от изящества. Другие не могут полностью устранить общественное недовольство потому, что пропагандистские меры принимаются слишком поздно или же ситуация настолько серьезна, что никакая пропаганда не может поправить дело. И все же сейчас самое время избавиться от наивной веры в то, что интернет помогает поискам истины и уходу от новостной повестки, навязываемой правительством. То, что публичный дискурс в эпоху интернета стал децентрализованным (он позволяет каждому почти бесплатно распространять свои взгляды и мнения), само по себе не значит, что наступила эра транспарентности и честности.

Существующий дисбаланс власти между государством и его оппонентами означает, что сильнейшая сторона (почти во всех случаях это государство) с самого начала получает преимущество в новой децентрализованной среде. Ведь децентрализация дает больше рычагов влияния на публичный дискурс, в который (при определенных условиях) проще и дешевле ввести нужные идеи.

Свободным демократическим странам в этом отношении гордиться особенно нечем. Именно интернет-культуре мы обязаны живучести многих свежих мифов, начиная с

“комиссий по смерти”¹⁴ (*death panels*) и заканчивая убеждением, будто изменение климата – это мистификация. Заметим, что эти безумные идеи живут и в отсутствие хорошо оплачиваемого пропагандистского центра. Динамика “коллективного сознания” в условиях авторитарного общества может еще сильнее затруднить установление истины, не говоря уже об ее защите.

Те, кто живет в авторитарном обществе, сравнивают то, что они читают в Сети, не с “Нью-Йорк таймс”, а с газетой “Правда”, этой твердыней честной и беспристрастной журналистики. В сравнении с советскими “Правдой” или “Известиями” почти все, что было когда-либо опубликовано в интернете, неважно кем и как, выглядит правдоподобнее. Старый советский анекдот гласит, что в “Правде” не бывает известий, а в “Известиях” – правды. Большинство людей, живущих в авторитарных государствах, сталкиваются с медиапространством, в котором есть некоторое количество правды и некоторое количество известий, но точное их соотношение неизвестно, поэтому неверные суждения неминуемы.

По результатам опросов россияне охотнее верят тому, что они читают в интернете, чем тому, что они узнают из телепрограмм или газет, и в этом нет ничего удивительного. (Не только россияне – множество американцев всерьез думает, что Барак Обама родился в Кении.) О методах “Правды” они хорошо знают из истории, но для того, чтобы понять, как эти методы могут применяться во Всемирной паутине, нужно немного воображения и опыта знакомства с интернет-культурой. Миф, будто интернет непригоден для правительственной пропаганды, живуч и среди тех, на кого она направлена, и среди сочувствующих им на Западе.

Нетрудно понять, чего добиваются правительства, наводняя блоги и социальные сети специально подобранным контентом. В большинстве случаев они стремятся создать впечатление, что у “сетян” умеренные, продемократические, прозападные взгляды менее популярны, чем на самом деле, а также пытаются привлечь на свою сторону пока не определившихся граждан. В какой-то момент начинает действовать экономия за счет роста: вмешательство платных комментаторов может значительно увеличить количество искренних сторонников режима, и неопиты будут сами по себе, не прося у государства пятьдесят центов, обращать сограждан в свою веру.

Таким образом, все, что требуется от правительства, – это “посеять” семена проправительственного движения, инфიცировать его нужной идеологией, снабдить тезисами, может быть, дать немного денег – и тихо отойти в сторонку. Всю тяжелую работу сделают искренние сторонники действующей системы, а таких, к сожалению, хватает даже при самых жестоких правителях.

Эс-эм-эс и носки председателя Мао

Современная пропаганда не обходит стороной ни одну платформу, легко проникая в эс-эм-эс, компьютерные игры, записи в блогах и даже в рингтоны. Так, в 2009 году миллионы клиентов госкомпании “Чайна мобайл” (вероятно, не испытывавшие прилива патриотизма по случаю Дня образования КНР) однажды утром обнаружили, что оператор мобильной связи заменил их сигналы вызова на патриотическую песню в исполнении Джеки Чана и некоей актрисы. Китайские пропагандисты, как и их российские коллеги, только радуются нынешнему разнообразию медиа. Они любят размещать свои послания гражданам сразу на нескольких платформах, поскольку это, пожалуй, единственный способ воздействовать на молодежь: эту аудиторию трудно “достать” с помощью традиционных медиа. Китайские коммунисты не брезгают худшими рекламными трюками, рекомендуемыми советниками из капиталистических стран, поскольку эти методы работают. Даже на сайте Министерства

¹⁴ Термин введен в употребление Сарой Пэйлин в 2009 году. Она утверждала, что в рамках предложенной Бараком Обамой реформы здравоохранения предусмотрено создание комиссий, которые будут решать, кто достоин оказания медицинской помощи, а кто – нет. – *Прим. ред.*

национальной обороны Китая теперь есть раздел, где желающие могут скачать ура-патриотическую музыку.

Благодаря инновациям вроде компьютерных игр новую жизнь получают даже устаревшие, вышедшие было из употребления лозунги. Две китайские игры – “Учитесь у Лэй Фэна” и “Неподкупный борец” – показывают, что изобретательность, гедонизм и игры не всегда идут вразрез с авторитаризмом. (Происхождение подобных игр не всегда очевидно. Одни правительство заказывает, другие просто финансирует, а третий частный сектор производит сам в надежде снискать расположение государства.)

Главный персонаж игры “Учитесь у Лэй Фэна” – храбрый и простой солдат Народно-освободительной армии Китая, погибший в возрасте двадцати двух лет, – это реальная и самая почитаемая фигура в истории коммунистического Китая. Председатель Мао разглядел в истории жизни Лэй Фэна пропагандистскую ценность и увековечил Лэй Фэна на книжных обложках, плакатах и почтовых марках. В соответствии с духом настоящей истории, персонаж игры “Учитесь у Лэй Фэна” выполняет простые, но крайне полезные для партии задания: штопает носки, помогает строителям, сражается с вражескими агентами. Если силы на исходе, герою следует обратиться за “подпиткой” к партийному секретарю – и тот всегда поможет. Штопка носков окупается с лихвой: в награду за образцовое выполнение задания Лэй Фэн получает охапку книг председателя Мао.

У поклонников “Неподкупного борца” планы амбициознее. Им нужно управлять группой героев китайской истории, которые сражаются и побеждают коррупционеров, обычно сопровождаемых подругами в бикини и мускулистыми охранниками. Кому же не захочется врезать продажному мэру? Выпущенная летом 2007 года игра моментально привлекла более десяти тысяч игроков. Сайт даже временно закрывался, поскольку не мог обработать все входящие запросы.

Одна из наиболее любопытных незамеченных черт эпохи глобализации – то, как быстро авторитарные правительства учатся друг у друга: ноу-хау в области контроля над интернетом быстро становятся всеобщим достоянием. Так, китайские эксперименты с пропагандистскими играми, по-видимому, вдохновили российских законодателей. В начале 2010 года они предложили ввести налоговые льготы для отечественных изготовителей компьютерных игр патриотического содержания. Несколько месяцев спустя вьетнамское Министерство информации и массовых коммуникаций подготовило сходный законопроект, во-первых, поощряющий разработку местными компаниями онлайн-игр, во-вторых, ограничивающий ввоз в страну иностранной игровой продукции. (Похожие российские и китайские проекты Крис Уокер, руководитель исследований “Фридом хаус”, назвал “инкубаторами подавления новых медиа”.)

Но играми дело не исчерпывается. Рассылка так называемых красных эс-эм-эс (*red-texting*) – еще одна выдумка китайских мастеров пропаганды. Эта практика, вероятно, выросла из состязания, организованного одним из китайских операторов мобильной связи: кто сочинит самое красноречивое короткое сообщение на тему любви к партии. Через несколько лет в Пекине высокопоставленные чиновники, отвечающие за телекоммуникации, уже ходили на симпозиумы по рассылке “красных эс-эм-эс”.

“Мне очень нравятся слова председателя Мао: ‘Мир – наш, мы должны объединиться ради свершений. Ответственность и серьезность могут покорить мир, а члены Коммунистической партии Китая обладают этими качествами’. Поистине глубокие и вдохновляющие слова”, – эс-эм-эс такого содержания получили 13 миллионов владельцев мобильных телефонов из города Чунцин в апреле 2009 года. Сообщения, отправленные Бо Силаем, напористым секретарем горкома КПК, который, очевидно, подумывает о политической карьере в национальном масштабе¹⁵, получатели переслали еще 16 миллионов

¹⁵ В сентябре 2013 года суд приговорил Бо Силая к пожизненному заключению за превышение должностных полномочий и коррупцию. – *Прим. перев.*

раз. Недурно для странноватого высказывания давно почившего диктатора.

Оказывается, интернет не подрывает идеологические основы современного авторитаризма. Появление быстрых, децентрализованных и анонимных каналов связи безусловно изменит форму и способы распространения пропаганды, но не обязательно снизит ее эффективность. Сама пропаганда от этого не станет децентрализованной. Выход на сцену ультрасовременных и при этом лояльных правительству сетевых персонажей (как это произошло, например, в России) также может помочь государству контролировать дискуссии в интернете.

Могут ли западные сторонники демократии остановить рост “спинтернета” или хотя бы помешать ему? Вполне возможно. Должны ли они делать это? Трудно сказать. Мы отнюдь не бессильны перед “спинтернетом”. Западные государства могут различными способами противостоять онлайн-пропаганде. Можно, например, создать некий сайт для ранжирования российских или китайских комментаторов с рейтингами их репутации. Можно собирать все комментарии, приходящие с какого-либо IP-адреса, в сетевое досье и таким образом разоблачать правительственных пропагандистов или их пиар-консультантов. Но не нужно бороться со “спинтернетом” только потому, что для этого есть способы. В большинстве случаев такое вмешательство Запада нарушит сетевую анонимность. В демократических странах это, может, и не так страшно (многие, вероятно, помнят бурю, которую вызвало известие о том, что ЦРУ переписывает “Википедию”), но в авторитарных государствах таким образом можно ненароком поставить под угрозу жизнь диссидентов.

Средства борьбы с манипуляциями неожиданно часто оказываются лучшими инструментами слежки за инакомыслящими, и их следует применять с осторожностью. Исконное противоречие между задачами противодействия пропаганде и сохранения анонимности в интернете может заметно сузить пространство для маневра, но игнорировать это противоречие означает играть на руку репрессивным режимам.

С манипулированием трудно бороться еще и потому, что у гидры авторитаризма слишком много голов. Если сегодня авторитарные правительства ищут лоббистов в Вашингтоне и Брюсселе для поддержки своей политической повестки, завтра возросшая прозрачность может вынудить их перепоручить западным пиарщикам и сетевую пропаганду, что сделает ее еще изощреннее.

Лучшее, что могут сделать западные правительства, – очно или дистанционно обучать администраторов оппозиционных сайтов создавать сообщества, делать свой контент заметным, противостоять набегам лояльных правительству комментаторов. Хотя манипулирование – это неотъемлемая черта современного интернета, обманщиков все еще можно обмануть.

Глава 6

КГБ приглашает вас в “Фейсбук”

Представьте, что вы оказались в эпицентре некоей таинственной разведывательной операции. Пока вы подкалываете сетевых приятелей, делитесь с “Твиттером” планами на день и покупаете подарки к Рождеству, обо всем, что вы делаете в Сети, негласно узнает третья сторона. Представьте также, что некто получил доступ к вашему компьютеру и пользуется им для организации DDoS-атак, например на саудовские форумы любителей философии или грузинские диссидентские блоги. При этом вы и понятия не имеете о том, что ваш компьютер с некоторых пор является боевой единицей законспирированной киберармии, а также о том, кого с его помощью атакуют и почему. Ну, как если бы незнакомец тайно читал ваш дневник и с его помощью портил жизнь окружающим.

Это и произошло с отважными вьетнамскими активистами, которые протестовали в 2009 году против открытия нового бокситового рудника (речь идет о совместном проекте

вьетнамского правительства и компании “Чалко”, подконтрольной китайской алюминиевой госкорпорации “Чиналко”). Их компьютеры были взломаны, и это позволило неизвестной третьей стороне не только наблюдать за тем, что делают жертвы в интернете, но и атаковать другие цели во Вьетнаме и за его пределами. Это не был случай обычной компьютерной безграмотности, когда неверное нажатие клавиши или посещение странного порносайта может скормить опасному вирусу плоды месяцев упорного труда. Похоже, что вьетнамские диссиденты ничего подобного не делали. Они избегали подозрительных сайтов и приложений к письмам. Что же произошло?

Вьетнам, страна формально коммунистическая, может похвастаться быстрорастущей интернет-культурой и оппозиционными блогерами, которые часто инициируют кампании, связанные с социальными проблемами (особенно с беспорядочным городским строительством). Правительство, озабоченное ослаблением своего влияния на общественную жизнь, попыталось вернуть контроль над ситуацией, причем так, чтобы не слишком раздражать западных торговых партнеров. В апреле 2010 года оно начало амбициозную кампанию. Обитателей более чем тысячи сельских общин снабдили бесплатными компьютерами, чтобы те могли, по словам одного из чиновников, “контактировать и консультироваться с... учеными относительно эпидемий, поражающих их скот и посевы”. Власти даже организовали курсы компьютерного ликбеза для крестьян.

Тех, кто противится правительственной политике “модернизации любой ценой”, вряд ли пригласят на такие курсы. В 2009 году “Боксайт Вьетнам” (*Bauxite Vietnam*) и “Блогосин” (*Blogosin*), одни из самых видных блогов, бросивших вызов правительству, подверглись масштабным *DDoS*-атакам, подобным тем, которым подверглись “Томаар” и *Сухути*. Вскоре “Боксайт Вьетнам” стал “цифровым эмигрантом” и в итоге перебрался на блог-платформу “Тугла”, а автор “Блогосина” объявил своим подписчикам, что оставляет блогинг, чтобы “сфокусироваться на личных делах”. Эти атаки ясно показали, что правительство Вьетнама следит за развитием инструментов интернет-контроля и не остановилось на блокировании доступа к определенным сайтам.

По всей видимости, осторожные вьетнамские активисты невольно попали в ловушку властей, позволив тайной полиции установить дистанционный контроль над своими компьютерами. Дело было так: кто-то взломал сервер веб-хостинга, где размещался сайт уважаемого Общества вьетнамцев-профессионалов, и вложил вирус в одну из наиболее популярных на сайте зачек – языковой пакет для печатания на вьетнамском языке. Все, кто устанавливал эту программу, превратили свои компьютеры в объект слежки и плацдарм для кибератак. Подобные бреши трудно заметить, поскольку все работает почти как обычно.

Вьетнамские активисты, возможно, никогда не узнали бы, что за ними следят, если бы не шум, поднявшийся после резонансных кибератак на “Тугл” в декабре 2009 года. В поисках источника атак сотрудники “Макафи” – фирмы, занимающейся проблемами компьютерной безопасности, – случайно разоблачили шпионскую операцию во Вьетнаме и сначала решили, что эти два события связаны, но это оказалось не так. Шумиха, поднятая “Туглом” вокруг неожиданного открытия “Макафи”, привлекла внимание западной прессы, достаточное для того, чтобы защитить вьетнамских активистов от немедленной расправы, хотя масса их личных сведений могла быть похищена. Невозможно сказать, сколько подобных разведывательных операций увенчалось успехом, обеспечив авторитарным правительствам преимущество над оппонентами.

Не доверяй человеку с веб-сайтом!

Как правило, такие разведывательные операции (особенно если они широко освещаются СМИ) выходят далеко за рамки обычного сбора информации. Когда активисты подозревают, что за ними следит правительство, но не знают, как именно, многие из них выбирают самоцензуру или вообще прекращают любую рискованную деятельность в интернете. Даже если эти тревоги не оправдываются, всепроникающая атмосфера неопределенности и страха

играет правительствам на руку.

Подобные проекты имеют много общего с паноптикумом – идеальной тюрьмой, описанной в XVIII веке английским философом-утилитаристом Иеремией Бентамом. Цель такой системы – контролировать поведение заключенных, не следя за ними, а внушая мысль, что за ними следят. Правительства, разумеется, рады показать, что они могущественнее, чем кажутся, потому что это тоже работает на них. Так, в январе 2010 года, когда глава иранской полиции Эсмаил Ахмади Могаддам заявил, что “новые технологии позволяют нам идентифицировать заговорщиков и правонарушителей, не устанавливая контроль над каждым человеком в отдельности”, он понимал, что его слова произведут впечатление, даже если он преувеличил свои возможности. Поскольку никто точно не знает, насколько в действительности велики масштабы слежки со стороны властей, каждый арест блогера (неважно, был ли он результатом слежки, наводки, интуиции полицейских или изучения телефонной книги) помогает удерживать от подрывной деятельности инакомыслящих, особенно тех, кто не является профессиональным диссидентом.

Посещение интернета никогда не было особенно безопасным, а быстрое распространение социальных медиа в последнее десятилетие только ухудшило ситуацию. Даже самый надежный почтовый сервис не сумеет уберечь пароль от вашего ящика, если в домашнем компьютере или – помните? – той тормозной машине, которой вы однажды воспользовались в интернет-кафе, установлен кейлоггер – программа, которая фиксирует каждое ваше прикосновение к клавиатуре. И нет необходимости взламывать вашу почту, чтобы почитать вашу переписку: достаточно и незаметной видеокамеры у вас за спиной. Даже от надежных, защищенных шифрованием сервисов наподобие “Скайпа” будет мало толку, если сотрудник тайной полиции, занявший соседнюю квартиру, выставит в окно параболический микрофон. Поскольку большая часть сетевых занятий зависит от материальной инфраструктуры (клавиатур, микрофонов, дисплеев и так далее), никакие успехи в технологии шифрования данных не смогут полностью обезопасить пользователя.

Эксперты по безопасности утверждают, что хотя можно снизить риск, связанный с компьютерной инфраструктурой, гораздо труднее призвать к порядку людей, пользующихся ею. Во многих случаях угроза исходит от сетей, которым мы доверяем, если они подверглись манипуляции: мы получаем электронное письмо от знакомого или загружаем файл с надежного сайта, как это было с вьетнамскими активистами. Мы не ожидаем заражения вредоносной программой от сайта организации, которой доверяем, как обычно не опасаемся, что нас отравят на званом обеде. Кликнув на ссылку, мы не боимся, что выйдем на сайты, которые превратят наши компьютеры в миниатюрные паноптикумы. Доверие – одна из тех вещей, которые делают интернет привлекательным для ведения бизнеса или просто для того, чтобы убивать время. Мало кто из нас всерьез изучает настройки безопасности любимых сайтов, особенно если мы не собираемся сообщать им никакие секретные данные. Однако подобная беспечность делает соблазнительной атаку на такие сайты, особенно нишевые, обслуживающие определенную аудиторию. Атака может инфицировать компьютеры независимых журналистов, отважных правозащитников или историков-ревизионистов, не вызвав подозрений у тех, кто лучше разбирается в компьютерах.

Таким образом, плохо защищенные сайты специализированных сообществ дают возможность организовывать такие атаки (многие из них неминуемо ведут к усилению интенсивности слежки), которые были бы нерезультативны, если атаковать участников этих сообществ по отдельности. Например, это произошло с “Репортерами без границ” – известной международной НКО, защищающей свободу прессы. В июле 2009 года некто вставил вредоносную гиперссылку в электронное письмо, которое “Репортеры” разослали своим сторонникам. Ссылка была помещена после петиции с требованием освободить из тюрьмы режиссера-документалиста Донгдупа Вангчена. Она вела к тексту, выглядевшему как настоящая петиция (никто ничего не заподозрил), но при этом заражала компьютер каждого, кто на нее кликал. Узнав об этом, “Репортеры” тут же удалили ссылку, однако трудно сказать, сколько компьютеров попало под удар.

Даже популярные и гораздо лучше лучше укомплектованные организации не застрахованы от досадных ошибок, что может навредить всем, кто вхож в определенный социальный или профессиональный круг. В начале 2009 года сайт “Нью-Йорк таймс”, который размещает баннерную рекламу, невольно “скормил” вредоносное программное обеспечение некоторым своим посетителям. Подобное будет происходить все чаще, поскольку все больше сайтов включают услуги, предоставляемые третьей стороной (например, кнопку “лайк” из “Фейсбука”), попутно передавая ей полный контроль над потоками информации, проходящими через сайт. Если даже сайт “Нью-Йорк таймс” заражает компьютеры читателей вирусами, это значит, что почти уже нигде в интернете нельзя заниматься серфингом на автопилоте.

Интернет основан на доверии, но эта зависимость скрывает многочисленные слабые места. Его эффективность в создании островков инакомыслия и даже, в исключительных случаях, в проведении кампаний против авторитарных правительств, следует оценивать в соответствии с большим количеством критериев, чем дешевизна и легкость коммуникации. Если бы это составляло главную функцию современного интернета, электронная почта была бы дешевой, эффективной и безопасной альтернативой обмену бумажной корреспонденцией. Однако в нашем мире, где интернет многофункционален, было бы ошибкой оценивать электронную почту в отрыве от остальных видов деятельности в Сети: просмотра веб-ресурсов, чатов, переписки, игр, обмена файлами, загрузки и просмотра порнографии. Любое из этих занятий несет опасность.

Важно не стать жертвой интернетоцентризма и не фокусироваться на имманентных свойствах сетевых инструментов в ущерб анализу того, как эти свойства меняются под воздействием среды, где эти инструменты используются. Получение и отправка почты в интернет-кафе на компьютере, куда предыдущий посетитель скачивал порнографию с нелегальных сайтов, – не бог весть какое преимущество в сравнении с передачей напечатанного на бумаге письма. Однако именно в такой обстановке часто приходится действовать активистам из развивающихся стран, испытывающим нехватку денег и техники либо просто скрывающимся от всевидящего полицейского ока. Чтобы осмыслить весь риск, которому подвергаются активисты, нужно чуть больше усилий, чем тратится на изучение пользовательского соглашения при регистрации нового почтового ящика.

Почему базы данных лучше офицеров Штази

Возможно, информация и в самом деле кислород современной эпохи, говоря словами Рональда Рейгана, но этот кислород питает и систему жизнеобеспечения диктатуры. Какой разумный диктатор упустит возможность больше узнать о нынешних и будущих недругах? Поиск действенной стратегии сбора информации для авторитарных правительств всегда был приоритетом. Нередко для этого (скажем, во многих странах Восточного блока) спецслужбы вторгались в частное пространство – например, устанавливали “жучки” в квартирах диссидентов и прослушивали телефонные переговоры. Но иногда правительства действовали изобретательнее, особенно если они прощупывали настроения в обществе, вместо того чтобы пытаться проникнуть в умы отдельных диссидентов.

Греческая хунта, например, пыталась следить за тем, кто какие газеты читает, и таким образом быстро узнавала о политических предпочтениях читателей. “Черным полковникам” очень понравился бы интернет: достаточно изучить “перечни пожеланий” на “Амазоне” (книги, фильмы и прочее), которые публикуют клиенты. В 2006 году технический эксперт Том Оуэд провел необычный эксперимент. Менее чем за сутки он собрал “списки пожеланий” 260 тысяч американцев, воспользовался ограниченной контактной информацией покупателей “Амазона”, чтобы найти их адреса, и отметил на карте США их читательские предпочтения (кто-то желал получить “1984” Оруэлла, а кто-то – Коран).

А как поживают старомодные методы слежки в цифровую эпоху? На первый взгляд не так уж хорошо. Значительная часть политической коммуникации перешла в виртуальное

пространство, поэтому сейчас от “жучков” в квартирах диссидентов проку мало. Обмен цифровой информацией по большей части происходит в тишине, нарушаемой разве только щелчками клавиш, и даже самое совершенное звукозаписывающее оборудование не способно дешифровать эти звуки. Неудивительно, что аналоговые “жучки” давно сменились на цифровые. Это облегчило слежку и сделало ее надежнее. Теперь вместо того, чтобы записывать стук клавиш, тайная полиция может зафиксировать каждое нажатие.

“Жизнь других”, оscarоносная немецкая драма 2006 года с ее точным описанием слежки, которую практиковала Штази, служба госбезопасности ГДР, помогает нам шире взглянуть на предмет. Фильм, рассказывающий о педантичном офицере, приставленном следить за напичканной “жучками” квартирой отважного восточногерманского диссидента, свидетельствует о том, насколько затратным делом в прошлом была слежка. Магнитофонную ленту необходимо было покупать, где-то хранить и обрабатывать. “Жучки” приходилось переустанавливать. Офицеры госбезопасности вынуждены были проводить дни и ночи в наушниках, дожидаясь, пока “объекты” разразятся антиправительственной тирадой или случайно выдадут остальных членов сети. Такая служба сказывалась на психике агентов. Антигерой “Жизни других” из Штази, живущий в одиночестве и склонный к депрессии, пользуется услугами проститутки – явно за счет понимающего работодателя.

Когда начал рушиться СССР, один из высоких чинов КГБ подробно рассказал о том, каких усилий стоило населить квартиру “жучками”. В операции обычно участвовало три группы:

Первая команда следит за местом работы гражданина, вторая – за местом работы его супруги. Тем временем третья команда проникает в квартиру и выставляет наблюдательные посты этажами выше и ниже. Человек шесть входят в квартиру, обутые в обувь с мягкой подошвой. Они отодвигают, например, книжный шкаф, вырезают из обоев квадратный лоскут, высверливают в стене отверстие, вставляют туда микрофон и приклеивают лоскут обратно. В команде есть художник. Он тщательно ретуширует это место на стене, так что никто не может ничего заподозрить. Мебель ставят на место, дверь закрывают, и сотрудники уходят.

Из-за всех этих хлопот тайной полиции приходилось тщательно выбирать себе цели для слежки. КГБ являлся, вероятно, самым важным институтом советского режима, однако и его возможности не были безграничны. Агенты не могли поставить “жучок” любому, кто казался им подозрительным. Несмотря на огромные усилия, слежка не всегда шла так, как предполагалось. Даже у самых стойких офицеров госбезопасности, таких как герой немецкого фильма, были свои слабые места. Они нередко начинали испытывать сочувствие к тем, за кем следили, и иногда даже предупреждали о грядущем обыске или аресте. “Человеческий фактор” мог свести на нет месяцы кропотливой разведывательной работы.

Триумф цифровых коммуникаций устранил многие проблемы, затруднявшие слежку в эпоху аналоговых технологий. Цифровая слежка обходится гораздо дешевле: объем памяти бесконечен, оборудование почти ничего не стоит, а цифровая техника позволяет достичь гораздо большего меньшей ценой. Кроме того, нет нужды просматривать текст электронного письма целиком, чтобы выделить нужные фрагменты: достаточно задействовать поиск по ключевым словам (“демократия”, “оппозиция”, “права человека” или просто имена лидеров оппозиции) и выделить интересующие фрагменты разговора. Цифровые “жучки” проще прятать. Опытные диссиденты знали, что они должны регулярно осматривать свои квартиры, выискивая “жучки”, и даже если таковые не обнаруживались, старались держать язык за зубами, так как знали, что их прослушивают. В цифровую эпоху это едва ли имеет смысл: как вы узнаете, что кто-либо, кроме вас, читает ваши электронные письма?

Несколько недель спустя после того, как “Гугл” узнал, что некто пытался взломать почтовые ящики китайских диссидентов-правозащитников, он, к его чести, начала извещать пользователей о попытках войти в их аккаунты с другого компьютера. Не многие почтовые службы последовали его примеру (ведь это может повлечь неоправданные затраты!), так что

это происшествие едва ли положило конец перлюстрации диссидентской переписки.

Еще важнее то, что интернет помог ослабить влияние “человеческого фактора”: вряд ли чтение “сниппетов” и выделенных в тексте ключевых слов вызовет у полицейских сильную эмоциональную связь с их “подопечными”. Интернет-полицейские едва ли столкнутся с неправдоподобными персонажами вроде бесстрашных диссидентов, растопивших ледяное сердце офицера Штази из “Жизни других”. Их глазам “объекты” предстают в виде одномерных скучных записей в базе данных. Если прежде слежка начиналась с выбора цели, которой после приписывали преступления, то сейчас ситуация противоположная: сначала обнаруживаются преступления (например, антиправительственные заявления или подозрительные контакты с Западом), а после – сами виновные. Трудно вообразить, чтобы сотрудники иранской интернет-полиции прониклись симпатией к людям, за которыми они следят, после чтения отрывков, найденных системой: они уже уверены в виновности “объектов” и всегда могут при необходимости накопать еще текстов-доказательств.

Техника помогает людям, принимающим решения, избежать колебаний (а также – достаточно часто – заглушить их здравый смысл и гуманность). Это хорошо понимали нацисты. В 1946 году Альберт Шпеер (личный архитектор Гитлера, позднее – министр вооружений и военной промышленности) в своем последнем слове в Нюрнберге заявил: “Диктатуры прошлого нуждались в высококвалифицированных помощниках в низовых организациях, в людях, способных мыслить и действовать самостоятельно. Авторитарная система в эпоху современных технологий может без таких людей обойтись. Одни только средства коммуникации позволяют механизировать деятельность низших управленческих структур”.

Несомненно, нельзя списывать преступления нацизма лишь на технику, однако к словам Шпеера стоит прислушаться: еще не существует такой базы данных, которая будет плакать над собственным содержанием.

Огромная экономия сил и средств, которую принесли цифровые технологии, позволила людям, занимающимся слежкой, перейти к более актуальным задачам. Директор по сбыту “Ти-эр-эс солюшнз” (китайской фирмы, предоставляющей услуги анализа данных, в том числе властям КНР) в 2009 году в интервью “Файнэншл таймс” с гордостью заявил, что в китайской интернет-полиции, отчасти благодаря новшествам, предложенным “Ти-эр-эс солюшнз”, теперь требуется один человек для выполнения той работы, для которой прежде требовалось десять. Однако не стоит радоваться: остальные девять вряд ли остались не у дел. Скорее всего, теперь они выполняют более сложные задачи, отыскивая связи между сотнями сниппетов, автоматически собираемых компьютерными системами. По словам представителя “Ти-эр-эс солюшнз”, отрасль испытывает подъем. “Китайские власти выдвигают много различных требований: возможность раннего предупреждения, политика поддержки, конкуренция между правительственными учреждениями в сфере слежки. В конце концов из этого вырастет целая индустрия”, – заявил он.

И это вряд ли та самая ориентированная на Сеть промышленность, рождение которой приветствовали сторонники “викиномики”. Они редко упоминают о том, что хотя интернет и избавил многие организации от ненужного балласта, он одновременно повысил эффективность тайной полиции и ее подрядчиков в частном секторе. Давно пора сочинить книгу о “викиэтике”.

Улыбайтесь: вас снимают

Искать, систематизировать и использовать стало проще не только тексты. То же самое происходит с видео, и это способствует совершенствованию видеонаблюдения. Именно поэтому китайское правительство продолжает устанавливать видеокамеры в наиболее беспокойных городах. Видеокамеры не только напоминают гражданам, что те живут в паноптикуме, но и дают тайной полиции подсказки. В 2010 году за жизнью Урумчи, столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, наблюдали сорок семь тысяч камер. К концу

2010 года их стало шестьдесят тысяч. Такая революция в слежке была бы невозможной без помощи западных партнеров Пекина.

Исследователям из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, частично спонсируемым китайским правительством, удалось создать программное обеспечение для слежения, которое автоматически аннотирует и комментирует все, что попадает в объектив. Программа генерирует текстовые файлы, которые позднее изучают люди. Это избавляет от необходимости часами просматривать видеозаписи в поисках нужного кадра. Ученые привлекли к работе двадцать выпускников китайских художественных училищ, и те составили библиотеку более чем из 2 миллионов изображений. Подобные автоматические системы помогают достичь нужного масштаба слежки. Поскольку видео для удобства поиска индексируется, можно устанавливать все новые и новые камеры.

По мере того как невероятный прогресс в анализе данных раздвигает рамки возможного, слежка приобретает новые черты, которые еще совсем недавно казались научной фантастикой. Цифровая слежка, по-видимому, сделает большой шаг вперед, когда будет доработана и выйдет на потребительский рынок технология распознавания лиц. Это дело настолько выгодное, что даже гиганты наподобие “Гугл” не могли не присоединиться к игре, поскольку чувствуют растущее давление со стороны мелких конкурентов вроде *Face.com* (это популярный инструмент, позволяющий пользователям находить и автоматически отмечать лица в своих фотоколлекциях). В 2009 году компания *Face.com* выпустила приложение к “Фейсбуку”, которое просит пользователей указать на фото френдов и прочесывает социальную сеть в поисках их изображений. В начале 2010 года компания сообщила, что просканировала 9 миллиардов изображений и идентифицировала 52 миллиона человек. Такой продуктивности позавидовал бы и КГБ.

Очевидно, что технология распознавания лиц могла бы позволить иранским властям быстро идентифицировать людей, сфотографированных в ходе уличных волнений. Зачем тратить на расследование, если можно дать компьютерам задание сравнить сделанные во время манифестаций фото (многие – самими активистами) с фото, опубликованными теми же активистами в социальных сетях по другим поводам. Правительства и органы правопорядка пользовались технологиями распознавания человеческих лиц еще до того, как они стали коммерчески успешными. В Иране скорее всего произойдет вот что: легко доступные технологии распознавания лиц вооружат множество действующих поодиночке консервативно настроенных “кибервиджиланте”, которые не работают на правительство, но будут рады ему помочь. Точно так же, как толпы тайцев, лояльных королю, прочесывают Сеть в поисках сайтов, критикующих монархию, а преданные своему правительству китайцы следят за записями в блогах на деликатные темы, орды консервативных иранцев будут сверять видео антиправительственных выступлений с содержимым коммерческих фотобанков и с изображениями и именами в социальных сетях, которые точно всплывут (не всегда законно), когда технология распознавания лиц станет общедоступной. А затем кибервиджиланте смогут запугивать инакомыслящих, устраивать DDoS -атаки на их блоги или просто доносить на них.

Не за горами и появление поисковых систем, которые в состоянии искать фотографии определенных лиц по всему интернету. Например, проект *SAPIR*, финансируемый Евросоюзом, работает над созданием аудиовизуальной поисковой системы, которая смогла бы автоматически анализировать фотографии, видео– и аудиозаписи, сравнивать их и искать сходный интернет-контент. Скандирование антиправительственных лозунгов, записанное на улицах Тегерана, скоро можно будет разложить на отдельные голоса, которые, в свою очередь, можно будет сравнить со всеми возможными голосами, звучащими в любительских роликах “Ю-Тьюба”.

Или возьмем, например, *Recognizr*, ультрамодное приложение для смартфонов, разработанное двумя шведскими фирмами-производителями софта. Оно позволяет направить камеру мобильного телефона на незнакомца и тут же поинтересоваться в интернете, что известно об этом лице (точнее, о лице этого человека). Разработчики *Recognizr* первыми указали на то, что их изобретение представляет колоссальную угрозу частной жизни, и

пообещали снабдить его системой строгого контроля. Тем не менее инновационный джинн вырвался из бутылки, и очень трудно поверить, что подобные неконтролируемые приложения нельзя будет повсеместно покупать и скачивать.

Как потерять лицо в “Фейсбуке”

В один из пасмурных дней ноября 2009 года молодой белорусский активист Павел Ляшкович на собственном горьком опыте узнал, чем опасны социальные сети. Неожиданно его, первокурсника Белорусского госуниверситета информатики и радиоэлектроники, вызвали к декану. В кабинете Ляшковича встретили два человека, которые заявили студенту, что они из КГБ (белорусские власти предпочли не переименовывать органы даже после распада СССР).

Офицеры расспросили Павла о его поездках в Польшу и Украину, а также об участии в оппозиционных движениях. Активиста удивила их информированность о связях внутри белорусской оппозиции (и роли в ней Павла, о которой, казалось ему, мало кто знал). Все стало ясно, когда офицеры здесь же, в кабинете декана, открыли его страницу “В контакте”: он числился во френдах у многих известных активистов. Вскоре визитеры предложили Ляшковичу подписать соглашение о негласном сотрудничестве. Он отказался. Это может ему дорого обойтись: многие студенты, симпатизирующие оппозиционерам и не желающие сотрудничать с властями, были исключены из вузов. Мы никогда не узнаем, сколько подозреваемых прибавилось в списке белорусского КГБ после изучения веб-страницы Ляшковича.

Другие правительства столь же быстро оценили колоссальную разведывательную ценность информации, которую можно извлечь из социальных сетей. Некоторые даже решили запустить собственные сайты – возможно, чтобы сэкономить на слежке. В мае 2010 года, запретив “Фейсбук”, вьетнамское Министерство информации и массовых коммуникаций, чувствуя растущую потребность вьетнамцев в социальных сетях, открыло собственную сеть (ее штат составили триста программистов, графических дизайнеров, техников и редакторов). Трудно сказать, станет ли популярной сеть *GoOnline* (с подобным названием – вряд ли). С официальной точки зрения, надзор за членами социальной сети проще, если сам хранишь их пароли.

Правительства демократических стран также прибегают к подобной практике. Например, индийская полиция уделяет пристальное внимание тому, что люди пишут в “Фейсбуке” о Кашмире. Обнаружив нечто предосудительное, полицейские вызывают пользователей, расспрашивают их об их занятиях и приказывают докладывать обо всем в полицию. (Это вынудило многих кашмирских активистов регистрироваться под вымышленными именами. Этой практике “Фейсбук”, стремящийся не развлекать свою превосходную пользовательскую базу аккаунтами-пустышками, решительно противится.)

Разумеется, не все социальные сети несут вред. Членство в них приносит и несомненную выгоду. Пользователям сети проще и дешевле в случае необходимости связываться друг с другом (например, при организации акции протеста). Однако у этого есть и обратная сторона. Польза может легко обернуться вредом, если отдельные участки сети подвергаются опасности и связи между пользователями становятся всеобщим достоянием. До появления социальных медиа репрессивные правительства тратили много сил на то, чтобы выяснить что-либо о людях, с которыми связаны диссиденты. Тайная полиция могла установить один-два ключевых контакта, однако составление целого списка имен с фотографиями и контактной информацией было делом очень хлопотным. В прошлом КГБ приходилось прибегать к пыткам, чтобы установить связи между активистами. Сейчас им достаточно заглянуть в “Фейсбук”.

К сожалению, до сих пор бытует мнение, будто авторитарные режимы и их спецслужбы слишком глупы и слишком не дружат с техникой, чтобы искать данные в социальных сетях. Джаред Коэн из Госдепа США в 2007 году написал в своей книге “Дети джихада”, что

интернет – это “пространство, в котором иранская молодежь может свободно действовать, самовыражаться и черпать информацию на выгодных для себя условиях. Они могут представлять кем угодно и говорить что угодно, поскольку действуют вне тисков полицейского аппарата... Правительство пытается следить за их онлайн-дискуссиями и взаимоотношениями, однако это, по сути, безнадежное дело”. Ошибочность этого мнения доказали последствия волнений 2009 года. Для человека, ответственного за выработку действенной интернет-политики в отношении Ирана, Коэн слишком склонен к гипертрофированному киберутопизму. Остается надеяться, что Кондолиза Райс, пригласившая Коэна в отдел политического планирования Госдепа, имела в виду не его беспочвенный оптимизм, когда заявила, что “у Джареда есть понимание иранских дел, которого у нас [американского правительства] нет”. Как выяснилось, иранские власти потратили много времени на изучение социальных сетей после выборов и даже воспользовались собранной информацией для рассылки грозных предупреждений иранцам, живущим за границей. В Иране во время “охоты на ведьм” в 2009 году присутствие имени человека в списке электронной рассылки Колумбийского университета считалось в суде доказательством того, что он – западный шпион.

Итак, хотя социальная сеть несет минимум разведывательной ценности, сетевая дружба не с теми людьми может привести вас в суд. Прежде разведслужбам было трудно добывать такую информацию, и диссиденты делали все, чтобы ее скрыть. Так, американская активистка Белинда Купер, которая в конце 80-х годов жила в ГДР и являлась членом нескольких диссидентских экологических групп, вспоминала: одним из правил, соблюдаемых диссидентами при въезде и выезде из Восточной Германии, было: “Никогда не бери с собой на Восток телефонную книжку, поскольку пограничники могут ее скопировать и обязательно это сделают”.

Сейчас ситуация радикально иная: список ваших френдов в “Фейсбуке” виден любому. Увы, избежать посещения “Фейсбука” большинство диссидентов не может. Это нужно для того, чтобы противостоять пропаганде, рассказывать о своей работе на Западе, обращаться за поддержкой к отечественной аудитории и т. д. Этим можно, конечно, заниматься и анонимно, но анонимность снижает эффективность их вмешательства. Деятельность академика Сахарова была бы гораздо менее успешной, если бы он не вел ее открыто.

Результаты исследований подтверждают, что с каждой порцией личной информации, которую мы раскрываем в социальной сети, мы приближаем ситуацию, когда кто-либо может воспользоваться ею, чтобы узнать, какие мы, а это – верный шаг к установлению контроля над нашим поведением. Так, исследование, проведенное в 2009 году учеными из Массачусетского технологического института, показало, что, изучив френдов пользователя “Фейсбука”, можно удивительно точно установить его сексуальную ориентацию. (Эта новость вряд ли порадует жителей Ближнего Востока – одного из регионов, где гомосексуальность осуждается.)

Исследование “Восьми френдов достаточно”, проведенное в 2009 году в Кембриджском университете, показало, что, исходя из ограниченной информации, которой “Фейсбук” делится с поисковиками вроде “Гугла”, можно точно сказать, что осталось под замком.

Многие функции, которые делают социальные сети простыми в обращении (например, возможность узнать, кто из ваших знакомых уже зарегистрирован на этом сайте), облегчают идентификацию владельцев электронных адресов и даже помогают проследить за их деятельностью на других сайтах. Многие знают, как легко проверить, есть ли у знакомых аккаунты в некоторых социальных сетях: для этого нужно предоставить поисковым агрегатам “Фейсбука”, “Твиттера” или *LinkedIn* временный доступ к адресной книге своего почтового ящика, чтобы они сверили контакты со своим списком пользователей. Если у пяти ваших корреспондентов есть аккаунты в “Твиттере”, он вам об этом сообщит. Дальше – больше. Аналогичную операцию можно провести в отношении не только друзей, но и врагов. Адрес почты можно добавить в адресную книгу вручную, не отправляя адресату письмо. Ну, а зная чей-либо электронный адрес, можно выяснить, есть ли у этого человека аккаунты в социальных сетях, даже если он не пользуется своим настоящим именем.

Французский институт *EURECOM* в 2010 году попытался установить, какую угрозу пользователям несет легкость эксплуатации социальных сетей. Исследователи собрали в интернете 10,4 миллиона электронных адресов и разработали простую программу, которая сопоставила их с перечнями пользователей популярных социальных сетей. Ученые сумели идентифицировать более 876 941 адреса, связанного с 1 228 644 профилями, причем владельцы 199 161 адреса имели аккаунты не менее чем в двух социальных сетях, а 55 660 – в трех. Одиннадцать человек указали адреса своей электронной почты сразу в семи социальных сетях.

Как и следовало ожидать, некоторые пользователи, открывшие свои страницы во многих социальных сетях, указали в каждом случае различную информацию (данные о своем местонахождении, сексуальных предпочтениях или, скажем, возрасте). Весьма вероятно, что множество людей, ставших невольными участниками эксперимента, не желали, чтобы кто-либо сопоставлял болтовню в “Твиттере” с характером их работы. И все же исследователи нашли по меньшей мере 8802 пользователей с аккаунтами в *LinkedIn*, сети для профессионалов, и в “Твиттере”. Если кто-либо из этой группы в графе “Место работы” в профиле *LinkedIn* указал, например, Министерство обороны США, и нам стало интересно, о чем этот человек пишет в “Твиттере”, мы можем это узнать, даже если он пользуется никнеймом, а не настоящим именем.

Более того, поскольку аккаунты в социальных сетях привязаны к адресам электронной почты, их на редкость легко атрибутировать и, кроме имен их владельцев, узнать и их тайны. Исследователи, например, наткнулись на женатого профессора лет пятидесяти, который проявлял удивительную активность на сайтах знакомств. Так же активисты, загружающие крамольные видеоролики на “Ю-Тьюб”, считая, что никто не сможет узнать их имена, подвергают себя гораздо большей опасности, если они пользуются тем же адресом электронной почты, что и для доступа в “Фейсбук”, и этот адрес становится известен тайной полиции.

Узнав об этих опасностях, многие социальные сети слегка изменили принцип работы и усложнили подобные масштабные проверки информации. Тем не менее это все еще можно сделать вручную. Вряд ли подобные возможности скоро исчезнут, поскольку именно они позволяют социальным сетям разрастаться.

Корпорации уже пользуются преимуществами расширения социальных функций Сети. Менеджеры отелей изучают местоположение, даты и юзернеймы людей, оставляющих отзывы на сайтах вроде *TripAdvisor* или *Yelp*, чтобы вычислить своих постояльцев. Если выявляется совпадение и отзыв оказывается положительным, его добавляют в гостиничное “досье” постояльца, а если отрицательным, то путешественнику могут предложить ваучер, чтобы компенсировать неудобства, а в худшем случае занести в базу как “гостя, от которого стоит ждать неприятностей”. Барри Херд, гендиректор базирующейся в Сиэтле компании 123 *Social Media*, которая занимается управлением репутационными рисками и обслуживает более полутысячи гостиниц, убежден, что “технологии развиваются настолько быстро, что в скором будущем директор отеля будет иметь на своем компьютере панель инструментов, которая позволит ему одним щелчком мыши узнать о вас все: опубликованные отзывы, ваши предпочтения, даже то, какой отзыв – положительный или отрицательный – вы склонны дать о своем пребывании”.

Разумеется, между диктатором и директором есть разница: последний не может никого посадить под замок за инакомыслие. Однако если директор гостиницы в состоянии узнать настоящие имена людей, скрывающихся под никнеймами, это тем более способен сделать диктатор (точнее, его тайная полиция). Более того, стремление корпораций к деанонимизации пользователей вскоре может дать толчок развитию рынка инструментов автоматизации этого процесса, и эти инструменты легко будет применить во зло. Американские разведслужбы уже научились извлекать пользу из технологии сбора данных, созданной на Уолл-стрит. Одна из таких платформ, “Текстмайнер” (*TextMiner*), разработана фирмой “Экседжи”, которая сотрудничает и с разведкой, и с Уолл-стрит и способна изучать накладные на перевозимый по воздуху груз, графики отгрузки товаров и записи телефонных переговоров, а также

документы, которые могут содержать номера социального страхования или адреса электронной почты. “То, на что у этого конкретного агентства уходил час, теперь занимает секунду”, – заявил Рон Индек, технический директор “Экседжи”, и его слова удивительным образом напоминают восторженные отзывы сотрудничающих с китайцами сотрудников “Ти-эр-эс солюшнз”. Новости от одной организации за целый год можно просмотреть и рассортировать “за пару секунд”. Нет никаких сомнений, что частный сектор продолжит штамповать новинки, которые облегчат работу тайной полиции любой страны. Не пытаюсь найти пути предотвращения передачи таких технологий авторитарным режимам или, что важнее, установления повсеместных рамок для них, Запад косвенно оказывает услугу китайским и иранским сотрудникам госбезопасности.

Но задача поддается решению и в отсутствие таких инструментов. Авторы совместного проекта Венского технического университета, Калифорнийского университета в Санта-Барбаре и института *EURECOM* выявили в 2010 году любопытный способ деанонимизации пользователей *Xing*, популярной немецкой сети наподобие “Фейсбука” или *LinkedIn*. Большинство из нас принадлежит к некоторому числу групп в социальных сетях в зависимости от пристрастий, биографии, образа жизни (например, “Спасем Землю”, “Накормим африканских детей”, “Выпускники лучшего в мире университета”, “Вегетарианцы всех стран, объединяйтесь”). Вероятность того, что ваши пристрастия в точности совпадут с пристрастиями ваших френдов, мала. Друг юности, с которым вы вместе учились, например, в художественном колледже в Новой Англии, теперь может желать не только спасти планету и накормить африканцев, но и, скажем, любить свиные ребрышки по-техасски.

Социальные сети обычно не скрывают списки участников групп от не-участников, чтобы не воздвигать слишком много коммуникационных барьеров. Это делает возможным получение во многом уникального “группового отпечатка” (список групп “Фейсбука”, в которые входит тот или иной пользователь) в отношении каждого из нас. Самое вероятное место поисков такого отпечатка – история посещений веб-браузера, которая хранит записи всех посещенных сайтов. Чтобы украсть эти записи, нужно лишь сделать так, чтобы вы “кликнули” вредоносную ссылку (вроде той, которая таинственным образом возникла в петиции “Репортеров без границ”). Очень скоро то, что вы делали в интернете в последние несколько дней, станет всеобщим достоянием.

Согласно докладу 2010 года, получение “группового отпечатка” требует проверки 92 тысяч *URL*-адресов и занимает менее минуты. Исследователи умудрились успешно идентифицировать личность объекта в 42 % случаев. Иными словами, если известна история посещений вашего браузера и вы активно пользуетесь социальными сетями, шансы узнать ваше имя достаточно велики. Очень скоро тайная полиция сможет просто просмотреть журнал посещений в вашем любимом интернет-кафе и узнать, кто вы такой, даже не спрашивая у вас паспорт (хотя последнее все чаще практикуется в авторитарных государствах).

Неудивительно, что органы госбезопасности авторитарных стран рады воспользоваться подобными лазейками для восполнения пробелов в своих базах данных. Им могут быть известны, например, электронные адреса оппозиционеров, но не их настоящие имена. Чтобы исправить “упущение”, они могут организовать отправку в адрес оппозиционера письма с вредоносной гиперссылкой и так украсть записи журнала посещений. Всего через несколько минут они смогут добавить в свои скудные картотеки имена, фотографии, контакты.

Еще одна проблема: социальные сети наподобие “Фейсбука” не так уж тщательно проверяют сторонних разработчиков приложений (тех, кто работает над сетевыми играми, опросниками и так далее). (До недавнего времени сети не устанавливали четко объем данных о пользователе, к которым такие приложения могут получать доступ.) Это означает, что изобретательный тиран может просто сопоставить данные занятого опроса о голливудском кино и использовать их для извлечения важной информации о своих врагах. Это настоящий кошмар для активистов, изо всех сил стремящихся скрыть от властей свои связи. Очевидно, что если правительство получает данные обо всех, с кем контактируют в “Фейсбуке” его злейшие политические оппоненты, глупо было бы не изучить, чем они занимаются в Сети,

поскольку велика вероятность, что они тоже представляют угрозу.

Плохо и то, что ИТ-компании, бездумно стремящиеся к инновациям, совершенно игнорируют условия жизни многих из своих пользователей и недооценивают последствия собственных ошибок. В начале 2010 года, когда “Гугл” запустил аналогичный “Твиттеру” сервис *Buzz*, не было предпринято необходимых шагов для защиты личной информации многих пользователей. Компания оставила в свободном доступе списки их контактов, ошибочно решив, что никто из пользователей не станет протестовать против подобного вмешательства в личную жизнь. В эту ловушку угодил сам Эндрю Маклафлин (бывший топ-менеджер “Гугла” и заместитель главного управляющего по вопросам техники в правительстве Обамы), а также многие его бывшие сослуживцы из “Гугла”, чьи контакты значились в его списке. Боссы “Гугла” попытались замять скандал, заявив, что никто серьезно не пострадал. Однако мы не знаем, сколько имен благодаря *Buzz* добавил КГБ в свои базы данных. Подлинная цена ошибки “Гугла” пока не известна.

Думай, ищи, пались

Всякий раз, когда мы оставляем запись на стене в “Фейсбуке”, набираем в строке поиска “Гугла” имя обожаемой знаменитости или комментируем материал на сайте любимой газеты, мы оставляем следы. Многие из них (например, комментариев на сайте газеты) видны всем. Другие (например, история поиска в “Гугле”) – только нам (ну и, разумеется, “Гуглу”). Большинство следов – вроде комментариев на стене в “Фейсбуке” – являет собой нечто среднее.

К счастью, мы не одиноки в интернете. По меньшей мере миллиард жителей планеты ведет блоги, гуглит, сочиняет твиты и пасется в “Фейсбуке”, поэтому большая часть производимой нами информации теряется в безбрежном цифровом океане. Исследователи называют такое положение “безопасностью благодаря неизвестности”. В большинстве случаев оно сохраняется, даже если появляется все больше исключений из правила. С ними хорошо знакомы те, кто испытал трудности с поиском работы или жилья из-за того, что “Гугл” или “Фейсбук” выдают о них нечто постыдное. Тем не менее, аккумуляция этих еле заметных цифровых следов в массив данных (иногда в масштабе целых стран) может подчас объяснить поведение людей, вскрыть новые тенденции, помочь предугадать реакцию на то или иное политическое или общественное событие. Маркетинговые компании и рекламные агентства давно признали власть информации. Чем больше они узнают о демографических характеристиках и привычках потребителей, а также о предпочтениях отдельных потребительских групп, тем лучше они могут приспособиться к вкусам клиентов и, следовательно, увеличить объем продаж.

Цифровой мир устроен сходным образом. Поисковые запросы в интернете расскажут о наших привычках больше, чем личное дело в сейфе босса. Умение реконструировать по поисковым запросам желания покупателей и сводить их лицом к лицу с продавцами позволило “Гуглу” перевернуть рекламный бизнес. Помимо самого успешного в мире рекламного агентства, у “Гугла” самая мощная фирма по сбору текущей маркетинговой информации. В “Гугле” знают, как связать поисковые запросы с демографической и иной информацией о покупателях (например, сколько жителей Нью-Йорка, в прошлом году спрашивавших интернет-поисковик о цифровых камерах, перешли затем к поиску айфонов).

Однако мы не просто ищем лучший айпод или новые предложения плазменных телевизоров. Мы также ищем в новостях упоминания об определенных людях и местах (“Майкл Джексон умер”), культурных тенденциях (“лучшие романы десятилетия”) и, разумеется, советы, как решить ту или иную проблему, чаще всего заурядную, но представляющую для нас в данный момент интерес (например, “как починить стиральную машину”).

Структура поисковых запросов подвержена сезонным изменениям (так, количество запросов “фаршированная индейка” предсказуемо увеличивается перед Днем благодарения),

однако в основном она постоянна. И если мы сталкиваемся с пиковым значением числа поисковых запросов “Гугла” на какую-либо тему, это, возможно, свидетельствует о том, что произошло нечто экстраординарное. Вероятность этого повышается, если всплеск интереса отмечен в определенном регионе.

Например, в середине апреля 2009 года необычно много мексиканских пользователей начали задавать “Гуглу” вопросы о “гриппе” и “простуде”, и это стало признаком вспышки свиного гриппа. В действительности сервис *Flu Trends*, созданный компанией “Гугл” специально для слежения за тем, как часто пользователи задают вопросы о гриппе, отметил пиковый рост числа запросов еще 20 апреля, то есть до того, как свиной грипп стал главной темой во многих СМИ. И хотя авторы нескольких научных исследований установили, что данные “Гугла” не настолько точны, как другие способы слежения за распространением гриппа, они отметили, насколько быстра и дешева система “Гугла”. Кроме того, в областях, не требующих обработки настолько большого объема данных, как борьба с эпидемиями, “Гугл” справляется с задачей лучше, чем его альтернативы (если они есть).

Поисковики невольно стали чрезвычайно сильными игроками в сфере сбора разведанных и прогнозирования. Очень соблазнительна возможность (и этому соблазну руководители “Гугла”, к их чести, до сих пор противостоят) использовать огромный массив имеющейся у компании информации о тенденциях не только для продажи рекламы.

Так, “Гуглу” известно, как часто российские пользователи набирают в поисковой строке слова “взятки”, “оппозиция” и “коррупция”. “Гугл” знает даже, как эти потенциальные возмутители спокойствия распределяются географически и что еще они ищут в интернете. Не нужно быть Нострадамусом, чтобы увидеть во внезапном всплеске запросов наподобие “автомобили”, “импорт”, “протесты” и “Владивосток” признак растущей социальной напряженности во Владивостоке, вызванной повышением импортных пошлин на автомобили.

За информацию такого рода российские спецслужбы буквально убили бы. С одной стороны, она может сделать режим восприимчивее и хоть чуть-чуть демократичнее. С другой стороны, не исключено, что правительства воспользуются этим знанием для усовершенствования методов преследования инакомыслящих.

Поисковые системы дают государству прекрасную возможность использовать любопытство масс в целях предупреждения об опасности. Слежение за поисковыми запросами дает еще больше разведанных, нежели мониторинг сетевых дискуссий, поскольку речь в Сети обычно обращена к кому-либо и полна недомолвок и двусмысленностей, а поисковые запросы представляют собой беспристрастный обмен информацией между пользователем и поисковиком.

Разведывательная ценность поисковиков не ускользнула от интернет-гуру, которые консультируют авторитарные правительства. Рассказывая в марте 2010 года о плане Кремля построить собственный поисковик, Игорь Ашманов, старожил Рунета и один из тех, кто консультировал Кремль в этом вопросе, был откровенен: “Во-первых, поисковик – это средство влияния на общественное мнение, во-вторых, это источник совершенно уникальной информации об умонастроениях и информационном спросе. Потому что тот, кто доминирует в стране, знает, что люди спрашивают в поисковике, он видит этот поток запросов. Это совершенно уникальная информация, которую больше, в общем, нигде взять нельзя”. Если считать, что авторитарные правительства обычно терпят крах неожиданно для себя (в противном случае, как с СССР, это, скорее всего, суицид), ясно, что информация, которую можно почерпнуть из интернета, может уменьшить количество сюрпризов.

Но даже если попытки правительств прямо или косвенно контролировать сферу интернет-поиска не дадут немедленных результатов, интернет может другими способами усовершенствовать их аппарат сбора информации. Так, появление социальных медиа привело к тому, что все больше пользователей с удовольствием делятся мыслями и рассказами о своих поступках со всем миром. Пролистывание всех этих записей в блогах, твитов, фотографий, роликов в “Фейсбуке” и “Ю-Тьюбе” может принести разведслужбам обильный улов. Это не обязательно должна быть информация об отдельном человеке, как в истории с белорусским

КГБ, – но можно многое узнать о массовых тенденциях и настроениях в обществе. Изучение социальных сетей оказывается в этом отношении полезнее мониторинга статистики поисковых запросов: можно сопоставлять информацию, исходящую от конкретных людей (неважно, идет речь о фактах или о мнениях), с тем, что еще можно узнать об этих людях из их профилей в социальных сетях (как часто они путешествуют, к каким группам присоединяются, какие инициативы поддерживают, какое кино смотрят, кто составляет их круг общения, и т. д.).

Авторитарное правительство, например, может интересоваться мнениями пользователей в возрасте 20–35 лет, часто выезжающих за рубеж и имеющих ученые степени. Чтобы узнать, о чем они думают, надо потратить немного времени на изучение групп в “Фейсбуке” (например, “гарвардский выпуск 1998 года” или “Я люблю ездить на Ближний Восток”) и выбрать верные признаки. В определенном смысле мир социальных сетей устраняет нужду в фокус-группах. Открытие действенных способов ассоциации сетевых групп и мнений может быть гораздо действеннее. К тому же правительствам не нужно самим собирать данные. Множество частных компаний уже занимаются этим (в основном в маркетинговых целях), и правительства – в равной степени авторитарные и демократические – считают данное занятие в высшей степени полезным. В 2020 году КГБ, может, и не будет существовать, однако его функции перейдут, например, небольшому числу частных компаний, специализирующихся на различных аспектах работы с информацией.

Современные правительства могут достаточно много узнать о перспективах политических волнений в стране, если уделят внимание словам, в настоящий момент популярным в среде киберэлиты: довольны они или озабочены, чувствуют угрозу или поддержку? А как они относятся к контролю в религиозной сфере? Довольны ли светские блогеры происходящим в большей степени, нежели религиозные?

Вообразите, как полезно было бы иранскому правительству знать, насколько часто иранцы употребляют в сетевых дискуссиях слово “демократия” и какова действительная география этих дискуссий. Например, есть ли в Иране районы, население которых в большей степени подвержено демократическим веяниям и недоволено режимом?

Если должным образом оценивать статистическую погрешность, эта технология нередко превосходит опросы общественного мнения, поскольку обработка последних требует времени и, если речь идет об авторитарных государствах, всегда несет риск того, что респонденты не скажут правду. Собранная таким образом информация, возможно, не отразит настроения всего общества, зато позволит следить за наиболее беспокойными группами. Поэтому тот факт, что теперь авторитарные правительства могут узнавать о настроениях в обществе в режиме реального времени, только прибавляет им устойчивости: у них меньше шансов неверно оценить общественную реакцию.

Более того, активность в социальных сетях может служить неплохим показателем веса того или иного оппозиционера. Если люди ретвитят записи какого-либо пользователя чаще обычного, правительству недурно было бы присмотреться к этому человеку и больше узнать о ее (его) сети. Вирусная культура социальных медиа способна косвенно помочь решить проблему информационной перегрузки, стоящую и перед цензурой. “Онлайновый рынок идей” подсказывает агентам тайной полиции, за кем следить. С точки зрения полиции, непопулярные пользователи, вероятно, и не заслуживают внимания цензоров; предоставленные сами себе, они через месяц-два потеряют интерес к блогу.

Миф о неуязвимом активисте

Несмотря на пугающую эффективность цифровых технологий в сфере слежки, еще не все потеряно. Неверно думать, будто “цифра” играет исключительно против диссидентов: в арсенале новейших технологий есть кое-что и для них. Любой исследователь современного интернета должен решить серьезную интеллектуальную задачу: рассмотреть потенциальную угрозу новых технологий, но не проглядеть богатые возможности для обеспечения

безопасности, которые предоставляют они же. Единственный способ получить удовлетворительный ответ на вопрос, осложнил или облегчил интернет слежку за гражданами и усилил ли аппарат контроля авторитарных государств – рассмотреть одну за другой все основные технологии в их специфических контекстах.

Но прежде всего стоит изучить, как интернет помогает диссидентам маскировать свою антиправительственную деятельность. Во-первых, шифрование информации теперь обходится не так уж дорого и дает заинтересованным лицам дополнительную защиту переговоров. Даже если дешифровка возможна, у правительства на нее уйдет много сил. Это справедливо в первую очередь в отношении голосовой связи. Посадить “жучок” на телефонную линию было довольно легко, сделать то же самое с интернет-телефонией (например, “Скайпом”) сложнее. (Отсутствие возможности прослушивать переговоры через “Скайп” заботит и западные правительства. В начале 2009 года Агентство по национальной безопасности США сообщило, что готово заплатить приличную сумму тому, кто поможет взломать систему шифрования “Скайпа”. О победителях конкурса пока не слышно.)

Во-вторых, в интернете так много информации, что правительство просто не в состоянии обработать и проанализировать ее всю. Мы не располагаем данными о развивающихся странах, однако в соответствии с исследованием 2009 года, проведенном в Калифорнийском университете в Сан-Диего, к 2008 году средний американец ежедневно потреблял в среднем 34 гигабайта информации, то есть в 3,5 раза больше, чем в 1980 году. У тайной полиции нет другого выхода, кроме как выбирать, иначе она рискует заполучить синдром дефицита внимания в тяжелой форме, увязнув в миллионах блогов и аккаунтов в “Твиттере” и потеряв способность видеть картину целиком. Благодаря переизбытку информации поиск нового укрытия активистов может занять у властей несколько месяцев, которые оппозиционеры выиграют для работы. В настоящее время власти гораздо лучше, чем прежде, осведомлены о размерах стога, однако найти в нем иголку все столь же трудно.

В-третьих, современные технологии наподобие “Тор” (*Tor*) позволяют лучше защитить неприкосновенность частной жизни в интернете. Этот популярный инструмент, разработанный американским ВМФ, в итоге стал успешным независимым проектом. “Тор” помогает пользователям скрыть, что они делают в Сети. Сначала их компьютеры соединяются со случайным прокси-сервером волонтерской сети, а затем через интернет-соединение этого узла уходят на искомый сайт. Любопытно, что, как выяснили посетители саудовского сайта “Томаар”, инструменты наподобие “Тор” помогают справиться и с государственными интернет-фильтрами. Дело в том, что с точки зрения наблюдателя пользователь не посещает запрещенные сайты: он просто подключается к некоему незнакомому компьютеру. Вот почему, как только иранское правительство выяснило, какими прокси-серверами пользовались оппозиционеры в 2009 году (многие из них были названы ничего не подозревающими западными пользователями в “Твиттере”), оно немедленно принялось блокировать доступ к ним.

Главной же задачей “Тор” остается сохранение анонимности пользователя. Вообразите, что вы бродите в интернете, пользуясь помощью сети анонимных проводников, которые указывают дорогу к нужным сайтам, причем никто не видит, что в киберпространстве путешествуете именно вы. Если правительство не знает поименно этих “помощников”, сами они не знакомы друг с другом, а вы достаточно часто обращаетесь к другим сетям, чтобы не привлекать к “помощникам” лишнее внимание, вы можете спокойно искать в интернете все, что заблагорассудится.

Однако многие ли активисты удосуживаются вникнуть в условия эксплуатации современных технологий? Большинство, вероятно, нет. Если бы советские диссиденты, прежде чем заняться выпуском самиздата, были вынуждены заучивать наизусть инструкции к ввезенным контрабандой фотокопировальным аппаратам, результаты их деятельности были бы гораздо менее впечатляющими. При этом эксплуатация многих инструментов легко может привести к недоразумениям. Например, многие пользователи, в том числе сотрудники секретных государственных организаций, переоценивают возможности системы “Тор”.

Шведский ученый Дан Эгерстад создал пять узлов “Тор” (и получил в свое распоряжение пять точек выхода системы), чтобы больше узнать о данных, проходящих через эти узлы. (“Помощник”, оказывающийся конечным узлом в цепочке – тот, который помогает попасть на искомый сайт, а не просто передает сообщение другому “помощнику”, – видит, доступ к каким сайтам он обеспечивает, однако не знает, кому именно он помогает.) Эгерстад, которого после этого эксперимента арестовали, обнаружил, что 95 % объема трафика, прошедшего через его экспериментальные соединения “Тор” (правительственные документы, дипломатические меморандумы и донесения разведки), не было зашифровано. Представьте, что вам попал в руки конверт без обратного адреса. Как вы узнаете имя отправителя? Конечно, можно просто распечатать его и прочитать письмо: “шапка” письма может дать исчерпывающую информацию. “Тор” отлично справляется с устранением адреса отправителя с конверта, однако не может стереть “шапку”, не говоря уже об остальном тексте письма. Конечно, есть множество технологий шифрования, которые умеют и это. Однако “Тор” – не просто одна из таких технологий. То, что многие пользователи, обменивающиеся в Сети деликатной информацией (в том числе активисты и диссиденты), не имеют четкого понимания, как работают используемые ими технологии, представляет собой серьезную проблему. Они подвергают себя совершенно неоправданному риску, которого легко избежать.

Кроме того, даже совершенного владения технологией часто недостаточно. Вы защищены ровно в той степени, в какой защищен компьютер, на котором вы работаете. Чем больше людей имеют к нему доступ, тем вероятнее, что один из них может превратить ваш компьютер в машину для слежки. Если учесть, что многие активисты пользуются общедоступными компьютерами, угроза вовсе не иллюзорна. Власти пристально следят за домашним и рабочим сетевым трафиком оппозиционеров, и для многих из них киберкафе стали новым (и часто единственным) местом, подходящим для борьбы. При этом не многие интернет-кафе разрешают посетителям устанавливать собственный софт и даже просто пользоваться иными, кроме “Интернет эксплорер”, браузерами, которые снабжены новейшими средствами безопасности.

Когда из облаков идет дождь

Некоторые считают, что у интернета есть много преимуществ в сфере безопасности. Диссиденты и неправительственные организации теперь могут пользоваться многофункциональными сетевыми средами для удаленной работы (“облаками”), не устанавливая ПО и даже не храня данные в собственных плохо защищенных компьютерах. Все, что необходимо для работы в “облаке” – это надежный браузер и подключение к интернету. Нет нужды загружать файлы или носить на флэшке портативную копию текстового редактора.

“Облачная политическая активность” и в самом деле может показаться даром небес, идеальным решением проблем безопасности хранения данных, с которыми сталкивается множество НКО и активистов. Рассмотрим, например, случай “Мемориала” – отважной российской НКО, которая заслужила международное признание упорной работой по фиксированию нарушений прав человека, начиная со сталинских времен и заканчивая недавними чеченскими войнами.

Четвертого декабря 2008 года, за день до крамольной конференции, посвященной роли Сталина в современной России (“Мемориал” был одним из ее организаторов), милиция посетила офис организации в Санкт-Петербурге и конфисковала двенадцать жестких дисков с данными о бесчинствах, совершенных при Сталине, в том числе многочасовые аудиозаписи и видеосъемки массовых захоронений. Это была катастрофа. “Мемориал” не только лишился, пусть временно, плодов своей двадцатилетней работы. Российские власти заполучили потенциально опасную для НКО информацию: учитывая, что историческая память, особенно о сталинском периоде, – тема очень щекотливая, придаться к “Мемориалу”, который является решительным критиком Кремля, не так уж трудно. Российская милиция печально известна тем, что способна придаться к самым безобидным документам или, что хуже, к

операционным системам и другому программному обеспечению. (Немало российских НКО пользуется контрафактным программным обеспечением, и часто они понимают это, когда становится слишком поздно. Не единожды война с пиратским софтом, объявления которой Запад требует от Москвы, стала удобным поводом усилить давление на НКО, находящиеся в оппозиции к властям.)

К счастью, суд пришел к выводу, что обыск был проведен с нарушением процессуальных норм, и в мае 2009 года жесткие диски были возвращены “Мемориалу”. Тем не менее, факт, что представители власти просто пришли и унесли плоды двадцатилетней работы, вызвал много вопросов о безопасности цифровых данных.

“Облачные активисты” могут сказать, что единственный способ избежать несчастий, которые постигли “Мемориал”, – хранить информацию в “облаке”, а не на жестких дисках или в интернете. В этом случае для доступа к документам представителям властей придется получить пароль, а это в большинстве стран нельзя сделать без соответствующего судебного решения. (Конечно, эта уловка может не сработать в странах, в которых совершенно не уважают закон: пароль можно будет узнать и без обращения в суд, например подвергнув попытке системного администратора.)

Возможность пользоваться сетевыми текстовыми сервисами наподобие *Google Docs* и скидывание всей важной информации в интернет и в самом деле кажется шагом вперед в сравнении с хранением данных на хрупких, ненадежных жестких дисках, разбросанных в пыльных офисах НКО. В конце концов, данные могут храниться на удаленном сервере где-нибудь в Калифорнии или Айове – и власти не смогут юридически и физически добраться до серверов (по крайней мере, в ближайшем будущем).

Хотя “облачная” модель имеет много достоинств, она приводит к непомерным издержкам, которые иногда перевешивают выгоду. Главный недостаток манипулирования документами в “облаке” заключается в том, что этот процесс требует постоянной передачи данных между компьютером и сервером, в котором хранится информация. Передача данных часто осуществляется открыто, без должного шифрования, а это создает многочисленные угрозы безопасности.

До недавнего времени многие сетевые сервисы “Гугл”, в том числе *Docs* и *Calendar*, не предлагали шифрование данных в качестве опции по умолчанию. Это значило, что пользователи, соединяющиеся с *Docs* через, например, незащищенную сеть вай-фай, играли с огнем: любой мог видеть, что они отправляют на сервер. К счастью, компания изменила свою политику после письма ее гендиректору нескольких высокопоставленных экспертов по безопасности. Они указали на излишний и легко устранимый риск для пользователей “Гугла”. Но на этом поле есть и другие игроки – если “Гугл” может раскошелиться на дополнительное шифрование, то остальные компании сделать это не в силах. Если принять шифрование как опцию по умолчанию, оно может замедлить работу сервиса для остальных пользователей и вовлечь компанию в дополнительные траты. Подобные улучшения, разумеется, обсуждаются. Можно привести весомый аргумент (я надеюсь, весомый для законодателей по обе стороны Атлантики): заставлять интернет-компании заботиться о безопасности своих сервисов имеет смысл, встав на точку зрения защиты прав потребителя. Вместо того чтобы позволять им делать все, что заблагорассудится (так как они сейчас – главные борцы за свободный интернет), западным правительствам следует продолжать искать способы сделать их услуги максимально безопасными, иначе в долгосрочной перспективе опасность будет грозить очень многим.

Есть и много других опасностей. То, что многие активисты и НКО ведут дела, пользуясь одной сетевой системой (в основном “Гуглом”, где календарь, почтовый ящик, документы и бюджеты доступны с одного аккаунта), означает, что если они утратят пароль, то рискуют потерять в Сети все, что имеют. Делать все это в собственном ноутбуке не намного безопаснее – однако ноутбук можно хотя бы положить в сейф. Аккумуляция информации в одном месте, как это часто бывает в случае “Гугл”, может творить чудеса в смысле производительности, однако делает пользователя гораздо уязвимее.

Как мобильные телефоны снижают нашу мобильность

Так же, как и “облачные” вычисления, мобильный телефон – еще один инструмент, который никто не подробно не анализировал с точки зрения безопасности. Хотя телефон справедливо считается главным орудием организатора (особенно в странах, где компьютеры и доступ к интернету обходятся чересчур дорого), очень мало говорится о риске, присущем “сотовой” политической деятельности. Выгоды ее очевидны: в отличие от блогинга и обмена твитами, для которых нужен доступ в интернет, сервис эс-эм-эс дешев и повсеместно распространен. Кроме того, обмен текстовыми сообщениями не требует особых навыков. Протестующие, пользующиеся мобильными телефонами для организации митингов, стали настоящими любимцами международных СМИ: граждане Филиппин, Индонезии и Украины в полной мере воспользовались возможностями сотовой связи для того, чтобы бросить вызов своим правительствам. Тем не менее и у этой технологии есть недостатки.

Первый и главный из них заключается в том, что власти могут выключить сеть мобильной связи, когда сочтут это политически целесообразным. Причем необязательно отключать связь по всей стране: вполне можно обойтись отдельными регионами или, например, городскими районами. Во время неудавшейся цветной революции в Беларуси в 2006 году власти выключили мобильную связь на площади, где собирались оппозиционеры, и лишили их возможности контактировать друг с другом и с миром (официальное объяснение гласило, что на площади собралось слишком много людей с мобильниками и сеть “обрушилась”). Молдавские власти поступили сходным образом весной 2009 года, когда выключили мобильную связь на центральной площади Кишинева, чем заметно уменьшили коммуникационные возможности лидеров местной твиттер-революции. Подобные отключения могут происходить в гораздо большем, национальном масштабе и длиться дольше. Так, в 2007 году правительство Камбоджи объявило перед выборами “период тишины”, в течение которого все три национальных оператора мобильной связи согласились на два дня отключить абонентам услугу обмена эс-эм-эс (якобы чтобы уберечь электорат от потока выборной рекламы).

Власти многих стран в совершенстве овладели искусством фильтрации по ключевому слову, когда эс-эм-эс, содержащие определенные слова, получателям не доходят. Или доходят – чтобы власти могли найти и наказать их авторов. В 2009 году азербайджанская полиция сделала внушение сорока трем гражданам, проголосовавшим на музыкальном конкурсе “Евровидение” за представителя Армении (Армения и Азербайджан находятся в состоянии войны из-за Нагорного Карабаха). Некоторых из них вызвали в полицию, обвинили в подрыве национальной безопасности и заставили написать объяснения. Голосование осуществлялось с помощью сервиса эс-эм-эс. В январе 2010 года “Чайна дейли” (официальная китайская газета на английском языке) сообщила, что компании мобильной связи в Пекине и Шанхае начали отключать услуги своим клиентам, замеченным в отправке эс-эм-эс “противозаконного или нездорового” содержания – любимый эвфемизм китайского правительства для “непристойностей”.

Это означает, что мобильные операторы Китая должны отныне сверять со списком запрещенных слов содержание всех эс-эм-эс, отправленных клиентами, и отключать связь тем из них, которые употребляют эти слова в переписке. Работы предстоит много: компания “Чайна мобайл”, один из крупнейших операторов мобильной связи в стране, ежедневно обрабатывает около 1,6 миллиарда эс-эм-эс. Хотя официально кампания нацелена против порнографии, аналогичный прием может быть с легкостью применен для пресечения распространения эс-эм-эс любого содержания: все зависит от списка запрещенных слов, ведь его составляет полиция. Поток информации, идущей в обратную сторону – от компаний государству, – не менее мощный. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2008 году Ван Цзяньчжоу, занимавший тогда пост гендиректора “Чайна мобайл”, ошеломил всех заявлением о том, что его компания предоставляет правительству данные о клиентах, когда

правительство этого требует.

Еще хуже то, что западные компании всегда рады снабдить авторитарные правительства технологией, упрощающей фильтрацию текстовых сообщений. В начале 2010 года, когда американские сенаторы пели осанну “Туглу”, оставляющему Китай, другой американский гигант, Ай-би-эм, заключил соглашение с “Чайна мобайл” о передаче сотовой компании технологии установления социальных связей пользователей (не виртуальных, а реальных) и их привычек, связанных с отправкой сообщений: кто, что, кому и сколько пишет. (Представители Ай-би-эм, разумеется, оговорились, что эта технология должна помочь операторам мобильной связи сэкономить на борьбе со спамом, однако никто не может поручиться, что те не воспользуются ею для обуздания политической активности.) Технологии, построенные на фильтрации ключевых слов, можно, разумеется, легко обмануть. Чтобы обмануть цензоров, эс-эм-эс можно написать с ошибками или заменить “опасные” слова. Но даже если активисты прибегнут к искажению определенных слов или к метафорам, правительства все равно сумеют сделать так, чтобы самые популярные из таких сообщений исчезли. Власти беспокоит не содержание эс-эм-эс (ни у кого еще не получалось убедительно раскритиковать правительство в тексте объемом сто сорок знаков!), а то, что эти сообщения, распространяясь подобно вирусу, могут получить миллионную аудиторию. Именно это заботит авторитарные правительства, поскольку доказывает, как слабо они контролируют оборот информации. В крайних случаях они готовы пресечь распространение наиболее популярных сообщений, не обращая особого внимания на их содержание.

Еще большая опасность сотовой связи для активистов заключается в том, что телефоны позволяют установить, где находятся их владельцы. Мобильники устанавливают контакт с местными базовыми станциями, и если их количество достигает трех, можно установить местонахождение человека. Британская фирма “Торп-Глен” в онлайн-презентации, адресованной нынешним и потенциальным клиентам, с гордостью утверждает, что способна “вести объект при пользовании им ВСЕМИ электронными средствами связи... После идентификации подозреваемого мы сможем засечь смену им *SIM* -карты и телефона... Мы в состоянии узнать этот профиль, даже если телефон и *SIM* -карта были заменены”. Иными словами, воспользовавшись однажды мобильным телефоном, вы попадаете под колпак. Чтобы подкрепить слова делом, “Торп-Глен” демонстрирует онлайн-карту Индонезии с множеством движущихся точек, обозначающих обладателей мобильных телефонов. Можно рассмотреть любой фрагмент карты вблизи. “Торп-Глен” – едва ли единственная фирма, предоставляющая подобные услуги. Все больше стартапов выходит на оживленный рынок мобильной слежки. Всего за 99 долларов 97 центов американцы могут загрузить программку “Мобайл-спай” (*MobileSpy*) на чей-нибудь сотовый и целый год следить за перемещениями его владельца.

Определение местоположения обладателей мобильных телефонов может помочь правительству узнать, где произойдет следующая массовая акция протеста. Скажем, если выяснится, что владельцы ста наиболее опасных номеров направляются на одну и ту же площадь, существует большая вероятность, что там вскоре пройдет антиправительственная демонстрация. Более того, операторы мобильной связи очень заинтересованы во внедрении технологии определения местоположения, поскольку это может помочь “прицельному” распространению рекламы (“Предлагаем вам посетить кафе в соседнем доме”). Как бы то ни было, в будущем определение местоположения человека по его мобильнику упростится. Пока “Торп-Глен” предлагает свои услуги западным правоохранительным органам и разведке, и не вполне ясно, будет ли наложен запрет на экспорт этой технологии.

Разумеется, многим политическим активистам известно о подобных проблемах, и они делают все, чтобы избежать их. Лазейки, однако, скоро могут закрыться. Одним из способов уйти от слежки была покупка немарочных сотовых телефонов, не имеющих уникальных идентификаторов, имеющихся в большинстве аппаратов. Это делало телефоны “неуловимыми”. Такие мобильники, увы, популярны и у террористов. Поэтому неудивительно, что правительства желают поставить их производство и оборот вне закона

(например, после теракта в ноябре 2008 года в Мумбаи Индия запретила ввоз таких аппаратов из Китая).

Еще одно излюбленное низкотехнологичное решение для активистов – свободно доступные prepaid *SIM*-карты, которые позволяют ежедневно менять телефонные номера, но их приобретение во многих развивающихся странах уже становится непростым делом. В России и Беларуси, например, продавцы prepaid *SIM*-карт требуют у покупателя копию паспорта, и это уничтожает желанную анонимность. В начале 2010 года подобный закон был принят в Нигерии. Ожидается, что другие африканские государства последуют этому примеру. Поскольку американские политики озабочены тем, что джихадисты из “Аль-Каиды” пользуются prepaid *SIM*-картами для организации терактов, похоже, подобные меры будут приняты и в США.

В 2010 году, когда Соединенные Штаты потрясла попытка взрыва на Таймс-сквер, директор ФБР Роберт Мюллер одобрил антитеррористическое законодательство, которое обязывает продавцов prepaid *SIM*-карт хранить записи о личности клиентов.

Насколько бы полезной ни была сотовая связь для борьбы с авторитарными режимами, у нее есть множество недостатков. Я не имею в виду, что активистам вовсе не стоит ею пользоваться. Просто они должны принимать в расчет ее уязвимость.

С развитием интернета мы делимся все большим объемом сведений о себе и часто забываем о сопутствующем риске. Причем мы делаем это добровольно, в частности потому, что нередко находим такой обмен взаимовыгодным. Например, сообщив о своем местоположении, легче организовать встречу с приятелями, которая иначе не состоялась бы. Однако мы упускаем из виду, что когда мы указываем, где мы *есть*, мы одновременно сообщаем, где нас *нет*. Социальные сети – хорошее подспорье для преступников. Активисты, выступающие за защиту частной жизни, даже открыли сайт с провокационным названием “Ограбь меня, пожалуйста” (*Please Rob Me*), чтобы привлечь внимание общества к проблеме. Эти залежи информации представляют ценность и для авторитарных правительств. Гибкая и ненавязчивая цифровая слежка имеет мало общего с методами Штати и советского КГБ. Новые способы создания и распространения данных не утопили аппарат цензуры в океане информации. Он перестроился сообразно обстоятельствам и с успехом пользуется теми же методами (кастомизация, децентрализация и объединение данных), которые способствовали росту интернета. Издержки возможности разговаривать и устанавливая связи далеко не всегда окупаются.

Отрицание того, что расширение информационных потоков вкупе с передовыми технологиями вроде распознавания лиц или голосов, может вести к укреплению авторитарных режимов, опасно уже потому, что отменяет потенциально полезное вмешательство регулирующих органов и необходимость бороться со злоупотреблениями западных корпораций. Отнюдь не само собой разумеется, что Ай-би-эм должен передавать авторитарным государствам технологию фильтрации эс-эм-эс, а “Гугл” – запускать сервисы наподобие *Buzz* с минимальным уважением к частной жизни клиентов. Исследователям из университетов вроде Калифорнийского необязательно брать у китайского правительства деньги на совершенствование технологии видеонаблюдения, а компании “Фейсбук” – снимать с себя ответственность за проверку сторонних разработчиков приложений для сайта. То, что это происходит, – последствия несбыточных мечтаний, нежелания знать, какое значение приобретают технологии в незападном контексте, неутолимой жажды инноваций вкупе с полнейшим пренебрежением политическими последствиями. Раз интернет сам по себе не делает граждан авторитарных государств свободнее, демократическим правительствам не следует помогать диктаторам приспособить его для преследования инакомыслящих.

Глава 7

Кьеркегор против диванных активистов

Если вы бывали в Копенгагене, то наверняка видели Фонтан аистов, одну из главных достопримечательностей города. Этот фонтан еще более прославился благодаря странному эксперименту с участием “Фейсбука”. Весной 2009 года датский психолог Андерс Колдинг-Йоргенсен, который изучает распространение идей в интернете, отвел этому фонтану центральное место в научном эксперименте. Колдинг-Йоргенсен организовал в “Фейсбуке” группу, которая намекнула – именно что намекнула! – будто городские власти якобы намерены уничтожить знаменитый фонтан (на самом деле об этом и речи не было). Колдинг-Йоргенсен презентовал новую группу из своих френдов в “Фейсбуке”, и они в течение нескольких часов присоединились к кампании. Очень скоро подтянулись их френды, и кампания против городского совета начала набирать обороты. На пике популярности группа ежеминутно приобретала в “Фейсбуке” двух сторонников. Когда количество участников достигло 27,5 тысячи, Колдинг-Йоргенсен решил прекратить эксперимент.

Циники могут сказать, что кампания удалась оттого, что Колдинг-Йоргенсен был похож на уважаемого ученого-активиста. Логично, что и его сетевые приятели разделяли озабоченность сохранностью культурного наследия Дании, а поскольку для присоединения к группе Колдинга-Йоргенсена не требовалось ничего, кроме пары “кликов”, они немедленно их сделали. Если бы призыв исходил от неизвестной организации или участие в кампании требовало больших усилий, ее шансы на успех были бы гораздо скромнее. Кампания, возможно, привлекла бы внимание потому, что была бы замечена и подхвачена неким заметным блогером или газетой. С этой точки зрения успех политических и общественных начинаний трудно предугадать, тем более обеспечить. Политики, тем не менее, не должны придавать большого значения массовой политической деятельности вроде фейсбучной. Хотя мобилизация на основе “Фейсбука” иногда действительно приводит к социальным и политическим изменениям, чаще всего это происходит случайно, это скорее статистическая значимость, нежели подлинное достижение. Из миллионов групп лишь одну или две ждет настоящий успех. Но поскольку предсказать это невозможно, западные политики и спонсоры, стремящиеся помочь или даже сделать своим приоритетом поддержку политической активности в “Фейсбуке”, сильно рискуют.

Еще один повод для оптимизма по поводу роста политической активности в социальных сетях связан с тем, что группы в “Фейсбуке” могут расти и становиться популярными с невероятной легкостью и быстротой. Эксперимент Колдинга-Йоргенсена выявил, что когда коммуникация обходится дешево, группы могут раскрутиться мгновенно – феномен, который интернет-гуру Клэй Шерки назвал “до смешного легким формированием групп”. (Шерки указывает, что некоторые “антигруппы” (*bad groups*) – например ассоциации анорексичек, стремящихся произвести впечатление друг на друга, – могут быть организованы с той же удивительной легкостью.) Сторонники этого взгляда утверждают, что “Фейсбук” стимулирует создание групп так же, как “Ред булл” – производительность труда. Если сомнительная или просто липовая история может привлечь внимание 28 тысяч человек, то более серьезные и убедительно подтвержденные поводы (геноцид в Дарфуре, борьба за независимость Тибета, нарушения прав человека в Иране и так далее) способны собрать миллионы (так и происходит). Хотя универсального критерия эффективности таких групп до сих пор нет, уже то, что они существуют (и шлют своим членам новости, донимают их просьбами о пожертвованиях и убеждают подписать петицию-другую), свидетельствует о том, что, несмотря на отдельные досадные ошибки, “Фейсбук” может быть ценным подспорьем в политике.

Аборигены цифровых джунглей, соединяйтесь!

Многие активисты, кстати, уже в курсе. В 2008 году на улицы колумбийских городов вышел почти миллион человек, недовольных деятельностью партизан “Революционных вооруженных сил Колумбии” (*FARC*), которые десятилетиями терроризировали страну.

Своим успехом эта беспрецедентная кампания обязана группе в “Фейсбуке”, названной “Долой *FARC*” (*No Más FARC*). (В 2008 году боевики “Революционных вооруженных сил Колумбии” заставили говорить о себе рядом громких похищений.) Созданная безработным тридцатилетним компьютерщиком Оскаром Моралесом группа быстро набрала вес и стала центром распространения информации о манифестациях, попутно получив поддержку колумбийского правительства.

Американское правительство тоже не осталось в стороне. Моралес, который позднее стал сотрудником Института им. Джорджа У. Буша, получил записку от Джареда Коэна, чиновника Госдепа США, который год спустя отправил печально известное электронное письмо руководству “Твиттера”. Коэн намеревался приехать в Колумбию и изучить на месте опыт Моралеса. Тот не возражал. Результаты поездки Коэна в Колумбию настолько воодушевили Госдеп, что спустя всего несколько месяцев американское правительство способствовало созданию международной организации “Альянс молодежных движений”. Эта организация исходит из того, что случаи, подобные колумбийскому, будут учащаться и что американскому правительству следует как можно раньше заявить о себе в этой сфере и внести свой вклад в помощь “цифровым революционерам”. Состоялось несколько представительных саммитов молодежных движений (модератором на одном из них даже выступила Вупи Голдберг – убежденная поборница свободы интернета).

За свою непродолжительную историю АМД стала чем-то вроде современного “Конгресса за свободу культуры” – якобы независимого движения, которое было создано в начале холодной войны и спонсировалось ЦРУ, чтобы воспитывать интеллектуалов-антикоммунистов. (К сожалению, литературная продукция АМД не представляет из себя ничего особенного.) Теперь битва идей происходит в киберпространстве, и правительство США обхаживает блогеров, а не интеллектуалов.

Джеймс Глассман из Института им. Джорджа У. Буша (в то время – заместитель госсекретаря США по вопросам общественной дипломатии и общественным связям) на первом саммите АМД в Нью-Йорке объяснил, что цель этой встречи – “свести около двух дюжин групп с верхушкой технической элиты США и подготовить инструкции... [для] других организаций, которые нуждаются в информации и технических познаниях, чтобы создать собственные ненасильственные группы”.

В нью-йоркском саммите приняли участие такие компании как “Фейсбук”, “Гугл”, “Ю-Тьюб”, *MTV* и *AT&T*, а также Бирманская сеть глобального действия, Сеть по предотвращению геноцида, Коалиция по спасению Дарфура и т. п. (Представитель “Балатарин” – известного иранского общественно-политического сайта – посетил второй саммит АМД в Мексике.) Форум был призван послать еще один четкий сигнал: американские компании (возможно, подталкиваемые правительством) играли важную роль в процессе демократизации, а цифровые технологии (прежде всего социальные сети) – это орудие борьбы с угнетателями. “Любое сочетание этих [цифровых] инструментов увеличивает шансы на успех организаций гражданского общества вне зависимости от того, насколько недружелюбна к ним среда”, – объявил Джаред Коэн. (Это, пожалуй, одно из лучших современных определений и киберутопизма, и интернетоцентризма.)

Впечатленные успехом колумбийской группы, американские чиновники решили воспользоваться социальными сетями как стартовой площадкой для пестования инакомыслия и выразили готовность спонсировать, если потребуется, создание новых сайтов. Так, в 2009 году Госдеп США провел на Ближнем Востоке конкурс на право потратить 5 миллионов долларов на проекты, которые способствовали бы “развитию или оптимизации существующих платформ социальных сетей для внедрения идей гражданской активности, просвещения молодежи, политического участия, терпимости, предпринимательства, расширения прав и возможностей женщин и ненасильственного разрешения конфликтов”. (Воистину, нет проблемы, которую не могли бы решить социальные сети!) Скорее всего американские чиновники отмахнулись бы от эксперимента с Фонтаном аистов как от досадного препятствия, осложняющего ведение дел в новой цифровой среде, и не сочли бы его веской причиной для

того, чтобы больше не пытаться извлечь пользу из колоссальной энергии социальных сетей. Но, быть может, преследуя краткосрочные, прикладные цели политической мобилизации, они не учли долгосрочное воздействие социальных сетей на политическую культуру закрытых обществ?

Прежде чем начать отвечать на этот вопрос, следует вернуться к истории с копенгагенским фонтаном. Обе интерпретации результатов этого эксперимента (первая – это нелепость, вторая – яркий пример мобилизационной способности интернета) страдают недостатками. Ни одна из них удовлетворительно не объясняет, что дает участникам кампании само участие в подобных сетевых начинаниях. Разумеется, большинство их – не безмозглые роботы, которые нажимают кнопки, указанные сетевыми вожаками, не задумываясь о том, что творят, и не пытаясь разобраться, как их участие в таких сообществах повлияет на их взгляды на демократию и важность инакомыслия. Ни одна из двух соперничающих интерпретаций не показывает, какого рода влияние сетевые кампании могут оказать на действенность и популярность остальной офлайновой и индивидуальной деятельности. Хотя заманчиво об этом забыть сейчас, в эпоху социальных сетей, борьба за демократию и права человека разворачивается и в офлайне, и в ней участвуют насчитывающие десятки лет существования НКО, а также отдельные храбрые одиночки, не связанные ни с какими организациями. Прежде чем принять “цифровую” политическую деятельность за действенный способ оказать давление на авторитарные правительства, политикам стоит всесторонне изучить ее влияние и на самих активистов, и на общий ход демократизации.

Возвращение Кьеркегора

Чтобы критически оценить значение эксперимента Колдинга-Йоргенсена, нам следует обратиться к другому датчанину – Серену Кьеркегору (1813–1855), который считается основателем философии экзистенциализма. Он жил в интересное время, не так уж не похожее на наше. В первой половине XIX века в полной мере проявились социально-политические последствия промышленной революции и эпохи Просвещения. Европейская “публичная сфера” расширилась до невероятного масштаба. Газеты, журналы и кофейни превратились во влиятельные культурные институты, и общественное мнение стало играть все большую роль.

Большинство философов и публицистов, живших в одно время с Кьеркегором, считало это великое уравнивание признаком демократизации. Сам он, однако, думал, что это ведет к утрате обществом сплоченности, к пиршеству равнодушных рассуждений, к триумфу бесконечного, но пустого интеллектуального любопытства, которое не позволяет глубоко вникнуть ни в одно дело. “Никто из публики по-настоящему не занят ничем”, – с горечью записал Кьеркегор в дневнике. Люди неожиданно заинтересовались всем – и ничем. Буквально все – и возвышенное, и нелепое – сравнялось настолько, что не осталось ничего такого, за что стоило бы умереть. Мир начал уплощаться, и Кьеркегору это крайне не нравилось. Его заботило то, что болтовня в кофейнях ведет лишь к “устранению... различия между молчанием и речью”. Молчание для Кьеркегора было очень важно. Он считал, что только тот, кто способен хранить молчание, умеет говорить по существу.

С точки зрения Кьеркегора, проблема болтовни (олицетворяемой “абсолютно деморализующим бытием ежедневной прессы”) состояла в том, что она лежала за рамками политических структур и мало влияла на них. Пресса принуждала людей буквально обо всем иметь собственное мнение, не поощряя их совершать соответствующие мнениям поступки. Часто люди оказывались настолько перегружены информацией, что откладывали сколько-нибудь важные решения. Отсутствие готовности себя чему-либо посвятить, вызванное многообразием возможностей и легкой доступностью средств для быстрого разрешения трудностей, было целью критики Кьеркегора.

Философ полагал, что люди обретут мудрость и наполнят жизнь смыслом, посвящая себя чему-либо рискованному, глубокому и подлинному (одно из его любимых слов), выбирая цели, принимая взлеты и падения, усваивая опыт. “Если вы способны быть человеком,

опасность и суровое осуждение бытием вашего легкомыслия помогут стать им”, – вот как Кьеркегор сформулировал воззрение, теперь известное как экзистенциализм.

Нетрудно догадаться, как отнесся бы Кьеркегор к современной интернет-культуре, охваченной круглосуточными разглагольствованиями, кипящей от идей и связей. “Последствия безответственности прессы и нейтрального освещения событий, которые предвидел Кьеркегор, целиком воплотились во Всемирной паутине”, – пишет Хьюберт Дрейфус, философ из Калифорнийского университета в Беркли. Мир, в котором стремление к социальной справедливости не требует большего, чем показ “социально ответственного” статуса в “Фейсбуке”, сильно огорчил бы Кьеркегора. Мы вряд ли нашли бы его аккаунт в “Твиттере”. Можно с уверенностью сказать, что сайты вроде *RentAFriend.com* (где можно “арендовать” из ста тысяч зарегистрированных членов “друга, с которым можно пойти на мероприятие или вечеринку, который поделится с вами своими умениями или хобби, поможет встретиться с новыми людьми, покажет вам город”) вряд ли пришлись бы Кьеркегору по вкусу. (Украинские предприниматели применили ту же модель к политике. Любое из многочисленных политических движений, устраивающих митинг, теперь может нанять зарегистрированных на специальном сайте пользователей. В основном это студенты, которые всего за четыре доллара в час готовы скандировать любые политические лозунги. Эти предприниматели точно не попали бы в число френдов Кьеркегора в “Фейсбуке”).

И все же философия Кьеркегора полезна для осмысления этических и политических проблем, связанных с “цифровой” политической деятельностью, особенно в авторитарных государствах. Одно дело, когда идейные активисты, и прежде ежедневно рисковавшие жизнью из-за своего противостояния режиму, пользуются “Фейсбуком” и “Твиттером” для своих целей. Может, они и переоценивают действенность сетевых кампаний или недооценивают их риск, однако их намерения искренни. Совершенно иное, когда индивиды, чей интерес к некоей проблеме случаен (или они не имеют вообще никакого интереса и поддерживают то или иное начинание только под влиянием друзей) собираются и начинают кампанию по спасению мира.

Легкомысленность такого рода Кьеркегор считал разлагающей человеческую душу. Подобное морализаторство сейчас может показаться неуместным, но пока еще никто не сверг диктатора, надев клоунскую маску и отпуская шуточки о гильотине. Даже если контекст благоприятствует демократизации, оппозиционное движение, состоящее из мягких, бесхарактерных людей, вряд ли сумеет воспользоваться открывшимися возможностями.

Проблема массовой политической деятельности в социальных сетях состоит в том, люди занимаются ею скорее для того, чтобы впечатлить знакомых. В этом случае она не имеет ничего общего с увлеченностью определенными идеями и вообще политикой. В этом нет вины интернета. В колледже многие вступали в студенческие клубы главным образом потому, что стремились произвести впечатление на приятелей участием в чрезвычайно амбициозных начинаниях вроде спасения планеты или предотвращения очередного геноцида. Теперь можно выставить напоказ доказательство своего соучастия. Описывая на страницах “Вашингтон пост” эксперимент с фонтаном, Колдинг-Йоргенсен объяснял: “Точно так же, как нам нужны вещи, чтобы обставить дом и тем самым показать, кто мы, в ‘Фейсбуке’ нам нужны культурные ‘вещи’, которые представят нас публике такими, какими мы хотим выглядеть”.

Исследование, проведенное Шерри Грасмак, социологом из Университета Темпл, доказывает правоту Колдинг-Йоргенсена: пользователи “Фейсбука” формируют свой сетевой образ из расчета на привлечение внимания. Они считают, что инициативы и группы, которые они поддерживают в “Фейсбуке”, скажут о них больше, чем они могут написать на скучной странице “о себе”. Многие пользователи присоединяются к той или иной группе в “Фейсбуке” не только (и не столько) потому, что поддерживают то или иное начинание, а потому, что уверены: важно демонстрировать френдам свою озабоченность некоторыми вещами. В прошлом для того, чтобы убедить себя и, что важнее, других в том, что вы в достаточной степени социально сознательны, чтобы изменить мир, нужно было по меньшей мере встать с дивана. Современные честолобивые цифровые революционеры могут не расставаться с диваном – во всяком случае, пока не сядет батарея в айпаде, – и тем не менее выглядеть

героями. В современном мире не так уж важно, является ли дело, за которое они сражаются, фикцией: ведь его так просто найти, поддержать и объяснить. А если это еще и производит впечатление на френдов, то цены нет этому делу.

Неудивительно, что психологи установили корреляцию между нарциссизмом и социальными сетями. В 2009 году исследователи из Университета Сан-Диего опросили 1068 студентов по всей Америке. 57 % респондентов сочли, что их поколение пользуется социальными сетями для саморекламы и привлечения к себе внимания. Почти 40 % согласилось с утверждением, что “уметь заявить о себе, быть нарциссом, человеком самоуверенным и стремящимся привлечь к себе внимание может оказаться полезным для достижения успеха в конкурентном мире”. Руководитель исследования Джин Твендж – адъюнкт-профессор психологии Университета Сан-Диего и автор книги “Эпидемия нарциссизма” – полагает, что само по себе устройство социальных сетей “развивает такие навыки нарцисса, как самореклама, выбор фотографий, представляющих себя в лучшем свете, приобретение как можно большего числа френдов”. В саморекламе как таковой нет ничего дурного, однако непохоже, что у активистов-нарциссов могла развиться подлинная эмпатия или готовность к жертвам, которых требует политическая жизнь, особенно в авторитарных государствах.

Кандинский и Воннегут теперь друзья

Зная, как легко в Сети формируются группы, просто ошибиться, приняв количество за качество. “Фейсбук” уже способствует процессам, которые не требуют социальных скреп. Истина в том, что людям свойственно собираться в группы. Социальным психологам давно известно: нужно не так много, чтобы люди почувствовали себя группой. Гораздо труднее заставить их действовать в интересах сообщества или жертвовать личным во имя общего блага.

С начала 70-х годов социальные психологи уделяют много внимания так называемой минимальной групповой парадигме: условиям, способным породить у совершенно не знакомых друг с другом людей чувство групповой идентичности. Выяснилось, что само распределение по группам – совершенно случайное! – уже вызывает ощущение групповой идентичности, достаточное для дискриминации в отношении нечленов группы. Впервые это подтвердили английские исследователи, которые показывали группе школьников пары полотен художников-абстракционистов, Пауля Клее и Василия Кандинского, не называя имя автора каждой картины. Выяснив предпочтения мальчиков, исследователи объединили их в две группы – поклонников Клее и поклонников Кандинского (хотя некоторым детям сказали, что выбор был случайным). После этого каждому участнику эксперимента вручили определенную сумму денег и попросили распределить ее. Дети, к удивлению ученых, выделили больше денег членам собственной группы, хотя прежде их ничто не объединяло и в будущем никаких совместных действий не предвиделось. Крайне маловероятно и то, что кто-либо из детей был страстным поклонником Кандинского или Клее (иногда им показывали, не предупреждая, пару картин одного и того же художника).

На первый взгляд, это на руку сетевым энтузиастам, превозносящим легкость, с которой можно организовать группу в Сети. Но, как хорошо известно налоговым инспекторам, разделить в рамках научного эксперимента небольшую сумму чужих денег – это не то же самое, что самому раскошелиться на финансирование выставки Кандинского. Чем меньше общий знаменатель среди членов определенной группы, тем менее вероятно, что они станут действовать согласованно и жертвовать чем-либо во имя общего блага. Неудивительно, что участники большинства групп в “Фейсбуке” с гордостью демонстрируют членские карточки – но только до тех пор, пока у них не попросят приличные членские взносы. Поскольку присоединение к этим группам не требует жертв, они привлекают всевозможных авантюристов и “нарциссов”. Канадский писатель Том Сли заметил: “Конечно, проще присоединиться к группе в ‘Фейсбуке’, чем встретиться с кем-либо лично. Но если

зарегистрироваться так легко, то едва ли это будет похоже на группу. Это как автоответчик, извиняющийся, что ‘все операторы сейчас заняты’, – стоит недорого, потому и извинением не считается”.

Очень распространенную тенденцию – ошибочно принимать бессмысленные ассоциации взаимопомощи (офлайновые или онлайновые – неважно) за нечто осмысленное и политически значимое – высмеивал Курт Воннегут в романе “Колыбель для кошки” (1963). Он писал о гранфаллоне – “кажущемся единстве какой-то группы людей, бессмысленном по самой сути”. Таковы, по Воннегуту, “Коммунистическая партия, ‘Дочери Американской революции’, компания ‘Дженерал электрик’, Международный орден холостяков – и любая нация в любое время в любом месте”. Гранфаллон представляет собой мало что кроме воздуха – или что там есть – “под оболочкой воздушного шарика”.

Интернет с его надеждами на легкое культивирование “виртуальных сообществ”, разрекламированный киберутопистами прежнего поколения почти как панацея от недугов современной демократии, практически до нуля снизил издержки присоединения к таким группам. Однако трудно себе представить, как интернет сам по себе может заставить кого-либо служить действительно серьезному делу. Это, по крайней мере в ближайшем будущем, должно стать задачей педагогов, интеллектуалов и, в исключительных случаях, прозорливых политиков.

Мало что изменилось с 1997 года, когда Алан Райан из Оксфордского университета написал: “Интернет хорошо подходит для убеждения людей в том, что они не одиноки, но он мало пригоден для создания политического сообщества из разобщенных людей, в которых мы превратились”.

Убей в себе “слактивиста”¹⁶

Те, кого заворожили возможности “цифровой” политической деятельности, увы, редко могут отличить ее от “слактивизма”, или “диванного активизма”. Эта опасная разновидность слишком часто ведет к беспорядочным гражданским связям (обычно в результате оголтелого шопинга в “Фейсбуке”, этом супермаркете цифровых “лиц”) и помогает сетевым активистам чувствовать себя полезными и важными, несмотря на свое крайне незначительное политическое влияние.

Возьмем, например, популярную в “Фейсбуке” кампанию: “Спасение африканских детей” (*Saving the Children of Africa*). Результат на первый взгляд впечатляет: инициативу одобрили 1,7 миллиона человек. Однако собрать они сумели всего около двенадцати тысяч долларов, то есть меньше чем сотую часть цента с человека. На первый взгляд, лучше пожертвовать сотую долю цента, чем вообще ничего. Но внимание небезгранично, и большинство людей находят всего несколько часов в месяц (это самая оптимистическая оценка) на то, чтобы сделать что-либо на благо общества. Цифровая политическая деятельность указывает для этого слишком много легких путей, и многие предпочитают малую жертву крупной: цент вместо доллара. Хотя общественные науки еще не вынесли вердикт о том, как сетевые кампании могут вытеснить традиционные, кажется закономерным, что они далеко не всегда приводят к положительному результату. Кроме того, если психологи правы и большинство поддерживает политические инициативы просто потому, что получает от этого удовольствие, тогда очень жаль, что участие в группе в “Фейсбуке” делает людей столь же счастливыми, как написание писем своим избранным депутатам или организация митингов, в то время как пользы от этих групп гораздо меньше.

Лучший способ отличить серьезную сетевую кампанию от диванной – выяснить ее цель.

¹⁶ *Slacktivist* – неологизм, описывающий пассивного пользователя интернета, который ставит лайки и подписывает онлайн-петиции вместо реальной деятельности. Производное от *slacker* (лентяй) и *activist* (активист). – Прим. ред.

Кампании второго рода, кажется, построены на предположении, что определенным числом твитов можно решить мировые проблемы. Компьютерные гики выразились бы так: “Больше пипла – баги побоку” (*given enough eyeballs, all bugs are shallow*). Именно это превращает столь многие кампании просто в сбор подписей и привлечение новых подписчиков в “Фейсбук”, в блоги и в “Твиттер”. Иногда это полезно, особенно если участники кампании живут недалеко друг от друга (например работают в местной кухне для бездомных, протестуют против решения городского совета, и так далее). Но когда речь идет о более широких, глобальных проблемах, будь то геноцид в Дарфуре или изменения климата, кампания выливается в озабоченность. В определенный момент озабоченность необходимо обратить в деятельность, но тогда инструменты наподобие “Твиттера” и “Фейсбука” оказываются гораздо менее действенными.

Неудивительно, что многие из этих групп в “Фейсбуке” оказываются в положении героев пьесы “В ожидании Годо”. Что происходит после того, как группа сформирована? Правильно. В большинстве случаев – рассылка спама. Большинство из таких кампаний (вспомним кампанию против *FARC*) начинаются спонтанно и не имеют ясных целей, кроме того, чтобы поднять волну озабоченности. Таким образом, эти инициативы сводятся к сбору средств. Однако ясно, что не каждую проблему можно решить деньгами. Судя по плачевному состоянию стран, лежащих южнее Сахары, или Афганистана, денежные вливания лишь ухудшают ситуацию, если прежде не решены специфические местные социальные и политические проблемы.

То, что Сеть облегчает сбор средств, может привести к тому, что в центре внимания всякой кампании окажутся деньги, в то время как решение проблемы следует искать в другом месте. Выпрашивание (и получение) денег также может помешать привлечению членов групп к более осмысленной и имеющей отношение к реальной жизни деятельности. То обстоятельство, что они пожертвовали деньги, пусть и небольшие, заставляет их чувствовать, будто этого вполне достаточно. Инициаторы стихийных кампаний начинают это понимать. Например, на сайте *Free Monem* (“Свободу Монему”, панарабская кампания 2007 года за освобождение из тюрьмы египетского блогера) указано: “ПОЖЕРТВОВАНИЯ НЕ НУЖНЫ – нужны действия”, а на фоне нарисованы перечеркнутые логотипы *Visa* и *MasterCard*. По словам Сами бен Гарбии, тунисского сетевого активиста и одного из инициаторов кампании в поддержку Монема, таким образом они хотели сказать, что кампании нужно нечто большее, чем деньги, а также пристыдить местные и международные НКО, которые любят собирать средства и не оказывают при этом заметного влияния на ситуацию. Из-за того, что техника сбора средств в наши дни отработана до мелочей, некоторые движения могут увлечься этим, вместо того чтобы заниматься политикой и правозащитой (на что, конечно, деньги тоже нужны).

Почему некоторые толпы умны, но ленивы

Скромная сумма, собранная в рамках кампании “Спасение африканских детей” – если мы считаем, что целью кампании были именно деньги, как утверждает на ее странице (“Наша группа нуждается [sic] в финансовой поддержке, чтобы мы могли помочь обездоленным детям всех африканских стран”), – по-прежнему выглядит странно. Если оценивать эффективность работы этой группы, исходя из ее гигантского потенциала (1,7 миллиона пользователей указали, что поддерживают кампанию), результат плачевный: даже десять человек, действующих поодиночке, за несколько лет соберут более 12 тысяч долларов! Есть ли опасность того, что популярность “Фейсбука” подтолкнет активистов к своего рода групповому фетишизму, к тому, что они станут перекладывать на группу решение задач, с которыми можно быстрее и лучше справиться одиночкам? Сейчас, когда почти все задачи решаются скорее сообща, чем индивидуально, есть ли риск того, что коллективизм может и осложнить поиск решения?

Задолго до того, как тусовка из Кремниевой долины подняла на щит “умную толпу”,

специалисты по социальной психологии и менеджменту изучали условия, при которых индивиды, работающие в группе, достигают меньшего, чем если бы они работали самостоятельно. Одним из первых, изучивших и описавших это противоречие, был Максимильтен Рингельман, французский инженер-агроном.

В 1882 году Рингельман провел следующий эксперимент. Он просил четырех человек тянуть канат – сначала поодиночке, а затем сообща, и сравнивал результаты. Канат был соединен с динамометром, так что приложенную силу можно было оценить. К удивлению Рингельмана, суммарная сила, приложенная группой, оказалась существенно меньше индивидуальных показателей ее участников (даже когда экспериментатор увеличил группу). Этот эффект, противоположный синергизму, называли эффектом Рингельмана.

В XX веке и другие экспериментаторы доказали, что мы обычно прилагаем к выполнению задачи меньше усилий, если вместе с нами ее решают другие люди. На самом деле, все наблюдали эффект Рингельмана, даже если никогда о нем не слышали. Никто не желает выглядеть глупцом, распевая во всю глотку “С днем рождения тебя”: остальные прекрасно справятся сами. Мы не всегда аплодируем так громко, как можем, – к вящему разочарованию исполнителей. Логика понятна: если члены группы выполняют одну и ту же рутинную задачу, оценить вклад каждого невозможно, и все начинают сачковать (этот феномен называют “социальной ленью”). Увеличение числа членов группы уменьшает относительное социальное давление на каждого и нередко негативно сказывается на результатах работы.

Можно провести параллель между экспериментом Рингельмана с тем, что мы видим в “Фейсбуке”. Многие из активистов, вооруженных “Фейсбуком” и “Твиттером”, могут избрать коллективный способ решения проблемы, хотя, возможно, стратегически вернее будет пытаться решить ее в одиночку. Как “безумства толпы” уступают место “мудрости толпы” только при определенных общественных условиях, так и “социальная лень” способна привести к синергизму тоже при совпадении определенных условий (когда можно оценить индивидуальный вклад и все знают об этом, или задания необычны и трудны, и так далее). Если эти условия отсутствуют, то предпочтение коллективной работы по достижению какой-либо политической цели ничуть не разумнее, чем выбор меню завтрака путем опроса соседей. Условия, конечно, могут быть выполнены, но это нередко требует много сил, присутствия лидера и находчивости.

Именно поэтому социальные движения, добивающиеся успеха, не возникают моментально. “Фейсбук” просто не дает требуемой гибкости. Вступив в группу в “Фейсбуке”, мы должны идти в ногу, а не забегать вперед, даже если нам вернее было бы действовать в одиночку. Наш вклад в достижение общей цели трудно оценить, поэтому мы можем, не опасаясь нареканий, делать столько, сколько захотим. В этом, разумеется, нет вины “Фейсбука”. Популярны социальные сети организуются не активистами и не для активистов. Сети строят для развлечений, и они привлекают активистов не потому, что предлагают уникальные услуги, а потому, что их трудно заблокировать.

Хотя фейсбучная политическая деятельность предлагает далеко не весь спектр возможностей в цифровой сфере, сетевой эффект (так много людей и организаций уже “поселилось” в “Фейсбуке”!) не дает расстаться со стереотипом. Активисты легко могут построить сайт с гораздо лучшей защитой личной информации, который предоставляет на сто тысяч миллиардов опций больше, но зачем создавать такой сайт, если у него не будет посетителей? У организаторов многих кампаний нет иного выбора, кроме как мириться с ограничениями “Фейсбука”. Выбирая между масштабом и функциональностью, они предпочитают масштаб. В отношении многих кампаний выгода цифровой политической деятельности оказывается иллюзорной. Сколько бы организаторы ни привлекли сторонников с помощью новых технологий, они с трудом добиваются того, чтобы эти люди действовали сообща, как группа, и не валялись при этом дурака. Найти волонтеров посредством “Фейсбука”, может, и быстрее, однако на то, чтобы заставить их хоть что-нибудь сделать, требуется больше времени.

Более того, социализация потребления информации в эпоху цифровых технологий в некоторых случаях (взаимодействие с ближайшим окружением, друзьями, университетом и так далее) может привести к перераспределению внимания. С точки зрения политической активности это зачастую полезно. Пока студенты тратят силы, спасая Дарфур в “Фейсбуке”, политика их собственных университетов остается без внимания (а она его, несомненно, заслуживает). Желателен некий баланс между глобальным и локальным, но поскольку социальные сети снабжают пользователей информацией и подсказками, исходя из их демографических данных, местонахождения и круга общения, глобальная политика может снова оказаться привилегией представителей высших классов, обладающих широкими взглядами и не менее широкими возможностями.

Че Геварой может быть не всякий

Децентрализация политики может быть восхитительна, если речь идет о накоплении знаний (вспомните “Википедию”), но сама по себе децентрализация не есть существенное условие успешной политической реформы. В большинстве случаев она даже не является желательной.

Когда любой из узлов Сети может отправить послание остальным, обычным равновесным состоянием системы становится неопределенность. Это очевидно для инициаторов политических кампаний: если позволить волонтерам заваливать спамом потенциальных сторонников, это может испортить все дело.

Один исследователь, наблюдавший за ходом праймериз в Айове в 2008 году, был поражен объемом ошибочных и чрезмерных коммуникаций, осуществлявшихся избирательными штабами. Наблюдатель счел, что они были по большей части неуместными и вредными: “группы активистов или штабы ставили перед собой очень странные задачи – например, за несколько дней сделать 45 телефонных звонков или отправить писем одному избирателю Голдуотера в 1964 году или Макговерна – в 1972 году”. Сегодня все иначе: одним нажатием клавиши можно отправить 450 или даже 4,5 тысячи электронных писем.

Легкость, с которой Сеть позволяет мобилизовать избирателей, может сковать воображение участников кампании и удерживать их от политтехнологических экспериментов, которые обойдутся дороже, но зато, возможно, принесут больше пользы. Малькольм Гладуэлл из журнала “Нью-Йоркер”, выступая в 2010 году на конференции “Ф-5 Экспо” в Канаде, задал аудитории вопрос вполне в духе Кьеркегора: “Что случилось бы с Фиделем Кастро, если бы у него были аккаунты в ‘Твиттере’ и ‘Фейсбуке’? Стал бы он возиться с выстраиванием удивительной сети, которая позволила ему победить Батисту?” Гладуэлл, вероятно, хотел сказать, что, хотя “Фейсбук” и “Твиттер” способны в считанные минуты приводить в движение миллионы людей, не такая мобилизация становится предпосылкой революции – здесь нужна, скорее, способность аккумулировать ресурсы и разумно распоряжаться ими (и хорошо, если среди этих ресурсов есть сотня-другая бесстрашных бородачей, вооруженных до зубов). С “Твиттером” и “Фейсбуком” соблазнительно затеять революцию в виртуальном пространстве, а не в действительности. Это сработало бы, если политические кампании были бы похожи на “Википедию” и другие проекты “веб 2.0”: задачи здесь детализированы, они не связаны с риском, четко сформулированы, а результат не заставляет себя ждать. То есть можно присоединиться к революции, когда этого захочется, восстановить в декрете пропущенную запятую, отредактировать пособие по обращению с гильотиной, а потом сколько угодно сачковать. Настоящие же революции требуют централизации и нуждаются в лидерах-фанатиках, строгой дисциплине, абсолютной преданности идее и прочных связях, основанных на доверии.

Бездумное прославление цифровой политики запутало ее приверженцев: они стали путать приоритеты с возможностями. Вывести людей на улицу с помощью современных коммуникаций, может, и проще, но обычно это последняя стадия протестного движения и в демократическом, и в авторитарном государстве. Невозможно начинать с акций протеста, а

после обдумывать политические требования. Здесь кроется серьезная опасность подмены стратегии, долгосрочной политической работы спонтанными уличными маршами. Анджела Дэвис, скандально известная гражданская активистка, кое-что знает об организации. Дэвис, в начале 70-х годов имевшая отношение к “Черным пантерам”, постепенно стала одним из лучших левых организаторов и сыграла важную роль в борьбе за гражданские права. Сейчас ее занимает тема отдаленных последствий облегчения задачи мобилизации для действенности общественных движений. “Мне кажется, что мобилизация заменила организацию, и в настоящий момент, когда мы думаем об организации движений, мы подразумеваем выход масс на улицы”, – рассуждала Дэвис в 2005 году в своей книге “Упразднение демократии: за пределами империи, тюрем и пыток”.

Опасность этого поворота очевидна. Новоприобретенная возможность мобилизации может отвлечь нас от поисков более эффективных способов организации. Дэвис отмечает, что “трудно вдохновить людей на мысли о длительной борьбе, о долгоиграющих движениях, требующих очень осторожных организационных изменений, которые не всегда зависят от нашего умения устраивать демонстрации”. Иными словами, не обязательно мобилизовать сто миллионов человек с помощью “Твиттера” только потому, что это возможно. Это может лишь затруднить достижение более важных целей в будущем. Дэвис пишет: “Интернет – это невероятный инструмент, но он может внушить нам, будто мы можем мгновенно создавать движения... по образцу доставки фаст-фуда”.

Возможно, иранское “Зеленое движение” в 2009 году достигло бы большего, если бы организаторы последовали совету Анжелы Дэвис. Хотя уникальная децентрализация сетевых коммуникаций позволяла иранским манифестантам успешно обходить цензуру и распространять информацию за пределами страны, она же не позволила членам движения действовать обдуманно или, по крайней мере, согласованно. Когда же дело дошло до совместных действий, тысячи групп в “Фейсбуке” не сумели сплотиться. Иранская твиттер-революция погребла себя под валом собственных твитов. Цифровая какофония оказалась слишком сильна для того, чтобы кто-либо предпринял решительные действия и повел за собой массы. Иранский обозреватель в блоге заметил с горечью: “Протестное движение, не имеющее правильных отношений с собственными лидерами – не движение. Это не более чем уличный бунт вслепую, который прекратится быстрее, чем вы можете себе представить”. Социальные медиа только добавили неразберихи: казалось, что информация поступает отовсюду, не до конца было понятно, контролирует ли кто-либо происходящее. “Камеры сотовых телефонов, ‘Фейсбук’, ‘Твиттер’... казалось... торопят события. И не было времени обсудить, что все это значит – чего хотят протестующие, готовы ли они умереть. Движение набирало скорость, и никто по-настоящему не знал, куда оно движется”, – вспоминал молодой иранец, который участвовал в манифестациях в 2009 году, был арестован, а после под псевдонимом Афсанех Мокадам опубликовал обо всем этом книгу.

То, что интернет дает всем возможность руководить, не означает, что никто не должен подчиняться. Нетрудно представить себе, как любое протестное движение может попросту расплыться благодаря легкости коммуникации. Когда любой человек в состоянии послать твит или оставить запись в “Фейсбуке”, он скорее всего так и поступит. Вал посланий только увеличит информационную перегрузку и может затормозить реакцию тех, кто их получает, но это соображение почему-то не всегда принимают в расчет.

Да, диссиденты. Нет, не инакомыслящие

Недостаток большинства господствующих интерпретаций цифровой политической деятельности заключается в том, что они чересчур утилитарны (рассматривают вопросы вроде: “Сколько еще кликов – или просмотров, или подписей – в “Фейсбуке” я получу, если потрачу больше денег, времени, помощников?”) и часто не придают значения культурной “подкладке” политики. То, что “Фейсбук” позволяет нам достичь цели X, не так впечатляет, если ее достижение с помощью “Фейсбука” подменяет деятельность Y, которая может

оказаться важнее в долгосрочной перспективе. Например, даже при наличии микроволновой печи и замороженных полуфабрикатов, экономящих время, немногие из нас прибегают к этому решению, когда устраивают вечеринку, в частности потому, что в приготовлении пищи, ее поглощении и общении есть нечто, что важнее, нежели экономия времени или денег. Оценка качества жизни предполагает нечто большее, чем простое сложение эффективного и вычитание неэффективного: нужно еще и четкое понимание того, какие ценности важнее в определенном контексте отношений между людьми.

Если авторитарный режим может пасть под напором группы “Фейсбука” (где бы ее участники ни протестовали – в Сети или на улице), значит, это был не совсем авторитарный режим. Цифровая политическая деятельность чаще приносит плоды поздно, чем рано. В долгосрочном плане доступность таких мобилизационных возможностей начинает влиять на глубоко укорененные политические структуры и обычные политические процессы в обществе (авторитарном или нет – все равно). Задача, с которой сталкивается любой человек, пытающийся оценить возможное влияние интернета на совокупную эффективность массовой политической деятельности, во-первых, предусматривает выделение черт и деятельности, существенных для успеха борьбы за демократию в определенной стране или в определенной ситуации. Во-вторых, эта задача требует понимания того, как определенное средство агитации или поддержки коллективного действия влияет на указанную деятельность.

Так, можно смело предположить, что в большинстве государств с сильным авторитарным режимом понадобятся диссиденты – дальновидные, хорошо организованные, но прежде всего отважные и готовые умереть или отправиться за решетку. Ясно, что лишь малая небольшая доля населения любой страны способна пойти на такие жертвы; именно поэтому слово “диссидент” до сих пор имеет героический оттенок. Успехи диссидентов в деле подрыва режима могут быть скромными, однако они в состоянии (вспомните Ганди) подать важный нравственный пример и подтолкнуть к действию своих сограждан.

Заметный политический сдвиг требует принятия не только традиционной политики, но и ее самых жестких элементов: арестов, угроз, пыток, изгнания из университетов. Возможно, Солженицыну и Сахарову, будь у них доступ в интернет, было бы легче донести до других свои мысли и чувства. Однако не обязательно эти двое стали бы более успешными диссидентами. Россию из семидесятилетней политической комы вывело не то, что (или как) они произносили, а то, что они делали: бросили вызов властям, говорили то, что думали, отвечали за свои слова. Диссиденты были больше чем центры сбора и распространения информации, соответственно, диссидентское движение было чем-то большим, чем сеть из таких центров. В основе диссидентской культуры лежали рискованные поступки, которые подтачивали монолитную структуру авторитаризма. Но важнее всего было не то, что делали диссиденты, а то, чего их деятельность помогала им достигать в других сферах.

Распространение инакомыслия всегда зависело от умения диссидентов культивировать мифы о себе, хотя бы для того, чтобы побудить других последовать их примеру. В российском диссидентском сообществе до сих пор с нежностью вспоминают, как Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр тайно ходили в парк с радиоприемником, чтобы слушать и делать транскрипты иностранных передач. Или как чехословацкие и польские диссиденты тайно встречались в горах около польско-чехословацкой границы, садились рядом, будто бы отдыхая, а уходя, подхватывали чемоданчики друг друга (так они участвовали в международном обороте самиздата). Такие рассказы, вне зависимости от того, являются ли они правдивыми, помогали создать образ диссидента. Этот культурный феномен имел огромные политические последствия, пусть он всего лишь побуждал романтически настроенную молодежь присоединиться к движению.

Поскольку большинство успешных диссидентских групп в закрытых обществах (до изобретения интернета) не было предметом полевых исследований и антропологи не изучали, как они стали такими, какими стали, сейчас мы обладаем лишь поверхностным знанием о том, что привело этих людей к инакомыслию. Рассмотрим, например, вопрос о цензуре, которая, на первый взгляд, не связана с диссидентством. Станут ли люди диссидентами, если они

регулярно сталкиваются с цензурой?

А если цензура будет очевидной и назойливой (например, сравните радиоподавление с его шумом и треском с почти бесшумной и незаметной газетной цензурой)? По меньшей мере один историк холодной войны утверждает, что подавление радиопередач неявно способствовало инакомыслию, так как “возбуждало у слушателей любопытство в отношении заглушаемых передач, усиливало подозрение касательно мотивов властей... и придавало убедительности тому, о чем рассказывало ‘Радио Свобода’”. Это не значит, что цензура – это хорошо. Это значит, что большинство тех, кто при коммунизме противостоял правительству, не в одночасье стали диссидентами. Они шли к этому долгим и трудным путем, который мы только начинаем понимать.

Оппозиционная политика, условия для которой подготовил интернет (та политика, приверженцы которой считают информационный обмен безопасным, даже когда это не так; политика, в рамках которой анонимность – правило, а не исключение; где есть “длинный хвост” политических дел, которыми активист может заняться, и где легко добиться осязаемой, но имеющей ограниченное значение победы над государством), едва ли породит нового Вацлава Гавела. Кому-то по-прежнему приходится отправляться за решетку. Многие блогеры так и делают, но они по преимуществу одиночки, нередко действующие так сознательно и не стремящиеся привлечь к своему делу других. Вместо того чтобы работать “в поле” над культивированием политических движений, они посещают западные конференции, получают награды и критикуют правительство в интервью западным СМИ. Йоани Мария Санчес Кордеро, видный кубинский блогер (журнал “Тайм” счел ее одной из наиболее влиятельных персон в мире), гораздо известнее за границей, чем дома. Конечно, это не от недостатка усердия. Учитывая жесткий контроль над кубинскими СМИ, блогинг сам по себе занятие героическое. И все же, если говорить о влиянии Санчес на моральный облик поколения, все ее посты, какими бы колкими и пронзительными они ни были, едва ли стоят одной-единственной пьесы Вацлава Гавела. Может, сама Санчес и не стремится стать кубинским Гавелом, но так думает большинство ее поклонников на Западе, путающих блогинг с самиздатом.

Примечательно и то, что благодаря Сети гомосексуалисты в Нигерии получили возможность изучать Библию, поскольку, как сообщает журнал “Экономист”, их могут избить, если они явятся в церковь. Но – давайте начистоту: неизвестно, будут ли подобные виртуальные встречи в долгосрочной перспективе способствовать защите прав геев. Ведь перемены в общественных настроениях потребуют ряда болезненных политических, правовых, социальных реформ и уступок, которые интернет может и не приблизить. Иногда лучший способ способствовать созданию действенного общественного движения – загнать преследуемую группу в угол. Это не оставляет ей иного выбора, кроме инакомыслия и гражданского неповиновения. А ложный комфорт цифрового мира может привести к тому, что группа никогда не почувствует себя загнанной в угол.

Виртуальная политика? Забудьте об этом

Опасность диванного активизма в авторитарном государстве заключается в том, что у молодежи может сложиться неверное впечатление, будто это политика иного рода: цифровая, но при этом ведущая к реальным изменениям, всецело выражающаяся в сетевых кампаниях, открытых письмах, вольнодумных фотожабах и сердитых твитах. Может показаться, что она не только целесообразна, но и предпочтительнее неэффективной, утомительной, рискованной и по большей части устаревшей политики, которую вели оппозиционные движения прошлого. Но, кроме одного-двух исключений, едва ли можно говорить о чем-то новом. Скорее отсутствие развлечений, которое восполнил интернет – возможность сбежать из отвратительной и скучной авторитарной политической действительности, – уведет следующее поколение недовольных еще дальше от традиционной оппозиционной политики. Стремление отбросить старые методы особенно заметно в странах со слабыми, неэффективными,

неорганизованными оппозиционными движениями. Часто бессилие таких движений в борьбе с правительством вызывает у молодежи больший гнев, чем действия самих правительств. Однако, нравится нам это или нет, подобные движения зачастую представляют единственную надежду авторитарных обществ. У молодежи нет иного выбора, кроме как присоединиться к этим движениям и попытаться изменить их изнутри. Обличение правительства и переезд на ПМЖ в Твиттерландию не помогут оживить угасающий политический процесс во многих из этих стран.

“Если оценивать влияние [новых медиа на арабский мир], то это скорее средство для снятия стресса, чем механизм политических перемен”, – пишет Рами Хури, колумнист ливанской газеты “Дейли стар”. Он опасается, что влияние подобных технологий на политический протест на Ближнем Востоке окажется в целом негативным: “Блогинга, чтения крамольных сайтов и обмена провокационными эс-эм-эс... с точки зрения многих молодых людей вполне достаточно. Такого рода занятия, однако, по сути превращают человека из участника событий в наблюдателя, а потенциальный акт массовой политической деятельности, мобилизации, демонстрации или голосования – в пассивное, безопасное частное развлечение”. Г-н Хури, возможно, преувеличивает (на счету ближневосточных цифровых активистов немало достижений, особенно в части документирования бесчинств полиции), но его озабоченность вопросами долгосрочного влияния сетевого политикана на политику в целом оправданна.

Я вижу, как миры традиционной и сетевой политики сталкиваются у меня на родине, в Беларуси, и замечаю у молодежи излишне восторженное отношение к сетевой политике.

Многие молодые люди, разочарованные в оппозиции, неспособной бросить вызов авторитарному правителю страны, начинают недоумевать, зачем им все эти муниципальные собрания, в которых вечно пусто, а также нечестные выборы, непомерные штрафы и неминуемое попадание за решетку, если интернет позволяет заниматься политикой анонимно, на безопасном расстоянии и без особенных затрат. Но это не более чем утопия: ни сердитые твиты, ни эс-эм-эс, как бы они ни были красноречивы, пока не смогли возродить демократический дух в массах, которые в большинстве своем погрязли в болоте пропаганды и гедонизма, устроенном для них правительством, хорошо усвоившим урок Хаксли. В условиях, когда большинство белорусов посещают Сеть, чтобы наесться до отвала бесплатных развлечений в “Ю-Тьюбе” и ЖЖ, пытаюсь укрыться от ужасной политической действительности, политическая деятельность требует чего-то большего, чем рассылка приглашений в антиправительственные группы в “Фейсбуке”, как бы убедительно они ни звучали.

Политикам не стоит игнорировать успехи активистов, которые во всем мире прибегают к помощи интернета и социальных медиа в своих целях, от кампании против пакистанского президента Первеза Мушаррафа до порицания компании “Шелл” за ее сомнительную деятельность в Нигерии и противодействия индийским фундаменталистам-женоненавистникам. Однако в то же время стоит помнить, что эти кампании, даже успешные, всегда сопряжены со скрытыми социальными, культурными и политическими издержками. Это касается в первую очередь кампаний, направленных против могущественных авторитарных государств. Одна из главных причин успеха манифестаций против *FARC* в Колумбии состоит в том, что протестующие выступали против группы, горячо нелюбимой правительством страны. Когда те же активисты применили в “Фейсбуке” свои ноу-хау для инициирования в сентябре 2009 года в Венесуэле античавистских протестов, они ожидали, что к кампании присоединятся до 60 миллионов человек по всему миру. Откликнулись всего несколько тысяч (к тому же Чавес инициировал собственную пропагандистскую кампанию и ответил “стихийными” народными протестами). Стоит критически отнестись к заявлениям Хиллари Клинтон, восхваляющей способность социальных сетей изменять мир, и ее британского коллеги Дэвида Милибэнда, который рассуждает о “всплеске гражданской активности” и о том, как новые медиа могут придать импульс поискам социальной справедливости. Хотя новые формы массовой политической деятельности и вправду

появляются, они вполне могут обесценить, а не усилить более эффективные, проверенные временем методы.

Глава 8

Открытые сети, ограниченные умы

За комплиментами, которыми американские дипломаты осыпали “Твиттер” за его “неоценимую роль” в иранских массовых протестах 2009 года, осталось незамеченным одно в высшей степени занятное обстоятельство. Позволяя иранцам публиковать фотографии и видеозаписи происходящего на улицах Тегерана, руководство “Твиттера” нарушило американское законодательство. Мало кто из сторонников “Твиттера” в СМИ заметил, что жесткие санкции, введенные правительством США в отношении Ирана, распространяются на американские ИТ-компании, включая те, которые предоставляют простым иранцам услуги в интернете.

В самом деле, американские санкции (за их соблюдением следят преимущественно Министерство финансов и Министерство торговли, далекие от киберутопистов из Госдепа) повредили развитию иранского сегмента интернета ничуть не меньше, чем репрессии в самом Иране. До марта 2010 года, то есть почти в течение года после волнений в Иране, граждане этой страны не могли легально ни скачать *Google Chrome*, ни позвонить по “Скайпу”, ни поговорить в *MSN Messenger*. Все эти сервисы, как и многие другие, попадали под действие изоэренной системы запретов, наложенных правительством США. Некоторые из этих запретов можно было обойти, но большинство американских компаний предпочитали избегать хлопот: издержки могли быть очень высокими, а вероятный доход от продажи иранцам интернет-рекламы не казался достаточно большим.

Большинство иранских оппозиционных групп, искавших хостинговую компанию для своих сайтов, сталкивались с нежеланием американцев сотрудничать. А у групп, которым повезло с европейскими или азиатскими провайдерами, возникли проблемы с оплатой доступа в интернет: системы электронных платежей вроде *PayPal* базируются в США и не вправе иметь дело с иранцами. Дальше – больше: тем, кто намерен пробиться сквозь многочисленные иранские файерволы и обойти блокировку сайтов наподобие “Твиттера”, не так легко это сделать: экспорт ПО, позволяющего обойти цензурные запреты, также подпадает под ограничения. Более того, большинство технологий шифрования данных подпадают под действие сложной системы экспортных спецправил, разрешений и изъятий из правил. Забавно, что различные некоммерческие организации, получающие спонсорскую помощь от американского правительства, продолжают обучать иранских оппозиционеров пользоваться многими из этих средств в обход санкций. В некотором смысле американские налогоплательщики помогают обучать иранцев пользоваться инструментами, которыми американское правительство пользоваться не позволяет.

Американские дипломаты со временем осознали, что режим санкций “оказывает непредвиденный замораживающий эффект на возможность таких компаний, как ‘Майкрософт’ и ‘Гугл’, предоставлять простым иранцам жизненно необходимые средства коммуникации” (цитирую письмо представителя Госдепа Сенату, появившееся полгода спустя после иранских манифестаций). В марте 2010 года Минфин США согласился внести некоторые коррективы в законы: теперь разрешен экспорт в Иран “общедоступных сетевых услуг широкого потребления... предназначенных для индивидуальной связи по интернету” (соответствующим образом изменились также правила в отношении Кубы и Судана). Эти изменения, однако, не коснулись экспорта большей части ПО, позволяющего обойти цензурные запреты, и иранцы, желающие пробиться сквозь файерволы, наталкиваются на стены, которые возвели сами же американские законодатели.

Как найти доллар в стоге сена

Это не значит, что легально передать Ирану такое программное обеспечение невозможно: для этого нужно получить у правительства США специальную экспортную лицензию. Неудивительно, что некоторые из инструментов, предназначенных для Ирана, предлагают люди и организации, просто сумевшие получить от американского правительства лицензию. В распоряжении этих людей, однако, лучшие юристы, пиарщики, лоббисты, но не технические специалисты, у которых больше шансов создать приемлемый для Ирана продукт.

В марте 2010 года после мощной пиар-кампании экспортную лицензию получил проект “Хэйстэк” (*Haystack*¹⁷). Эта программа появилась в 2009 году после волнений в Иране. Ее создали двое американских технарей двадцати с чем-то лет от роду, не имеющих никакого отношения к Ирану. Они были потрясены картинками, пришедшими из Тегерана, и захотели помочь иранцам, предоставив им возможность доступа к запрещенным цензорами сайтам. Тогда они придумали “Хэйстэк” – программу, которая якобы позволяет не только пробиться сквозь файерволы, но и запутать следы, замаскировав посещение крамольного сайта под визит на какую-нибудь безобидную страницу с метеосводками. Остин Хип, лицо проекта, быстро стал любимцем СМИ. Он хвалился, что его ПО не только самое эффективное, но и безопасное для пользователей.

Проверить заявления авторов “Хэйстэк” было невозможно, поскольку саму программу никто не видел. Посетитель сайта “Хэйстэк” обнаруживал сразу несколько иконок “Сделайте пожертвование” – и ни одной гиперссылки на ПО. Основатели “Хэйстэк” объясняли это обстоятельство тем, что не желают, чтобы власти Ирана взломали программу прежде, чем диссиденты смогут ею воспользоваться.

Журналистов это объяснение устроило. О проекте “Хэйстэк” наперебой рассказывали “Интернэшнл геральд трибюн”, “Нэшнл паблик рэйдио”, “Крисчен сайенс монитор” и новости Би-би-си. В марте 2010 года английская газета “Гардиан” объявила Остина Хипа “изобретателем года”, а в августе журнал “Ньюсуик” напечатал хвалебный очерк о “Хэйстэк”, причем львиная доля внимания досталась не волшебной программе, а ее создателю. “Завтра у меня встречи с [сенаторами Джоном] Маккейном, [Робертом] Кейси и, может быть, [Карлом] Левиным, но я не знаю, хватит ли у меня времени”, – говорил в интервью Остин Хип.

Зато у многих ИТ-экспертов росли сомнения: если “Хэйстэк” настолько хорош, как о нем говорят авторы, почему они до сих пор не позволили никому испытать программу на прочность? Это было тем более важно, если учесть, что “Хэйстэк” предназначался для иранских борцов с режимом.

Скоро нелепые отговорки автора “Хэйстэк” вывели из себя иранцев, которые брались испытать программу “в поле”, и они передали копию “Хэйстэка” независимым испытателям. И что же? Уже после нескольких часов тестирования выяснилось, что пользоваться “Хэйстэк” предельно опасно: программа оставляла хорошо заметные цифровые следы, по которым власти легко смогли бы найти пользователя. Тестированием “Хэйстэк” в Иране были заняты всего несколько десятков человек, а не пять тысяч, о которых говорил Хип в марте 2010 года. К середине сентября испытания в Иране были прекращены, а сотрудники “Хэйстэк”, в том числе известные люди, входившие в его консультативный орган, ушли в отставку.

Об арестах иранцев, пользовавшихся программой “Хэйстэк”, неизвестно. Однако нетрудно представить, что случилось бы, если бы это ПО ушло в массы. Кто бы догадался, что “Хэйстэк” нарушает многие нормы, которым должно соответствовать идеальное средство для борьбы с цензурой, если правительство США охотно выдало лицензию на его экспорт и даже госсекретарь Клинтон упомянула его в интервью?

Многие иранские пользователи разбираются в хайтеке не лучше, чем американские журналисты, расхваливавшие “Хэйстэк”. Неспециалистам нелегко уловить различия между технологиями обхода цензуры. Многие могут поверить в то, что “Хэйстэк” безопаснее, чем он

¹⁷ Стог (англ.)

есть, просто потому, что правительство США сочло его достойным экспорта. Нет ничего удивительного в том, что одобрение “Хэйстэк” чиновниками привлекло внимание к проекту, а это вызвало у СМИ еще больший восторг.

Ясно, что такой подход к оценке подобных проектов – неправильный и даже опасный. Но в то время как многие призывают совсем отказаться от санкций, есть и менее радикальные способы сделать так, чтобы экспертиза зависела от достоинств технологии, а не от умения ее авторов устраивать шумиху в СМИ.

Мугабе – царь и блогер

Если это хоть сколько-нибудь может утешить иранцев, скажу: они не одиноки в беде. Американское правительство ввело различные санкции также в отношении Беларуси, Кубы, КНДР, Сирии, Зимбабве и некоторых районов Судана. К счастью, в ряде случаев санкции применяются избирательно. Например, ограничения по отношению к Беларуси и Зимбабве касаются нескольких десятков так называемых граждан особых категорий (в основном бывших или действующих чиновников, а также некоторых госорганов, о которых известно, что они злоупотребляют властью).

Подобная избирательность кажется отличным способом вывести из-под действия санкций невиновных граждан. Однако действительность гораздо сложнее. К сожалению, многие американские интернет-компании не хотят рисковать тем, что кто-нибудь из окружения Роберта Мугабе открыто или тайно поселится на их сайте, поскольку это влечет наложение штрафа или даже лишение свободы для боссов компании-провайдера. Единственный способ избежать риска – это тщательно проверять всех пользователей из Зимбабве. Однако это настолько дорого и хлопотно, что многие хостинговые компании, особенно небогатые, предпочитают “банить” без разбора всех зимбабвийских интернет-пользователей (и даже иногда предупреждают об этом в перечне условий предоставления услуг). А то, что Зимбабве является не особенно перспективным рынком, делает принятие подобного решения сравнительно легким. Более того, только истинные оптимисты верят в то, что американские интернет-компании глубоко вдаются в изучение режима санкций, действующих в отношении различных стран. Выяснение того, чем режим санкций в отношении Кубы отличается от сирийского и как это отражается на предоставлении услуг гражданам этих стран, – задача, которая под силу разве что выпускнику юрфака Принстона или Йеля. Большинство компаний выбирают самое легкое решение: полный запрет на предоставление услуг всем без исключения пользователям из этих стран.

Эта политика часто приводит к абсурду. Американская хостинговая компания вправе отказать в предоставлении услуг даже организациям и лицам, пользующимся моральной и финансовой поддержкой американского правительства, сославшись на распоряжения самого правительства США. Так поступила, например, компания “БлюХост”, один из крупнейших хостинг-провайдеров США, с сайтами Белорусской ассоциации американских исследований (неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне, совета которой часто просит Госдеп) и “Кубатана” – одной из оппозиционных режиму Мугабе зимбабвийских гражданских организаций (также тесно сотрудничающей с американским правительством). Выяснив, что руководителями этих НКО являются граждане Беларуси и Зимбабве, “БлюХост” просто аннулировал контракты с ними и пригрозил удалить со своих серверов весь их контент. В условиях предоставления услуг (отличный пример документа, который мы побыстрее пролистываем, чтобы нажать кнопку “Дальше”) было указано, что гражданам Беларуси и Зимбабве (предположительно из-за американских санкций) услуги не предоставляются: глубоко ошибочное толкование адресной политики. На гендиректора “БлюХост” не произвело впечатления даже письмо американского посла в Зимбабве, удостоверившего, что “Кубатана” – враг Мугабе и друг Соединенных Штатов. Чтобы руководители “БлюХост” изменили свою точку зрения, понадобилось вмешательство американского Министерства финансов. Такое чрезмерное послушание характерно для интернет-компаний. В апреле 2009 года популярная

социальная сеть *LinkedIn* решила изгнать с сайта всех пользователей из Сирии, сославшись на необходимость соблюдения режима санкций. Однако после вала критики в отношении *LinkedIn*, поднявшегося в блогосфере, гендиректор компании отменил решение, объяснив произошедшее чересчур узким толкованием правил.

То, что санкции, налагаемые США на неподконтрольные им иностранные правительства, в большинстве случаев не достигают цели, – не секрет в Вашингтоне и за его пределами. Но действенность мер по ограничению распространения технологий кажется еще сомнительнее. Смешно думать, будто лидеры Беларуси или Зимбабве стали бы прибегать к услугам американских хостинговых компаний, если могли бы получить хостинг у национальных (часто – национализированных) провайдеров. Расхождение между американской официальной риторикой о свободе интернета и действующими ограничениями на экспорт американских технологий отметили даже авторитарные правительства. По многим причинам они пользуются ситуацией в пропагандистских целях: указывают, что Вашингтон имеет в виду не то, о чем говорит (в 2009 году официальная китайская газета раскритиковала правительство США за то, что оно не позволяет кубинцам загружать *MSN Messenger*). Но для отмены режима санкций есть много других причин. Какую бы роль ни сыграл “Твиттер” в иранских акциях протеста, следование букве закона летом 2009 года лишило бы американцев важного источника информации. (А это, по мнению некоторых юристов, граничило бы с “предварительным запретом” и, возможно, даже противоречило бы Первой поправке к Конституции¹⁸.)

Неэффективность санкций редко останавливает американских лидеров от безрассудных поступков. И было бы нечестно не признать, что всемирная кампания в защиту свободы интернета во многом теряет свою привлекательность, если само правительство США создает столько препятствий людям, которые хотят, но не могут пользоваться интернетом на всю катушку. Опасность стремления Запада превратить свободу интернета в ориентир заключается в том, что это может отвлечь от ошибок и неразумной политики самих западных правительств, нацеленной почти исключительно на жесткий контроль над интернетом в тоталитарных странах. Как показала ситуация в Иране (когда Госдеп попросил частную компанию продолжить оказывать услуги, которые она не должна была оказывать), американские чиновники сами запутались в собственной политике и санкциях. Пока последние не будут упрощены и избавлены от лишних препятствий, возможности интернета в сфере демократизации будут использоваться лишь наполовину.

Кукла с заклеенными сосками

В 2008 году страх марокканского правительства перед интернетом привел к международной сенсации. Фуада Муртаду, инженера, который якобы открыл на сайте “Фейсбук” аккаунт от имени принца Мулая Рашида, приговорили к тюремному заключению. До сих пор неясно, как марокканские власти вышли на Муртаду. Некоторые даже считают, что его сдал “Фейсбук”.

Учитывая прежние отношения “Фейсбука” с правительством, активист Касим аль-Газали должен был быть готов к тому, что правительство Марокко найдет способ заблокировать доступ к его группе в “Фейсбуке” с безобидным названием “Молодежь за отделение религии от образования”. Аль-Газали желает более четкого разделения религии и образования в Марокко. Может, он и не призывал к смене режима, но с учетом вялого течения политической жизни в стране даже такие аполитичные кампании вызывают гнев властей.

Случай аль-Газали не уникален. Быстро растет сеть стихийных активистов-одиночек, выступающих за реформы в Марокко. Благодаря интернету многие могут заявить о своем

¹⁸ Первая поправка гласит: “Конгресс [Соединенных Штатов] не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати”. – *Прим. перев.*

несогласии с политикой правительства в той или иной сфере и установить контакты с единомышленниками в Марокко, марокканской диаспорой за рубежом и остальным арабским миром. Правительство, разумеется, этого не боится и использует любую возможность, чтобы воспрепятствовать такой деятельности, особенно если она сопряжена с насмешками или богохульством. С точки зрения политического планирования рост такой сетевой деятельности не слишком эффективен – при прочих равных условиях диванный активизм неразрывно связан с издержками. Однако настоящий вклад “Фейсбука” в демократизацию Марокко может заключаться в расширении границ дозволенного в этом консервативном обществе, а не в содействии организации уличных протестов. (Объявлять любого рода деятельность в “Фейсбуке” крайне полезной или бесполезной только потому, что она разворачивается в “Фейсбуке”, – очевидный случай интернетоцентризма. То, что может оказаться деструктивным в Беларуси, где общественная жизнь гораздо свободнее, чем в Марокко, хотя все еще находится под государственным контролем, в марокканском обществе может оказаться довольно полезным.)

В 2010 году аль-Газали заглянул в “Фейсбук” и увидел, что его группы, в которую входило более тысячи пользователей, нет. Было неясно, имело ли отношение к произошедшему марокканское правительство (неужели у него были свои люди в штаб-квартире “Фейсбук” в Пало-Альто?). Потом выяснилось, что “Фейсбук” по собственной инициативе удалил группу аль-Газали, причем не стал ни предупреждать его, ни объяснять свой шаг. Когда аль-Газали отправил компании электронное письмо с требованием объяснений, из “Фейсбука” исчез и его собственный аккаунт. Несколько дней спустя несколько видных иностранных блогеров вступились за аль-Газали, и дело получило огласку на Западе. Тогда “Фейсбук” восстановил удаленную группу – и вновь воздержался от объяснений. Самому аль-Газали повезло меньше: пришлось открыть новый личный аккаунт, поскольку прежний не сохранился.

Такой сравнительно благополучный исход редок. Большинство подобных случаев не привлекает столько внимания, чтобы “Фейсбук” или другая интернет-компания исправила бюрократический просчет. Если бы не международная огласка, аль-Газали, как и многим активистам до него, вероятно, пришлось бы начинать сетевую кампанию с нуля. Сложно предъявлять претензии “Фейсбуку”: это частная компания, которая делает то, что хочет. Может быть, руководство “Фейсбука” по личным соображениям не захотело принять ничью сторону в споре о секуляризации Марокко. Или удаление группы аль-Газали просто стало результатом ошибки человека, который принял группу за революционный коллектив, призывающий к свержению марокканского правительства. Поскольку “Фейсбук” публично ничего объяснять не стал, правду, похоже, мы не узнаем. Однако теперь совершенно ясно, что, вопреки ожиданиям многих западных политиков, “Фейсбук” вряд ли можно считать идеальным инструментом распространения демократии: его собственная логика (определяемая стремлением к выгоде или незнанием контекста, в котором функционирует социальная сеть и который все более глобализуется) временами оказывается антидемократической.

История аль-Газали напоминает сюжет “Процесса” Франца Кафки. Героя романа арестовали, не называя причины, и подвергли суду за преступление, суть которого ему не объяснили. Цифровым активистам чаще всего приходится иметь дело с компаниями-медиаторами, придерживающимися кафкианских принципов. Это вызывает беспокойство уже потому, что вносит ненужную неопределенность в работу активистов. Представьте себе, что группа аль-Газали планировала провести акцию протеста в тот самый день, когда ее страница была удалена. Акция могла бы быть легко сорвана. Пока нет полной уверенности в том, что группа в “Фейсбуке” не будет удалена в самый неподходящий момент, многие диссиденты предпочтут не делать эту сеть главным каналом связи.

На самом деле у руководства “Фейсбука” нет ни единой причины пекся о защите свободы слова в Марокко. Это страна, бесперспективная с точки зрения продажи рекламы, а если так, то проще зарабатывать деньги там, где не нужно сражаться с правительством. Мы не

знаем, насколько пристально “Фейсбук” следит за политической деятельностью на своей площадке, однако известно о многих случаях, подобных истории аль-Газали. Так, в феврале 2010 года деятельность “Фейсбука” подверглась жесткой критике в Азии за удаление страниц группы, куда входили 84 298 пользователей, оппозиционно настроенных по отношению к консервативной пропекинской партии “Демократический альянс за улучшение Гонконга”. По данным администратора этой группы, оппоненты пожаловались администрации “Фейсбука” на то, что группа их оскорбляет, и ее закрыли.

“Фейсбук” не впервые ограничивает деятельность подобных групп. В 2008 году, перед тем как Олимпийский огонь принесли в Гонконг, были закрыты несколько групп, а аккаунты многих активистов, выступающих за освобождение Тибета, были удалены за “злоупотребления услугами сайта”. Это не просто политика: руководство “Фейсбука” печально известно своим стремлением к контролю и над другим контентом. Так, в июле 2010 года австралийский ювелир получила многочисленные предупреждения за размещение фото изящной фарфоровой куклы с обнаженными сосками. Основатели “Фейсбука”, может, и молоды, но это не мешает им быть пуританами.

Многие другие компании-медиаторы тоже едва ли заслуживают звания нестигаемых борцов за свободу политического волеизъявления. “Твиттер” обвиняли в отключении страницы, посвященной войне 2008 года в секторе Газа. *Apple* критиковали за блокирование имеющих отношение к Далай-ламе приложений к айфонам, продающимся в китайском *Apple Store* (приложение, касающееся Рабии Кадыр, лидера уйгуров в изгнании, было тоже “забанено”). Компания “Гугл”, владеющая социальной сетью “Оркут” (*Orkut*), неожиданно ставшей очень популярной в Индии, замечена в излишне рьяном удалении потенциально опасного контента, который можно счесть призывающим к межэтническому и межконфессиональному насилию и в отношении индусов, и в отношении мусульман. Более того, исследование 2009 года выявило, что “Майкрософт” осуществляет в отношении пользователей из ОАЭ, Сирии, Алжира, Иордании, пользующихся поисковиком “Бинг” (*Bing*), цензуру еще более жесткую, чем даже правительства этих государств. Например, пользователь из Иордании может посещать веб-страницы, в *URL* -адресах которых встречаются слова наподобие “секс” или “порно”, но если он введет их в строку поиска на “Бинге”, то в ответ получит только предупреждение от компании “Майкрософт”.

Опасные посредники

Что это – тайный заговор крупнейших мировых ИТ-компаний против свободы слова во всемирном масштабе? Маловероятно. Гигантский объем контента на всех этих сайтах просто не позволяет управлять ими, не совершая ошибок. Разница между видеороликами, пропагандирующими насилие и фиксирующими нарушения прав человека, достаточно нечеткая. Нередко это невозможно сделать, не будучи знакомым с ситуацией, в которой была сделана запись. Компанию “Гугл”, например, обвинили в удалении из видеохостинга “Ю-Тьюб” нескольких роликов, запечатлевших бесчинства египетской полиции, на основании того, что в них слишком много насилия. (“Гугл” впоследствии признал, что произошла ошибка.) Но понимание того, что некий клип – это документ, свидетельствующий о жестокости полицейских, а не сцена из фильма ужасов, требует знания контекста. Это непросто, если учесть, что *ежесекундно* пользователи “Ю-Тьюба” публикуют видеозаписи общей продолжительностью 24 часа. Единственный способ избежать ошибки – пригласить штат правозащитников и вдобавок пару экспертов, знающих все о регионе, чтобы они изучали подозрительный контент “Ю-Тьюба” или “Фейсбука”. К чести “Ю-Тьюба”, политика этой компании в отношении удаления контента гораздо откровеннее “Фейсбука”. Можно не соглашаться с ее принципами (особенно с тем, как технология анализа видеороликов рекомендует пользователям те или иные клипы), однако “Ю-Тьюб”, по крайней мере, действует в этом отношении открыто, чем отчасти облегчает активистам жизнь.

Некоторые компании отвечают введением элементов самоуправления: пользователи

могут известить администрацию сайта о видеороликах, которые они считают оскорбительными. Это отчасти снимает с администраторов обязанности по наведению порядка, однако вызывает опасное оживление “кибервиджиланте”. Так, группа “Саудовский контролер”, включающая около двухсот консервативно настроенных саудовцев, регулярно просматривает связанные с Саудовской Аравией клипы, выкладываемые на “Ю-Тьюбе”, и жалуется администраторам “Ю-Тьюба” на “неприемлемые” и “дезориентирующие” ролики (большинство их содержит критику ислама или саудовских правителей). (Сами члены группы объясняют свою деятельность более возвышенными мотивами. “Мы просто исполняем свой долг перед верой и Родиной”, – заявил Мазен аль-Али, один из добровольных “контролеров”, в 2009 году в интервью саудовской газете “Аль-Рияд”.) Как выясняется, вынесение верного суждения нельзя отдавать на откуп толпе, хотя бы потому, что ею можно дирижировать в собственных интересах.

Возможно, естественным следствием погони за количеством просмотров стало то, что цифровая политическая деятельность породила культуру зависимости от крупных сетевых медиаторов, и критически настроенному пользователю приходится подробно читать условия пользования сайтом, прежде чем делиться крамольными мыслями. А эти условия нередко двусмысленны и неопределенны. (Кто же знал, например, что руководство “Фейсбука” не одобряет фотографии кукольных сосков?) Даже те, кто вполне изучил правила, не могут быть уверены в том, что они не нарушают некий скрытый запрет. Хотя активисты могут свести к минимуму свою зависимость от медиаторов, запуская независимые сайты, шансы на то, что их усилия привлекут в мире то же внимание, на которое они могли бы рассчитывать в “Фейсбуке” или “Ю-Тьюбе”, очень малы. Оказавшись перед трудным выбором – масштаб или зависимость, активисты обычно выбирают первое, предоставляя администраторам контроль над избранной ими платформой.

Ни один из популярных сайтов “веб 2.0” не в состоянии проводить последовательную пользовательскую политику. Иногда отчетливо активистский контент признается оскорбительным и удаляется. Иногда его не трогают, и он привлекает внимание миллионов. Неопределенность работает против цифровых активистов. Никто не хочет тратить время, деньги и силы на организацию антиправительственной группы в “Фейсбуке” только затем, чтобы администраторы ее закрыли. В итоге не возникает прочных опорных конструкций, которые могли бы способствовать аккумуляции в Сети социального капитала.

Простого решения таких проблем не существует. Это не поединок со всемогущими китайскими цензорами, а война с отлично разбирающимися в технике типами из Кремниевой долины, которые не желают, чтобы их сайты превратились в площадки для террористов, садистов или опасных маргинальных движений, и поэтому вводят жесткую цензуру или проводят недифференцированную цензурную политику, не особенно вникая в то, что они “режут”. Разумеется, никто не ждет от руководителей “Фейсбука”, что они превратят свой сайт из инструмента зарабатывания денег в рассадник революции. Но “Фейсбук” хотя бы может сделать цензурную политику недвусмысленной, чтобы она не сбивала с толку активистов.

В конце концов, растущая роль западных медиаторов – еще один аргумент в пользу того, что битва за свободу интернета, каким бы ущербным ни был ее план, должна идти и в просторных переговорных комнатах Кремниевой долины. Победы в Москве, Пекине или Тегеране автоматически не превратят все фейсбуки и гуглы в ответственных граждан мира. К сожалению, Хиллари Клинтон почти не упомянула об этом в своей речи, хотя как раз в этой области западные политики могли бы многого достичь законодательным путем. Отраслевые начинания вроде “Глобальной сетевой инициативы” (ГСИ) – компания “Фейсбук” ее не поддержала, сославшись на то, что у нее, новичка на рынке, нет возможности уплатить вступительный взнос в 250 тысяч долларов, – претендуют на то, чтобы заставить ИТ-компании заявить о своей приверженности определенным ценностям. Это, без сомнения, стоящее дело. Но порой для того, чтобы компании соблюдали эти принципы, необходимо давление со стороны правительств североамериканских и европейских стран. “Майкрософт”, например, является участником ГСИ, и тем не менее работа принадлежащего ему поисковика “Бинг” на

Ближнем Востоке не вполне соответствует духу этого проекта. Пока ИТ-компании не возьмут на себя персональные обязательства, начинания вроде ГСИ останутся скорее пиар-предприятиями с целью убедить политиков в том, что их участники – ответственные глобальные игроки.

К несчастью, относительно молодой кампании за свободу интернета повредила давняя вашингтонская проблема: тесная связь политиков с промышленниками. Двое высокопоставленных сотрудников Госдепа, стоявших во главе кампании и среди прочего отвечавших за установление тесного партнерства с компаниями из Кремниевой долины, оставили государственную службу ради работы в этих самых компаниях. Первая – Кэти Джейкобс Стентон, советник Управления по инновациям Белого дома – теперь отвечает за международную стратегию “Твиттера”, второй, Джаред Коэн, возглавил новый аналитический центр “Гугла”. Для Вашингтона такой поворот событий не в новинку, однако это вряд ли создаст твердый фундамент для отстаивания свободы интернета или поможет сформировать критический взгляд на действия ИТ-компаний, которые отчаянно нуждаются в обходительных руководителях с опытом госслужбы.

Луч света в киберпространстве

Даже если общественная дискуссия о свободе интернета неизбежно заканчивается призывами дать отпор авторитарным правительствам, западные политики не должны позволять подобной риторике взять верх над здравым смыслом. В противном случае станет слишком легко игнорировать проблемы и споры о законодательном регулировании интернета у себя в стране. На самом деле большинство политиков (если судить по их речам и делам) уже признало, что вольный интернет, не стесненный вообще никакими рамками, способствует демократизации в той же мере, что и правительство, над которым не довлеет принцип верховенства права.

По мере роста влияния Сети на общество западные правительства уже начинают чувствовать давление тех, кто стремится к регулированию интернета. В основе своей такое давление может оказаться незаконным, вредным и антидемократическим, но отнюдь не всегда. Выход – в признании того факта, что стремление общества регулировать Сеть усиливается и что не следует сопротивляться всем законодательным инициативам лишь потому, что интернет – это священная корова либертарианцев. Главное – не цепляться за некие абстрактные истины (такие как: “Интернет – революционная сила, которую следует избавить от каких бы то ни было законодательных оков”), а пытаться достичь общественного консенсуса о приемлемых прозрачных и справедливых демократических процедурах, которые определили бы нужные юридические рамки.

Хотя разговор об идеальных процессуальных принципах заслуживает отдельной книги, замечу: тому, кто их разрабатывает, следует принимать во внимание разнонаправленность векторов западной внешней и внутренней политики: противодействие законодательным ограничениям, накладываемым на Сеть, во внешней политике и их поощрение – во внутренней. В то время как американские дипломаты за границей превозносят достоинства свободного интернета (без полиции, суда и цензоров), их коллеги из МВД, спецслужб и военного ведомства отстаивают (и отчасти уже проводят) политику, основанную на диаметрально противоположной оценке этих достоинств.

Рыцарский поход под знаменами свободы интернета во всем мире может оказаться обречен на провал, так как его амбициозные цели противоречат столь же амбициозным целям внутренней политики. Не замечать этого противоречия – значит внушать напрасные надежды активистам и диссидентам в авторитарных государствах, которые могут наивно полагать, что Запад выполнит свои обещания.

Среди западных политиков быстро распространяется мнение, что государству придется заняться киберпространством, поскольку иначе беззаконие из киберпространства может выплеснуться в реальный мир. “Ситуация в киберпространстве все отчетливее напоминает

гоббсовскую ‘войну всех против всех’, а вера первопроходцев в то, что самоорганизующееся интернет-сообщество может естественным путем, без вмешательства государства, выработать ‘общественный договор’, явно ошибочна либо ведет к изменениям настолько медленно, что это порождает угрозу безопасности”, – пишет Джеймс Льюис, старший научный сотрудник вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, один из авторов доклада “Защита киберпространства и 44-й президентский срок” (нечто вроде рекомендаций Бараку Обаме по кибербезопасности). “Свободолюбивые устремления к либертарному киберпространству, которое могло бы в невероятных масштабах способствовать установлению приоритета общественной свободы над государственным регулированием, могут окончиться установлением социально-технического режима, в значительной степени подрывающего основы свободы, которой он способствовал, и превращающего эту свободу в ее противоположность”, – вторит Льюису Жаннетт Хоффман из Лондонской школы экономики.

Поэтому неудивительно, что некоторые западные правительства, в первую очередь австралийское, постоянно заигрывают с цензурными механизмами, пугающе похожими на применяемые в Китае. Уже несколько лет европейские правительства пытаются принять жесткое законодательство, направленное на обуздание нелегального файлообмена, что может повлечь за собой усиление контроля над пользователями со стороны интернет-провайдеров. Американское правительство, испытывающее колоссальное давление со стороны корпораций и различных неправительственных групп, может скоро начать наступление на свободу интернета сразу на нескольких фронтах. Больше всего стремятся к ужесточению государственного контроля над интернетом лоббисты из военного ведомства и правоохранительных органов. Администрация Обамы добивается разрешения для ФБР получать без судебного ордера доступ к большому объему данных в интернете (например, адресам электронной почты и истории посещений браузеров). Логика Белого дома в этом случае основывается на избирательной и довольно агрессивной интерпретации имеющихся правил, касающихся записи телефонных переговоров; активные противники вмешательства в личную жизнь решительно возражают против приравнивания телефонных номеров к адресам электронной почты. Какими бы ни были юридические достоинства подхода администрации, очевидно, что если подобные меры будут приняты в Соединенных Штатах, то будет невозможно удержать правительства других стран от копирования американских стандартов.

Правоохранительные органы западных стран, как и их коллеги в Китае и Иране, начинают “троллить” социальные сети в поисках нужной информации или новой угрозы. Критика демократическими правительствами авторитарных за то, что последние прибегают к аналогичным приемам, является чистым лицемерием. Пока внимание всего мира было приковано к молодым людям, арестованным в Иране, большинство западных обозревателей не обратило внимания на то, что департамент полиции Нью-Йорка арестовал Элиота Мэдисона, 41-летнего активиста из Квинса, который во время саммита “Большой двадцатки” в Питтсбурге с помощью “Твиттера” помогал протестующим избежать встречи с полицейскими. Не было слышно громких протестов и тогда, когда в начале 2010 года двое депутатов городского совета Филадельфии объявили о возможном судебном преследовании “Фейсбука”, “Твиттера” и *MySpace* после того, как с помощью этих сайтов в городе были организованы массовые бои снежками. Если демократически избранные западные политики приветствуют способность социальных медиа мобилизовывать людей и в то же время полицейские арестовывают тех, кто этим пользуется, то чего же ждать от Китая или Ирана? Если американские законодатели преследуют популярные сайты за то, что они помогают организовать игру в снежки, трудно ожидать от иранского правительства, что оно не станет наказывать их за помощь в организации акций протеста.

Стремление американских руководителей в сфере обороны и разведки перестроить интернет так, чтобы лучше защититься в случае кибервойны путем отслеживания кибератак, едва ли радует тех, кто печется о неприкосновенности частной жизни. Когда директор ФБР во всеуслышание заявляет, что не пользуется услугами онлайн-банкинга из соображений

безопасности, можно быть уверенным, что грядет ужесточение интернет-политики. Уровень киберпреступности в Сети растет, и перед ней открывается блестящее будущее. Наряду с быстрым ростом объема торговли виртуальными товарами в социальных сетях и на других сайтах увеличилось и число преступлений, связанных с такой торговлей (в 2009 году уровень мошенничеств в сфере торговли виртуальными товарами составил 1,9 %, в интернет-торговле материальными товарами – 1,1 %).

Главной причиной быстрого роста киберпреступности считается анонимность значительного числа компьютерных транзакций. Неудивительно, что правительства многих стран стремятся привязать наши действия в Сети к нашим настоящим именам. Стюарт Бейкер, бывший советник Агентства по национальной безопасности, выступая в апреле 2010 года на конференции, посвященной кибербезопасности, озвучил популярное среди разведчиков мнение: “Анонимность – это фундаментальная проблема, с которой мы сталкиваемся в киберпространстве”. Ричард Кларк, ответственный за национальную безопасность во многих американских правительствах, в своей нашедшей книгу 2010 года о кибервойне предложил вовлечь больше поставщиков интернет-услуг (*ISP*) в процесс “глубокого анализа пакетов” (*deep packet inspection, DPI*), который позволит им глубже изучать информацию, какой обмениваются их клиенты, и таким образом распознавать киберугрозы и устранять их на ранних стадиях. Предложение Кларка разумно и заслуживает внимания общества, однако следует помнить, что именно с помощью технологии глубокого анализа пакетов и оборудования, поставляемого европейскими компаниями, Иран крепко держит интернет в узде. И сделать с этим почти ничего нельзя: “Нокиа – Сименс”, одна из компаний, предоставляющих Ирану такую аппаратуру, справедливо указывает, что это такое же оборудование, которым пользуются западные правительства (пусть и не так интенсивно, как иранское). По мере распространения на Западе технологии глубокого анализа пакетов становится почти невозможно возлагать ответственность за ее плоды на “Нокиа – Сименс”, не говоря уже о правительстве Ирана. Общественность может решить, что ей нужен более глубокий анализ пакетов, чтобы справиться с киберпреступностью или терроризмом. Ей только следует помнить, что этот шаг вызовет замедление распространения демократии за рубежом.

Более молодые и технически грамотные военные тоже пытаются понять, как приручить интернет. В статье “Суверенитет и киберпространство”, опубликованной в 2010 году в “Эйр форс ло ревю”, подполковник Патрик Францезе (Стратегическое командование Вооруженных сил США) выдвинул предложение, чтобы “[американские] пользователи, желающие посетить зарубежные сектора интернета, перед выходом в Сеть проходили проверку на биометрическом сканере”. Оправдание ужесточения контроля над интернетом вообще свойственно военным: “Киберпространство дает государствам и негосударственным акторам возможность нейтрализовать традиционное военное превосходство Соединенных Штатов, нарушить их границы и атаковать особо важные объекты инфраструктуры непосредственно на территории Соединенных Штатов”. Кажется, будто управлять киберпространством значительно проще, чем контролировать остальные сферы. “Аварийный выключатель” для Сети – это, вероятно, выдумка, но мало что в инфраструктуре современного интернета мешает распространению своеобразного биометрического сканера, стоящего между пользователями и Сетью. (Многие модели ноутбуков уже оснащаются дактилоскопическими сканерами.)

Не только военные мечтают о контроле над интернетом. Родительские ассоциации озабочены отслеживанием педофилов. Голливудские студии, звукозаписывающие компании и издательские дома стремятся к усовершенствованию технологий обнаружения и устранения несанкционированного обмена контентом, защищенного авторским правом. Банки хотят ужесточить проверку личных данных, чтобы уменьшить число случаев мошенничества в интернете. Все больше граждан развивающихся стран выходят в Сеть, и это ведет скорее не к международному диалогу, а к глобальному аду, кишащему нигерийскими кидалами по переписке. Еще в 1997 году Эли Ноам, профессор массовых коммуникаций Колумбийского университета, справедливо заметил, что совершенно свободный интернет, в котором

государства не смогут защитить своих граждан от незаконных услуг и практики, – это не то, чего хочет американское общество, и американцам стоит это признать. “Неужели в свете риторики об интернете как о ‘свободной торговой зоне’ Соединенные Штаты будут готовы принять интернет вместе с тайландской детской порнографией, албанскими теледокторами, офшорами Каймановых островов и Исландии, азартными играми Монако, нигерийскими манипуляциями с ценными бумагами, кубинскими каталогами товаров с доставкой по почте?” – вопрошал Ноам на страницах “Нью-Йорк таймс”. Ответа на этот вопрос в 1997 году не нашлось. Нет его и сейчас.

Ситуация становится еще причудливой, если мы отойдем от Соединенных Штатов и обратим внимание на другие демократии. Если южнокорейские законодатели хотят, чтобы правительство ужесточило запрет на посещение любых северокорейских сайтов для любых граждан Южной Кореи, трудно вообразить, что когда-либо будет выработана консолидированная позиция Запада в отношении свободы интернета. Нынешняя какофония отлично слышна авторитарным правительствам, пользующимся любой возможностью самим контролировать интернет, ссылаясь при этом на западный опыт. В феврале 2006 года Лю Чжэнжун, высокопоставленный чиновник, ответственный за интернет, ответил на критику в адрес Китая за чересчур жесткий контроль. Лю напомнил оппонентам об американском опыте, о законе “Об объединении и укреплении Америки путем предоставления необходимых инструментов для пресечения и препятствования терроризму”, и поинтересовался, почему нельзя разрешить Китаю делать то же самое: “Очевидно, что законное правительство любой страны внимательно следит за распространением незаконной информации. Нам известно, что США хорошо с этим справляются... Так почему Китай не вправе вести себя так же?” Западные демократические государства не нашли удовлетворительного ответа.

Западные политики полностью сосредоточены на таких проблемах, как киберпреступность и цензура, что может помешать возникновению серьезной дискуссии на темы, возможно, более важные, вроде защиты личной информации. Законодатели большинства стран (за исключением разве что Германии, Швейцарии и Канады) слишком растеряны для того, чтобы регулировать деятельность социальных сетей и фактически предоставляют карт-бланш компаниям вроде “Фейсбука”. Более того, убежденные сторонники “веб 2.0” считают, что призывы уважать частную жизнь неуместны и обществу следует стремиться к абсолютной прозрачности. “Со временем мы просто станем легче относиться к разглашению личной информации. Дело в том, что мы больше не заботимся о ней. А ‘Фейсбук’ просто дает нам то, чего мы хотим”, – написал Майкл Аррингтон в популярном блоге *TechCrunch*. “Я бы предпочел, чтобы предприниматели допускали серьезные ошибки, касающиеся личной информации, и исправляли бы их, нежели пытались тихо обойти эту область... или же сторонились потенциально конфликтных областей разработок, опасаясь негативной реакции”, – заявил Тим О’Райли, культовый издатель технической литературы.

Такая позиция вызывает много вопросов, поскольку предполагает катастрофические последствия для пользователей из авторитарных государств. Многие из жителей развитых стран, вероятно, могут сохранить частную жизнь в неприкосновенности, поскольку остальные правовые институты там действуют эффективно (сильное допущение!), однако это может легко привести к катастрофе во всех остальных уголках мира. Развивающиеся страны, у большинства граждан которых нет банковских карт, мало заинтересованы в сетевой рекламе и едва ли представляют интерес для Кремниевой долины. Никто не собирается создавать для них защищенную версию социальной сети, даже если политическая ситуация в их странах требует очень осторожного обращения с личными данными. Излишне либеральный подход к регулированию, который допускает крупные ошибки во имя инноваций, может подарить безупречный онлайн-путеводитель, который подскажет, где неподалеку от вас делают лучший фраппучино, – и подвергнуть опасности иранских блогеров, которым вряд ли предложат фраппучино в тегеранской тюрьме Эвин.

Пока западные правительства регулируют интернет, как они заявляют, руководствуясь

соображениями борьбы с преступностью и терроризмом, они попутно легитимируют подобные устремления авторитарных правительств (действующих так в первую очередь по политическим причинам). Более того, что касается сфер наподобие борьбы с киберпреступностью, то военные и разведывательное сообщество по обе стороны Атлантики будут скорее рады узнать, что российское и китайское правительства усиливают контроль над своими секторами интернета. Желание Запада, чтобы эти правительства сделали что-нибудь с регулярными неконтролируемыми (хотя и не особенно разрушительными) кибератаками хакеров из этих стран, перевешивает желание рекламировать абстракции вроде свободы интернета просто потому, что сохранность американской коммерческой тайны всегда была приоритетнее неприкосновенности профилей иностранцев в социальных сетях.

Вдобавок ко всему американским чиновникам, отвечающим за внутреннюю политику в отношении интернета (в первую очередь сотрудникам Федеральной комиссии по связи), тоже очень нравится термин “свобода интернета”, однако они понимают под ней в первую очередь нейтралитет Сети: чтобы интернет-провайдеры к любому контенту относились одинаково хорошо. Вехой на пути к закреплению нейтралитета, поставленной Федеральной комиссией по связи, явился законопроект “О свободе интернета” (2010). Это может помочь и дипломатам, и знатокам технической политики привлечь большее, нежели прежде, внимание СМИ к своему делу, однако скорее всего закон расставит правительству США риторические ловушки, поскольку оба понятия очень расплывчаты. В конце 2009 года Эндрю Маклафлин, замглавы правительства США по технике, рассуждая на тему сетевого нейтралитета, заявил, что “если вас беспокоит то, что китайское правительство осуществляет цензуру в интернете, вы тем более должны беспокоиться, когда этим занимается ваша кабельная компания”. Тем самым он невольно подсказал авторитарным правительствам еще один сильный аргумент для критики США за то, что они не следуют принципам, декларируемым ими за рубежом. Если Конгресс не поддержит усилия Федеральной комиссии по связи по обеспечению сетевого нейтралитета ¹⁹, правительства Ирана и Китая смогут записать себе несколько пропагандистских баллов, просто напомнив, что американские законодатели сами ущемляют свободу интернета. Такова цена постройки государственной политики на двусмысленных формулировках и применения их в абсолютно разных контекстах.

Кибервойна – это мир

Защите свободы интернета в долгосрочной перспективе могут мешать также проблемы и противоречия западной внешней политики. По мере того как упрощается организация целенаправленных, выверенных атак (тех, у которых нет нежелательных побочных эффектов) на сайты, например, исламских экстремистов, все чаще будут звучать призывы просто отключить их, хотя бы для того, чтобы предотвратить в будущем террористические нападения. Конечно, такие веб-сайты представляют несомненную разведывательную ценность (это обстоятельство, возможно, объясняет, почему столь многие из них до сих пор функционируют). Но сам факт выбора между атакой и слежкой в отношении опасных сайтов едва ли улучшает образ Запада как защитника свободы интернета.

Прежде чем Запад возьмет на себя безоговорочное обязательство отстаивать свободу интернета любой ценой, везде и всегда, ему следует учесть, что такая политика скорее всего противоречит его собственному устремлению контролировать и перекрывать потоки информации под давлением обстоятельств. Еще в 90-х годах было довольно модно рассуждать об “информационной интервенции”. Джейми Метцль (в то время чиновник Госдепа, проявивший себя как главный поборник политики “информационной интервенции”) убедительно настаивал на том, что “пришло время разработать, модернизировать и институционализировать средства информационного противодействия массовым

¹⁹ Законопроект был отклонен Конгрессом. – *Прим. перев.*

коммуникациям, разжигающим вражду” (он имел в виду в первую очередь возможность глушить сигнал радиостанций, подстрекающих к геноциду).

Применение этого принципа в эру интернета рождает много вопросов. Вправе ли западные державы позволять иностранным радиостанциям распространять в интернете этнические предрассудки и сеять вражду, если существует опасность геноцида? Именно такую роль, к несчастью, сыграло радиовещание в руандийских и югославских событиях 90-х годов (тогда СМИ еще не переместились в Сеть). Западные сторонники либеральных интервенций, возможно, хотели бы сохранить такую возможность. Метцль верно указал в 1997 году на то, что “положения закона о международных телекоммуникациях, обеспечивающих их бесконтрольность, едва ли оправдывают пересмотр конвенции о недопустимости геноцида, объявляющей подстрекательство к нему наказуемым в соответствии с международным правом”. Отсутствие “рубильника”, который позволил бы отключить в отдельно взятом регионе большинство интернет-коммуникаций, станет очевидным в момент крупномасштабной вспышки геноцида. Как бы то ни было, Запад желает отстаивать свободу интернета с большими оговорками, а они иногда теряются при переводе.

Беспокойство может показаться излишним (интернет-провайдеры могут просто прекратить приостановить работу на время геноцида), но мы вынуждены помнить о том, что правительства западных стран, озабоченные проблемой терроризма, всегда предпочтут сохранить за собой возможность отключать сектора Сети (пусть на время и в отношении нескольких иностранных веб-сайтов). Не многие здравомыслящие политики поддержали бы внешнюю политику, не предусматривающую такую возможность. На самом деле, такое временное отключение интернета происходит сплошь и рядом, даже в отсутствие геноцида. Так, в 2008 году американские военные организовали серию кибератак на интернет-форум исламистов в Саудовской Аравии (по иронии, он был создан ЦРУ с целью узнать больше о планах джихадистов), чтобы помешать радикалам совместно атаковать американские объекты в Ираке.

Кибератаки – сложная история, которая заслуживает гораздо более жесткого отношения, чем позволяют редуccionистские по сути концепции наподобие свободы интернета. Когда Хиллари Клинтон объявила: “Страны или отдельные лица, занимающиеся кибератаками, должны нести ответственность [за свои действия] и подвергаться международному осуждению”, она не упомянула о том, что американские хакеры регулярно устраивают кибератаки на сайты несимпатичных им правительств. Так, во время волнений в Иране множество американцев и европейцев охотно присоединилось к широчайше разрекламированной (главным образом с помощью “Твиттера”) кампании за кибератаки на иранские официальные сайты с целью помешать им распространять ложь и пропаганду. “Способность общества давать отпор – это нечто такое, о чем любому правительству следует время от времени напоминать”, – так объяснил свое участие в кампании Мэттью Бертон, бывший аналитик Разведывательного управления Минобороны США. Польза кибератак, кстати, оказалась сомнительной: они “подвесили” иранский сектор интернета, затруднив оппозиционерам публикацию фото– и видеозаписей уличных протестов.

Наиболее любопытный аспект этой киберкампании состоит в том, что американские власти оставили ее без внимания. Причем, когда подобные атаки были организованы против правительств Эстонии и Грузии (предположительно русскими националистами), официальные лица по обе стороны Атлантики немедленно заявили, что Россия должна прекратить попустительствовать хакерам и наказать их. Это прозвучало как убедительное предупреждение, однако бездействие американцев в отношении Ирана означает, что Соединенные Штаты по меньшей мере поступают не по принципам. Трудно избежать обвинений в применении двойных стандартов, если ваши собственные сограждане (в том числе бывшие шпионы вроде Бертон) открыто возглавляют атаки на веб-сайты несимпатичного им суверенного государства. Несмотря на утверждения Хиллари Клинтон об обратном, западные политики пока не выработали ни последовательного отношения к кибератакам, ни даже не поняли, каким оно должно быть. Вместо полного запрета кибератак им следует попытаться

разработать более изощренный подход с учетом того, что иногда кибератаки неминуемы и потенциально даже желательны.

Во многих случаях кибератаки, особенно *DDoS* -атаки, могут рассматриваться как акты гражданского неповиновения, эквивалентные уличным демонстрациям. Неочевидно, что их запрет поможет делу демократизации. Если общество не осуждает организацию сидячих забастовок в университетских аудиториях – а ведь они временно создают помехи работе университетов, – то нет ничего странного (по крайней мере теоретически) и в том, чтобы разрешить студентам устраивать *DDoS* -атаки на университетские сайты. В действительности это уже происходит, более или менее успешно. Так, в марте 2010 года Рикардо Домингес, профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего, призвал студентов организовать *DDoS* -атаки на сайт президента университета и выразить таким образом несогласие с урезанием бюджета более чем на 900 миллионов долларов (в ответ университетские сетевые администраторы отключили сервер самого Домингеса). Некоторые европейские суды уже выразили свое отношение к *DDoS* -атакам, признав их формой выражения инакомыслия. В 2001 году немецкий активист организовал несколько *DDoS*- атак на сайты авиакомпаний “Люфтганза” в знак протеста против использования полицией самолетов этой авиакомпании для депортации политических беженцев. Он сравнил свою кампанию с виртуальной сидячей забастовкой, и немецкий апелляционный суд с ним согласился.

Этичность и законность таких случаев следует оценивать индивидуально. Конечно, неприемлемо объявлять любые кибератаки противоправными или аморальными. Представьте, что демократически настроенные граждане одного из авторитарных государств, правительство которого считается дружественным США (скажем, Египта или Азербайджана), организуют кибератаки на правительственные сайты или освещают их ход в “Твиттере” и “Фейсбуке” – и в конце концов их арестовывают. Как поступит американское правительство, поставленное в абсурдное положение? Выступить в защиту этих активистов значило бы признать кибератаки легитимным способом проявления инакомыслия, что могло бы вызвать шквал подобных случаев. Молчание же будет означать отступление от принципов свободы интернета, дальнейшее укрепление авторитаризма и невольное поощрение новых кибератак. Эту щекотливую ситуацию нельзя рассматривать отвлеченно. Тем не менее ясно, что преждевременно связывать себя серьезными обязательствами, которые заставят западных политиков выбирать ту или иную позицию вне зависимости от условий, в которых происходят кибератаки.

В интернете нельзя быть “немного свободным”

Вполне возможно, что западные правительства не стремятся разжигать костры твиттер-революций. Возможно, они хотят лишь покритиковать авторитарные режимы за неумеренную цензуру интернета и необъяснимые кибератаки. Может быть, их цель – защищать *свободу интернета*, а не нести *свободу с помощью интернета*. Тем не менее, не намерения западных правительств вызывают отклик их авторитарных коллег, а восприятие этих намерений. Люди во многих уголках мира настолько подозрительно относятся к мотивам американцев, что Джон Миршмайер, видный специалист по внешней политике из Чикагского университета, справедливо заключает: “любому разумному человеку должно быть понятно, что США заявляют одно, а делают совсем другое”. Это противоречие никогда не проявлялось так явно, как в ситуации с Сетью: Госдеп рассказывает о свободе интернета, а Пентагон в это время пытается поставить его под контроль.

Даже западные политики не способны сойтись в том, до какой степени интернет может быть поставлен на службу демократизации. “Проблема в том, что в Вашингтоне выражение ‘глобальная свобода интернета’ сродни чему-то вроде теста Роршаха. Разные люди видят разное в одной и той же кляксе”, – пишет Ребекка Маккиннон, которая, будучи ведущим специалистом по китайскому сегменту интернета, получила право несколько раз выступить в Конгрессе в качестве свидетеля и в полной мере ощутила носящийся над Капитолийским

холмом дух свободы интернета. Маккиннон поспешила прибавить, что отсутствие ясности – главная причина, по которой “какой бы то ни было консенсус о том, как соотнести противоречащие друг другу интересы и политические цели, еще не достигнут”.

Тем не менее ход дискуссии уже позволяет сформулировать позиции. Следует различать свободу интернета в ее “слабой” и “сильной” формах. Первый подход отстаивают администрация Барака Обамы и либеральные специалисты по внешней политике, второй – сторонники более решительной, неоконсервативной внешней политики. Последние сосредоточены в аналитических центрах наподобие Института им. Джорджа У. Буша, Хадсоновского института или “Фридом хаус”; многие из них посетили упомянутую конференцию в Техасе.

“Слабая” форма почти целиком уделяет внимание защите свободы выражения в Сети, то есть собственно защите свободы интернета, а “сильная” стремится к распространению свободы *через* интернет и видит в нем движущую силу революции снизу образца 1989 года, но с твитами вместо факсов. Можно сравнить их с знаменитым разделением Исайи Берлина. Тогда “слабая” форма свободы интернета вполне совпадает с отстаиванием “негативной свободы”, то есть “свободы от” – от правительственной сетевой слежки, от цензуры, от *DDoS*-атак, – а “сильная” форма скорее соответствует “позитивной свободе”, “свободе для”: для мобилизации, для организации, для протеста.

“Сильная” программа содержит старые тезисы о “смене режима”, изложенные либертарианским языком, на котором говорят в Пало-Альто. “Слабая программа”, по-видимому, не идет дальше консервации интернета в его текущем состоянии. Она апеллирует прежде всего к защите свободного выражения мнений, гарантированной ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (“Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на их свободное выражение; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ”). Подход, предполагающий борьбу за мир с минимумом препятствий для свободы слова, не обязательно преследует распространение демократии как одну из целей. Он дальновиднее. Киберконсерваторы, разумеется, не против того, чтобы сохранить и свободу интернета, но видят в нем скорее средство подготовки демократических восстаний в Беларуси, Бирме, Иране.

Приверженцы “слабой” программы (большинство их – самопровозглашенные поклонники либерализма и международных организаций) попадают в ловушку, которую сами и устроили: большинство неэкспертов (по крайней мере, если судить по иррациональному восторженному приему этими людьми иранской твиттер-революции) толкуют термин “свобода интернета” в его “сильном” значении, то есть предполагают гораздо более агрессивное применение интернета для низвержения авторитарных правительств. Когда слышишь о свободе интернета, первое, что приходит на память, – умирающая Неда Ага-Солтан, окруженная молодыми иранцами с мобильными телефонами, а не женеvский конференц-зал Международного союза электросвязи, где спорят о будущем управления интернетом. Проблема в том, что агрессивное толкование свободы интернета, привязанное (все на это указывает) к способности либералов защищать свободное обращение информации в интернете, а также содействовать расширению свободы и *без* интернета (более традиционными, “офлайновыми” методами), может быть серьезно дискредитировано.

То обстоятельство, что свобода интернета бывает двух видов, ускользнуло от внимания многих американских обозревателей, занимающихся СМИ. Они считают, что у политиков на этот счет – редкий случай! – нет разногласий. Репортера “Ньюсуик” Баррета Шеридана конференция “кибердиссидентов” в Далласе удивила тем, что “не многие идеи сближают бывшего президента Джорджа У. Буша и его преемника Барака Обаму, но одной из общих тем для разговора, бесспорно, может стать свобода интернета и способность техники провоцировать демократические революции”. Неясно, для чего Обама вообще ввязался в эту беседу: во внешней политике он сделал все для развенчания мифа, будто намеревается продолжать “инициировать демократические революции”. Двусмысленность понятия

“свобода интернета”, однако, может дискредитировать все шаги, предпринятые им для того, чтобы представить свой внешнеполитический курс как противоположный курсу Буша.

В тот день, когда Хиллари Клинтон произнесла судьбоносную для интернета речь, Джеймс Глассман и Майкл Доран (воинственно настроенный бывший коллега Глассмана из администрации Буша) опубликовали в “Уолл-стрит джорнал” колонку о том, как они приспособили бы интернет к нуждам американской политики в отношении Ирана. Глассман и Доран призвали правительство США использовать технику для моральной и образовательной поддержки, расширять коммуникации в Иране и между Ираном и остальным миром, а также опровергать иранскую пропаганду. Это яркий пример “сильного” подхода, и, скорее всего, некоторые круги американского внешнеполитического истеблишмента будут настойчиво его применять.

Марк Линч, известный специалист по ближневосточной политике, скоро указал на то, с какой легкостью можно извратить смысл речи Клинтон, в которой речь шла в основном о защите свободы слова в Сети. Линч написал в блоге журнала “Форин полиси”, что для “ястребов” вроде Глассмана и Дорана “свобода интернета, которую Клинтон представила абстрактным всеобщим благом, несомненно является орудием, которое должно быть обращено против иранского режима... Многие в мире, вероятно, решили, что у Клинтон на уме то же, что у Глассмана и Дорана, хотя она этого не говорит”.

Заметим, что Клинтон не особенно ясно выразилась о том, почему следует защищать свободу интернета. С одной стороны, она признала, что Америка придерживается “слабой” программы, заявив, что “мы ратуем за единый интернет, где все без исключения имеют равный доступ к знаниям и идеям”. Но госсекретарь также дала понять, что причины столь широкого понимания свободы интернета вполне прагматические: “Интернет может помочь человечеству оттеснить тех, кто распространяет насилие, преступность, экстремизм. В Иране, Молдове и других странах онлайн-организация стала критически важным средством содействия распространению демократии и предоставления гражданам возможности протестовать против сомнительных результатов выборов”. Сказанное означает примерно вот что: мы были бы рады содействовать распространению свободы интернета, чтобы всякий мог писать, говорить и читать в Сети все, что угодно, но мы также рассчитываем, что эта свобода приведет к значительному числу демократических революций.

Этот сценарий нереалистичен (и никак не поможет распространению демократии) уже потому, что в нынешней американской политике мало места для маневра: перед США по-прежнему стоят проблемы терроризма, энергообеспечения, политики военных баз. Эксперты по технике, нередко подверженные интернетоцентризму, могут говорить что им вздумается (это позволяет им чувствовать себя важными) о “программе защиты свободы интернета”, но это не изменит политику (точно так же США, например, на Ближнем Востоке или в Центральной Азии не выйдут за рамки общей озабоченности соблюдением прав человека и свободы слова). Вряд ли стремление заполучить азербайджанскую нефть вскоре уступит место желанию получать твиты от азербайджанских оппозиционеров, хотя бы потому, что Вашингтон давно принял стратегическое решение не расшатывать дружественный азербайджанский режим.

Нельзя сказать, что Хиллари Клинтон вовсе не говорит о преследованиях азербайджанским правительством местных блогеров – например, она упомянула об этом во время своего визита в Азербайджан в июне 2010 года. Однако критика такого рода не может серьезно повредить отношениям между двумя странами. Она помогает американским чиновникам продемонстрировать, что они ставят идеалы демократии выше нужд энергетики. Такая позиция, конечно, помогает им смириться с цинизмом собственной работы, но эффект от этого в Азербайджане нулевой. Самая серьезная опасность кроется вот в чем: предполагаемый новый столп внешней политики США (именно так свобода интернета нередко преподносится высокопоставленными американскими дипломатами) отвлекает общественность, и она забывает задать жесткие вопросы касательно прежних, более прочных столпов (а некоторые из них явно начинают крошиться). Если так, то становится гораздо

труднее оценивать преимущество американской политики и критиковать ее в целом. Поскольку положение блогеров гораздо выгоднее положения правозащитников, некоторые наблюдатели могут решить, будто США беспощадно критикуют своих союзников.

Рами Хури, обозреватель ливанской газеты “Дейли стар”, ехидно отозвался о резком несоответствии идеалистической риторики США на тему свободы интернета и остальной, достаточно циничной, внешней политики страны: “Невозможно принимать всерьез американское или любое другое западное правительство, которое спонсирует [сетевую] политическую активность арабской молодежи, если оно одновременно поставляет деньги и оружие для укрепления тех самых арабских режимов, которые активисты стремятся свергнуть”. Вероятно, Хури недооценивает способность американских дипломатов к самообману. Они относятся к себе очень серьезно, и, вполне возможно, сами верят, что борьба за освобождение интернета, которую по некоторым причинам США ведут лишь за границей, отчасти компенсирует отсутствие заметных сдвигов в остальных сферах американской внешней политики. К сожалению, почти ничто пока не указывает на то, что американской внешней политике достанет добропорядочности и идеализма возвести этот новый сияющий столп: программа по защите свободы интернета в нынешнем виде выглядит скорее как маркетинговый ход.

Недавние события показывают, что озвученные Вашингтоном намерения защищать свободу интернета будут реализоваться в зависимости от политических условий, не имеющих отношения к интернету. Иордания – вернейший ближневосточный союзник Америки – всего за неделю до эпохальной речи Хиллари Клинтон ужесточила законодательство о цензуре в Сети, однако госсекретарь об этом умолчала. Зато она упомянула много других стран, в том числе Узбекистан, Вьетнам и Тунис.

Главная трагедия предложенной администрацией Обамы программы по защите свободы интернета, даже в ее “слабой” форме, в том, что освобождение этого концептуального монстра может сильно помешать достижению американской администрацией других целей. Правительства Китая и Ирана, например, намерены и впредь контролировать национальные сектора интернета – не только из-за опасений, что граждане узнают о действительном положении дел, но и потому, что они считают Сеть инструментом, с помощью которого Америка сеет смуту. И чем прочнее будет это убеждение, тем сложнее будет удержаться от государственного регулирования интернета и надеяться на то, что в его недрах постепенно созреет решимость бороться за демократию. Марк Линч очень точно отметил: “Когда США заявляют иранскому или иному враждебному режиму, что тот должен уважать ‘свободу выражения в интернете’ или ‘свободу соединений в Сети’, режим решает, что Америка маскирует этой риторикой враждебные действия”. В сфере политики сам по себе принцип свободы интернета (как прежде – “войны с терроризмом”) ведет к путанице в головах его сторонников и рождает паранойю у их противников. А это вовсе не то, что нужно американской внешней политике в эпоху Обамы.

Конец американского интернета

Взгляд на концепцию свободы интернета как на удобное прикрытие для смены правящего режима мог бы показаться нелепым, если бы он не был столь широко распространен среди американских лидеров общественного мнения. Подобный кибершовинизм, однако, вызвал неприятности у американских компаний, много лет экспортировавших свободу интернета, пусть и в ее слабейшей форме.

До того как всерьез заговорили о свободе интернета, ни один политический лидер не мог считать пользователей “Твиттера” серьезными политическими противниками. Они казались скоплением скучающих хипстеров, мучимых непреодолимым желанием поделиться планами на день с целым светом. И вдруг эти строчащая в “Твиттер” богема превратилась в Че Гевар интернета. Какой же диктатор захочет иметь дело с батальоном революционеров с айпадами, рыщущих по суши-барам в поисках сородичей?

“Веб 2.0” переместился с периферии политической жизни в авторитарных государствах в ее центр не только потому, что роль его усилилась или он приобрел новые возможности для свержения правительств, но и потому, что западные лидеры и СМИ сильно преувеличили его значение и это насторожило диктаторов. Однако значение интернета (во всяком случае, если речь идет о приготовлении нового публичного пространства к принятию демократических норм) можно будет оценить лишь спустя долгое время – и при условии, что правительства воздержатся от трансформации цифрового пространства в соответствии с собственной повесткой дня. Радоваться здесь нечему: за предположительно безвредной цифровой средой, на которую государство, возможно, иначе не обращало бы внимания, сейчас следят пристальнее, чем за антиправительственными выступлениями в реальности. Карлос Паскуаль, американский посол в Мексике и кадровый дипломат с многолетним опытом, рассказал в интервью “Нью-Йорк таймс мэгэзин”: “Если (и когда) в определенной стране... распространяется представление о ‘Твиттере’ или ‘Фейсбуке’ как об орудиях американского правительства... это ставит под удар и саму компанию, и людей, которые пользуются ее продуктами. Неважно, как обстоит дело в реальности... Есть определенная черта, и мы [правительство США] не должны ее переступать”.

Когда люди узнают о таинственной, ничем не подтвержденной роли, которую сыграл “Твиттер” в иранских беспорядках, и секретном сотрудничестве “Тугла” и Агентства по национальной безопасности, а также о зарубежных экскурсиях, которые Госдеп США организует для боссов из Кремниевой долины (они уже посетили Индию, Ирак, Мексику, Сирию и Россию), авторитарным правителям становится не по себе, даже если их сограждане продолжают заниматься в интернете той же ерундой, что и всегда. Единственное отличие в том, что теперь Всемирная паутина воспринимается как своего рода бомба с клеймом “Сделано в США”, которая может подорвать авторитарный режим. Когда дело доходит до интернет-сервисов, требующих бережного обращения, таких как электронная почта, реакция этих правительств не кажется уж очень странной. Как отреагировали бы американские власти, узнав, что многие граждане страны держат электронные ящики на серверах китайского провайдера, поддерживающего тесные отношения с НОАК? Государству не нужно быть авторитарным, чтобы занервничать оттого, что его граждане хранят свои тайны за границей.

Многие правительства только сейчас начинают понимать, насколько тесно их коммуникации связаны с американской инфраструктурой. “Доминирование американских компаний в сфере производства программного и аппаратного оборудования, как и в интернете, дает госорганам США колоссальное преимущество в наблюдении за тем, что происходит в киберпространстве”, – отметил журналист Миша Гленни. Логично, если другие правительства попытаются бросить вызов этому господству. Даже если принцип “информационного суверенитета” (предполагающего, что государства должны на законодательном уровне озаботиться вопросом национальной принадлежности и лояльности тех, кто осуществляет посредничество на их информационных рынках) отчасти дискредитирован тем, что столь много китайских и кубинских чиновников, ответственных за пропаганду, любят о нем упоминать, его значимость должна вырасти относительно роли интернета в международных отношениях. Американское правительство, судя по его нервной реакции на деятельность транснациональных информационных центров влияния вроде “Вики-ликс”, также все сильнее заботится о своем информационном суверенитете.

Учитывая, сколько тратят американские военные и разведчики на исследования и технологии, трудно найти в этой сфере компанию, которая *не* была бы связана с ЦРУ или какой-либо другой организацией с трехбуквенным названием-аббревиатурой. Хотя руководство “Тугла” не слишком об этом распространялось, сервис *Keyhole* (предшественник *Google Earth*), который компания приобрела в 2005 году, разрабатывал венчурный фонд “Ин-кью-тел” – коммерческое инвестиционное подразделение ЦРУ. В редких публичных комментариях представители иностранных спецслужб неизменно называют сервис *Google Earth* спонсируемым ЦРУ орудием для уничтожения мира. Генерал-лейтенант ФСБ Леонид Сажин выразил разочарование не только России, когда заявил в 2005 году:

“Террористам не надо заниматься рекогносцировкой целей. Теперь за них это делает американская компания”. Не вызвало прилива доверия и то, что недавно “Ин-кью-тел” вложил средства в компанию, занимающуюся наблюдением за шумом в “Твиттере”, предположительно для того, чтобы, по словам представителя фонда, разведывательное сообщество получило возможность “раннего предупреждения в отношении того, как развиваются события в международном масштабе”. В июле 2010 года “Ин-кью-тел” и “Гугл” вложили деньги в компанию, занимающуюся мониторингом социальных медиа. Этот шаг вызвал волну слухов и конспирологических предположений. Какими бы ни были мотивы этого шага, он создал впечатление, будто между зловещим ЦРУ и шумом в социальных медиа есть тесная связь. Многие авторитарные лидеры помнят о том, что “Радио Свободная Европа” сначала финансировалось ЦРУ, а также о том, что “Радио Свобода” (*Radio Liberty*) первоначально называлось “Радио Освобождение” (*Radio Liberation*). Поэтому опасения, что ЦРУ может иметь отношение к появлению революционных медиа, не лишены основания.

И чем сильнее будет впечатление, что американские компании – едва ли не агенты правительства США, тем активнее иностранные государства будут мешать им вести бизнес на своей территории. Это неминуемо подтолкнет правительства к вложению денег в местные эквиваленты популярных американских интернет-сервисов или к поиску способов поставить иностранные фирмы в неблагоприятные условия по сравнению с национальными компаниями. В конце 2009 года Турция объявила о планах предоставить всем гражданам ящики на государственном почтовом сервере и построить интернет-поисковик, который будет больше отвечать “турецким вкусам”. Иран тут же последовал за Турцией, объявив в феврале 2010 года, после запрета *Gmail*, о начале работы над подобным почтовым проектом. Летом 2010 года иранские власти сообщили, что собираются создать национальный поисковик. Месяц спустя российское правительство заявило, что и оно подумывает предоставить каждому гражданину аккаунт в государственной системе электронной почты, например затем, чтобы облегчить идентификацию людей, пользующихся цифровыми государственными услугами (электронное правительство быстро развивается). Я уже отмечал, что российские политики всерьез увлечены идеей создания интернет-поисковика, контролируемого государством и способного конкурировать с “Гуглом”. По сообщениям российских СМИ, в проект вложено 100 миллионов долларов.

Джон П. Барлоу, киберутопист и автор текстов группы *Grateful Dead*, сочинивший в 1996 году “Декларацию независимости киберпространства”, либертарианский манифест цифровой эпохи, любит говорить, что “Первая поправка [к Конституции США] стала внутренним документом в киберпространстве”. Это положение, однако, может оказаться временным и измениться, как только правительства иностранных государств поймут, что предпочли бы не отдавать Америке ключевые пункты инфраструктуры информационного общества. Как только западные политики (в данном случае преимущественно американские) начинают говорить об использовании геополитического потенциала интернета, у всех остальных появляются сомнения в том, насколько разумно позволять американцам держать интернет в своих руках (и с точки зрения роли Вашингтона в управлении Всемирной паутиной, и с точки зрения доминирующего положения на ИТ-рынке компаний из Кремниевой долины).

Важно также то, что китайские и российские интернет-компании могут предложить своим пользователям гораздо более удобные и полезные сетевые сервисы просто потому, что им известны запросы соответствующей интернет-аудитории. Поэтому-то они преуспели в привлечении аудитории и, что важнее, в выполнении пожеланий правительств. Политизация сервисов “веб 2.0”, по-видимому, повышает роль местных клонов веб-сайтов с глобальным охватом. “Высокомерие [американцев] заставляет их думать, будто для Китая важны ‘Твиттер’, ‘Фейсбук’ и ‘Ю-Тьюб’. Но на самом деле важны не они... ‘Вэйбо’ (*Weibo*), ‘Кайсинь’ (*Kaixin*) или ‘Жэньжэнь’ (*RenRen*), а еще ‘Юку’ (*Youku*) и ‘Тудоу’ (*Tudou*) – вот что действительно важно”, – напоминает китайско-американский блогер Кайзер Ко о грандиозной популярности у китайцев национальных сетевых сервисов.

С точки зрения поборников свободы слова, неминуемый конец американского

доминирования в интернете – не слишком хорошая новость. Какими бы дурными и пассивными медиаторами ни были “Фейсбук” и “Ю-Тьюб”, они, вероятно, все же надежнее защищают свободу и возможность самовыражения пользователей, чем большинство российских и китайских компаний (уже потому, что на последние государству проще надавить). Впечатляющий рост заграничной аудитории американских интернет-платформ в последнее пятилетие, сопровождающийся всеобщим восторгом по адресу “веб 2.0”, легко остановить, особенно если западные политики не признают, что деятельность американских интернет-компаний за рубежом все сильнее воспринимается как политическая. Все труднее становится убеждать мир в том, что “Тугл” и “Твиттер” – это не “Халлибертон” и “Эксон мобайл” цифровой эры.

О сомнительной пользе экспорта испорченных продуктов

Когда администрация президента Обамы решила прибегнуть к интеллектуальной помощи интернета для усовершенствования американской демократии, она не ожидала, что возникнет столько проблем. Когда работающие на Обаму супергики попытались сделать процесс определения повестки публичным и попросили пользователей интернета задавать вопросы, они столкнулись с жестокой реальностью сетевой демократии. Наиболее популярной темой стала декриминализация наркотиков. “Был один вопрос, который оказался самым популярным, и вопрос этот был – поможет ли легализация оборота марихуаны оздоровлению экономики и созданию рабочих мест. Не могу сказать, как это характеризует онлайн-аудиторию”, – заметил Обама. На вопрос о марихуане президент ответил отрицательно. Это происшествие отчасти остудило желание Обамы консультироваться с публикой, хотя бы потому, что публика в киберпространстве – это те, у кого больше френдов в “Фейсбуке” и кто может собрать клаку.

Если отвлечься от виртуальной агоры, идут оживленные споры о влиянии интернета на состояние реальных демократических институтов. В большинстве случаев прозрачность полезна, однако она может и дорого обойтись. Даже закаленные борцы за прозрачность сетевого образца, вроде Лоренса Лессига, начали высказываться осторожнее. Если разрешить избирателям оценивать государственные услуги, это может невольно воспитать цинизм и превратиться в политическую необходимость. Аркон Фанг, профессор Гарвардского института государственного управления им. Кеннеди, отмечает, что печальным последствием излишней прозрачности государственного управления может стать просто “дальнейшая делигитимизация правительства, поскольку прозрачность... помогает людям ловить правительство на ошибках... Это похоже на рейтинговую систему, как у ‘Амазона’, но только для оценки действий правительства, причем поставить можно только одну или две звездочки”.

С другой стороны, политики, возможно, будут реже принимать независимые решения, если им не придется думать о том, что их документы могут оказаться доступными для всеобщего обозрения в Сети. Но даже если они будут иметь в виду такую возможность, избиратели все равно могут сделать неверные выводы. Лессиг напомнил в своей язвительной статье, опубликованной в 2009 году в журнале “Нью репаблик”: то, что некий сенатор встретился за ланчем с неким гендиректором, не означает, что сенатор, от чьих действий этот гендиректор косвенно выиграет, не руководствуется соображениями общественной пользы. Конечно, лоббисты и крупные корпорации по-прежнему узурпируют сетевое пространство. Корпорации с успехом пользуются интернетом для распространения своих взглядов, адаптируя их для сегментированных аудиторий.

Политический обозреватель Роберт Райт посетовал на то, что “техника извращает изначальную идею Америки”, а “новая информационная технология не только породила влиятельные круги ‘3.0’, но и вооружила их высокоточным оружием”.

Перечень вопросов об отношениях интернета и демократии, остающихся без ответа, бесконечен. Будет ли интернет способствовать политической поляризации и “анклавному

экстремизму” (термин Касса Санстайна)²⁰? Углубит ли Сеть пропасть между теми, кто без политических новостей жить не может, и теми, кто всеми силами избегает новостей? Снизится ли уровень политической грамотности, если молодежь узнает новости из социальных сетей? Удержит ли Сеть политиков будущего от рискованных заявлений до начала политической карьеры – ведь теперь эти заявления сохраняются для потомков и могут помешать им избираться? Позволит ли она расслышать новые голоса? Или критики “цифровой демократии” вроде Мэттью Хиндмена из Университета им. Джорджа Вашингтона (который считает, что “запускать веб-сайт – все равно что вести ток-шоу на общественном телевидении в 3.30 ночи”) правы, считая, что цифровое публичное пространство находится в руках элиты, “де-факто аристократии, и управляется теми, кто преуспел в высоком разговорном жанре”?

Даже лучшие умы в правительстве и академической среде не могут ответить на большинство этих вопросов. Однако если они настолько не уверены в характере влияния интернета на нашу собственную демократию, насколько они могут быть уверены в том, что Сеть послужит становлению демократии в странах, где она и без того в дефиците? Можно ли верить в то, что пользователи интернета из авторитарных стран, многие из которых почти не сталкивались с демократией в жизни, возьмут себе аватарку Томаса Джефферсона в Сети? Не преждевременно ли навязывать им средство коммуникации, если сам Запад еще не вполне понимает, как совместить его со своими собственными политическими институтами? Нельзя же призывать к ужесточению регулирования работы сайтов вроде “Викиликс” (так летом 2010 года поступили многие американские политики), одновременно критикуя за такие же поползновения Китай и Иран!

Если выясняется, что интернет помогает подавлять инакомыслие (а также усиливает неравенство в области доступа к медиа, разрушает представительную демократию, укореняет психологию толпы, сводит на нет неприкосновенность частной жизни и лишает нас информации), то не очень понятно, как распространение “свободы интернета” может помочь распространению демократии. Может быть, конечно, что интернет ничего дурного не делает. Важно лишь понимать, что спор о влиянии интернета на демократию не окончен, и не делать вид, что вердикт уже вынесен.

Скрытые прелести цифрового ориентализма

Какие бы выводы ни сделал Запад из наблюдений за интернетом в демократической среде, они едва ли применимы к авторитарным государствам. Всякий раз, когда китайские власти ужесточают меры в отношении интернет-кафе, работающих без лицензии, мы усматриваем в этом попрание демократических свобод, а не проявление общественного беспокойства. Как будто китайских или российских родителей не тревожит мысль, чем заняты в свободное время их дети!

Сходным образом, когда мы обсуждаем влияние интернета на наши мышление и образование (считаясь с вероятностью того, что он скорее мешает, чем идет на пользу), мы редко учитываем авторитарный контекст. Трудно представить себе, чтобы один из ведущих американских журналов сделал гвоздем номера статью “Оглупляет ли ‘Гугл’ Китай?” (именно так поступила в 2008 году редакция “Атлантик”, правда, не упомянув Китай). Почему? А потому, что “Гугл” якобы может оглуплять только американцев и европейцев. В отношении всех остальных он является исключительно орудием просвещения. Многие на Западе признают, что интернет не сгладил, а, возможно, только обострил многие негативные аспекты политической культуры (вспомним, например, разговоры о “комиссиях смерти”), утверждая при этом, что в авторитарных государствах интернет дает больше возможностей распознавать пропагандистские ухищрения. Но почему тогда столько людей, живущих в свободной стране,

²⁰ Радикализация политических взглядов в случае общения индивида преимущественно со своими единомышленниками. – *Прим. перев.*

где свобода мнений ничем не ограничена, продолжают верить в предельные упрощения и в ложь, если факты так легко отыскать – при помощи “Гугла”? Этот вопрос западные наблюдатели должны задавать себе чаще.

Нигде тенденция к восхвалению влияния интернета на зарубежные страны так не сильна, как в американской политике. В 2009 году, во время визита в Шанхай, президент Обама расхваливал интернет, заявляя, что “чем свободнее протекает обмен информацией, тем сильнее становится общество, поскольку тогда граждане стран всего мира могут заставить правительства отвечать за свои поступки. Люди начинают самостоятельно думать. И это рождает новые идеи. Это помогает творчеству”. Напротив, выступая в Хэмптонском университете (штат Виргиния) менее чем полгода спустя, Барак Обама послал почти противоположный мессидж, пожаловавшись на “круглосуточное воздействие медиа, которые бомбардируют нас всевозможной информацией и предлагают нам всевозможные суждения, ценность которых не всегда велика... С появлением айподов, айпадов, иксбоксов и плейстейшн... информация становится отвлекающим фактором, формой развлечения, а не инструментом, расширяющим возможности, не средством освобождения”.

Хиллари Клинтон, ныне главный защитник свободы интернета, в прошлом, когда она была младшим сенатором от штата Нью-Йорк и была подотчетна избирателям, высказывалась гораздо осторожнее. Одним из немногих резонансных законопроектов, соавтором которого она выступила, был законопроект 2005 года (по иронии, соавтором Хиллари Клинтон выступил Сэм Браунбек, еще один защитник свободы интернета), предполагающий увеличение государственных ассигнований на изучение “влияния электронных медиа, в том числе телевидения, компьютеров, видеоигр и интернета, на когнитивное, социальное, физическое и психологическое развитие детей”. В 2005 году в получившей широкую огласку речи Хиллари Клинтон назвала интернет “наиболее серьезным технологическим вызовом, с которым сталкиваются дети и родители... Когда дети без присмотра выходят в интернет, он может стать очень опасным. В Сети для детей очень велик риск наткнуться на порнографию, стать жертвой кражи персональных данных, эксплуатации, если не насилия и похищения со стороны незнакомцев”.

Однако подобное может случиться, разумеется, лишь в американском секторе интернета. Китайским и российским родителям тревожиться совершенно не о чем: они могут попросить правительство что-то предпринять. Это отдает неким цифровым ориентализмом. Так наши предрассудки в отношении Востока превращаются в безусловное восхищение им. Хотя это может быть единственным средством излечения от вины за империализм, идеализация политики авторитарных государств не пойдет на пользу ни гражданам этих стран, ни тем из нас, кто предпочитает, чтобы эти государства когда-либо стали демократическими. В 2006 году двоим популярным китайским блогерам *Massage Milk* и *Milk Pig* надоела нескритичная оценка китайского сегмента интернета иностранными комментаторами. Они написали: “По объективным причинам, которые каждому понятны, блог временно закрыт,” – и стали ждать звонков западных журналистов. Дождались. Би-би-си сообщила, что блог “закрыт властями” и что запрет был приурочен к ежегодной сессии китайского парламента. “

Репортеры без границ” опубликовали заявление, в котором осудили практику цензуры. Вот только цензоры были ни при чем.

Люди, знакомые с историей внешней политики США, могут сравнить попытки сделать отцов-основателей Кремниевой долины и интернет послами американской культуры с попытками Госдепа в середине 50-х годов навязать ту же роль чернокожим джазменам. Точно так же, как неамериканцам предлагалось поверить в то, что джаз аполитичен (несмотря на то, что ведущие американские джазмены в собственной стране подвергались дискриминации), людей за пределами США сейчас пытаются убедить в том, что интернет также аполитичен (и пусть гендиректоры ИТ-компаний, призванные нести миру благую весть о свободе интернета, вынуждены мириться с растущими аппетитами Агентства по национальной безопасности). В прошлом это едва ли помогало достижению целей американской внешней политики. Дело не в том, что правительство США не должно пользоваться тем, что “страной приписки” многих

популярных интернет-компаний являются Соединенные Штаты, а в том, что дипломаты не должны забывать, что эти компании – *американские*, и принимать в расчет сопутствующие этому ярлыку предрассудки и ожидания.

Нередко совершается и другая ошибка: глядя на авторитарные государства, западные обозреватели часто замечают сходство – ошибочное! – с тем, что происходит у них дома. Мамун Фанди, специалист по ближневосточной политике, родившийся в Саудовской Аравии и живущий в США, отмечает: “Главная проблема возникает тогда, когда мы ошибочно принимаем средства и процессы за зеркальное отображение западных структур с определенными ожидаемыми функциями. Иными словами, когда мы замечаем только привычное и отбираем данные исходя из этого”. То есть когда политики считают, что блогеры в демократической западной стране могут сделать политиков ответственнее, они склонны верить, что то же самое неизбежно и в любых других обстоятельствах. Но это не обязательно так, и многие наблюдаемые нами процессы не отражают фундаментальных структурных изменений, которые мы считаем само собой разумеющимися. Фанди проницательно заметил, что “наличие дебатов, как в американском шоу ‘Перекрестный огонь’ (*Crossfire*)²¹, свидетельствует о том, что в арабском мире неукоснительно соблюдается свобода слова, не более, чем показ голосования и урн для бюллетеней демонстрирует победу демократии”.

К сожалению, оказывается, что тот, кто предложил Хиллари Клинтон воспользоваться выражением “свобода интернета”, либо просто не нашел ничего лучшего, либо наивен в вопросах внешней политики. Нельзя сказать, что открытости интернета или безопасности его пользователей ничто не угрожает. Но, возможно, были более удачные, менее политически ангажированные и более концептуально обоснованные способы привлечь внимание мировой общественности к этим проблемам.

Глава 9

Свобода интернета и ее последствия

Миллионы туристов, посещающих индуистские храмы во время поездок по Индии, скорее всего, не подозревают, что находятся под прицелами видеокамер. Они установлены в храмах не для того, чтобы шпионить за кем-либо, а для трансляции в интернете религиозных ритуалов: это позволяет людям, которые не в состоянии совершить паломничество, принять участие в церемонии.

“Оцифровка” религиозной практики в Индии породила целый ряд сетевых коммерческих начинаний. Так, сайт *Saranam.com* предлагает целое меню религиозных церемоний по цене от четырех до трехсот долларов практически в любом храме страны. Если вы слишком заняты для того, чтобы приехать в храм, доверенное лицо *Saranam.com* за небольшую плату проведет религиозные обряды по вашему выбору. А *E-Darshan.org*, еще один индийский сайт, создателей которого, вероятно, вдохновил пример “Ю-Тьюба”, аккумулирует видеозаписи ритуалов, идущих в самых известных храмах Индии, и транслирует некоторые из них в прямом эфире.

Индийский опыт не уникален. Китайский стартап *china-tomb.cn* капитализирует быстро растущий спрос на ритуальные услуги в интернете. У китайцев есть восходящий к VIII веку обычай ежегодно, по случаю Праздника чистого света, посещать могилы предков. Путешествовать по Китаю бывает затруднительно, поэтому “сетевые плакальщики” за небольшую, чуть больше доллара, плату готовы предоставить свои услуги. К услугам китайских интернет-пользователей также широкий выбор онлайн-кладбищ с виртуальными поминальными залами, надгробиями, воскурением и венками (некоторые

²¹ Ток-шоу, посвященное текущим политическим событиям. Шло на канале Си-эн-эн в 1982–2005 годах. В 2013 году руководство канала сообщило о возобновлении программы. – *Прим. перев.*

“кладбища” были “построены” китайским правительством в начале 2000-х годов). Виртуальные поминальные службы достаточно популярны, особенно у представителей китайской диаспоры за рубежом.

Политическая религия также извлекает прибыль из технического прогресса. В начале 2010 года египетские “Братья-мусульмане” (исламистская организация, которая удивительно умело обращается с современными технологиями) открыли вики-сайт, посетители которого могут внести свой вклад в сочинение истории движения (сначала на сайте было 1700 статей). Замысел в том, чтобы создать исторический документ, одновременно познакомив молодежь, особенно не имеющую доступа к наиболее важным текстам “Братьев-мусульман”, с ключевыми идеями движения. Поскольку сайт расположен на американском сервере, египетским властям труднее его закрыть, как они поступили с прежним сайтом “Братьев-мусульман”, расположенном в Египте.

Как выясняется, интернет способствует возрождению многих религиозных и культурных практик, которые глобализация, казалось бы, устранила. Рассмотрим случай Гекче, маленькой турецкой деревни у границы с Сирией. Несмотря на то, что в 1926 году полигамия в Турции была запрещена, она до сих пор практикуется во многих сельских районах. Существует она и в Гекче. До недавнего времени женихи из Гекче, желающие заполучить себе лишнюю жену, должны были ездить на автобусе в Сирию. Сейчас большая часть таких романов начинается в Сети – благодаря открывшемуся в 2008 году в Гекче интернет-кафе. “Теперь, чтобы найти жену, все ходят в интернет-кафе. Иногда просто не бывает свободных мест”, – заявил владелец кафе в интервью сайту *EurasiaNet*. Полигамия развивается. Особенно популярны невесты из Марокко: чтобы приехать в Турцию, им не нужна виза. Интернет не превратил мужчин Гекче в космополитов и защитников прав женщин. Они лишь укрепились во мнении, что лучше быть космополитами-многоженцами. А вот другой пример. Очень заманчиво думать, что введение мобильных телефонов и сервиса эс-эм-эс в обиход саудовцев расширило личное пространство женщин. На самом же деле, кажется, произошло противоположное: мужья теперь получают автоматические оповещения, когда их жены покидают страну.

Твиты не устранили национальных, культурных и религиозных различий. Напротив, они могут их усилить. Киберутописты ошиблись: интернет не способен превратить нас в сверхтолерантных космополитов. Они проигнорировали худшие человеческие предрассудки и нашу неготовность открыться тому, что мы видим на своих дисплеях. Как правило, единственные, кто до сих пор верит в идеал электронной глобальной деревни – это те, кто и без интернета стал бы толерантным космополитом, то есть – путешествующая по миру интеллектуальная элита. Обычный парень не читает сайты наподобие *Global Voices*, где собраны интересные записи из блогов по всему миру. Он отправится в интернет скорее затем, чтобы заново открыть национальную культуру и, осмелюсь сказать, национальные предрассудки.

Хорошие новости: мы не рвемся к глобальной нирване, где все едят в “Макдоналдсе” и смотрят голливудские фильмы, – именно этого опасались некоторые ранние критики глобализации. Дурные новости в том, что под давлением религиозных, националистических и культурных факторов, заново открытых интернетом, глобальная политика становится все более сложной, противоречивой и фрагментарной. Хотя на Западе многие видят в интернете великолепную возможность оживить наименее правдоподобные части теории модернизации (когда-то популярное убеждение в том, что развивающиеся страны с некоторой помощью сумеют достигнуть стартовой точки, в которой они смогут отложить в сторону свою историю, культуру и религию и последовать по пути развития более развитых народов), это не слишком соотносится с действительностью.

Египетские “Братья-мусульмане”, разумеется, не воспринимают интернет как орудие сверхмодернизации, поскольку отвергают саму ее возможность, – по крайней мере, в том ее виде, в котором сверхмодернизацию преподносят неолиберальные институты, поддерживающие режим Мубарака. И хотя остальных смущает их видение будущего Египта и Ближнего Востока, сами “Братья-мусульмане” не имеют ничего против использования для

его приближения современных средств наподобие интернета. В конце концов, современная техника способствует революциям всех сортов, не только прозападным. Даже такой убежденный консерватор как аятолла Хомейни не гнушался аудиозаписью для распространения своих проповедей в шахском Иране. “Мы боремся против автократии, за демократию, методами ксероксокрации”, – таким был один из многочисленных прославляющих технологии лозунгов, выдвинутых в конце 70-х годов антишахской интеллигенцией. Если бы в то время существовал “Твиттер”, то манифестанты, разумеется, славили бы “твиттерократию”. Сейчас, хотя Исламская Республика восприняла многие аспекты современности (клонирование, оживленный легальный рынок человеческих органов, теорию суперструн – вот некоторые области, в которых Иран опередил ближневосточных соседей), политику и общественную жизнь страны определяет религиозный дискурс. Очень похоже на то, что львиная доля и денег, и внимания Запада будет направлена на смягчение неизбежно отрицательного влияния, которое религия, вооруженная интернетом, станет оказывать на международные отношения. Это не моральная аттестация религии: в некоторые моменты истории она оказала демократии и борьбе за свободу неоценимую поддержку, однако история показала, насколько опасным может быть ее влияние.

Приверженность Запада свободе интернета или отдельным ее аспектам может быть правильным и нравственным выбором, пусть и с тысячей оговорок. Однако Западу следует понять, что более свободный интернет в силу самой своей природы может значительно изменить повестку дня, создавая новые проблемы и усугубляя старые. Это не значит, что Запад должен начать амбициозную цензурную кампанию против интернета. Ситуация в разных странах требует различных политических мер, где-то – нацеленных на ослабление влияния религии и других культурных институтов, а где-то – на усиление этого влияния.

Оспа возвращается?

Национализм благодаря Сети также испытывает подъем. Представители депортированных народов могут найти друг друга в интернете. Существующие националистические движения могут обратиться к недавно оцифрованным архивам, чтобы предложить собственную версию истории. Новые сетевые сервисы теперь нередко служат местами встреч тех, кто переписывает историю. Государства спорят, должен ли *Google Earth* показывать границы в соответствии с их пожеланиями. Сирия и Израиль ссорятся из-за того, как будет отмечена в выпадающих меню “Фейсбука” территория Голанских высот. Индийские и пакистанские блогеры наперегонки отмечают участки спорной территории Кашмира на *Google Maps* как принадлежащие их странам. Компании “Гугл” досталось и за то, что несколько приграничных деревень в индийском штате Аруначал-Прадеш были отмечены на карте под китайскими названиями и “отданы” Китаю. Камбоджийцев разозлило решение администраторов *Google Earth* “подарить” Прэахвихеа, храмовый комплекс XI века, Таиланду (Международный суд в 1962 году постановил, что комплекс принадлежит Камбодже).

Оставим в стороне бои за электронные границы. Помог ли нам интернет преодолеть националистические предрассудки? Был ли прав Николас Негропonte, один из отцов-основателей киберутопии, предсказавший в 1995 году, что “[в интернете] национализму останется не больше места, чем оспе”? Подтверждений столь радикальным заявлениям немного. На самом деле произошло противоположное.

Теперь, когда южнокорейцы могут следить за давними недругами-японцами с помощью неусыпного цифрового паноптикума, они начинают кибервойны по любому поводу, даже из-за фигурного катания. От глубоко укоренившихся националистических предрассудков нельзя избавиться одной только прозрачностью. Напротив, большая открытость может только усилить их. Спросите у нигерийцев, как они относятся к тому, что весь мир убежден, будто они – нация спамеров, пользующаяся интернетом только затем, чтобы известить нас о завещании, в котором некий нигерийский вождь любезно упомянул нас. Парадоксальным

образом нигерийцы сами, по собственной воле, создают и поддерживают в интернете стереотипы о себе. Если бы “Фейсбук” и “Твиттер” существовали в начале 90-х годов, когда Югославия стремительно катилась в ад, киберутописты наподобие Негропonte были бы немало удивлены, увидев возникающие по всей Сети группы, призывающие к уничтожению сербов, хорватов или боснийцев.

Возможно, национализм и интернет – в некотором роде естественные союзники. Любой, желающий утолить свою ностальгию по величественному советскому, восточногерманскому или югославскому прошлому, легко может это сделать с помощью “Ю-Тьюба” и *eBay*, буквально наводненных сувенирами. Но речь не только о вещах. Исторические факты также могут быть легко подобраны и истолкованы так, чтобы соответствовать чьей-либо интерпретации истории. В прошлом маргинальную литературу, предлагающую ревизионистские или откровенно расистские интерпретации истории, было трудно найти. Крупные издательства избегали подобных спорных материалов, а независимые, бравшие на себя этот риск, публиковали книги мизерными тиражами. Теперь даже самые малоизвестные националистические тексты, которые прежде можно было отыскать лишь в некоторых общественных библиотеках, были оцифрованы поклонниками и широко распространились по Сети. Так, российские правые радикалы, уверенные в том, что Голодомор 1933 года – не более чем миф (во всяком случае, событие, которое не заслуживает того, чтобы его называли геноцидом), теперь могут заглянуть в круглосуточно доступные отсканированные тексты, парящие где-то в “цифровом облаке”. Эти тексты кажутся очень убедительными, хотя они исторически неверны.

Интернет поощряет не только мифотворчество, основанное на вольной интерпретации истории, но и выдвижение националистическими группами обоснованных претензий к титульной нации. Возьмем, например, черкесов – когда-то большой народ, рассеянный по всему Северному Кавказу. Им очень не повезло: народ был раздроблен на многочисленные этнические подгруппы, которые рассеялись по обширным российским владениям на Кавказе. В настоящее время черкесы – титульная нация в трех российских регионах (Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии). По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, их около 720 тыс. человек.

В советские времена стратегия Кремля заключалась в сдерживании черкесского национализма любой ценой. Для этого большинство черкесов были разделены на субэтноты в зависимости от их диалекта и места проживания и стали адыгейцами, черкесами, кабардинцами, шапсугами. В течение почти всего прошлого столетия черкесский национализм никак себя не проявлял, отчасти потому, что власти отменяли любую альтернативную интерпретацию событий Кавказской войны XIX века. Сейчас же, поскольку большинство научных работ и публицистических материалов по этой теме отсканированы и размещены на нескольких черкесских сайтах, ознакомиться с ними может любой. Неудивительно, что черкесский национализм очень активизировался. В 2010 году был создан сайт, призывающий представителей пяти народностей во время Всероссийской переписи 2010 года назваться черкесами. Началась активная кампания в Сети. “Интернет по-видимому стал для черкесских активистов чем-то вроде спасательного круга и помог донести их призывы до широкой аудитории”, – отмечает Зейнел Абидин Бесленей, эксперт по черкесскому национализму из Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета.

Российской Федерации с ее 89 субъектами приходится иметь дело не только с черкесской проблемой. Татары – самое многочисленное национальное меньшинство России – долго подвергались насильственной русификации. Сейчас татарская молодежь организует в социальных сетях группы, посвященные идее национального возрождения. Члены этих групп не только смотрят видеоролики и обмениваются ссылками на новостные и музыкальные ресурсы, но и обмениваются информацией о татарской истории и культуре, а также о политической жизни Татарстана, которая минует российские СМИ.

Примеры черкесов и татар показывают, что благодаря интернету многие советские и даже царистские мифы, которые, казалось, скрепляют народ, более не кажутся устойчивыми,

а поработанные народы начинают заново открывать свою национальную идентичность. Можно только догадываться, сможет ли Российская Федерация сохранить территориальную целостность в долгосрочной перспективе, если и другие народы будут стремиться отделиться или хотя бы преодолеть искусственные этнические перегородки, возведенные в советское время. Неудивительно, что кремлевские идеологи наподобие Константина Рыкова начали подчеркивать необходимость интернета для консолидации россиян. Сейчас невозможно предсказать, что такая возросшая состоятельность значит для будущего демократии в России, но надо быть большим оптимистом, чтобы считать, что Российская Федерация, подобно Советскому Союзу, мирно распадется, а тем более что на ее обломках воцарится демократия. Распространение мнения о долгосрочном влиянии интернета на российскую демократию неизбежно потребует постановки трудных вопросов о национализме, сепаратизме, отношениях центра и окраин, и так далее (а в ряде случаев – и поиска ответов). (Это относится не только к России: сходные проблемы существуют в Китае и, в меньшей степени, в Иране, где также есть заметные меньшинства.)

Сейчас, когда культурному обмену в значительной степени способствует “Скайп”, значительно возрастает и влияние диаспор (а их не всегда составляют прогрессивно настроенные, стремящиеся к демократии люди). Окажется ли это влияние хотя бы отчасти положительным и способствующим демократизации? Может быть. Однако всегда найдутся те, кто попытается взбаламутить воду или отстаивать устаревшие нормы и традиции. Тумас Хюлланд Эриксен, антрополог из Университета Осло, отмечает, что “иногда элиты, ждущие своего часа, пользуются Сетью для координации планов по захвату власти. Иногда диаспоры оказывают активную поддержку вооруженным формированиям на родине, зная, что им самим не придется платить за эскалацию насилия, что они останутся за границей, в мире и безопасности”.

Проблема свободы интернета как фундамента внешней политики заключается в том, что, упрощая сложные процессы и силы, она вынуждает политиков пренебречь собственными интересами. Считать, что в американских (германских, британских) интересах позволить всем этническим меньшинствам пользоваться Сетью, чтобы добиться максимальных уступок со стороны господствующей нации (где бы то ни было, например в России, Китае или Иране, не говоря о гораздо более сложных случаях, например Грузии), – значит просто не понимать текущей политики и целей этих государств. Можно поспорить, что их политика не так проста, и этот аргумент заслуживает внимания. Озвучившая довольно амбициозные намерения в отношении интернета Хиллари Клинтон предпочла обойти эту тему молчанием, как будто народы мира, овладев одним из самых мощных орудий на планете, разом осознали, что вековые кровавые усобицы в сравнении с “Ю-Тьюбом” были пустой тратой времени. Поиск способа преодоления влияния нового, цифрового национализма – гигантская задача для специалистов по внешней политике. Остается надеяться, что они не прекратят работать над ней и тогда, когда защита свободы интернета будет занимать все их время и внимание.

Скажи “нет” в Сети

Когда в 2008 году молодой латвийский режиссер Эдвин Шноре снял документальный фильм “Советская история”, в котором провел достаточно неприятные параллели между сталинизмом и нацизмом, русские националисты принялись обсуждать в ЖЖ, как лучше отреагировать на фильм. Александр Дюков, директор националистического фонда “Историческая память”, выступил в своем блоге с эмоциональным призывом, предложив опубликовать детальный разбор того, как Шноре исказил истину, если только сообщество поможет найти средства на публикацию книги.

В течение нескольких часов запись в блоге получила более семидесяти комментариев. Люди не только предлагали Дюкову деньги, но и сведения о других сетях и организациях, с которыми ему стоит связаться (в том числе контакты якобы пророссийски настроенного депутата Европарламента от Латвии). Благодаря платежной системе “Яндекс. Деньги”

необходимая сумма была собрана в срок. Книга Дюкова увидела свет меньше чем через полгода и была с восторгом встречена и блогерами и журналистами.

Вызывает сомнения то, что подобное можно сделать в Сети в одиночку. Не произошло ничего противозаконного. Трудно также отрицать, что такую кампанию было трудно организовать до появления “веб 2.0”, например потому, что националисты были дезорганизованы и географически рассредоточены. Поборникам свободы и демократии в современной России теперь приходится противостоять не только госаппарату, но и различным негосударственным акторам, которые активизировались благодаря интернету.

Проблема в том, что Запад начал свой поход во имя свободы интернета, исходя из непроверенного киберутопического предположения, будто большее количество связей и сетей непременно ведет к большей свободе и демократии. Хиллари Клинтон в своей речи о свободе интернета упомянула о важности защиты “свободы подключения”: “Это то же, что свобода собраний, только в киберпространстве. Она позволяет людям выходить в онлайн, общаться и – хотелось бы надеяться – сотрудничать. В интернете не нужно быть магнатом или рок-звездой, чтобы оказать огромное влияние на общество”. Алек Росс из Госдепа США, один из главных разработчиков интернет-доктрины Клинтон, заявил, что “само существование социальных сетей – это добро в чистом выражении”.

Но действительно ли социальные сети ценны сами по себе? В конце концов, мафия, проституция, игровые притоны и молодежные банды – это тоже социальные сети, однако никому не придет в голову сказать, что их существование – это “добро в чистом выражении” или что закону до них не должно быть дела. С тех пор, как Митч Капор, один из отцов-основателей киберутопизма, объявил в 1993 году, что “жизнь в киберпространстве в точности вписывается в образ, нарисованный Томасом Джефферсоном: она основана на главенстве свободы личности и приверженности плюрализму, многообразию и человеческому общежитию”, многие политики находятся под впечатлением, будто в интернете обретают пристанище только те сети, которые выступают за мир и процветание. Но Капор читал Джефферсона недостаточно внимательно. Тот как раз предупреждал об антидемократическом духе многих гражданских ассоциаций: “Толпы в больших городах оказывают поддержку хорошему правительству ровно в той же степени, что и язвы – крепости человеческого тела”. Джефферсон, судя по всему, не был убежден в абсолютной добродетельности “умной толпы” (это термин-пустышка, обозначающий социальные группы, образовавшиеся спонтанно, обычно посредством новейших технологий).

Редактор “Радио Свобода” Люк Оллнат указывает, что “техноутописты ограничили свой взгляд тем, что во всей гигантской массе интернет-пользователей, способных на великие свершения во имя демократии, они видят только собственное отражение, то есть прогрессистов, филантропов, космополитов. Они не замечают неонацистов, педофилов или маньяков, одержимых идеей геноцида, которые объединяются... и процветают на просторах интернета”. Отношение к сетям исключительно как к благу позволяет политикам игнорировать их влияние на политику и общество, откладывая действенный ответ негативной стороне их функционирования. “Сотрудничество”, которое кажется главной целью интернет-доктрины Клинтон, – вещь слишком неоднозначная, чтобы строить на ее основе разумную политику.

Даже беглый взгляд на историю (например, на события в Веймарской Германии, где рост гражданской активности способствовал делегитимизации парламентской демократии) показывает, что интерес людей к политике не обязательно ведет к укреплению демократии. Американская история после де Токвиля тоже дает нам немало таких примеров. (Ку-клукс-клан, между прочим, тоже социальная сеть.) Ариэль Армони, политолог из колледжа Колби (штат Мэн), считает, что “гражданское участие может... иметь недемократические последствия для государства и общества. Наличие ‘активного общества’ не всегда предотвращает неблагоприятные для демократии последствия или даже способствует такому исходу”. Политические и экономические факторы, а не легкость образования ассоциаций, в первую очередь задают тон и указывают направление, в котором социальные сети

способствуют демократизации. Наивно думать, будто эти факторы будут всегда благоприятствовать демократии. Например, если социальные сети усиливают националистические группы в Китае, то совершенно очевидно, что возрастет и их влияние на внешнюю политику страны. Учитывая специфическую взаимосвязь национализма с внешней политикой и легитимностью власти в Китае, изменения такого рода не обязательно будут способствовать демократизации, особенно если они ведут к конфронтации с Тайванем или Японией.

Даже Мануэль Кастельс, видный испанский социолог и один из наиболее ревностных сторонников информационного общества, не готов согласиться с лозунгом “Пусть цветет тысяча сетей”. “Интернет – это и в самом деле технология свободы, – пишет Кастельс, – однако он может предоставить влиятельным кругам свободу для угнетения неосведомленных” и “привести к вытеснению обесцененных покорителями ценности”. Роберт Патнэм, знаменитый американский политолог, который в бестселлере “Боулинг в одиночку” сокрушался по поводу удручающего состояния социального капитала Америки, также предостерегал от “безоговорочно положительного отношения к социальному капиталу”: “Сети и связанные с ними нормы, касающиеся взаимности, обычно полезны для того, кто состоит в сети, но внешние эффекты социального капитала далеко не всегда позитивны”. С точки зрения американской внешней политики социальные сети могут, конечно, представлять собой добро в чистом выражении, если они не включают тех, кто сидит в пещерах Вазиристана. Когда сенаторы, один за другим, признаются, что “Ю-Тьюб” стал родным домом для исламских террористов, их заявления едва ли звучат как слова людей, безусловно верящих в имманентно демократическую природу сетевого мира.

Нельзя просто ограничить свободу подключения западными узлами Сети, и от комплексной природы интернета выигрывают все – в том числе множество незападных узлов. Когда доходит до распространения демократии, с сетевым обществом возникает проблема: оно усиливает в том числе тех, кто противится демократизации, будь то церковь, бывшие коммунисты или маргинальные политические движения. В итоге становится трудно сосредоточиться на задаче, поскольку не сразу становится очевидно, что новые, исходящие от Сети угрозы демократии серьезнее, чем те, которым Запад противостоял в прошлом. Усилились ли негосударственные структуры, враждебные демократии, в большей степени, чем обессилел ее прежний враг – монолитное авторитарное государство? Это очень правдоподобный сценарий, по крайней мере в некоторых отношениях, и утверждать обратное значит держаться устаревшей, неприменимой в современном мире концепции власти. “Интернет обычно хвалят за его тягу к децентрализации. Децентрализация и диффузия власти – это, конечно, не то же самое, что ослабление власти над человеком. И это не то же самое, что демократия... Тот факт, что никто ни за что не отвечает, не означает, что все свободны”, – полагает Джек Балкин, профессор юридического факультета Йельского университета. Лев авторитаризма, может быть, и мертв, однако возле его трупа кружат сотни голодных гиен.

Свобода отключения

Хуже того, предполагаемое беззаконие и сетевая анархия, которые поощряет интернет, приводят к усилению общественного стремления приручить Сеть. В определенном смысле чем важнее становится интернет, тем больше ущерб. На “свободу подключения” едва ли купятся избиратели, многие из которых на самом деле желают, чтобы государство поощряло “свободу отключения” – по крайней мере, в отношении некоторых политических и социальных групп. Судя по событиям последних десяти лет, к контролю над интернетом склоняются не только авторитарные государства. К этому призывают также обеспокоенные родители, экологические группы, различные этнические и социальные меньшинства. В действительности многими из возможностей, предлагаемых анонимной интернет-культурой, ратующей за свободу для всех, творчески пользуются отдельные люди и сетевые структуры с антидемократическими устремлениями. Едва ли “Северное братство”, группа русских

радикальных националистов, могла возникнуть до появления Всемирной паутины. Эта группа умудрилась запустить сетевую игру, участникам которой (многие из них ведут вполне комфортную жизнь представителей среднего класса) предлагается снимать на видео нападения на рабочих-иностранцев, размещать ролики на “Ю-Тьюбе” и получать за это денежные призы.

Мексиканские бандиты тоже полюбили интернет. Они не только пользуются услугами “Ю-Тьюба” для распространения видеоотчетов о преступлениях и создания атмосферы страха, но и ищут в социальных сетях кандидатов на похищение, благо отпрыски представителей мексиканской элиты связаны друг с другом через “Фейсбук”. Галеб Крейм, эксперт по безопасности из Международного университета Аллиант в Мехико, указывает на то, что “преступники могут выяснить, чьи родственники занимают высокие посты в полиции. Может быть, у самих полицейских и нет аккаунта в ‘Твиттере’ или ‘Фейсбуке’, зато у их детей и близких родственников он, вероятно, есть”. Вряд ли от этого мексиканские полицейские становятся смелее. Кроме того, при помощи социальных сетей можно сеять страх. В апреле 2010 года ряд записей в “Фейсбуке”, предупреждавших о приближении гангстерских войн, парализовали жизнь курорта Куэрнавака. К счастью, тревога оказалась ложной.

Лидеры исламистской повстанческой группировки “Харакат аш-Шабаб”, крупнейшей в Сомали, пользуются эс-эм-эс для связи со своими подчиненными. Это помогает им избежать личных контактов и, соответственно, риска быть выслеженными. Вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что в результате повстанцы стали действовать эффективнее – и представлять большую угрозу.

Имеется множество других менее громких и менее опасных случаев, когда сети принесли вред, однако лишь немногие из них получили всемирную огласку. Согласно докладу СИТЕС (Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения) 2010 года, с появлением интернета возник новый рынок, позволяющий покупателям и продавцам вымирающих животных и растений легче находить друг друга. Загросский тритон (*Neurergus kaiseri*), обитающий только в Иране, вероятно, стал первой настоящей жертвой твиттер-революции. По данным газеты “Индепендент”, более десятка компаний торгуют в интернете пойманными в естественной среде особями этого вида. Неудивительно, что популяция загросского тритона с 2001 по 2005 год сократилась на 80 %.

Еще одна отрасль черного рынка, развитию которой способствует интернет, – торговля человеческими органами. Отчаявшиеся жители развивающихся стран обходятся без посредников и предлагают свои потроха непосредственно тем, кто желает их приобрести. Индонезийцы, например, пользуются для этого сайтом *iklanoke.com* (местная альтернатива “Крейгслист”), за перепиской на котором полиция обычно не следит. Вот типичное объявление: “Шестнадцатилетний мужчина продаст почку за 350 миллионов рупий или обменяет на ‘тойоту камри’”.

В Африке эс-эм-эс часто используются для разжигания вражды. Последний такой случай отмечен в начале 2010 года: тогда конфликт мусульман и христиан в нигерийском городе Джос унес жизни более трехсот человек. Правозащитники, изучавшие конфликт в Джосе, собрали по меньшей мере 145 таких сообщений. Одни содержали инструкции по убийству людей и сокрытию их трупов (“Убей, пока не убили тебя. Закопай, пока не закопали тебя”). С помощью других распространялись слухи, которые привели к эскалации насилия.

По данным информационного агентства “Франс пресс”, одно из таких сообщений призывало христиан не покупать продовольствие у лоточников-мусульман, поскольку оно может быть отравлено. Другое намекало, что политические лидеры планируют нарушить водоснабжение, чтобы подорвать здоровье адептов одной из конфессий.

До боли похожая ситуация наблюдалась в Кении двумя годами ранее. Политический кризис, последовавший за сомнительными выборами 27 декабря 2007 года, показал, что сети, поддерживаемые мобильной связью, являют собой вовсе не “беспримесное добро”: они легко могут привести к безудержному насилию. “Если твой сосед – кикуйю, вышвырни его из дома. Никто тебя не осудит”, – гласило типичное эс-эм-эс периода разгула насилия. Другое

сообщение, также направленное против кикуйю, призывало: “Прикончим мафию с горы Кения... Убей двоих, одного получишь бесплатно”. Но были и более опасные попытки некоторых кикуйю путем эс-эм-эс сперва собирать конфиденциальную информацию о представителях отдельных этнических групп, а затем распространять ее, чтобы нападать на них и запугивать. “Кровь невинных кикуйю больше не будет литься! Мы перебьем врагов прямо тут, в столице. Во имя справедливости запишите имена всех луо и калео, которых знаете на работе, на участке, вообще в Найроби, и не забудьте, какой дорогой их дети добираются в школу. Мы укажем номер, на который нужно отправлять эти сообщения”, – гласило э-эм-эс. Кенийские власти тогда решили отключить мобильные сети, чтобы избежать эскалации насилия (от восьмисот до полутора тысяч человек погибло, около 250 тысяч покинули свои дома).

Хотя текстовые сообщения помогли проследить за распространением насилия в Кении (это счастливая история, которая привлекла гораздо большее внимание СМИ), нельзя игнорировать и то, что сервис эс-эм-эс способствовал организации насилия. Текстовые сообщения, полные ненависти и угроз, и два года спустя преследовали свидетелей, согласившихся выступить перед высокопоставленной следственной комиссией [Филипа] Ваки. (“Ты еще молод и не должен умереть, но ты предал нашего лидера, и мы убьем тебя”, – гласило эс-эм-эс, полученное одним из свидетелей.)

Летом 2009 года кровопролитные столкновения между уйгурами и ханьцами в китайской провинции Синьцзян повлекли за собой десятимесячное отключение интернета. Поводом к беспорядкам стала провокационная запись на форуме *sg 169.com* : двадцатитрехлетний рабочий, разозленный увольнением с фабрики игрушек в Сюйжи в провинции Гуаньдун (это в трех тысячах миль от Синьцзяна), написал, что “шестеро синьцзянских парней изнасиловали двух невинных девушек на фабрике в Сюйжи”. (Китайские государственные СМИ сообщили, что эти обвинения оказались ложью, да и иностранные журналисты не сумели найти им подтверждения.) Десять дней спустя рабочие-уйгуры с фабрики подверглись нападению группы ханьцев. Двое уйгуров было убито, около ста ранено. Это, в свою очередь, породило новую волну слухов, преувеличивших количество погибших, и ситуация вскоре вышла из-под контроля, причем обе стороны конфликта прибегли для мобилизации к эс-эм-эс и телефонной связи (вскоре власти отключили все телефонные коммуникации). Подлил масла в огонь и видеоролик, запечатлевший избиение нескольких уйгуров-рабочих толпой, вооруженной металлическими трубами.

Даже страны с давними демократическими традициями не избежали текстового террора. В 2005 году многие австралийцы получили эс-эм-эс, призывающие к нападениям на сограждан ливанского происхождения (“В это воскресенье каждый чертов осси в округе тусит на [пляже] Норт-Кроналла, чтобы поучаствовать в махаче с ‘либанезами’ и черномазыми... Приводите друзей. Покажем, что это наш пляж, и чтобы они никогда не вернулись”), что спровоцировало масштабные этнические побоища в мирной стране. Австралийцы ливанского происхождения получили похожие сообщения, только с призывами нападать на неливанцев. А в Чехии сравнительно недавно праворадикальные экстремисты активно пользовались эс-эм-эс для рассылки угроз местным цыганским общинам. Если бы технология эс-эм-эс не была изобретена, неонацисты ненавидели бы цыган ничуть не меньше, и винить в расистских настроениях мобильную связь не стоит. Это означало бы заикнуться на технологиях, вместо того чтобы обратить внимание на политические и социальные факторы. Однако легкость, масштаб и скорость связи, свойственные текстовым сообщениям, придают кратким, прежде локализованным вспышкам ненависти широкий резонанс, чего не случалось в эпоху меньшей “включенности”.

Возможно, “свобода подключения”, по крайней мере в ее нынешнем, отчасти абстрактном виде, была бы главным политическим приоритетом в некоем демократическом раю, обитатели которого давно забыли о ненависти, культурных войнах и этнических предрассудках. Но такого оазиса толерантности попросту нет. Даже в Швейцарии, которая считается эталоном децентрализованного, демократического принятия решений и

взаимоуважения, такая свобода привела к тому, что сравнительно небольшая, маргинальная часть населения умудрилась с помощью интернета мобилизовать сограждан на борьбу со строительством в стране новых минаретов. Движение инициировали правые блогеры и различные группы в социальных сетях. Многие из них опубликовали в высшей степени выразительные плакаты (по словам Майкла Киммельмана из газеты “Нью-Йорк таймс”, “политические ‘коктейли Молотова’”), где объяснялось, что мусульмане представляют для Швейцарии угрозу. На одном таком плакате были изображены минареты, похожие на ракеты, расставленные на национальном флаге. Даже миролюбивым швейцарским избирателям удалось навязать популистский дискурс посредством Сети. Не следует недооценивать силу “Твиттера” и “Фотошопа”, когда ими пользуются люди, движимые предрассудками!

Хотя поклонникам интернета нравятся оптимистические рассуждения Маршалла Маклюэна о “глобальной деревне” (журнал “Уайерд” выбрал его своим святым покровителем), не многие из них уделяют внимание его более мрачным замечаниям вроде перла 1964 года: “Титлер своим политическим существованием непосредственно обязан радио и сети громкоговорителей”. Маклюэн, как обычно, преувеличил, но мы точно не хотим однажды обнаружить, что излишне оптимистическая риторика о “свободе подключения” лишила нас способности справиться с ее неизбежными негативными последствиями. Одни сети полезны, другие – вредны, и каждая из них требует пристального этического анализа. Отстаивание свободы интернета должно предусматривать меры по смягчению отрицательных побочных эффектов возросшей взаимосвязанности.

Нужны ли слабым государствам могучие гаджеты?

Все недавняя болтовня о том, как интернет крушит государственные институты, преграды и медиаторов, может заслонить от нас тот факт, что стабильные, отлаженные институты (особенно правительства) жизненно важны для сохранения свободы. Из предположения, что интернет может помочь свергнуть авторитарные режимы, не обязательно следует, что он поможет и укреплению демократии. То, что различные антидемократические силы (в том числе экстремисты, националисты, отстраненные от власти элиты) вдруг обзавелись новой площадкой для мобилизации и распространения своих идей, указывает, что задача по укреплению демократии может усложниться, а не стать легче.

Разговоры о том, что информационная революция ослабит государство-нацию, не новы. Артур Шлезингер-мл. (историк, лауреат Пулитцеровской премии, советник Джона Ф. Кеннеди) так писал в 1997 году о бесконтрольной компьютеризации: “Компьютер превращает рынок, свободный ото всех ограничений, в глобальный джаггернаут, стирающий границы, лишаящий сил национальные налоговые и правоприменительные системы, сокрушающий национальные механизмы регулирования ставок кредитования и валютного курса, углубляющий несправедливость в распределении богатств между народами и внутри них, попирающий трудовые стандарты, разрушающий окружающую среду, лишаящий народы их собственной экономической судьбы, никому не подотчетный, творящий мировую экономику без мирового правительства”. К счастью, все оказалось не так трагично, как предсказал Шлезингер. Однако его предположение указывает на то, что важно хорошо продумать, что мы более всего ценим в государственных институтах в контексте демократизации, и убедиться в том, что интернет не полностью уничтожил эти качества. Хотя заманчиво воспользоваться интернетом для того, чтобы отрубить авторитарной гидре все ее головы, никому пока не удавалось построить успешную демократию на костях (то есть на государственном аппарате) этой самой дохлой гидры. Нет ничего удивительного в том, что граждане демократических стран неохотно признают тот факт, что без сильного государства никакая журналистика, будь то традиционные СМИ или интернет-блоги, невозможна.

Сильвио Вайсборд, специалист по вопросам свободы печати из Университета им. Джорджа Вашингтона, отмечает, что “государство” подразумевает функциональные механизмы закрепления верховенства права, соблюдение законодательства о доступе к

информации, поддержку конкурентной, многоотраслевой экономики, которой сопутствуют смешанные системы СМИ, обеспечение условий для деятельности эффективных и независимых арбитров, отстаивающих “право общества знать”, контроль над коррупцией внутри редакций и за их стенами, предотвращение насилия в отношении журналистов, их информантов и других граждан. Если киберутописты всерьез верят в собственные речи о разрушении государственных институтов, это серьезная проблема, и они отказываются заниматься ею.

Это нигде не проявляется нагляднее, чем в государствах наподобие Афганистана: и без того слабое правительство этой страны ослабляют различные политические, военные и общественные силы. Мы можем продолжать радоваться возможностям, которые предоставляет мобильный телефон афганским женщинам, однако “Талибан” так терроризирует сети мобильной связи, что многие из них прекращают работу в определенное время суток. Спорить с боевиками не хочет никто. Когда некоторые операторы попытались возражать, “Талибан” ответил разрушением базовых станций и убийствами обслуживающего персонала. Талибы не планируют изгонять мобильную связь из страны, поскольку сами ею пользуются. Однако им, как и прежде, удастся показать, кто главный, и диктовать условия пользования технологиями. Так как сильного правительства в Афганистане нет, многочисленные возможности, которые несет мобильный телефон, останутся нереализованными.

Профессор юридического факультета Нью-Йоркского университета Стивен Холмс опубликовал в 1997 году в журнале “Американ проспект” статью “Как слабые государства угрожают свободе”. Рассуждая о медленной дезинтеграции России под нажимом гангстеров, коррупционеров и олигархов, Холмс заметил то, чего не видят многие жители стран Запада. “Политически дезорганизованное российское общество напоминает нам о глубокой зависимости либерализма от наличия эффективного правительства. Идея, будто самостоятельные индивиды смогут пользоваться свободами, если власть просто оставит их в покое, оказывается несостоятельной перед лицом тревожной действительности новой России”.

Поклонники интернета нередко забывают о том, что если правительство, пусть и авторитарное, утрачивает способность контролировать население или территорию страны, то совсем не обязательно его место займут демократы. Хотя заманчиво представлять авторитарные государства бездушными сталинистскими пустошами, где все, что ни делает государство, направлено на ограничение свободы личности, однако это сильно упрощенное понимание политики. Допустим, завтра российский или китайский госаппарат рассыплется. Совершенно не обязательно ему на смену придет образцовая демократия. Вполне может начаться анархия и даже, возможно, этнические распри. Конечно, это не значит, что Китай или Россия в принципе неререформируемы. Просто реформы не стоит начинать с уничтожения госаппарата.

Это еще один случай, когда мирный переход Восточной Европы к демократии был воспринят на Западе как неоспоримое доказательство неизбежного возникновения демократии после падения государства, управляемого тиранами-жуликами. На самом деле мирный переход к демократии стал результатом воздействия экономических, культурных и политических факторов, уникальных для этого региона, и конкретного исторического момента. Ход этой мирной трансформации не был предопределен неким законом природы, гласящим, что люди всегда стремятся к демократии и, если устранить все препятствия, она обязательно восторжествует. Утопичность этого подхода стала очевидной в 2003 году, когда после свержения в Багдаде статуи Саддама Хусейна ничего похожего на восточноевропейскую посткоммунистическую демократию не началось. Холмс в другой своей статье так резюмировал редуccionистские взгляды: “Снимите крышку, и оттуда вылетит демократия”.

Хуже авторитарного государства только авторитарное государство, которое терпит крушение. То, что интернет вооружает и подкармливает многие группировки, которые

ущемляют права граждан и причиняют вред различным меньшинствам, скорее приведет к стремлению общества к более сильному государству, способному защитить граждан от беззакония в киберпространстве. Так как распространители детской порнографии, гангстеры, националисты и террористы пользуются возможностями интернета для того, чтобы причинить как можно больше вреда, терпение общественности рано или поздно иссякнет. Когда китайские “сетяне” становятся жертвами “поисковиков плоти”, они не ждут Робин Гуда. Они ждут от своего правительства – в остальном авторитарного, – что оно примет законы о защите частной жизни и обеспечит их исполнение. Коррумпированные правоохранительные органы России иногда допускают утечки баз данных, содержащих личную информацию множества граждан, в том числе их паспортных данных и номеров мобильных телефонов. Впоследствии эти базы данных всплывают на коммерческих сайтах в интернете. Это вряд ли заставляет россиян славить достоинства ограниченной власти. Помножьте силу интернета на несостоятельность слабого государства – и вы получите анархию и беззаконие. Причина, в силу которой многие обычно тонкие наблюдатели видят демократию там, где ее нет, заключается в том, что они путают либерализацию доступа к средствам коммуникации с либерализацией общества. На самом деле увеличение и удешевление средств коммуникации – если они попадут не в те руки – приведут не к расширению, а к сворачиванию демократии.

Это очень похоже на дискуссию о сравнительных достоинствах блогинга и журналистики. Сейчас любой может вести блог, поскольку средства производства и распространения информации дешевы. Тем не менее наличие у каждого гражданина блога само по себе не оздоровит западную демократию. Напротив, возможные побочные эффекты (исчезновение независимых наблюдателей, неожиданных новостей, дальнейшая поляризация общества) могут перевесить неочевидную пока пользу революции блогеров. (Это не значит, разумеется, что правительство или частные структуры не в состоянии справиться с этими эффектами, приняв ряд разумных мер.) Почему мы должны иначе отнестись к интернету и политике? Как мы знаем, многие общественные проблемы после расцвета социальных медиа могут значительно усложниться. Нам следует начать принимать в расчет всю совокупность побочных эффектов, а не только то, что издержки массовой политической деятельности радикально уменьшились.

Рассуждая об ошибочности концепции “чем проще доступ к технологиям, тем больше демократии”, Джеральд Доппельт, профессор философии Калифорнийского университета в Сан-Диего, предлагает еще одну тему для размышлений: “Для того, чтобы оценить влияние некоторого шага в сфере технической политики на демократизацию техники и общества, следует поинтересоваться тем, какая именно группа выступает в защиту технологии, какое положение она занимает в обществе, что она не приемлет, какое этическое значение для идеалов демократии имеют технические изменения, к которым эта группа стремится”. Без этого и самые прозорливые наблюдатели не уйдут дальше парадоксального вывода, будто использование “Аль-Каидой” блогов идет на пользу демократии, потому что блоги открывают новые легкие пути к участию общества в политике. Стоит избегать любой концепции демократии, которая считает доступность мобилизации населения единственным критерием демократизации, особенно сейчас, в бурную цифровую эпоху.

Уклонение от ответов на поставленные вопросы также помешает спрогнозировать политические последствия либерализации доступа к технологиям. Лишь безответственные теоретики могут оправдывать облегчение доступа к оружию в терпящих крушение государствах. Но у интернета столько положительных сторон – в частности, он способствует свободе слова, – что аналогия с оружием мало кому приходит на ум. И все же польза интернета не всегда перевешивает его негативные стороны. Даже если пистолет использовать как рупор, государству стоит присматривать за оборотом оружия. Но за ярким знаменем борьбы за свободу интернета можно так и не увидеть, что интернет – гораздо больше чем рупор демократии и может быть использован ей во вред. Игнорировать это означает ставить проект содействия демократии под угрозу. Важнейшее условие проведения правильной политики по защите свободы интернета – убедить самых горячих ее сторонников в том, что интернет

гораздо важнее и опаснее, чем они считали.

Почему рациональная политика не уместается в 140 символов

По мере того как интернет становится все более заметным посредником в американской внешней политике, нам приходится постепенно отказываться от контроля над ним. Конечно, эра, когда дипломаты могли взять тайм-аут, чтобы сформулировать обоснованную, осторожную позицию в связи с тем или иным событием, закончилась с изобретением телеграфа, который практически лишил дипломатический корпус самостоятельности. С тех пор осмотрительная внешняя политика пришла в упадок. Джон Херц, известный специалист по международным отношениям, в 1976 году заметил, что “там, где прежде можно было действовать более неспешно, но в то же время хладнокровно и обдуманно, теперь приходится действовать или реагировать безотлагательно”.

В эпоху интернета дипломаты не только лишились самостоятельности. Она ознаменовала также закат рациональной политики: современные политики получают так много информации, что не могут ее обработать, а мировая общественность, мобилизованная при помощи цифровых технологий, требует немедленного ответа. Не будем обманываться: политики не в состоянии выработать эффективную политику под впечатлением от просмотра кровавых видеороликов, в которых иранские оппозиционеры умирают на улице.

В 1992 году Джордж Ф. Кеннан (крестный отец американской дипломатии и автор знаменитой “Длинной телеграммы” из Москвы, которая во многом сформировала американское мышление эпохи холодной войны и помогла выработать политику сдерживания) пришел к убеждению, что СМИ лишили Америку способности проводить рациональную внешнюю политику. Уже тогда вирусное видео политического содержания кормило телесети. После просмотра на канале Си-эн-эн страшного ролика, в котором тела нескольких американских рейнджеров тащат по улицам Могадишо, Кеннан с горечью записал в дневнике (эта запись вскоре появилась в виде колонки в “Нью-Йорк таймс”): “Если американской политикой... будут управлять эмоциональные порывы публики, особенно вызванные коммерческой телеиндустрией, то в ней не останется места не только для меня, но и для тех структур, которые традиционно считались ответственными совещательными органами власти, как исполнительной, так и законодательной”. Слова Кеннана вскоре повторил Томас Кинан, директор проекта по изучению прав человека в Бард-колледже: “Рациональное осмысление информации, необходимое для выбора линии поведения, теперь поглощено и вытеснено эмоциями, и ответными реакциями сейчас управляет, вернее, дистанционно управляет телеизображение”.

Сегодня, когда телеизображение заменили ролики “Ю-Тьюба” и сердитые твиты, порог вмешательства оказался еще ниже. Для того, чтобы Госдеп попросил “Твиттер” отложить работы по техобслуживанию, было достаточно потока твитов крайне сомнительного происхождения. Когда весь мир ждет вашей немедленной реакции, а в электронной почте дипломатов накапливаются горы твитов, вы вряд ли станете полагаться на уроки истории или даже на собственный опыт и ошибки. Вы рассудите так: твиты + молодые иранцы с мобильными телефонами = твиттер-революция.

Уильям Шейерман, политолог, исследующий роль скорости в международных отношениях, справедливо заметил, что “историческая амнезия, порожденная обществом, помешанным на скорости, ведет к пропагандистским, литературным пересказам прошлого, в которых политическая история изложена к очевидной выгоде господствующих в настоящее время политических и экономических групп”. Очевидно, общество, помешанное на скорости, должно быть озабочено и литературными пересказами событий совсем недавнего прошлого. А решения политиков, более не руководствующихся фактами, скорее всего окажутся неверными.

“Вирусный” аспект сетевой культуры вряд ли благотворно сказался на способности дипломатов ясно мыслить. В 90-х годах многие политические аналитики и политики клеймили

(немногие – прославляли) так называемый эффект Си-эн-эн – способность современных СМИ оказывать давление на тех, кто принимает решения, передавая “картинку” с места конфликта и иногда вынуждая их делать то, что в другой ситуации они никогда не сделали бы. Влияние Си-эн-эн на внешнюю политику – предполагаемое, недоказанное – в 90-х годах можно объяснить по крайней мере тем, что телекомпания служила рупором неких идеалистических и даже гуманистических идей. Мы знаем, кто стоял за Си-эн-эн и каковы были их взгляды (по большей части либеральные).

Гуманизм многочисленных групп в “Фейсбуке” проверить труднее. Кто эти люди? Чего они хотят? Почему они стремятся вовлечь нас в какой-либо конфликт или, наоборот, удержать от вступления в него? Там, где оптимисты видят демократизацию доступа к средствам связи, реалисты могут усмотреть безоговорочную победу корпораций над формированием повестки дня. Правительства, разумеется, состоят не из глупцов. Они извлекают выгоду из открывшейся возможности выдать свои попытки повлиять на международное общественное мнение за глас народа – напрямую или с помощью прокси-серверов. Возьмем, например, “Мегафон” (*Megaphone*) – технологию, разработанную одной из частных израильских фирм. Она собирает данные об опросах (как правило, организованных международной прессой для своих читателей), касающихся Ближнего Востока, Палестины, израильской политики и так далее. При обнаружении нового опроса программа “пингует” пользователей, вынуждая их посетить определенный URL -адрес и тем самым подать голос в поддержку израильской позиции. Кроме того, при помощи этого ПО можно организовать массовую электронную рассылку произраильских статей, чтобы они попали в рейтинги “самых рассылаемых” публикаций, имеющиеся на сайтах многих газет.

Однако на международное общественное мнение влияют не только хитроумные партизанские сетевые эксперименты наподобие “Мегафона”. Россия и Китай учредили аналоги Си-эн-эн, призванные транслировать точку зрения правительств этих стран на происходящее в мире. Обе службы имеют яркие сайты. Пока американские и британские новостные СМИ экспериментируют с платным доступом к контенту, чтобы остаться на плаву, англоязычные медиа, принадлежащие правительствам России и Китая, готовы извлечь выгоду: они готовы платить за то, чтобы их читали.

Управлять “демократизированным” публичным пространством интернета чрезвычайно трудно. Но еще труднее судить о том, являются ли увиденные нами его сектора представительными для всего населения. Никогда не было легче ошибиться, приняв несколько в высшей степени нерепрезентативных частей за целое. Это в какой-то мере объясняет, почему наши ожидания в отношении преобразующего влияния интернета на авторитарные страны завышены и излишне оптимистичны. Суть заключается в том, что люди, с которыми мы обычно имеем в таких случаях дело, уже находятся на переднем крае борьбы новых медиа за демократические перемены в авторитарных обществах. Китайских блогеров, пишущих о моде, музыке или порнографии (даже если эти темы в китайской блогосфере гораздо популярнее, нежели права человека или верховенство права), никогда не пригласят на слушания в американском Конгрессе.

СМИ тоже мало чем помогут. Те, кто хорошо говорит по-английски и выступает в египетских блогах от имени “Братьев-мусульман”, могут просто не захотеть помогать Би-би-си или Си-эн-эн сделать еще один репортаж о мощи блогосферы. Вот почему единственная сила, о которой рассказывают западные медиа, – это обычно представители светской, либеральной и прозападной части населения. Неудивительно, что эти люди говорят нам то, что мы хотим услышать: блогеры сражаются за секуляризм, либерализм и демократию западного образца. И вот почему у многих западных политиков сложилось неверное впечатление, будто блогеры – это непременно сторонники, даже предвестники демократии. “Если в Иране число блогеров и в самом деле выше, чем в любой другой стране, то это заставляет меня смотреть с оптимизмом на будущее Ирана”, – заявил министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд во время визита в штаб-квартиру “Гугла”. Откуда этот оптимизм, непонятно. В иранской блогосфере консервативные блогеры являют собой грозную

силу. Нередко они настроены еще решительнее, чем даже правительство страны, и уж точно не выступают за демократию, равенство и справедливость. Возможно, советники Милибэнда просто не видели ничего, кроме горстки прозападных иранских блогов, монополизировавших освещение событий в Иране. Трудно предположить, что именно Милибэнд сказал бы группам китайских националистов, которые в свободное от изготовления антизападных видеороликов время заняты переводом на китайский язык трудов западных философов вроде Лейбница и Гуссерля.

Еще хуже, когда западные политики начинают прислушиваться к блогерам в изгнании. Эти люди, нередко затаившие обиду на свою страну, склонны изображать ее внутреннюю политику как продолжение своей борьбы. Они зависят от серых кардиналов в Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе, которые строят собственные домыслы об интернете. Многие из этих блогеров присоединились к неправительственным медиаорганизациям и даже учредили собственные. Стоит господствующим ныне представлениям о возможностях блогинга измениться, как многие из этих новых НКО пойдут ко дну.

Неудивительно, что люди, получающие гранты на то, чтобы приспособить возможности интернета для борьбы с диктаторами, не станут спешить с признанием, что терпят неудачу. Это как если бы мы наплодили несколько миллионов клонов Ахмеда Чалаби, который рассказами о ситуации в Ираке ввел в заблуждение всех, кто согласился его выслушать, и наняли бы их, чтобы выслушивать их предложения, как исправить ситуацию в их странах. Безусловно, большинство правительств сталкивалось с проблемой влияния изгнанников на внешнюю политику, однако к блогерам (возможно, из-за неизбежных сравнений с советскими диссидентами и эпохой самиздата) нередко относятся с большим доверием, чем они того заслуживают.

Почему некоторым тайнам лучше оставаться тайнами

Механизму выработки политических решений угрожают не только аффекты и спешка, но также растущая доступность и мобильность информации. Мобильная связь проникла в самые далекие уголки, и информацию стало проще получать. Те, кто когда-то был отрезан от мира, сейчас могут сообщать буквально о чем угодно, от последствий стихийных бедствий до случаев нарушения прав человека и фальсификации результатов выборов. Внезапно о трагедии стало легче узнать и помочь – по крайней мере, появилась такая надежда.

Технологии и в самом деле могут творить чудеса во время стихийных бедствий. Пострадавшие могут воспользоваться мобильным телефоном, чтобы с помощью эс-эм-эс сообщить о своем местонахождении и своей беде. Всю подобную информацию можно собрать, обработать и нанести на карту в интернете. Даже если это не поможет пострадавшим напрямую, сотрудники гуманитарных организаций смогут больше узнать о произошедшем и разумно распределить скудные ресурсы. Один из таких инструментов, “Ушахиди” (*Ushahidi*), был создан для сбора информации об актах насилия в период политического кризиса после выборов в Кении. После этого он успешно применялся по всему миру, в том числе в ходе разрушительных землетрясений в Гаити и Чили в начале 2010 года.

Заметим, однако, что причина, по которой многие проекты, основанные на принципе краудсорсинга, собирают достойные доверия данные во время стихийных бедствий, заключается в том, что речь в этих случаях идет не о политике. Здесь нет конфликтующих сторон, нет линии фронта, а у тех, кто передает данные, нет причин их исказить. В случае же использования краудсорсинговых инструментов, например, для фиксирования нарушений прав человека или наблюдения за ходом выборов (это некоторые из примеров применения “Ушахиди” не в гуманитарных целях), точность поступающих сообщений невозможно проверить, зато ими легко манипулировать.

Кто угодно может сфальсифицировать отчеты, чтобы обвинить оппонентов в злоупотреблениях или посеять среди них панику (вспомните нигерийскую рассылку эс-эм-эс о том, что вся пища отравлена). Чтобы вызывать доверие, авторы докладов о нарушениях прав

человека, а также (иногда в меньшей степени) о нарушениях на выборах должны стремиться к стопроцентной точности. Этого требует сама природа документирования нарушений прав человека, особенно если авторитарное правительство может оспорить достоверность данных. Одна ошибка способна подорвать доверие ко всему массиву данных. А если правозащитные НКО будут уличены в распространении сомнительных данных, у правительства появится удобный повод их закрыть. Газета “Нью-Йорк таймс” превозносила достоинства “Ушахиди”: “По мере того как данные накапливаются, карты кризисных ситуаций могут показать нам скрытые модели реальности. Как далеко вглубь страны прошел ураган? Изнасилования широко распределены или сконцентрированы в районе военных казарм?” Но это вводит в заблуждение: в лучшем случае подобные карты могут дать нам общее представление о масштабе и характере нарушений, однако ценность этих данных для защиты прав человека минимальна. А хуже всего – малая толика данных, полученных путем краудсорсинга, может дискредитировать весь массив добытой с трудом информации о нарушениях прав человека.

Также нежелательно, чтобы определенная информация о нарушениях прав человека находилась в интернете в открытом доступе. Так, во многих странах жертвы изнасилования по-прежнему испытывают давление со стороны общества. Выдав любые детали, например опубликовав данные о географическом распределении случаев насилия, можно раскрыть личность жертв и сделать их жизнь еще невыносимее. В сборе информации о нарушениях прав человека всегда имелся некоторый механизм защиты данных, и, учитывая легкость, с которой данные могут быть аккумулированы и распространены (в том числе третьей стороной, возможно, желающей воспрепятствовать работе правозащитников), важно сохранить эти механизмы вне зависимости от желания распространять свободу интернета. Нельзя утверждать, что проекты, основанные на краудсорсинге, непременно нарушат этот баланс, но нужно тем не менее сопротивляться интернетоцентризму и подходу “больше людей – больше данных” без учета реальных потребностей и возможностей.

По иронии, хотя в последнее время усилия киберэлиты были направлены в основном на “вызволечение” информации из закрытых баз, в ближайшем будущем они, возможно, сфокусируются на ограничении доступности открытых данных или по крайней мере их распространения. Это особенно важно для этнических меньшинств. Они идентифицируются в Сети, что ставит их в опасное положение. Так, в России региональное отделение Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), влиятельной антииммигрантской сети, создало несколько сетевых мэшапов – приложений, которые наносят данные переписи этнических меньшинств Волгограда на онлайн-карту (не в социологических целях, а чтобы вдохновить сторонников на погромы). ДПНИ – любопытный пример однозначно расистской организации, которая ловко приспособилась к реалиям эпохи интернета. ДПНИ не только готовит мэшапы. Главный сайт организации торгует майками с националистической символикой. Контент можно прочитать по-немецки, по-английски и по-французски. Пользователь может зарегистрироваться, чтобы принять участие в изготовлении собственных новостей по технологии вики.

Или возьмем, например, буракуминов – одно из самых многочисленных социальных меньшинств в Японии, происходящее от париев феодальной эпохи. С XVII века миллион буракуминов жил вне жестких рамок японской кастовой системы. Представители остальных каст делали вид, будто буракуминов не существует. Когда же японские энтузиасты-картографы совместили старинные карты, на которых отмечены общины буракуминов, с позаимствованными у “Гугла” спутниковыми снимками Токио, Осаки и Киото, это на первый взгляд показалось удачной мыслью. Прежде мало что предпринималось в Сети для сохранения наследия буракуминов. Но прошло всего несколько дней – и эти данные стали известны группе японских националистов, которые пришли в восторг от того, что узнали наконец точное местоположение жилищ ненавистных буракуминов. В итоге японская блогосфера принялась увлеченно обсуждать возможность погромов. Под сильным давлением японских НКО, борющихся с дискриминацией, администраторы “Гугла” попросили японских владельцев карт хотя бы скрыть легенду, в которой гетто-бураку были отмечены как “трущобы”.

А южнокорейские ксенофобы, организовавшие “комитет бдительности” под названием “Антианглийский спектр” (*Anti-English Spectrum*), прочесывают социальные сети в поисках иностранцев, приехавших преподавать английский язык, отчаянно пытаясь найти за ними хоть какие-нибудь грехи, за которые их можно вышвырнуть из страны.

Еще один пример: хотя печально известные китайские “поисковики плоти” упоминаются в западных СМИ в основном в связи с отважным преследованием коррумпированных бюрократов, у их деятельности есть и обратная сторона. В их послужном списке есть и нападки на людей, высказывающих непопулярные политические взгляды (например, требующих уважения к этническим меньшинствам) или просто ведущих себя не так, как другие (например, неверных супругов). Грейс Ван, студентка Университета Дьюка, стала одной из самых известных мишеней рассерженных “поисковиков плоти” в 2008 году, незадолго до Олимпийских игр, на пике обострения напряженности между Китаем и Западом. После того, как Ван призвала своих китайских соотечественников-“сетян” попытаться понять тибетцев, на нее обрушился поток нападок. Кто-то даже опубликовал на популярном китайском сайте информацию о том, где живут ее родители. Семье пришлось скрываться.

Может быть, мы выигрываем в возможности связываться и общаться друг с другом, однако при этом мы неминуемо вооружаем злых сетевых погромщиков, умело швыряющих в своих жертв “информационные гранаты”. Это можно счесть приемлемым следствием свободы интернета, но нелишне было бы заглянуть в будущее и подумать о том, как защитить жертв.

Избыток информации может представлять для свободы и демократии угрозу не менее серьезную, чем ее нехватка, что часто упускают из виду борцы за свободу интернета. В либеральных демократиях это вряд ли серьезная проблема: доминирующий плюрализм, растущий мультикультурализм и верховенство права смягчают последствия информационного потопа. Но многие авторитарные и даже переходные государства не могут себе этого позволить. Не стоит надеяться, что открытие всех сетей и опубликование всех документов облегчит переход к демократии. Если печальный опыт 90-х годов чему-то нас научил, так это тому, что успешный переход требует наличия сильного государства и относительно упорядоченной общественной жизни. Интернет же представляет большую угрозу и тому, и другому.

Глава 10

История – это не только меню браузера

В 1996 году группа видных представителей киберэлиты провозгласила со страниц журнала “Уайерд”, что агору “заменил интернет – технология, которая позволяет рядовым гражданам участвовать в общенациональной дискуссии, издавать газету, распространить электронный памфлет... и одновременно хранить конфиденциальность”. Это, вероятно, повеселило историков. Всякую новую технологию, от железной дороги, которая, как считал Карл Маркс, уничтожит индийскую кастовую систему, до ТВ, великого освободителя масс, превозносили до небес за ее способность поднять градус общественных дискуссий, придать политике большую прозрачность, ослабить позиции националистов, перенести нас в мифическую “глобальную деревню”. Все эти надежды были развеяны жестокой политической, культурной и экономической действительностью. Технологии много обещают, но слова не держат.

Нельзя сказать, что такие изобретения не наложили отпечаток на жизнь общества или демократию. Напротив, они оказывали влияние гораздо более сильное, чем могли предположить их авторы. Правда, результаты часто оказывались противоположными тем, которые преследовали изобретатели. Технологии, от которых ждали того, что они дадут больше возможностей личности, усилили гигантские корпорации. Технологии, которые должны были оживить участие людей в демократических процессах, породили популяцию пассивных наблюдателей, приклеенных к дивану и экрану. Нельзя сказать также, что такие

технологии в принципе не могли благотворно повлиять на политическую культуру или сделать процесс государственного управления прозрачнее: их потенциал был колоссальным. Тем не менее в большинстве случаев он оказывался растрочен впустую. Утопические заявления, неизбежно сопровождавшие эти технологии, запутали политиков, которые не смогли предпринять верные шаги, чтобы добиться прогресса.

Расхваливая уникальность интернета, большинство техно-гуру демонстрируют полнейшее незнание истории, поскольку риторика, сопровождавшая прогнозы развития технологий в прошлом, была столь же возвышенной, что и нынешние квазирелигиозные разговоры о могуществе интернета. Даже беглый взгляд на историю техники показывает, как быстро общественное мнение о какой-либо технологии способно пройти путь от слепого поклонения ей до проклятий. Но то, что критика технических новшеств столь же стара, как и восхищение ими, не должно приводить политиков к заключению, что не стоит пытаться минимизировать негативное влияние техники на общество (и наоборот). Напротив, политикам следует ознакомиться с историей техники, чтобы понимать, где стоит умерить свои ожидания, – пусть даже для того, чтобы хотя бы половина этих ожиданий оказались правдой.

История может многому нас научить. Сначала преобразования мира в “глобальную деревню” ждали от телеграфа. Передовица в “Нью-инглендер”, напечатанная в 1858 году, гласила: “Телеграф живой нитью связывает народы... Невозможно представить, что теперь, когда создано средство для обмена мыслями между всеми народами планеты, уцелеют застарелые предрассудки и вражда”. В 1868 году Эдвард Торнтон, британский посол в Соединенных Штатах, назвал телеграф “нервом международной жизни, который передает знание о происходящем, устраняет причины недопонимания и обеспечивает покой и гармонию во всем мире”. Автор “Бюллетеня Американского географического и статистического общества” счел телеграф “продолжением знания, цивилизации и истины”, служащим “высшему и важнейшему интересу человеческой расы”. Однако вскоре люди увидели обратную сторону этого замечательного новшества. Кто-то радовался, что телеграф может принести пользу при поимке беглых преступников, а оказалось, что он может подавать ложный сигнал тревоги и служить самим преступникам. Всего через два года после успешного начала прокладки в Америке телеграфных линий “Чарльстон курьер” написал, что чем “скорее [телеграфные] столбы будут повалены, тем лучше”, а “Нью-Орлианс коммершиал таймс” поделилась с читателями своим “самым страстным желанием”: чтобы “телеграф никогда не подходил к нам ближе, чем он есть сейчас”.

Лаконичность телеграмм пришлась не по душе многим интеллектуалам. Телеграф не только открыл доступ к большому количеству источников информации, но и сильно упростил публичный дискурс. Более чем за столетие до того, как сходные обвинения были выдвинуты в отношении “Твиттера”, культурная элита викторианской Англии озабочилась тривиализацией публичного дискурса под влиянием наплыва срочных новостей и “снимков”. В 1889 году “Спектейтор”, одно из лучших изданий Британской империи, распекал телеграф за “широкое распространение того, что называют ‘новостями’, за учет всех событий, особенно преступлений, происходящих повсюду, без заметных перерывов. Постоянное распространение фрагментарных высказываний... в итоге, надо полагать, разрушит рассудок всех, к кому обращается телеграф”.

“Глобальная деревня”, которую построил телеграф, имела свои достоинства и недостатки. Современник британской колониальной экспансии в Индии отметил, что “общность чувств и действия, которая составляет империализм, едва ли была возможна без телеграфа”. Томас Миза, историк технологии из Университета Миннесоты, отмечает, что “телеграфные линии были настолько важны для империи, что в Индии их прокладывали прежде железнодорожных путей”. Помимо телеграфа и многие другие технические новшества способствовали экспансии. Любители рассуждать об освободительной роли технологий редко упоминают о том, что получение хинина, который помог победить малярию и снизил риск заболевания редкими тропическими болезнями, устранило главную преграду на пути колониализма. Или о том, что изобретение книгопечатания способствовало становлению

общего национального самосознания испанцев и подвигло их на колонизацию Латинской Америки.

Когда телеграф оказался неспособен оказать желаемый эффект на общество, взоры обратились к самолету. Джозеф Корн в своей книге 2002 года “Крылатая весть” описал всеобщий восторг, которым сопровождалось появление самолета. По словам Корна, в 20-х и большей части 30-х годов многие “ждали, что самолет поможет распространению демократии, равенства и свободы, облагородит общественные вкусы и распространит культуру, избавит мир от войны и насилия, даже даст начало новому виду человеческих существ”. Современник, по-видимому позабывший об экономических силах мирового капитализма, радовался тому, что самолеты открыли “царство абсолютной свободы: никаких дорог, никаких монополий, никакой нужды в тысячах рабочих, увеличивающих издержки”. А редактор журнала “Флаинг” (аналог современного “Уайерд”) в 1915 году с восторгом провозгласил, что Первая мировая будет “последней большой войной в истории”, поскольку “меньше чем через десятилетие” самолет устранил сами причины войн и ознаменует наступление “нового периода отношений между людьми” (по-видимому, Адольф Гитлер не был подписчиком “Флаинг”). Это был самый настоящий утопический “самолетоцентризм” 1910-х годов.

Но больше всего несбывшихся надежд возлагали на изобретение радио. Его пионеры внесли свой вклад в рекламу демократического потенциала своего изобретения. Гульельмо Маркони, один из отцов революционной технологии, считал, что “наступление эпохи беспроводной связи сделает войну невозможной, поскольку война станет просто смешной”. Джеральд Своуп, президент компании “Дженерал электрик”, в свое время один из главных коммерческих спонсоров радио, в 1921 году радостно объявил, что оно есть “средство достижения всеобщего и вечного мира на Земле”. Ни Маркони, ни Своуп не могли предвидеть, что семьдесят лет спустя две радиостанции спровоцируют геноцид в Руанде.

Когда в 2009 году основатели “Твиттера” объявили свой сайт “триумфом гуманности”, публике следовало бы воздержаться от аплодисментов до тех пор, пока она не исключит возможность геноцида, спровоцированного “Твиттером” где-нибудь за тысячи миль от Сан-Франциско. Сейчас, как и в прошлом, заявления о всемогуществе какой-либо технологии есть не что иное как плохо замаскированные попытки добиться, чтобы ее не слишком жестко регулировали, ибо кто осмелится указать спасителю рода человеческого его место? Радио на ранних стадиях своего развития казалось способом просветить публику в политических вопросах и поднять уровень политического диалога. Считалось, что его распространение заставит политиков тщательно продумывать свои речи. В начале 20-х годов “Нью репаблик” приветствовал влияние радио на политику: это изобретение “нашло способ обойтись без политических посредников” и даже “возродило демос, на котором зиждется республиканская форма правления”.

Неудивительно, что радио казалось следующей ступенью в политической коммуникации по сравнению с газетой. Одна из газетных передовиц 1924 года заявляла: “Если законодатель обращается к очевидно бессмысленной политике, авторы передовиц должны первыми указать местному сообществу на его скудоумие. Но если радиофоны в законодательных собраниях будущего будут передавать абсурдные разглагольствования политика в эфир, их услышит вся страна”. Так же, как нынешние политики боятся сморозить глупость, которая из-за огласки в Сети может стоить им переизбрания, политики прошлого опасались радио. Тогда полагали, что радио (как интернет в наши дни) меняет природу политических отношений граждан с государством. В 1928 году журнал “Колльерс” объявил, что радио, “используемое должным образом, для народного правительства сделает больше, чем большинство освободительных войн... Радио придает политике личностный характер, делает ее интереснее и важнее”. Всеобщее воодушевление и в этот раз длилось недолго. К 1930 году даже оптимистичный вначале “Нью репаблик” вынес вердикт: “В целом радио в Америке пропадает даром”. В 1942 году Пол Лазарсфельд, известный исследователь коммуникаций из Колумбийского университета, заключил, что “в общем и целом радио оказалось консервативной силой в американской жизни и мало что сделало для общественного прогресса”.

Разочарование было вызвано не в последнюю очередь сомнительной практикой использования радиовещания правительствами. Аса Бриггс и Питер Берк отмечают в своей “Социальной истории медиа”, что “‘эпоха радио’ стала эпохой не только Рузвельта и Черчилля, но также Гитлера, Муссолини и Сталина”. То, что множество диктаторов извлекли из радио пользу, умерило всеобщий энтузиазм по поводу этого СМИ, а его коммерциализация оттолкнула тех, кто надеялся на то, что радио сделает публичные дискуссии серьезнее. Нетрудно представить, какой была бы реакция Лазарсфельда на деятельность Раша Лимбо²².

Ослабление демократического потенциала радиовещания не удержало политических аналитиков, исследователей и предпринимателей нового поколения от столь же громких похвал в адрес телевидения. С 20-х годов Оррин Данлоп, один из первых теле- и радиокритиков газеты “Нью-Йорк таймс”, озвучивал аргумент, уже привычный для тех, кто знаком с историей телеграфа, самолета или радио. “Телевидение, – без тени сомнения заявлял Данлоп, – о знаменует собой новую эру дружественных связей между народами Земли”, поскольку “имеющиеся представления о зарубежных государствах изменятся”. Дэвид Сарнофф, глава Американской радиокорпорации, считал, что близится эра новой “глобальной деревни”: “Когда вполне сбудется предначертанная телевидению судьба... может явиться новое ощущение свободы и... более тонкое и глубокое взаимопонимание между всеми народами мира”.

Ли де Форест, знаменитый американский изобретатель, возлагал большие надежды на образовательный потенциал телевидения. Он полагал, что ТВ сможет даже сократить количество ДТП. “Можно ли вообразить, – вопрошал он в 1928 году, – более могущественный способ обучить людей искусству осторожного вождения по шоссе, чем еженедельная телевстреча с каким-либо честным дорожным полицейским, сопровождаемая показом диаграмм и фотографий?” К сожалению, таких программ на главных американских телеканалах никогда не бывало (и уж тем более в наше время, когда водители попадают в аварии из-за того, что сочиняют эс-эм-эс за рулем, и даже пилоты раскрывают лэптопы посередине полета) – и вовсе не из-за технических препятствий. Зато наблюдались ограниченность политического, культурного, законодательного языка и идеологии того времени, скоро превратившие американское ТВ в то, что Ньютон Майноу, глава Федеральной комиссии по связи США, назвал в 1961 году “обширной пустошью”.

От телевидения, как прежде от радио, ожидали радикального преобразования политики. В 1932 году Теодор Рузвельт-младший (сын будущего президента США, в то время генерал-губернатора Филиппин) предсказывал, что телевидение “оживит интерес нации к тем, кто направляет ее политику, да и к самой политике”. Это, по мысли Рузвельта, приведет к “более осмысленным, более согласованным действиям электората. Люди чаще станут думать самостоятельно и меньше оглядываться на местных членов политических машин”. Томас Дьюи, видный республиканец, в 40-х годах боровшийся за пост президента с Франклином Делано Рузвельтом и Гарри Трумэном, сравнивал телевидение с рентгеном. Он предсказывал, что оно должно “добиться конструктивных изменений в политической агитации”. Любопытный американское ТВ во время избирательной кампании едва ли с этим согласится.

Восторг по поводу телевидения длился долго. Еще в 1978 году Дэниел Бурстин, один из известнейших американских историков XX века, превозносил способность ТВ “распускать армии, увольнять президентов, строить совершенно новый, демократический мир... который никто и вообразить не мог, даже в Америке”. Бурстин написал это, когда многие политологи и политики еще ждали триумфа “теледемократии”, при которой граждане прибегали бы к помощи телевидения не только ради того, чтобы следить за политикой, но и чтобы непосредственно в ней участвовать. (Надежды, что новая технология подтолкнет людей к участию в политической жизни, возникли еще до появления телевидения. В 1940 году Бакминстер Фуллер, американский изобретатель и архитектор, превозносил достоинства

²² Американский консервативный общественный деятель, скандально известный радиоведущий.

“телефонной демократии”, при которой станет возможным “телефонное голосование по всем значимым вопросам, встающим перед Конгрессом”).

Оглядываясь назад, следует признать, что фантаст Рэй Брэдбери был ближе к истине в 1953, чем Бурстин в 1978 году. Брэдбери сказал: “Телевидение – это коварный зверь, это Медуза, которая каждый вечер обращает в камень миллиард людей, смотрящих в одну точку, это сирена, поющая, зовущая, так много сулящая, но дающая так мало”.

Изобретение компьютера вызвало очередной приступ утопической лихорадки. Статья 1950 года в газете “Сэтердей ивнинг пост” сулила, что “думающие машины принесут цивилизацию более здоровую и счастливую, нежели любая, известная до сих пор”. Мы до сих пор живем в эпоху, к которой относятся самые забавные предсказания. И хотя легко утверждать свою правоту с высоты сегодняшнего дня, не стоит забывать, что в развитии радио и телевидения в прошлом веке ничто не было предопределено. Британцы отдали приоритет общественному радиовещанию – и вырастили чудовище Би-би-си. Американцы в силу некоторых культурных и коммерческих причин предпочли политику невмешательства. Можно спорить о достоинствах каждой из этих тактик, но американский медиаландшафт мог быть другим, особенно если к утопическим идеям, проповедуемым теми, кто имел влияние на бизнес, отнеслись бы серьезнее.

Хотя велик соблазн забыть все, чему научила нас история, и отнести к интернету как к абсолютно новому “зверю”, следует помнить, что предыдущие поколения чувствовали то же, что и мы. Они тоже испытывали искушение забыть горькие уроки прошлого и изобрести прекрасный новый мир. Чаще всего это не позволяло им принять верные законодательные решения в отношении новых технологий: как можно регулировать божественное. Особенность интернета состоит в том, что хотя он до сих пор и не выполнил обещания утопистов о мире без экстремизма и национализма, но все же превзошел мечты самых отчаянных оптимистов. Риск в данном случае в том, что, видя сравнительно успешное настоящее этой молодой технологии, кое-кто может решить, что будет лучше оставить ее в покое, а не подвергать какой бы то ни было регламентации. Но признание революционной сути какой-либо технологии не должно быть причиной уклоняться от ее регулирования. Разумное регулирование – это первый признак того, что общество серьезно относится к этой технологии и понимает, что она пришла надолго.

Ни одному обществу еще не удавалось создать принципы регулирования технологии, видя лишь ее светлую сторону, не разобравшись, какой вред она может причинить. Проблема кибероптимизма в том, что он не дает полезного интеллектуального фундамента для какого бы то ни было регулирования. Зачем заботиться о регламентации, если и так все прекрасно? Это возражение имело смысл в начале 90-х годов, когда в интернет могли попасть лишь ученые, которые не могли себе представить, зачем кому-либо может понадобиться рассылать спам. Но когда интернет стал доступнее, стало очевидно, что саморегулирование не всегда уместно, учитывая многообразие пользователей Сети и практик пользования ею.

Двойная жизнь технологий

Современная технология отказывается вести себя так, как задумывали ее творцы, и принимает на себя неожиданные функции и роли. Дэвид Ноубл, плодовитый историк современных технологий, отстаивает эту точку зрения в своей книге “Производительные силы” (1984): “Всякая технология ведет двойную жизнь. В первой она соответствует намерениям своих проектировщиков и интересам власти, во второй – противоречит им, действуя за спиной своих творцов, вызывая неожиданные последствия и порождая неожиданные возможности”. Даже Итиэль де Сола Пул (наивно полагающий, будто информация разрушит авторитаризм) предупреждал, что одной технологии недостаточно для достижения желаемых политических результатов: “Технология определяет ход битвы, но не ее результат”.

Понятно, что футурологи часто ошибаются. Джордж Уайз, историк, связанный с

компанией “Дженерал электрик”, проверил, сбылись ли полторы тысячи предсказаний, сделанных в отношении техники в 1890–1940 годах инженерами, а также историками и другими учеными. Треть предсказаний сбылась, пусть отчасти. Остальные две трети оказались ошибочными или не допускают однозначного толкования.

С точки зрения политики, урок, который следует извлечь из истории техники и многочисленных попыток предсказать ее развитие, заключается в следующем: лишь немногие современные технологии достаточно устойчивы – в своем оформлении, применении и воздействии на публику – для того, чтобы сделать возможным безошибочное политическое планирование. Особенно это касается ранних стадий жизненного цикла технологии. Те, кто разрабатывал в 20-х годах политику “свободы радио”, были, вероятно, сильно удивлены ее последствиями, нередко негативными, проявившимися в 30-х годах. Нынешний интернет – довольно плохой помощник для человека, формирующего политику. В игре слишком много влиятельных игроков: от национальных государств до международных организаций наподобие Международной корпорации по распределению имен и номеров в интернете, от ООН до интернет-пользователей. Если иссякнет запас сетевых адресов, некоторые детали архитектуры интернета могут измениться. Злые силы вроде спамеров и киберпреступников постоянно что-то придумывают. Предсказывать будущее интернета гораздо труднее, чем будущее телевидения: Сеть – это технология, которой легко воспользоваться в самых разных целях.

Подобная непредсказуемость побуждает в высшей степени осторожно относиться к амбициозным и в то же время очень сомнительным политическим инициативам (наподобие защиты свободы интернета), требующим такой степени устойчивости и зрелости, которой у интернета просто нет, хотя сторонники этих инициатив и выступают с установками, каким именно *должен быть* интернет (будто они знают, как решить все проблемы). Однако непослушное орудие в руках самоуверенных людей – прямой путь к катастрофе. Гораздо продуктивнее принять тезис, что интернет очень нестабилен. И вместо того, чтобы пытаться выстроить политику с помощью инструмента, который настолько сложен и капризен, что не дается в руки, или решить потенциально неразрешимые глобальные проблемы, следует начать делать что-либо в меньшем масштабе, позволяющем контролировать, хотя бы отчасти, связи между инструментом и средой, в которой он действует.

Но такая осторожность может встретить поддержку лишь среди интеллектуалов. Несмотря на неизбежную неопределенность, сопровождающую технологии, политикам приходится принимать четкие решения. Поэтому предсказания о том, как техника *должна* себя вести, неизбежны – или нас ждет паралич. Лучшее, что могут сделать политики – это понять, почему столь многие столь часто ошибаются, а после попытаться разработать механизмы и процедуры, которые смогли бы устранить иллюзии из процесса принятия решений.

Главная проблема большинства предсказаний в отношении технологий заключается в том, что они основаны на том, каков мир сейчас, а не на том, каким он станет. Мир, однако, не стоит на месте: политика, экономика и культура постоянно изменяют среду, которой, как предполагалось, займется технология, причем желательно в соответствии с нашими предсказаниями. Политика, экономика и культура в корне меняют и сами технологии. Некоторые из них, например радио, становятся дешевыми и доступными для всех. Другие, вроде самолета, доступны немногим избранным. Более того, по мере развития новых технологий некоторые старые устаревают (например, факсимильные аппараты) или находят новое применение (телевизор как довесок к вашей *Wii*).

Парадоксальным образом технологии, нацеленные на решение определенных задач, могут лишь усложнить их. Рут Шварц Кауэн, историк науки из Университета Пенсильвании, в книге “Больше работы для матери” показывает, что после 1870 года домохозяйки работали все больше и больше, хотя домашнее хозяйство становилось все более механизированным. (Кауэн отмечает, что американская домохозяйка в 1950 году в одиночку делала то, для чего веком раньше требовалась помощь троих-четверых человек.) Кто мог предугадать, что

развитие “устройств, сберегающих силы” приведет к увеличению бремени домашней работы для большинства женщин?

Подобным образом снабжение компьютерами работников отнюдь не привело к увеличению производительности труда последних (“Тетрис”, вероятно, был частью секретного советского плана по подрыву капиталистической экономики). Лауреат Нобелевской премии экономист Роберт Солоу заметил, что “наступление компьютерной эпохи заметно везде, кроме статистики производительности!” Проблема прогнозирования влияния технических новшеств на экономику и общество отчасти заключается в том, что вначале непонятен масштаб их использования. Первые автомобили считались техникой, которая может сделать улицы чище (речь о конском навозе). Выхлопы двигателя внутреннего сгорания, может, и пахли приятнее навоза. Однако если принять во внимание распространенность автомобилей в современном мире, следует признать, что механический транспорт решил одну проблему, но создал другую, более серьезную: загрязнение окружающей среды. Иными словами, будущее какой-либо технологии часто можно описать старой поговоркой: “Это экономика, глупый”²³.

Уильям Галстон, исследователь публичной политики из Брукингского института и бывший советник президента Клинтона, привел убедительный пример того, насколько мы недооцениваем роль экономических сил во влиянии техники на общество. Вообразите, будто в начале 50-х годов состоялась научная конференция, посвященная влиянию телевидения на общество. Делегаты почти наверняка пришли бы к мнению, что телевидение служит укреплению связей в сообществе и приумножению социального капитала. Телевизор в то время был вещью редкой и дорогой, поэтому соседи вынуждены были ходить друг к другу в гости. А теперь представьте себе научную конференцию о проблемах телевидения сегодня: ее участники скорее всего осудят всепроникающую “культуру спален”, когда наличие в доме множества телевизоров рушит не то что отношения между соседями, но даже внутрисемейные связи.

Еще одна причина, в силу которой будущее любой технологии трудно предугадать, заключается в том, что исчезновение одних медиаторов нередко сопровождается появлением других. Джеймс Кэри, исследователь СМИ из Колумбийского университета, заметил, что “по мере того, как рушатся границы и общественные формации, возникают новые границы. Нам легче проследить за исчезновением границ”, но мы редко замечаем возникновение новых. В 1914 году журнал “Популярная механика” объявил, что эпоха государств закончилась, поскольку беспроводной телеграф позволяет “гражданину передавать сообщения на большие расстояния без помощи государства или корпорации”. А всего пятнадцать лет спустя горстка корпораций прибрала радиовещательную отрасль к рукам, хотя публика еще и питала некоторые иллюзии насчет того, что радио – это бесплатное и децентрализованное средство коммуникации. (То, что радиоприемники дешевели, только поддерживало эту иллюзию.)

Сходным образом, когда нынешние интернет-гуру пытаются убедить нас, что мы живем в век “бесплатного”, это совершенно не так. Обожаемые миллионами якобы бесплатные ролики “Ю-Тьюба” о “ржачных котиках” хранятся в мощных серверных центрах, обслуживание которых обходится в миллионы долларов (в первую очередь из-за расходов на электроэнергию). Эти неявные издержки рано или поздно вызывают давление на окружающую среду, которое в итоге покажет, насколько дорого в действительности обходятся эти технологии. Еще в 1990 году никто не мог предположить, что “Гринпис” опубликует длинный доклад о влиянии “облачной” обработки данных на окружающую среду, подготовленный учеными, много лет изучающими влияние спама на изменение климата. То, что мы пока не в состоянии оценить издержки данной технологии (финансовые, моральные, экологические), вовсе не означает, что их нет.

²³ Один из лозунгов президентской кампании Билла Клинтона 1992 года. – *Прим. перев.*

Логике здесь не место

Еще одна черта современных технологий, которую упускают из вида ее сторонники, заключается в том, что какими бы они ни были революционными, сами по себе они не разрушают традиции. Еще в 50-х годах предположение, что телевидение укрепит религиозные институты, встретили бы с удивлением. Однако несколько десятилетий спустя Пэт Робертсон и толпа других телепроповедников своим прочным положением в обществе были обязаны именно ТВ. Кто сегодня поручится, что интернет подорвет религиозные институты?

На самом деле, как мы можем судить по подъему национализма и религии в Сети, новые технологии нередко укрепляют старые традиции и содействуют их распространению. Клод Фишер, изучивший распространение телефонной связи в Америке XIX века, в книге “Говорит Америка” пишет, что телефон скорее “распространял и укреплял... существовавший общественный уклад, чем изменял его”. Вместо того чтобы считать телефон средством, которое подталкивает людей навстречу современности, Фишер предлагает подумать о нем, как о “средстве, которым современники пользовались по-разному, в том числе, возможно, и для сохранения и даже укрепления обычаев прошлого”. Чтобы интернет смог сыграть положительную роль в избавлении мира от предрассудков и ненависти, его распространению должны сопутствовать в высшей степени амбициозные смелые социальные и политические реформы, иначе болезни общества будут лишь прогрессировать. Иными словами, какой бы ни была внутренняя логика техники, ее трансформирует логика общества в целом. “Хотя любое средство коммуникации обладает своими собственными характеристиками, особенно в том, каким из человеческих чувств оно благоволит, а какие игнорирует, – отмечает Сьюзан Дуглас, исследователь коммуникаций из университета Мичигана, – экономическая и политическая система, в которой это средство укоренено, почти всегда диктует технические возможности его применения и императивы”.

И все же это обстоятельство редко удерживает армию экспертов от заявлений, будто они разгадали эту логику и досконально выяснили, что же такое радио, телевидение или, например, интернет. Общественные силы, стоящие за новинками, при этом большей частью игнорируются (и, следовательно, ими можно легко пренебречь). Маршалл Маклюэн – первый поп-философ – утверждал, что у ТВ собственная логика: в отличие от печатных СМИ, телевидение побуждает нас восполнять лакуны в изображении на экране, оно шире воздействует на чувства и, наконец, подталкивает нас к возвращению в изначальное племенное состояние (равновесие этого рода Маклюэн явно приветствовал).

К сожалению, пока Маклюэн искал внутреннюю логику телевидения, он не заметил, что ТВ может прибрать к рукам корпоративная Америка и что это окажет на общество эффект гораздо более очевидный (и неприятный), чем перемены в некоем “соотношении чувств”, которое Маклюэн тщательно подсчитал для каждого средства информации.

На международном уровне дела обстоят еще хуже. “Логика”, которую ученые и политики якобы постигли, – это просто интерпретация того, на что способна определенная технология в определенных условиях. Геринг, поставивший радио на службу пропаганде, понимал его логику совершенно иначе, чем, скажем, Маркони.

Таким образом, полное знание о какой-либо технологии мало что говорит нам о том, как именно она влияет на сложное современное общество. Экономист Уильям Шаниэль предупреждает, что, оценивая передачу технологии, “в первую очередь следует обратить на культуру, заимствующую эту технологию, а не на сам материал”, уже потому, что хотя “новая технология и вызывает перемены”, их характер “не предопределен заимствованной технологией”. Вместо этого, пишет Шаниэль, “заимствующее общество адаптирует технологию к собственным социальным процессам”. Когда европейцы заимствовали в Азии порох, они не переняли заодно азиатские обычаи его применения. Порох был заимствован европейскими обществами с их собственными ценностями и традициями.

Интернет – это, конечно, не порох. Интернет гораздо сложнее, и это лишь усиливает необходимость как можно лучше узнать общества, которые предполагается с его помощью

“перестроить” или “демократизировать”. Интернет наверняка их перестроит, но политиков должен беспокоить вектор этой перестройки. А чтобы понять его, нужно избавиться от технологического детерминизма и тщательно изучить нетехнологические факторы, формирующие ту среду, которую политики пытаются трансформировать. Можно согласиться с тем, что на ранней стадии техника воплощает некую имманентную логику, однако по мере ее развития эта логика уступает место более могущественным общественным силам.

Неспособность уловить логику техники отчасти объясняет непонимание Западом важности интернета для авторитарных режимов. Не имея четкого представления о внутренней политике и социальной логике этих режимов, западные наблюдатели решают, что диктаторы и их приспешники не могут использовать интернет для укрепления режима, так как в условиях западной либеральной демократии (эти условия на Западе только и понимают) интернет до сих пор лишь ослаблял государство и способствовал распылению власти. Вместо того чтобы углубляться в постижение логики интернета, западным благодетелям следовало бы составить для себя более четкую картину политической и социальной логики авторитаризма в условиях глобализации. Если у политиков недостает теоретического представления о том, что движет этими обществами, они могут сколько угодно рассуждать об интернете, но это не поможет им выработать действенную политику использования Сети для распространения демократии.

Возможна ли история после “Твиттера”?

Заманчиво видеть в технологии отсутствующее звено, которое может помочь нам связать воедино разрозненные события, известные как “история человечества”. Зачем искать сложные причины, если установление демократических форм правления в Европе можно объяснить одним только изобретением печатного станка? Историк-экономист Роберт Хайлбронер заметил в 1994 году, что “история как цепь случайностей – это картина, которой не может вынести человеческий дух”.

Технологический детерминизм (вера в то, что определенные технологии приводят к определенным социальным, культурным и политическим последствиям) привлекателен именно тем, что “порождает яркие сценарии, понятные сюжеты, а также тем, что он согласуется с преобладающим опытом Запада”, – полагают геоурбанисты Стив Грэм и Саймон Марвин. Когда на одну доску ставятся роль, которую копировальные аппараты и факсы сыграли в событиях 1989 года в Восточной Европе, и роль “Твиттера” в иранских волнениях 2009 года, возникает волнующая и в высшей степени связная интерпретация происшедшего. Она коренится в распространенной вере (которой мы обязаны идеалам Просвещения) в освободительную силу идей, информации и знания. Гораздо проще согласиться, что коммунизм умер, когда советские граждане поняли, что на Западе нет очередей, чем искать правду в длинных, малопонятных докладах о торговом балансе СССР.

По этой причине детерминизм (все равно, социальный ли, постулирующий “конец истории”, или политический, постулирующий конец авторитаризма) – это интеллектуально ограниченный, бездейственный способ изучения прошлого, понимания настоящего и предсказания будущего. Брайан Пфaffenбергер, антрополог из Виргинского университета, считает, что столь многие выбирают детерминизм лишь потому, что это – самый легкий выход из положения: “Принять технологический детерминизм гораздо проще, чем провести полностью учитывающее контекст исследование, в рамках которого люди предстанут активными пользователями передаваемой технологии, а не ее пассивными жертвами”.

От детерминизма страдает не только история, но и этика. Если поступь технологии неудержима и однонаправленна (в чем пытается убедить публику орда техноуру), бессмысленно вставать у нее на пути. Если радио, телевидение и интернет были призваны возвестить о новой эпохе демократии и всеобщих прав, то человеку достается лишь незначительная роль. Но если утверждать, что такая распространенная в прошлом практика как лоботомия была лишь результатом развития техники, защитники лоботомии окажутся ни в чем не виноваты. Технологический детерминизм, таким образом, затушевывает роль тех, кто

принимает решения, и снимает с них ответственность. Артур Уэлцер, политолог из Мичиганского университета, указывает, что “раз мы видим себя беспомощными заложниками всеобъемлющей непоколебимой силы, мы можем сложить с себя моральную и политическую ответственность, которая... критически важна для того, чтобы правильно пользоваться той властью над технологией, какой мы на самом деле обладаем”.

Заняв детерминистскую позицию, мы с меньшей вероятностью поставим перед технологией (и теми, кто на ней зарабатывает) целый ряд этических вопросов, нормальных для демократии. Требовать ли от компании “Тугл” шифрования всех документов, загружаемых пользователями сервиса *Docs* ? Позволять ли “Фейсбуку” и дальше раскрывать данные о пользователях? Следует ли перестать приглашать руководителей “Твиттера” на резонансные мероприятия, устраиваемые правительством США, пока эта компания не присоединится к “Глобальной сетевой инициативе”? Нетрудно представить себе наступление времен, когда эти вопросы будут задавать все реже, причем именно в тех кабинетах, где получить ответы на них особенно важно.

Новые технологии почти всегда вооружали одни политические и социальные группы и обезоруживали другие (иногда одновременно), – но под влиянием технологического детерминизма об этом легко забыть. Нет нужды говорить, что подобная этическая амнезия редко отвечает интересам обезоруженных. Роберт Пиппин, философ из Чикагского университета, считает, что увлечение общества технологиями в ущерб этике достигло той точки, когда “то, что следует рассматривать как случайное, как одну из имеющихся возможностей, открытую для политического обсуждения, вместо этого ошибочно принимают за необходимое. То, что служит частным интересам, бездумно принимается как представляющее всеобщий интерес. Часть принимают за целое”. Руководители “Фейсбука” оправдывают свое пренебрежение конфиденциальностью тем, что общество само идет к этому. Именно такие заявления должны оцениваться с моральной и политической, а не только технологической точки зрения. Пользуясь детерминистским дискурсом, “Фейсбук” маскирует собственную роль в этом процессе.

Аббе Мовшовиц, профессор информатики Сити-колледжа Нью-Йорка, сравнивает компьютер с семенем, а определенные исторические обстоятельства – с почвой, в которую оно падает: “Для того, чтобы добиться роста полезных растений и избавиться от сорняков, нужно правильно выбрать семена, почву и уход. К сожалению, ‘семена’ компьютерных приложений смешаны с семенами сорняков, почва нередко не подготовлена, а наши методы культивирования в высшей степени несовершенны”. Можно упрекнуть Мовшовица в неверном толковании истории техники, но его слова легко трактовать и в более оптимистическом ключе: мы, “земледельцы”, можем вмешаться в процесс на любой из трех стадий, и от нас зависит, при каких условиях мы это сделаем.

Цена невмешательства может оказаться достаточно высокой. Еще в 1974 году английский культурный критик Раймонд Уильямс предупреждал, что технологический детерминизм неминуемо приведет к социальному и культурному детерминизму, который “оправдывает существование нашего общества и культуры в их нынешнем виде и самые выраженные направления их внутреннего развития”. Уильямса беспокоило, что помещение технологии в фокус интеллектуального анализа обрекает нас на то, чтобы видеть в задаче, традиционно понимаемой как политическая, задаче сложной и связанной с этическим и моральным выбором, задачу технологическую, исключаящую или запутывающую все нерешенные философские дилеммы. “Если средство, будь то печатный станок или телевидение, есть причина, – писал Уильямс в своем бестселлере ‘Телевидение: технология и культурная форма’, – то остальные причины, все то, что обычно считают историей, сразу сводятся к следствиям”. По мысли Уильямса, технология возвестила не о конце *истории*, а о конце *исторического мышления*. Если так, то вопрос о справедливости почти теряет смысл.

Уильямс пошел еще дальше. Он заявил, что технологический детерминизм не позволяет нам признавать наличия политического в самих технологиях – какие практики и вытекающие из них последствия технологии склонны поощрять. Непосредственно доступные наблюдению

аспекты технологии, как правило, получают львиную долю общественного внимания и затрудняют оценку ее неочевидных, вредоносных черт. “То, что в любой другой области считается следствием и становится предметом социального, психологического, культурного и морального анализа, – писал Уильямс, – здесь отмечается как нерелевантное по сравнению с непосредственным физиологическим и ‘психическим’ воздействием медиа как таковых”. Иными словами, гораздо легче бранить интернет за то, что он нас оглушает, чем последовательно критиковать с позиций морали его влияние на демократические права и обязанности. Из-за антиисторических воплей об освободительном потенциале интернета сама постановка таких моральных вопросов может показаться еретической. Глядя на то, как мир отреагировал на иранскую твиттер-революцию, трудно не оценить прозорливость Уильямса. Вместо того чтобы говорить о религиозных, демографических и культурных силах, породивших протестные настроения в Иране, все были заняты тем, что превозносили “Твиттер” за его роль в организации манифестаций и сопротивление цензуре.

Точно так же, когда в апреле 2008 года многие западные наблюдатели увлеклись обсуждением египетской “революции ‘Фейсбука’” – тогда интернет помог тысячам молодых египтян собраться, чтобы выразить солидарность с бастующими текстильщиками из бедного промышленного города Эль-Махал-ла-Эль-Кубра, – мало кто удосужился узнать, чего на самом деле хотели рабочие. Как оказалось, они протестовали против низкой зарплаты на своей фабрике. Это выступление, направленное преимущественно на защиту трудовых прав, удачно совпало с широкой, направленной против Мубарака кампанией в поддержку конституционной реформы. По разным причинам вклад рабочих в протест оказался незначительным, а другие попытки устроить “революцию ‘Фейсбука’” (в физическом мире) большого отклика не нашли, хотя и приобрели в Сети сотни тысяч сторонников. Как и ожидалось, западные СМИ уделили основное внимание “Фейсбуку”, а не трудовым вопросам или требованиям к Мубараку отменить режим чрезвычайного положения, введенный еще в 1981 году. Это очередное напоминание о том, что, фокусируясь на технологии, а не на стоящих за ней общественных и политических силах, можно прийти к неверным выводам.

Это и есть самое опасное в технологическом детерминизме: он мешает нам заняться социальными и политическими вопросами, выдавая их за технологические. Техника как кантианская категория миропонимания может оказаться слишком экспансионистской и монополистической, поскольку она вбирает в себя все, что еще не в полной мере понято и классифицировано. Именно это имел в виду немецкий философ Мартин Хайдеггер, когда сказал, что “сущность техники ни в коем случае не есть нечто техническое”. Техника, подобно газу, занимает весь отведенный ей в концептуальном пространстве объем. Поэтому почетный профессор Массачусетского технологического института Лео Маркс считает ее “вредной концепцией”, которая способна “подавлять и запутывать аналитическое мышление”. Он отмечает, что “благодаря своей особой предрасположенности к овеществлению, к приобретению волшебной силы автономной сущности, техника является главной причиной нарастающего чувства... политического бессилия. Популярность убеждения, будто техника – главная сила, формирующая постмодернистский мир, говорит о степени нашего... пренебрежения моральными и политическими стандартами, проявляющегося при принятии важнейших решений о направлении развития общества”.

Пренебрежение моральными и политическими стандартами, о котором предупреждает Лео Маркс, проявляется во внезапном стремлении бороться за свободу интернета, не объясняя при этом, как она соотносится с остальными аспектами политики распространения демократии. Надежда на то, что интернет освободит египтян или азербайджанцев от авторитарного гнета, не оправдывает скрытой поддержки самих источников этого угнетения. Хиллари Клинтон, к ее чести, удержалась от сползания к технологическому детерминизму, заявив в своей речи о свободе интернета: “Хотя ясно, что распространение этих [информационных] технологий преобразует наш мир, однако все еще неясно, как эта трансформация повлияет на соблюдение прав человека и благосостояние большей части населения мира”. Если вслушаться, это звучит очень странно. Вам неясно, как эти технологии

повлияют на права человека? Тогда зачем же вы их распространяете? Такая путаница среди политиков неизбежно будет расти, поскольку они формируют свою стратегию на основе крайне двусмысленной концепции.

По мнению Лео Маркса, сладить с угрозами, которые несет в себе концепция техники, можно, переосмыслив необходимость ее помещения в фокус интеллектуального поиска, не говоря уже о теории действия. Чем больше мы узнаем о технике, тем меньше смысла рассматривать ее саму по себе, в отрыве от других факторов. По словам Маркса, “парадоксальным результатом более глубокого знания и понимания техники становится сомнение в обоснованности помещения ‘техники’ с ее необычайно нечеткими границами в центр дискретного поля специальных исторических (или других научных) знаний”. Иными словами, неясно, что мы выигрываем, рассматривая технику как самостоятельную движущую силу исторического процесса, раз она, как правило, больше скрывает, чем рассказывает об обществе, политике и власти.

Исследования интернета идут в противоположном направлении. Научные центры, занимающиеся изучением интернета, эти интеллектуальные бастионы интернетоцентризма, продолжают появляться в университетах и трудятся над его конкретизацией и деконтекстуализацией. Почти каждая газета или журнал публикует интервью с интернет-гуру, и это достаточно тревожный признак. Какими бы глубокими знаниями об архитектуре интернета и многообразной, занимательной сетевой культуре ни обладали эти эксперты, они не вполне понимают, как устроено общество – даже западное. Интернетоцентризм настолько сильно повлиял на публичный дискурс, что люди, обладающие отрывочными знаниями о современном Иране, воспринимаются как лучшие специалисты по иранской твиттер-революции – как будто чтение твитов может объяснить политику этой чрезвычайно сложной страны лучше, чем внимательное изучение иранской истории.

Почему технологии не бывают нейтральными

Технологический детерминизм столь же опасен, как и его противоположность: слепое отрицание того, что одни технологии в определенных общественных условиях в силу своей природы скорее вызовут определенные социальные и политические последствия, чем другие технологии. В самом деле, нет более банального, широко распространенного и в корне неверного суждения, чем следующее: техника нейтральна. Все зависит от того, как использовать орудие: ножом можно убить человека, а можно и строгать дерево.

О нейтралитете техники на Западе спорили давно. Джованни Боккаччо рассуждал в середине XIV века: “Кому не известно, что для всех живущих вино благотельно... а у кого лихорадка, тому оно вредно? Но если оно вредно для лихорадящих, значит ли это, что оно пагубно вообще?... Равным образом оружие охраняет благополучие желающих жить в мире, и оно же нередко убивает людей, но не потому, что оно само по себе было губительно, а по вине тех, кто употребляет его во зло²⁴”.

О нейтралитете Сети нередко упоминают, когда речь заходит о демократизации. Ларри Даймонд из Гуверовского института отметил, что “техника – это всего-навсего средство, служащее и высоким, и низким целям. Так же, как радио и ТВ могут являться носителями информационного многообразия и поддерживать осмысленный спор, они могут быть привлечены тоталитарными режимами для фанатической мобилизации и тотального государственного контроля”. А Хиллари Клинтон в своей речи о свободе интернета напомнила, что “так же, как из стали можно строить больницы, а можно и делать пулеметы, как атомная энергия может освещать город, а может и сжечь его, современные информационные сети и сопутствующие им технологии можно использовать во благо, а можно и во зло”. Самое любопытное в сравнении интернета с ядерной энергией в том, что оно

²⁴ Перевод Н. Любимова. – *Прим. перев.*

предполагает необходимость усиления, а не ослабления надзора и контроля над интернетом. Никто не станет утверждать, что атомными электростанциями нужно управлять так, как угодно их владельцам. Заявление о “ядерной свободе” как средстве освобождения мира звучит достаточно абсурдно.

Промышленные дизайнеры предпочитают думать, что инструменты обладают некоторыми воспринимаемыми качествами. Эти “приглашающие” качества, или аффордансы, подсказывают нам, но не диктуют, как следует пользоваться этими предметами. Стул может “приглашать” посидеть на нем или выбить им окно (все зависит от того, кто и почему смотрит на стул). То, что некоторая технология полифункциональна и обладает множеством аффордансов, не избавляет нас от необходимости тщательно анализировать ее этическую составляющую, сравнивать возможные результаты ее использования во благо общества с вредными эффектами, оценивать, каким образом – полезным или вредным – она с наибольшей вероятностью будет применяться, и, наконец, принимать решения о том, следует ли законодателям и политикам поощрять эти эффекты или бороться с ними. Так, ядерная технология в теории красива, сложна, безопасна и восхитительно сконструирована. В действительности она обладает одним аффордансом, которому большинство обществ не позволяет себе поддаться (по крайней мере, поддаться, не соблюдая при этом технику безопасности).

Точно так же причина, по которой руководство большинства школ запрещает ученикам носить с собой ножи, заключается в том, что это может привести к кровопролитию. То, что мы точно не знаем, как молодые люди воспользуются ножами, если те окажутся в их руках, – недостаточно убедительный довод в пользу разрешения носить ножи. С другой стороны, наша осведомленность о том, как ножи можно использовать во вред, даже если такая возможность мала, дает нам достаточно данных для ограничения их ношения. Таким образом, большинство обществ не желает испытывать судьбу и поощрять (например, в школах) некоторые аффордансы ножей (например, их способность ранить).

Следовательно, главная проблема тезиса о нейтралитете техники состоит в том, что он абсолютно бесполезен для политики. Этот тезис может послужить хорошей отправной точкой для каких-либо научных исследований, однако он не является фундаментом для чуткой политики, которая нередко заключается в поиске баланса между конкурирующими продуктами в определенных ситуациях. Если техника нейтральна и неизвестно, какое влияние на общество она окажет, то все зависит от того, кто и как ею пользуется, – и тогда оказывается, что политики и граждане могут сделать до обидного мало для контроля над ней. Неправильное обращение с некоторыми простыми технологиями, однако, столь часто встречается и его так просто заметить, что их неуместность в некоторых контекстах совершенно очевидна. Трудно представить человека, который на собрании Ассоциации родителей и учителей стал бы доказывать, что ножи – лишь инструменты, которые могут быть использованы во благо или во зло. Но когда речь заходит о более сложных технологиях (особенно об интернете с его изобилием приложений), их условная нежелательность становится гораздо менее очевидной, за исключением, возможно, самых недвусмысленных обстоятельств (например, когда дети сталкиваются в Сети с порнографией).

Исходя из идеи нейтралитета техники, политикам остается лишь изучать стоящие за ними социальные группы, а не технологии сами по себе. Кто-то скажет, что если интернет служит репрессивным режимам, винить нужно не интернет, а диктаторов. Этот подход тоже безответственен. Даже те, кто утверждает, что логика техники меняется под влиянием логики общества, взявшего ее на вооружение, не предлагают игнорировать логику техники. Иранская полиция может бесконечно изучать социальные сети, однако если “Фейсбук” обеспечит лучшую защиту данных своих клиентов, это затруднит полицейским сбор информации об иранцах в “Фейсбуке”. Точно так же “Фейсбук” может не менять объем личных данных, доступных широкой публике, без предварительного недвусмысленного согласия пользователя.

Таким образом, даже если считать, что авторитарные режимы останутся завязаны

интернет-пользователями, можно осложнить им жизнь. Выход заключается в тщательном изучении логики техники *вместе* с логикой развития общества. Ни при каких обстоятельствах мы не должны ставить технологию (что бы это ни было – мобильные телефоны или интернет) впереди этики. Нередко дизайн технологий просто маскирует идеологию и политические цели их создателей. Одного этого достаточно для привлечения внимания к тому, кто скорее всего выиграет от использования этих технологий, а кто пострадает. То, что технологии могут не достичь целей, определенных их авторами, не должно отвлекать нас от анализа того, насколько приемлемы их изначальные планы. Интернет не является исключением из этого правила. Гибридная природа “веб 2.0”, когда новые приложения можно легко создать на основе старых, – лишь еще одно доказательство того, что интернет преуспел в производстве аффордансов. При этом ничто не указывает на то, что все эти аффордансы будут благоприятствовать демократизации. Каждый из них следует оценивать отдельно, а не прятать за неким мифическим “нейтралитетом орудий”. Нам следует внимательно изучить, какие из новых аффордансов могут оказаться полезны для укрепления демократии, а какие могут ей повредить. И лишь тогда мы поймем, какие из аффордансов стоит культивировать, а каким – противостоять.

Во многих ситуациях аффордансы Сети, такие как возможность сохранить анонимность при публикации деликатной информации, могут быть интерпретированы двояко – если это способ обойти правительственную цензуру, то положительно, а если инструмент эффективной пропаганды или кибератак, то отрицательно. Из этих ситуаций никогда не будет легкого выхода. Но тогда нужно признать, что это сложный вопрос, который следует вынести на демократическое обсуждение.

Глава 11

Дело техники?

В 1966 году журнал Чикагского университета напечатал короткий провокационный текст Элвина Вайнберга, выдающегося физика, главы Окриджской национальной лаборатории, созданной в рамках Манхэттенского проекта. Эту статью, озаглавленную “Может ли техника заменить социальную инженерию?”, можно охарактеризовать как вопль души инженера, который полагает, что “запутанных, бесконечно сложных социальных проблем” можно избежать, сведя их к более простым техническим. А их можно решить, отыскав “быстрые технические решения”, которые “доступны современной технике и которые смогли бы устранить первоначальную социальную проблему (так, что индивиду не потребуется изменять социальные установки) или изменить условия задачи так, чтобы сделать ее решение более реализуемым”.

Одной из причин, по которой статья Элвина Вайнберга привлекла столько внимания, была следующая: окончательным техническим решением, которое, по мнению ученого, должно было положить конец всем войнам, являлась водородная бомба. По мере того, как “провокации, способные привести к крупномасштабной войне, будут нарастать, – писал Вайнберг, – Советы осознают ее разрушительную мощь и займут гораздо менее воинственную позицию”.

Для 1966 года это был весомый аргумент. Статья Вайнберга актуальна и сейчас. “Технические решения” были для Вайнберга столь привлекательны в значительной мере потому, что он разочаровался в противоречивой и заведомо менее послушной альтернативе – в социальной инженерии. Социальные инженеры, в противоположность тем, кто работает с технологиями, пытаются оказывать влияние на настроения в обществе и социальное поведение людей с помощью того, что не-технологи относят к политике, а Вайнберг называет социальными механизмами (образование, нормативно-правовое регулирование, а также сложную смесь стимулов).

Вайнберг, полагая, что техника способна успешнее справиться с теми же задачами,

считал социальную инженерию чересчур дорогой и рискованной. К тому же “технические решения” не требуют серьезных перемен в человеческом поведении и поэтому надежнее. Допустим, что люди подвержены неумеренному пьянству. Пропаганде, взывающей к совести водителей, или ужесточению наказания за вождение в нетрезвом виде Вайнберг предпочел бы изобретение таблетки для нейтрализации алкоголя. Человек по своей природе порочен, и рецепт Вайнберга заключался в том, чтобы признать этот факт и работать с ним. Он не испытывал иллюзий относительно того, что таким образом можно устранить корень проблемы; он знал, что технике это неподвластно. Все, что можно сделать – это смягчить социальные последствия проблемы, “предоставить социальному инженеру более широкие возможности для того, чтобы сделать неразрешимые социальные проблемы более разрешимыми... и выиграть время – тот бесценный ресурс, который превращает социальную революцию в приемлемую социальную эволюцию”. Очень прагматичный подход.

Соображения Вайнберга вызвали горячий спор технологов и социальных инженеров. Этот спор не утихает и сейчас, отчасти потому что “Гугл”, основанный двумя амбициозными инженерами, твердо решившими “привести в порядок мировую информацию и сделать ее повсеместно доступной и пригодной к использованию”, организовал выработку технических решений почти в промышленном масштабе. Сделать все знания мира доступными каждому? Сфотографировать все улицы мира? Пропустить все книги мира через сканер и после посмотреть, что из этого выйдет? Назовите любую проблему, связанную с информацией, и выяснится, что она уже охвачена “Гуглом”.

Почему Сеть – это “окончательное решение”

Виноват в этом не только “Гугл”. Интернет и его принцип “сделай сам” порождает бесконечный поток скороспелых решений. (На ум приходит прозорливое замечание математика Джона фон Неймана: “Человек не может противостоять искушению техническими возможностями. Если он сможет совершить путешествие на Луну, он совершит его. Если он окажется способен контролировать климат, он добьется этого”. В последнем случае фон Нейман ошибся.) С интернетом, кажется, нет ничего невозможного: все на виду, все под рукой. Именно интернет, а не ядерное оружие, кажется окончательным техническим решением всех проблем человечества. Ну конечно, он не решит их, зато сделает менее очевидными и тяжелыми.

По мере того как интернет делает технические решения дешевле, растет искушение применять их все агрессивнее и неразборчивее. И чем проще их воплощать, тем труднее остановиться и сказать, что к ним вообще не стоит прибегать. В большинстве организаций низкие затраты (особенно в периоды глубоких технических перемен) обычно являются достаточно серьезной причиной попробовать нечто новое, даже если в настоящий момент это почти не имеет смысла. Когда техника обещает так много и требует взамен так мало, желание найти быстрое решение становится поистине неудержимым. Перед искушением не могут устоять и политики. Когда выясняется, что создать социальную сеть для оппозиционеров в какой-нибудь авторитарной стране просто и дешево, первой реакцией будет, конечно: да, это нужно сделать. И только позднее приходит в голову, что аккумуляция личных данных всех диссидентов на одном сайте и раскрытие связей между ними может перевесить выгоду от обеспечения их дешевым каналом коммуникации. Чаще всего случается так: если это можно сделать, то это будет сделано. Доменные имена будут куплены, сайты – созданы, активистов отправят в тюрьму, а западные политики решительно осудят нарушения прав человека. Или же, учитывая неоспоримые достоинства сотового телефона для мобилизации, кое-кто начинает восторгаться им и лишь потом осознает, что телефон дает тайной полиции уникальную возможность вести слежку и даже заранее узнавать, где намечается акция протеста.

Проблема большинства технических решений в том, что они сопряжены с такими издержками, о которых не подозревают даже самые рьяные их сторонники. Историк науки

Лайза Рознер утверждает, что “технические решения (поскольку они устраняют симптомы, а не причины) вызывают неожиданные и вредные побочные эффекты, которые могут оказаться даже хуже, чем социальная проблема, которую с их помощью пытались решить”. С этим трудно не согласиться, особенно в случае интернета. Когда цифровую политическую деятельность объявляют новым основанием для ведения кампаний и организации, возникает вопрос, перевесят ли ее побочные эффекты (и расхождения традиционной оппозиции, практикующей политику старого образца – неважно, насколько она рискованна и скучна, – с молодым поколением, увлеченным кампаниями в “Фейсбуке” и “Твиттере”) преимущества, которые дают дешевые и простые коммуникации. Если неявные издержки цифровой политической деятельности предполагают убытки – утрату согласованности действий, принципов или даже угрозу жизнеспособности оппозиционного движения, – то это решение нельзя считать приемлемым.

Другая проблема технических решений заключается в том, что они основаны на столь сложной научной базе, что, как правило, трудны для понимания непрофессионалов. Таким образом, утверждения приверженцев технических решений, обещающих излечить какую-нибудь болезнь общества, почти недоступны для внешней экспертизы. Неудивительно, что всеобщие надежды на избавление от неустраимых прежде социальных проблем с помощью современных технологий позволяют крупным предприятиям скрывать под риторикой свободы и освобождения рекламу собственных коммерческих продуктов. Громче всех о том, что наиболее актуальные проблемы свободы интернета можно устранить, пробив некоторое количество файерволов, трубят те, кто разрабатывает и продает технологии по борьбе с файерволами, и это не случайно. У них нет причин утверждать, что это проблема не технического характера, и им ни к чему раскрывать недостатки собственных разработок. Авторы “Хэйстэк” не особенно распространялись о слабых местах своего ПО (даже на стадии тестирования), а журналистам не пришлось в голову о них расспросить. Как показывает фиаско “Хэйстэк”, даже умение поставить правильный технический вопрос требует хорошего знания общественно-политической ситуации, в которой технология будет использоваться.

Здесь возникает еще одна проблема, которую обычно обходят вниманием: наша растущая привязанность к орудиям, обеспечивающим технические решения, которая сильно затрудняет возможность критиковать правообладателей этих решений. Каждая статья или книга о твиттер-революции – это не триумф человечества, а победа маркетингового отдела компании “Твиттер”. В самом деле, гении маркетинга из Кремниевой долины очень заинтересованы в том, чтобы общественность видела сходство времен холодной войны с нынешними. Ведь “Голос Америки” и “Радио Свобода” все еще в чести у политиков, и рассуждения о “Твиттере” или “Фейсбуке” как их современных эквивалентах работают на известность этих компаний.

О чем мы говорим, когда мы говорим о коде

Тревожнее всего, вероятно, то, что переосмысление социальных проблем как ряда технических задач отвлекает политиков от решения тех проблем, которые по сути нетехничны. Пока СМИ трубят об огромной роли мобильной связи в экономическом подъеме Африки, политики не должны забывать, что это новшество само по себе не избавит африканские народы от всепроникающей коррупции. Для этого нужна сильная политическая воля. А пока ее нет, даже самые удивительные технологии не принесут пользы. Средства, предназначенные для компьютеризации Судана, останутся нетронутыми, а к компьютерам никто не прикоснется до тех пор, пока большинство региональных политиков “чаще носят АК-47 и устраивают засады, чем стучат по клавиатуре ноутбука”, заметил журналист газеты “Файнэншл таймс”.

Более того, при использовании такой многофункциональной техники как мобильный телефон в подобных условиях могут возникнуть побочные эффекты, которые только усугубят существующие социальные проблемы. Кто бы смог предсказать, что узнавшие о достоинствах мобильного банка коррумпированные кенийские полицейские начнут требовать от водителей

взятки не наличными, а электронными деньгами, за движением которых проследить гораздо труднее? В отсутствие сильных политических и социальных институтов современные технологии могут лишь ускорить деградацию государства: легко упустить из виду динамику реальности, когда ты ослеплен блеском технического решения. Так политики рискуют подпасть под гипноз техники и счесть ее панацеей.

Именно над этим иронизировал английский архитектор Седрик Прайс: “Техника – ответ. Но какой был вопрос?”

Когда техническое решение оказывается неудачным, его сторонники обычно спешат предложить взамен другое, более эффективное техническое решение – и тем самым пытаются тушить костер керосином. Они намереваются решить проблемы технологий, добавляя еще больше технологий. Это объясняет, почему мы боремся с изменениями климата, изобретая более экономичные автомобильные двигатели, и защищаемся от неуместного вмешательства интернета в нашу жизнь посредством программ, кодирующих переписку и охраняющих анонимность. Часто эти меры только ухудшают положение, заменяя собою взвешенную дискуссию о причинах проблем, заставляя нас иметь дело с лежащими на поверхности разрозненными симптомами, которые легче устранить. Это рождает бесконечную и очень дорогостоящую игру в кошки-мышки, когда по мере усугубления проблем общество вынуждено оплачивать все новые мощные средства ее решения. Так мы уходим от поиска более эффективного нетехнического решения, которое в краткосрочной перспективе обойдется дороже (в политическом или финансовом отношении), однако может решить проблему раз и навсегда. Мы должны противостоять искушению исправлять ошибки технологий еще более активным их применением.

Что делает большинство западных правительств и институтов, сражающихся с цензурой в авторитарных государствах? Как правило, оплачивает создание таких технологий, которые помогают преодолеть цензурные препоны. Этот путь может быть приемлемым, например, в случае Северной Кореи, рычагов политического и дипломатического давления на которую у Запада не много. Но что делать, когда речь заходит о странах, которые Запад считает своими союзниками?

В этих случаях почти полная поглощенность политиков борьбой с цензурой при помощи антицензурных средств отвлекает их от поиска глубинных причин цензуры, которые в основном связаны с непомерными ограничениями, налагаемыми авторитарными правительствами на свободу слова. Доступность технологий обхода цензуры не должна удерживать политиков от более амбициозных и в конечном счете более эффективных мер. В противном случае и демократические, и авторитарные правительства делают, что хотят. Все довольны: демократические лидеры воображают, что смогли разрушить новую Берлинскую стену, а их авторитарные оппоненты с удовольствием им подыгрывают, так как придумали новые способы контролировать интернет.

В идеале западная кампания против цензуры в тунисском или казахстанском секторах интернета должна строиться в первую очередь на увеличении политического давления на авторитарные правительства, дружественные Западу, и распространяться также на бумажные газеты и журналы. Во многих из этих стран затыкание рта журналистам останется преобладающей тактикой преследования инакомыслящих до тех пор, пока большее число граждан не начнет пользоваться интернетом, причем не только затем, чтобы слать письма или болтать с родственниками, живущими за границей. Помочь горстке таджикских блогеров преодолеть правительственную систему контроля над интернетом – это слишком мало, когда подавляющее большинство граждан Таджикистана узнает новости по радио и ТВ.

Кроме соображений насчет водородных бомб и войны, Вайнберг не сказал ничего о том, как технические решения могут повлиять на внешнюю политику. Тем не менее можно заметить, как тенденция сводить внешнеполитические проблемы к техническим решениям повлияла на западное мышление об авторитаризме и той роли, которую интернет может сыграть в борьбе с ним. Одна из самых удивительных черт аргументации Вайнберга – уверенность в том, что доступность ясных технических решений способна помочь политикам

распознавать задачи, с которыми они сталкиваются. “Социальные задачи в некотором смысле труднее определить уже потому, что их решения всегда неоднозначны, – писал Вайнберг. – Напротив, доступность четкого, безукоризненного технического решения нередко помогает сосредоточиться на задаче, решением которой станет новая технология”.

Иными словами, лишь потому, что у политиков есть “четкое, безукоризненное техническое решение”, помогающее пробить файерволы, они склонны поверить, что проблема в самом деле заключается в файерволах. На самом деле это зачастую не так. С интернетом то же самое: лишь потому, что это окончательное техническое решение может помочь мобилизации людей по определенным поводам, соблазнительно осмыслить проблему с точки зрения мобилизации как таковой. Это одна из тех ситуаций, когда уникальные черты технических решений заслоняют от политиков многочисленные скрытые аспекты проблемы. В итоге политики определяют и решают те задачи, которые можно решить легко и быстро, а не те, которые требуют их первоочередного внимания.

Призывы к решению сложных социальных проблем техническими средствами смахивают на увлечение техникой ради самой техники – доведенным до крайности технофетишизмом, – которому политики должны сопротивляться, иначе они рискуют дойти до того, что начнут прописывать излюбленное снадобье ото всех болезней, исходя только из нескольких общих симптомов и не утруждая себя постановкой диагноза. Безответственно прописывать лекарство от кашля больному раком. Столь же безответственно увеличивать дозу технологий при решении социальных и политических задач, по сути не технологических.

Как приручить коварный авторитаризм

Растущее предложение технических и даже социальных решений предполагает, что проблему авторитаризма можно решить. Но почему бы не признать, что эта задача в принципе неразрешима? Это не означает, конечно, что диктаторы будут всегда. Вопрос скорее должен звучать так: будет ли когда-либо найдено, с точки зрения политического планирования, такое сочетание политических мер и инициатив, которое можно будет счесть “решением” и которое можно было бы после применять в совершенно различных условиях.

В 1972 году Хорст Риттель и Мелвин Уэббер, влиятельные теоретики дизайна из Калифорнийского университета в Беркли, опубликовали статью с непримечательным заглавием: “Дилеммы общей теории планирования”. Статья быстро стала каноническим текстом теории планирования. Там говорится, что с уходом индустриальной эпохи традиционный упор на *эффективность* (выполнение определенных задач при низком расходе ресурсов) сменился вниманием к *результату на выходе*. Это вовлекает планировщика в бесконечные поиски ответа на вопрос, какой результат будет желательным для общества. Но растущая сложность современного общества затрудняет подобные размышления. Когда планировщики начинают “видеть в общественных процессах звенья, связывающие открытые системы в обширные сети, так что выходные данные одной системы предстают вводными для других”, они перестают точно понимать, “где и когда им следует вмешаться, даже если они знают, какие цели преследуют”. В определенном смысле невероятная сложность современного мира привела к параличу планирования: решение прежних задач неминуемо создает новые. Безрадостная перспектива!

Вот что предложили Риттель и Уэббер. Вместо сокрытия растущей неэффективности временных технических и социальных мер планировщики (в том числе и политики) должны встретиться лицом к лицу с мрачной реальностью и усвоить, что тщательное планирование не поможет им решить задачи, над которыми они бьются. Чтобы адекватно оценивать шансы на успех, Риттель и Уэббер предложили делить задачи на “коварные” (*wicked*) и “послушные” (*tame*).

“Послушные” задачи можно точно сформулировать, и можно легко определить, решены они или нет. Решения могут оказаться дорогими, однако их чаще всего можно найти, если есть подходящая комбинация ресурсов. Конструирование экономичного автомобильного

двигателя и шахматный этюд – мат в пять ходов, – вот типичные задачи этого рода.

“Коварные” задачи сложнее. Их трудно сформулировать. Более того, это невозможно сделать, пока не найдено решение. Трудно бывает даже определить, когда это произойдет, поскольку на них не распространяется правило остановки. Кроме того, в любой “коварной” задаче можно увидеть признак задачи уровнем выше. Следовательно, ее нужно решать на максимально высоком доступном уровне, поскольку “если... подступиться к задаче на слишком низком уровне, ее успешное решение может усугубить положение, так как решение высших задач окажется затруднено”.

Решение такой задачи не бывает правильным или неправильным, как в шахматах, – оно или хорошее, или плохое. А если так, то *наилучшего* решения “коварной” задачи быть не может, поскольку то, что хорошо для одних, плохо для других. Более того, невозможно быстро и надежно проверить эффективность таких решений: побочные эффекты могут проявиться спустя некоторое время. К тому же любое такое решение применяется лишь однократно. Поскольку нет возможности тренироваться и ошибаться, каждая попытка засчитывается. И, в отличие от проигранной шахматной партии, которая редко влияет на другие игры или игроков, неудачное решение “коварной” задачи влечет за собой долгосрочные, главным образом непредсказуемые последствия, проявляющиеся там, где их меньше всего ждут. Каждое решение, по мнению авторов статьи, “оставляет следы, которые нельзя уничтожить”.

Статья не только систематизирует проблемы планирования. В ней есть и моральный императив. Риттель и Уэббер считали, что задача планировщика состоит не в отказе от борьбы, но в том, чтобы распознать все сложности и понять, как отделить “коварные” задачи от “послушных”, не в последнюю очередь потому, что “для планировщика с моральной точки зрения неприемлемо рассматривать ‘коварную’ задачу так, как если бы она была ‘послушной’”. По мнению авторов, планировщик, в отличие от ученого, не вправе ошибаться: “В сфере планирования... цель заключается не в том, чтобы отыскать истину, а в том, чтобы улучшить в некоторых отношениях мир, в котором живут люди. Планировщики ответственны за последствия своих действий”. Это внушительный нравственный императив.

Даже если Риттель и Уэббер сочиняли статью, имея в виду узкоспециальную внутреннюю политику, все, кому небезразлично будущее распространения демократии и внешней политики в целом, правильно сделают, если последуют их совету. Современный авторитаризм – по сути своей “коварная”, а не “послушная” задача. Ее нельзя “решить” или “рассчитать” при помощи нескольких строчек гениального компьютерного кода или сногшибательного приложения к айфону. Самая серьезная ошибка интернетоцентричных инициатив кроется в том, что они ошибочно трактуют “сверхковарные” задачи как “послушные” и, следовательно, позволяют политикам забыть, что выбор одного решения из нескольких сам по себе чреват политическими последствиями. Это ведь не шахматы. При этом трудно отрицать, что хотя “коварные” задачи не поддаются легким решениям, это не значит, что одни решения эффективнее (или хотя бы нанесут меньший вред), чем другие.

С этой точки зрения “война с авторитаризмом” (так же, как ее младшая сестра, “война за свободу интернета”) столь же ошибочна, как и “война с терроризмом”. Такая риторика не только маскирует “коварную” суть многих задач, которые ставит авторитаризм, не только скрывает множество сложных связей между ними, но и ошибочно предполагает, будто эту войну можно выиграть, если пустить в ход надлежащие ресурсы. Громкие слова мало помогают политике, который должен уяснить, как именно определенные “коварные” задачи связаны с контекстом, как можно их вычленивать и начать решать, контролируя побочные эффекты. Необходимо отказаться от претенциозности и напыщенности (качеств, присущих двусмысленным формулировкам вроде “свободы интернета”) в пользу обстоятельности и точности.

Не поможет и допущение, будто “коварные” задачи под лозунгом борьбы за свободу интернета можно свести к “послушным”. Западные политики, конечно, могут стремиться подорвать три информационных столпа авторитаризма (пропаганду, цензуру, слежку), однако они не должны упускать из виду, что эти столпы очень прочно связаны, и, пытаясь уничтожить

один из них, политики невольно могут подпереть оставшиеся. Даже их восприятие этой троицы может оказаться лишь продуктом ограниченности их собственных познавательных способностей, когда им видятся столпы, которые они *могут* разрушить, вместо тех, которые *следует* разрушить.

Надо быть готовым и к тому, что “коварные” задачи вряд ли можно будет когда-нибудь решить в глобальном масштабе. Некоторые локальные успехи (желательно не в области риторики) – это все, на что может рассчитывать политик. Следуя известному замечанию философа Карла Поппера, вместо того чтобы увлекаться утопической социальной инженерией (то есть предпринимать амбициозные, противоречивые и нередко в высшей степени абстрактные попытки переделать мир согласно некоему грандиозному плану), политикам следует сосредоточиться на поэтапной социальной инженерии. Это не столь амбициозный, но порой гораздо более эффективный подход. Действуя в меньшем масштабе, можно, тем не менее, осознавать сложности реального мира, яснее предвидеть негативные последствия и справляться с ними.

Пророчества или прибыль?

Технофетишизм и постоянный спрос на технические решения неминуемо порождают спрос на технологическую экспертизу. Но мало кто из таких экспертов, превосходно знакомых со своим предметом, имеет представление о сложном социальном и политическом контексте, в котором будут применяться предлагаемые ими решения.

Тем не менее всякий раз, когда нетехнические проблемы рассматриваются сквозь призму технологий, последнее слово остается за техническими экспертами. Они придумывают решения, которые часто оказываются гораздо сложнее решаемых задач, а оценить эффективность этих решений порой невозможно: одновременно применяются сразу несколько способов, и трудно проверить, как действует каждый в отдельности. Сами эксперты не вполне контролируют технологии, поскольку эффект от их применения непредсказуем. Тем не менее это не мешает изобретателям утверждать, что все идет по плану. Трудно не согласиться с философом Джоном Серлом из Калифорнийского университета в Беркли, который писал, что “две худшие вещи, которые могут сделать эксперты, когда пытаются объяснить... технические вопросы широкой публике, – это, во-первых, создать у читателей впечатление, будто они понимают то, чего на самом деле не понимают, а во-вторых, создать впечатление, будто их теория проверена, в то время как это не так”.

Велики шансы на то, что пророки от техники, призванные привести нас к светлому цифровому будущему, преуспеют в решении вовсе не тех задач, которые следует решать. Предлагаемые ими решения – технические по определению, поскольку эти провидцы приобрели вес в обществе, именно воспевая преимущества технологий (журналист и писатель Чак Клостерман ехидно заметил, что “то, насколько высоко человек оценивает интернет, пропорционально тому, насколько ценным интернет делает этого человека”). Оттого, что единственное снадобье, которым располагают эти провидцы – интернет, неудивительно, что его они и предписывают против любого социального или политического недуга.

Интернет для цифровых провидцев – нечто вроде швейцарского армейского ножа, годного для любой работы. Они редко предупреждают нас об информационных “черных дырах”, создаваемых интернетом: от разрастающегося аппарата слежки, которой способствует публичность социальных сетей, до живучести пропаганды и мифов: ведь их гораздо проще изобретать и распространять в среде, где любое маргинальное движение ведет блоги, строчит в “Твиттере” и “Фейсбуке”.

Политический философ Лэнгдон Уиннер был прав, когда заявил в 1986 году: “Сам динамизм технической и экономической деятельности в компьютерной промышленности почти не оставляет ее сотрудникам времени оценить историческое значение того, что они делают”. Уиннер не мог предвидеть, что ситуация только ухудшится в эпоху интернета, когда развязанная им перманентная техническая революция еще сильнее сократит время и

пространство для размышления. И все же соображение Уиннера о том, что “не спрашивай, не говори” – это “негласный лозунг современных технопророков”, верно и сейчас. Технофетишизм, соединенный с сильной склонностью к популизму (который выражается в возможности для “мальчиков” из группы поддержки, теперь вооруженных айфонами и айпадами, почувствовать себя важными персонами), заставляет большинство интернет-гуру воздерживаться от неудобных вопросов о социальных и политических последствиях использования интернета. Да и зачем им задавать эти вопросы, если может оказаться, что они почти не способны повлиять на ситуацию? По этой причине картина будущего, которое рисуют такие гуру (а она должна быть правдоподобной, чтобы подтвердить, что их “решения” в самом деле работают), редко учитывает опыт прошлого.

Технологи, особенно “пророки”, которые объясняют широкой публике, как работают технологии, “в основном распространяются о сегодняшнем или завтрашнем дне и прискорбно мало внимания уделяют прошлому”, – заметил однажды историк техники Говард Сигал. Это, вероятно, объясняет, откуда берутся утопические домыслы, сопровождающие всякое новое изобретение. Как правило, те, кто предпочитает яркие фантазии о неведомом будущем погружению в мрачное прошлое и кто позволяет себе самые смелые заявления об историческом значении любой новой технологии, особенно если она вот-вот попадет на обложку журнала “Тайм”, – не историки техники, а футурологи.

В итоге неумеренный оптимизм по поводу возможностей новых технологий, граничащий временами с иррациональным восторгом, появляется даже у людей, превосходно знающих историю, общество и политику. Хорошо это или плохо, но у многих из них нет сил и времени, чтобы изучить, как новые приложения к айфону повлияют на прогресс цивилизации и есть ли нужда в срочном экспертном заключении о том, как техника на самом деле изменяет мир. Благодаря их громким заявлениям об очередной цифровой революции многие интернет-гуру оказываются советниками влиятельных людей, поступают своей интеллектуальной честностью и обеспечивают господство интернетоцентризма в политическом планировании на будущие десятилетия.

Ханна Арендт, один из величайших публичных интеллектуалов Америки, поднимала эту проблему еще в 60-х годах, когда “научно мыслящие головы” начали проникать во власть и оказывать влияние на государственную политику. Одним из таких людей был Элвин Вайнберг; другой, вундеркинд с пристрастием к компьютерному моделированию Роберт Макнамара, был назначен ответственным за войну во Вьетнаме. “Беда [этих советников] не в том, что они недостаточно хладнокровны для того, чтобы ‘помыслить немыслимое’, – указывала Арендт в работе “О насилии”, – а в том, что они не ‘мыслят’... Вместо того чтобы заняться старомодной, не поддающейся ЭВМ деятельностью, они полагаются на выводы из гипотетических построений, не имея, однако, возможности проверить свою гипотезу в реальных обстоятельствах”. Достаточно и короткого взгляда на преувеличенные, надуманные высказывания по поводу иранской твиттер-революции, чтобы убедиться, что с тех пор изменилось немного.

Ханну Арендт волновало не только прославление технического, по большей части количественного знания, за счет эрудиции. Она опасалась, что растущее доверие к скороспелым пророчествам, звучащим из уст эгоистов-технопророков, и к футурологическим теориям, ежечасно ими выдаваемым, помешает политикам распознать политическую природу выбора, стоящего перед ними. Арендт опасалась того, что такие теории “из-за своей внутренней согласованности... оказывают гипнотический эффект. Они усыпляют наш здравый смысл”. Парадокс современного мира, зависящего от технологий сильнее, чем когда бы то ни было, таков: чем прочнее они входят в политическую и общественную жизнь, тем меньше внимания люди уделяют социальным и политическим аспектам технологий. Политики должны противостоять попыткам отделить политику от техники, они просто не могут себе позволить поддаться тому аполитичному гипнозу, которого опасалась Арендт. Интернет слишком важен, чтобы относиться к нему легкомысленно или отдать на откуп всезнающим консультантам. Быть может, нельзя предсказать, каким будет его влияние на ситуацию в

конкретной стране, но глупо отрицать это влияние. Как именно заинтересованные стороны (граждане, политики, институты, журналисты) могут повлиять на политическое будущее этой технологии – это ключевой вопрос для любой демократической страны.

За рамками технического анализа остается не только политика: человеческая природа ему тоже неподвластна. Объявить, что общество вступило в новую эпоху и усвоило новые экономические принципы, недостаточно ни для того, чтобы сделать человека неуязвимым для пороков, ни для того, чтобы во всем мире начали уважать гуманистические ценности. Люди по-прежнему жаждут власти и признания вне зависимости от того, участвуют ли они в предвыборной гонке или коллекционируют френдов. Джеймс Кэри, исследователь СМИ из Колумбийского университета, заметил, что “‘новые’ мужчина и женщина ‘новой эпохи’ поражают той же самой смесью алчности, гордыни, высокомерия и жестокости, что известна нам из истории и собственного опыта”. Техника меняется быстро, человеческая природа – едва ли.

То, что добродетели хотят как лучше, не смягчает катастрофические последствия их неспособности (или недостатка старания) в полной мере учитывать социальное и политическое измерения техники. Немецкий психолог Дитрих Дернер в книге “Логика неудачи” (виртуозное объяснение того, как предрассудки людей, принимающих решения, могут осложнить существующие проблемы и привести к гораздо более пагубным последствиям предлагаемых ими шагов) заметил, что “далеко не ясно, что принесло больше вреда миру – ‘благие намерения плюс глупость’ либо ‘дурные намерения плюс ум’”. Сам факт того, что мы собираемся поступить как лучше, должен заставить нас задуматься: по мнению Дернера, “некомпетентные люди, имеющие благие намерения, редко сомневаются в своей правоте, тогда как сомнения иногда останавливают компетентных людей с дурными намерениями”.

После утопии: манифест киберреалистов

Несколько месяцев спустя после речи Клинтон об интернете Итан Цукерман, старший научный сотрудник Беркмановского центра по изучению интернета и общества в Гарварде, признанный эксперт по цензуре в интернете, выступил с резкой статьей “Свобода интернета: идем в обход”. Она стала первой серьезной попыткой разобраться с политическим употреблением нового излюбленного словечка официального Вашингтона. Цукерман привел важный довод: одного только создания средств преодоления авторитарных киберстен недостаточно, поскольку в Китае слишком много интернет-пользователей, а перед свободой выражения в Сети слишком много преград нетехнического свойства. “Мы не можем избежать цензуры... Опасность, которую таит призыв госсекретаря Клинтон, состоит в том, что мы прибавляем шаг, идя в неверном направлении”, – полагает он.

Кроме того, Цукерман прояснил несколько теорий, которые помогают понять, как интернет может подтолкнуть авторитарные режимы к демократизации. “Чтобы выяснить, как добиться свободы интернета, нам надо попытаться ответить на вопрос, как интернет изменяет закрытые общества”, – писал Цукерман. Он перечислил три приемлемых ответа. Первый – обеспечение доступа к скрываемой властями информации со временем может заставить людей изменить мнение о правительстве и приблизить революцию. Второй – если у граждан будет доступ к социальным сетям и средствам коммуникации наподобие “Скайпа”, они смогут успешнее планировать и вести антиправительственную деятельность. Третий ответ – интернет, предоставляя площадку для обсуждения самых разных идей, со временем вырабатывает новое поколение лидеров с более современными требованиями.

Цукерман справедливо указал, что у всех этих подходов есть свои плюсы. Он предполагает, прямо или косвенно, что у американского правительства есть отдельный фонд, деньги из которого тратятся на защиту свободы интернета; что большая часть этих средств предназначена скорее для реализации технических, а не политических решений; и что лучше отдавать предпочтение самым необходимым инструментам. Предложение Цукермана таково:

политикам следует выбрать одну из этих стратегий и уже на основании своего выбора распределять ресурсы. Так, если они стремятся поднять народы на борьбу с властями, следует прежде убедиться, что инструменты вроде “Твиттера” и “Фейсбука” широко доступны и устойчивы к попыткам их заблокировать и *DDoS* -атакам. Если же политики склоняются к принятию теории “освобождения с помощью фактов”, им следует сосредоточиться на обеспечении доступа к блогам оппозиционеров, а также сайтам наподобие “Википедии”, Би-би-си и т. п.

Вместо того чтобы предлагать еще одну теорию в дополнение к цукермановским, следует задуматься, что изначально порождает нужду в таких теориях. Хотя трудно не согласиться с его предупреждением, что политики в поисках химеры сетевой свободы могут двигаться в неверном направлении, пропагандируемая Цукерманом неовайнбергианская философия действия кажется гораздо более сомнительной. Такой ход мыслей основан на убеждении, будто политики, усвоившие “логику” интернета (а она, по мнению Цукермана, поощряет борцов с авторитаризмом и властью, но как именно, мы еще не понимаем), смогут выработать более успешную сетевую политику и необходимые технические решения для достижения целей этой политики. Таким образом, с точки зрения Цукермана, важно сначала сформулировать как можно больше теорий, объясняющих, как интернет может трансформировать авторитарные режимы, а после действовать в соответствии с той, которая наилучшим образом соответствует эмпирической реальности.

Умственные упражнения на выдвижение и отбрасывание теорий могут также придать смысл выражению “свобода интернета”, которое даже Цукерман считает на данный момент бессодержательным. Тревожнее всего, что соглашаясь с тем, что свобода интернета – это ненадежный фундамент внешней политики, Цукерман все же стремится предложить – отчасти цинично – всевозможные рецепты исправления этого “фундамента”, чтобы он простоял на год или два дольше. К сожалению, редкие интеллектуалы, которые знают достаточно и об интернете, и об остальном мире (Цукерман, например, – еще и эксперт по Африке), предпочитают заниматься поиском мелких улучшений в целом неверной политики. Они не могут или не желают признать порочность пронизывающего ее интернетоцентризма и отказаться от нее целиком. То, что Госдеп США финансирует некоторые гарвардские проекты Цукермана, о чем тот упоминает в своей статье, делу не помогает.

Еще более серьезный изъян в подходе Цукермана: если “логика” интернета не оправдывает ожиданий и оказывается трудноуловимой, несуществующей или по сути антидемократичной, то вся остальная программа действий тоже рассыпается, она в лучшем случае неуместна, а в худшем – дезориентирует. О том, что интернет может не только расшатывать, но и, напротив, укреплять авторитарные режимы, что брать его за основу внешней политики значит помогать интернет-компаниям избегать заслуженной критики, что следование абстрактной цели распространения свободы интернета затрудняет анализ остальных аспектов внешней и внутренней политики – обо всем этом трудно догадаться, когда изобретаешь теорию для оправдания склонности к киберутопизму или интернетоцентризму. В итоге многие из этих проблем остаются без внимания при выработке политики будущего.

Я вижу выход в том, чтобы не изобретать все новые теории до тех пор, пока они не совпадут с априорными представлениями о том, какова логика интернета или какой ей следует быть. Вместо этого следует изобрести философию действия, которая помогла бы выработать политику, вообще не опирающуюся на такую логику. Но, хотя становится очевидным, что политикам необходимо отвергнуть и киберутопизм, и интернетоцентризм – уже потому, что это не дает результатов, – пока неясно, что займет их место. Каким будет альтернативный, более приземленный подход к политике цифровой эпохи, который можно назвать киберреализмом?

Вот несколько предварительных замечаний, которые теоретики, возможно, найдут полезными для себя. Вместо того чтобы пытаться возвести новый сияющий столп внешней политики, киберреалисты попытаются подыскать Сети место среди уже существующих столпов, в частности, в региональных подразделениях, сотрудники которых уже глубоко

вникли в местную политическую обстановку. Вместо того чтобы вырабатывать решения, касающиеся интернета, централизованно, прибегая к помощи избранных представителей киберэлиты, которые прекрасно ориентируются в мире стартапов “веб 2.0”, но ничего не смыслят в китайской или иранской политике, киберреалисты бросят вызов подобной централизации. Они переложат как можно больше ответственности за интернет-стратегию на плечи тех, кто отвечает за региональную политику.

Вместо того чтобы задаваться слишком общим, абстрактным и вневременным вопросом: “Как интернет изменяет закрытые общества?”, они сформулируют другой: “Как интернет влияет на нашу текущую политику в отношении государства икс?” Вместо того чтобы действовать в поле утопического и антиисторического, не видя связей между событиями внутренней и внешней политики, киберреалисты будут искать высокочувствительные точки соприкосновения этих двух сфер. Они сумеют выразить в конкретных терминах, как отдельные решения в сфере национальной политики могут затруднить достижение внешнеполитических целей. Киберреалисты откажутся от черно-белой картины мира и поэтому не станут называть политическую деятельность в интернете полезной или вредной, основываясь лишь на ее целях, затратах и отдаче. Вместо этого они взвесят, нужно ли поддерживать эту деятельность, исходя из насущных политических нужд.

Киберреалисты не станут искать технических решений для задач политических по сути и не будут делать вид, что такие решения в принципе возможны. Они не будут притворяться, что проблема свободы слова в интернете является более насущной, нежели проблема энергоснабжения, когда на самом деле это не так. Их утверждения будут основаны лишь на фактах, а не на оценках – вполне вероятно, что свобода слова должна беспокоить больше, чем проблема энергоснабжения, но киберреалисты не согласятся с тем, что столь радикальное изменение системы ценностей может или должно произойти только под влиянием интернета.

Киберреалисты не пустятся на поиски средства, которое одним или парой ударов прикончит авторитаризм, поскольку даже мечтам о таком средстве не будет места в их политической программе. Вместо этого киберреалисты сосредоточатся на оптимизации процессов принятия решений и на обучении – в надежде на то, что верное соотношение бюрократических сдержек и противовесов в совокупности с правильным движущим механизмом позволит распознавать “коварные” проблемы, прежде чем те будут ошибочно приняты за “послушные”, и быстро догадываться, как то или иное решение проблемы интернета может осложнить решение других задач, с интернетом не связанных.

Но важнее всего то, что киберреалисты не позволят вовлекать себя в пустой спор о том, вредит интернет демократии или, напротив, способствует ее процветанию. Вместо этого они согласятся с тем, что интернет способен вызывать различные политические эффекты в различных средах и что главная задача политика заключается не в том, чтобы философски осмыслить влияние интернета на общество в целом, а в том, чтобы сделать интернет союзником в достижении определенных политических целей.

Киберреалисты признают, что, продолжая заигрывать с интернетоцентризмом и киберутопизмом, политики играют в опасную игру. Они не только упускают массу малых шагов по пути к демократизации, предоставляемых интернетом, поскольку страдают дальновзоркостью, но также подспудно содействуют диктаторам и превращают всякого интернет-пользователя, живущего в авторитарном государстве, в невольного узника. Киберреалисты будут настаивать, что это слишком дорогой и неэффективный способ поддержки и распространения демократии. Хуже того, он грозит подорвать или вытеснить более дешевые и действенные альтернативы. С точки зрения киберреалистов, поддержка и распространение демократии – слишком важные вещи для того, чтобы доверять их лаборатории из Кремниевой долины, славящейся любовью к экзотическим экспериментам. Но главное – киберреалист уверен: даже если цифровой мир пренебрегает законами гравитации, это не означает, что он отрицает законы разума.

Послесловие к изданию в мягкой обложке

Публиковать весной 2011 года книгу об интернете и демократии в чем-то сродни тому, чтобы печатать книгу о Восточной Европе после лета 1989 года. Все интересуются вашим мнением – и лучше, если оно не совпадает с общепринятым, – но вы хорошо понимаете, что читатель будет оценивать не только вашу аргументацию, но и то, как она соотносится с реальными событиями.

Предвидел ли я, что публикация моей книги вызовет ажиотаж? Разумеется, нет. Сначала эпопея с участием “Вики-ликс”, а следом “арабская весна” сделали тематику моего исследования центральной в общественной дискуссии. Мало кому из публицистов доставалось (во всех смыслах) подобное внимание. Дискуссия, которую вызвала книга (лишь на английском языке появилось более сорока обстоятельных рецензий), оказалась столь же увлекательной, как и работа над ней.

Выдержала ли моя книга испытание событиями 2011 года? Думаю, что да. Заголовки сегодняшних новостей об интернете и политике вряд ли удивят моих читателей. Западные политики продолжают рассуждать о Сети так, будто можно четко разграничить ее национальную и глобальную составляющие, а это, увы, невозможно. Парадокс, заключающийся в том, что западные политики защищают свободу интернета за границей, одновременно ограничивая ее в собственных странах (это центральная тема книги), стал особенно очевиден во время скандала [2010 года], вызванного утечкой американской дипломатической переписки (*Cablegate*). Угроза Дэвида Камерона выключить “Фейсбук” и “Твиттер” во время лондонских погромов резко контрастирует с его восторгами по поводу благотворного влияния интернета на авторитарные режимы. Американские сенаторы осудили отключение интернета в Египте, однако поспешили принять закон, предусматривающий такую меру у себя дома, еще раз доказав свою приверженность борьбе за свободный и независимый интернет для кого угодно, кроме Америки.

Хотя все это лицемерие заметно каждому, кто возьмет на себя труд присмотреться, западные правительства удвоили усилия по защите свободы интернета, особенно после “арабской весны”. Политика, направленная на защиту свободы Сети, остается в силе, однако ее интеллектуальный фундамент шаток как никогда. И это главная причина, по которой эта книга сейчас нужнее, чем прежде: хотя искушение творить добро при помощи интернета сильно, мы по-прежнему слабо представляем себе, как сделать так, чтобы не навредить. Более того, западные политики все еще не смеют признать, что угроза свободе интернета таится главным образом дома, а не исходит от авторитарных государств.

Рынок электронной слежки переживает бум. Недавние попытки ФБР убедить интернет-компании снабдить свои продукты “потайными дверцами”, чтобы сделать их удобнее для слежки, еще сильнее подорвали доверие к усилиям по защите свободы интернета. В то же время (как я и предполагал) развивающиеся страны (особенно Россия, Китай и Иран) начали пытаться уменьшить свою зависимость от американских технологий. Правительства подозревают, что эти технологии содержат “потайные дверцы” или могут быть использованы для организации беспорядков.

Авторитарные правительства расширили свои шпионские операции. Сообщение о том, что *DigiNotar* (один из центров сертификации, удостоверяющий, что посещаемые нами сайты действительно то, чем они кажутся) был взломан иранским хакером-лоялистом (это дает возможность правительству Ирана шпионить за миллионами интернет-пользователей), только подтверждает растущую изоционность авторитарной политики. К сожалению, это не единичный случай.

“Арабская весна” недвусмысленно показала, что приручить интернет авторитарным режимам помогают западные консультанты и западные же технологии. Мало где на Ближнем Востоке и в Северной Африке западные фирмы не торгуют оборудованием для слежки или осуществления цензуры. Американские дипломаты, между тем, продолжают смотреть на происходящее сквозь пальцы. В конце 2010 года Госдеп вручил компании *Cisco* (она помогла

правительству КНР возвести Великий китайский файервол) награду за “корпоративные достижения”.

Одновременно компании наподобие “Гугла” и “Фейсбука” продолжают трансформировать интернет в соответствии со своими корпоративными стратегиями, делая его более прозрачным, эффективным и упорядоченным – но и менее анонимным и, следовательно, гораздо менее пригодным для инакомыслия. Попытка “Фейсбука” заняться развитием технологии распознавания лиц и ее недавние признания, что компания следила за клиентами даже тогда, когда они выходили из системы, а также изначальный отказ “Гугла” от использования псевдонимов в социальной сети *Google+*, – все это свидетельствует о том, что сама по себе интернет-культура становится все более враждебной к определенным видам сетевой активности (несмотря на то, что “Фейсбук” и “Гугл” хвалят за участие в демократических революциях).

Усиливающееся нежелание Кремниевой долины принимать на себя социальную ответственность вместе с правами, которые дает ей распоряжение цифровыми “агорами”, и растущее восхищение публики ИТ-компаниями – еще одна причина занять более трезвую позицию и проследить культурные истоки нашего благожелательного отношения к этим титанам бизнеса. К сожалению, здесь Вашингтон мало чем поможет: политические деятели, нуждающиеся в пожертвованиях, отчаянно ищут расположения свежее испеченных миллиардеров из компаний “Фейсбук”, “Гугл” и “Твиттер”. К тому же открытая конфронтация с Кремниевой долиной (вне зависимости от позиции по отношению к защите личных данных, цензуре или к слежке) не поможет политикам победить на выборах. Нередко они, рассуждая о законодательном регулировании деятельности “Гугла”, предпочитают считать его аналогом “Хьюман райтс вотч”, а не “Халлибертон”. Если мы всерьез хотим раскрыть демократический потенциал интернета, такое отношение нужно пересмотреть.

Но искажено не только представление об ИТ-компаниях. Блогеры из авторитарных стран, эти баловни западных СМИ, все еще считаются предвестниками демократических преобразований, а не просто технически грамотными представителями своих обществ. Западный киберутопизм (склонность не замечать репрессивных черт современных технологий и видеть во всяком, кто имеет отношение к блогингу и вообще к интернету, оппозиционера, готового к борьбе за демократию) в полной мере проявился летом 2011 года. Тогда выяснилось, что популярный блог, якобы принадлежащий сирийской лесбиянке, на самом деле мистификация, а настоящим автором онлайн-дневника является сорокалетний американец, живущий в Шотландии. Более наглядный пример трудно придумать: даже эксперты с многолетним опытом, то есть те, кто увидел бы подвох за версту, если бы речь шла не об интернете, предпочли не заметить ничего подозрительного.

Интернетцентризм, то есть стремление представить интернет одновременно и отправной точкой рассуждений, и их главным объектом – также сохраняет свое вредное влияние. После “арабской весны” вышли научные статьи, в которых отмечена “важная роль”, которую в этих волнениях сыграл “Твиттер”. Все бы хорошо, но авторы статей искали подтверждения этой точки зрения в самом “Твиттере”. Да, пользователи “Твиттера” обменялись друг с другом массой сообщений, но для обоснования тезиса, что роль микроблогов была “важной”, необходимо учесть и другие факторы, не имеющие отношения к интернету. Невозможно определить значение “Твиттера”, не покидая его. Для интернетцентристов, однако, объективной реальности не существует: интернет предлагает собственные критерии успеха. Повторю то, что я написал в книге: если в лесу падает дерево и все пишут об этом в “Твиттере”, это вовсе не значит, что дерево упало *из-за* записей в микроблогах.

Но не опровергают ли события “арабской весны”, заметную роль в которых сыграл интернет, выводы, сделанные мной в книге? Нет.

Во-первых, в отличие от киберутопистов, давайте смотреть на вещи прямо. “Арабская весна” – это не только история о том, как отважные активисты свергли жестоких диктаторов. Она еще и о том, как западные фирмы продают технику для слежки и цензуры самым

одиозным режимам мира. О том, как авторитарные правительства при желании могут отключить интернет. О безобразной, неуместно формальной политике сайтов вроде “Фейсбука”, которые не позволяют египетским или тунисским диссидентам пользоваться их услугами до тех пор, пока те не укажут в учетной записи свои настоящие имена, а не псевдонимы. О том, какую позицию заняли западные политики, дав понять, что озабоченность вопросами свободы интернета всегда будет уступать более широким вопросам “стабильности” (даже если ее обеспечивают диктаторы) традиционно неспокойного региона. Можно ли привести лучший пример, чем Египет? Вашингтон больше потратил на обучение полиции Мубарака, чем на обучение блогеров, критиковавших египетского президента. Цель такого рода критики не в том, чтобы западные политики перестали обучать блогеров. Но пусть они не провозглашают это “содействием распространению демократии” и не отвлекают нас от того, что Запад поддерживает дружественных ему диктаторов, многие из которых процветают и после “арабской весны”.

Конечно, на это можно возразить, что это пустяки, поскольку оппозиция в конце концов победила. Я не считаю эту позицию оправданной, особенно для тех, кто думает о будущем демократии. Даже отчаянные киберутописты согласятся: вовсе не применение определенных цифровых средств обеспечило уход правителей Египта и Туниса. Это результат влияния благоприятных политических, социальных и культурных факторов в сочетании с техникой. Да, техника сыграла важную роль в мобилизации, но это стало возможным лишь потому, что этому способствовали остальные условия. Нетрудно представить себе, что если бы политическая ситуация сложилась иначе, то египетский и тунисский диктаторы, несмотря на возмущение в “Фейсбуке” и “Твиттере”, сохранили бы власть и пролили еще немало крови, как это произошло в Иране в 2009 году. Поражение “Зеленой революции” было вызвано не тем, что революционеры мало писали в “Твиттере” (на улицы и так вышло множество людей), а ответными маневрами режима Ахмадинежада.

Утверждать, будто события в Египте и Тунисе показали, что демократия, питаемая “Фейсбуком”, обречена на успех, и игнорировать авторитарный аппарат слежки, пропаганды и цензуры не просто неверно, но безответственно, когда речь идет о выработке политики будущего. Неверное использование технологий заслуживает внимания всегда, даже в тех случаях, когда все хорошо кончается, поскольку такой благополучный исход обусловлен факторами, не имеющими отношения к технологиям. “Фейсбук” и “Твиттер” были доступны египтянам и тунисцам в течение нескольких лет, предшествовавших восстанию. Вероятно, кто-то скажет, что этот период важнее всего, так как интернет расширил сферу публичного во многих арабских странах и попутно помог лишить египетский и тунисский режимы легитимности. Такое предположение заслуживает рассмотрения. Однако это не показатель успеха: примеры России и Китая показывают – чтобы сделать эту расширившуюся сферу публичного восприимчивой к идеологическим запросам государства, нужно лишь немного таланта, денег и технических знаний.

Но даже если выяснится, что “Фейсбук” и “Твиттер” действительно сыграли важную роль в инициировании акций протеста, само по себе это не повод праздновать победу. Я твердо убежден, что видеть цифровую составляющую “арабской весны” в радужном свете, основываясь только на том, как она помогла мобилизовать людей, значит исходить из очень узкого понимания политики и истории. Редкая революция заканчивается в момент свержения диктатора. Годами, даже десятилетиями, враждующие партии борются друг с другом в условиях образовавшегося политического вакуума. Поэтому чтобы понять, на самом ли деле “Фейсбук” и “Твиттер” оказали положительное влияние на “арабскую весну”, недостаточно сосчитать людей, пришедших на митинг благодаря “Фейсбуку” и “Твиттеру”. Акции протеста обычно знаменуют начало, а не финал революции.

Мои сомнения в том, что “Фейсбук” и “Твиттер” являются двигателями политических преобразований, не говорят о том, что я не верю в их мобилизационные способности (как решили отдельные критики). Такое неверие действительно распространено в некоторых интеллектуальных кругах. Но я в своей книге открыто хвалю “Фейсбук” и “Твиттер” за их

способность мобилизовать людей: "...‘Фейсбук’ стал поистине божьим даром для протестных движений. Было бы глупо отрицать, что новые средства коммуникации могут увеличить вероятность и масштабность акций протеста.". Или вот: "хотя ‘Фейсбук’ и ‘Твиттер’ способны в считанные минуты приводить в движение миллионы людей...". И это далеко не все. Я недвусмысленно заявляю, что интернетом можно (и должно) пользоваться для распространения демократии, что его значение гораздо больше, чем считает большинство киберутопистов. Я думал, что из-за подобных заявлений мне невозможно будет приписать своего рода "киберпораженчество", однако я недооценил творческий потенциал некоторых читателей.

Моя критика "Фейсбука" и "Твиттера" гораздо глубже. Я считаю, что цифровую политическую деятельность не следует оценивать только по эффективности решения задач, которые она сама себе ставит. Такая деятельность оказывает экологический эффект на породившую ее политическую культуру, и поэтому необходимо оценивать ее полезность, исходя из общих целей и ориентации этой культуры. Простой пример: железная дорога может быть чрезвычайно эффективным средством транспортировки людей из точки А в точку Б, однако есть места (например, очаровательная французская или итальянская глубинка), где шум, разветвленная промышленная инфраструктура и суета, которые неизбежно сопутствуют железнодорожному сообщению, могут быть нежелательны, и гораздо лучше бы там ходить пешком, ездить на машине или вовсе на лошади. Делать в этом случае упор на быстроту или низкую стоимость поездки по железной дороге – значит совершенно не обращать внимания на местные условия.

Признавая, что "Фейсбук" и "Твиттер" способны творить чудеса, когда речь идет о сборе денег или распространения информации, я все же думаю, что наша политическая жизнь не ограничивается только этим: есть и другие цели, нужды и ценности. Проще говоря, чтобы точно определить влияние египетских сетевых активистов на развитие демократии в стране, не стоит обольщаться числом манифестантов, требующих отставки Мубарака. Стоит также узнать, смогут ли сетевые структуры, возникшие из технополитики, противостоять экстремистам или сторонникам Мубарака после отставки президента, когда политическая борьба переместится с улиц на избирательные участки.

Я не вижу ничего дурного в том, что состоявшиеся политические группы пользуются интернетом для распространения своих взглядов. Меня беспокоит появление совершенно новых децентрализованных, лишенных лидера структур, которые пользуются выгодами интернета для того, чтобы мобилизовать сторонников – и всерьез считают, что для выхода на политическую арену нет нужды стремиться к централизации, иерархии и конкурентоспособности. (Показательно, что Ваиль Гоним, лицо египетской "революции 'Фейсбука'", предпочел учредить НКО и бороться с нищетой силами техники, а не политическую партию, чтобы бороться с бывальыми политиками.) Я придаю "Фейсбуку" большее значение, чем большинство киберутопистов. "Цифровая" политическая деятельность вполне может трансформироваться в полноценную политическую культуру. Но это не обязательно к лучшему, если мы стремимся к устойчивой, долгосрочной демократии, а не просто к кратковременной мобилизации сил. Успехи сетевых активистов в числовом выражении (численность антиправительственных групп в "Фейсбуке", собранные суммы, опубликованные сообщения) самоценны только в интернетоцентрической Вселенной. Признаюсь, я старомоден. По-моему, единственный показатель, который имеет значение для демократической политики, – способность взять власть в свои руки и удерживать ее ненасильственными методами.

Сумеет ли не имеющая лидера "партия 'Фейсбука'" успешно справляться с практическими задачами после свержения диктаторов? У меня на этот счет есть сомнения: я сдержанно отношусь к политической жизни и считаю, что она несовместима с децентрализацией; к тому же моя биография несколько отличается от биографий некоторых моих критиков. Я считаю, что революции в Египте и Тунисе продолжаются – они не закончились в момент отстранения диктаторов от власти. Конечно, если выбирать между

политикой без лидеров и авторитарной политикой в духе Мубарака, я предпочту первую – уже потому, что опасения по ее поводу могут и не сбыться. Но это не значит, что идея децентрализованной политики – политики без лидеров – должна стать новым эталоном нашей общественной жизни. Как бы то ни было, те, кто думает о демократических преобразованиях в долгосрочной перспективе, имеют привилегию формировать свои политические движения так, как считают нужным. Я по-прежнему уверен, что опора на децентрализованную модель “Ваиль Гоним/“Фейсбук””, которую мы наблюдали в Египте, в долгосрочной перспективе может оказаться катастрофической.

Прочие заслуживающие рассмотрения замечания по поводу моей книги можно обобщить так:

1. Действительно ли киберутопизм и интернетоцентризм настолько широко распространены – особенно среди видных экспертов по технологиям, – как я это изображаю?

2. Действительно ли авторитарные правители настолько сообразительные, а западные – настолько недалекие, как я описываю? И почему я уделяю все внимание правительствам, а не “хактивистам” или, например, неправительственным организациям?

3. Действительно ли диктаторы побеждают в борьбе за интернет? Может ли иной набор примеров привести к другому выводу?

Это очень серьезные вопросы. И хотя ответы на многие из них в книге есть, я признаю, что мог сформулировать их яснее.

Один из главных упреков в мой адрес таков. Критикуя киберутопизм, я не привел цитат уважаемых экспертов по технологиям, придерживающихся этих взглядов, и сосредоточился на политологах, высшем политическом руководстве и СМИ. Не является ли тогда моя критика наивным и необоснованным протестом против пустоты современного медиаландшафта?

Признаю, что я отчасти неправ, однако я сознательно концентрируюсь на общественном дискурсе. Во-первых, обращаясь к поп-культуре, чтобы выявить доминирующую идеологию в действии, я следую широко принятому культурологическому подходу (выискивать признаки киберутопизма в заголовках Си-эн-эн ничуть не страннее, чем искать указания на ужасы капиталистического строя в фильмах вроде “Челюстей” или “Чужого”). Как бы то ни было, киберутопизм – это не клуб со свободным членством. Использование мною этого термина для определения некоей ментальной установки по отношению к технике и политике гораздо ближе к тому, как Эдвард В. Саид использует термин “ориенталист” для описания определенного отношения (как осознанного, так и бессознательного) к инаковости и расе, чем, скажем, к обычным ярлыкам наподобие “коммунистический” или “национал-социалистический”, которыми определяют принадлежность к тому или иному политическому течению или институту.

Таким образом, заявление, что некто не является киберутопистом, значит так же мало, как заявление, что некто – не “ориенталист”. Подобные заявления мало чего стоят. Изображать удивление (как сделали некоторые мои критики), что никто не называет себя киберутопистом, столь же странно, как и удивляться, что никто не признает в себе ориенталиста: слишком уж мало выгоды от членства в этом клубе. Поэтому определение вредного влияния этой идеологии на нашу культуру гораздо сложнее, чем поиск информации в базах *LexisNexis*. Способность читать между строк и видеть проявления отдельного феномена поп-культуры – визитная карточка критика-культуролога. И все же некоторые мои критики, кажется, приняли это за умственную леность, за упорный отказ исследовать их дискурс. То, что большинство экспертов по интернету были так задеты моими замечаниями, говорит о том, что интернет в культурном отношении до сих пор по большей части не исследован и технологами (как правило, не особенно склонным к саморефлексии) следует чаще думать о том, что думают об интернете не-технологи.

Но есть и другая причина, по которой я уделил так мало внимания дискурсу

специалистов по технике, экспертов по безопасности, криптографов. Она достаточно банальна, и технологи непременно сочтут ее оскорбительной: я не считаю, что, по большому счету, их дискурс играет хоть какую-то роль. Их восхитительные рассылки (много технических подробностей и мало киберутопизма) не столь важны, как велеречивые передовицы “Вашингтон пост”, когда речь заходит о влиянии на взгляды политиков и широкой общественности.

Рассмотрим аналогию. Большинство ученых знает, что изменение климата действительно происходит, однако их авторитет мало способствует просвещению на этот счет остального населения. Если мы всерьез относимся к проблеме изменения климата, нам придется понять образ мыслей обычных людей во всей его культурной сложности и прискорбной иррациональности. Сомневается ли кто-либо в том, что заголовок Си-эн-эн, выражающий сомнение в изменении климата, менее важен, чем взгляды ученого, получившего Нобелевскую премию? Чем это отличается от киберутопизма, особенно если на кону вопросы свободы, демократии и тирании? Критиковать меня за то, что я не имел дело непосредственно с экспертами по технологиям – значит допускать, что моей главной целью было затеять с ними спор и убедить их в том, что они неправы. Однако я хотел вовсе не этого. Мне хотелось начать дискуссию о том, как на Западе думают и говорят об интернете, о том, почему о нем думают и говорят определенным образом, а также о том, какое влияние оказывают этот образ мыслей и язык на возможность распространять демократию путем интернета.

Здесь я подхожу, вероятно, к одному из хуже всего понятых аспектов моей книги. Многие критики приняли ее за своего рода подведение интеллектуального баланса: будто я просто сложил все беды, которые принес интернет, объявил, что хорошего мы видели от Сети не так уж много, и вынес ей вердикт “виновна”. Претензии ко мне в этом контексте справедливы в том отношении, что я недостаточно много времени уделил рассказу о важной и нужной работе активистов, НКО и технических экспертов. В общем и целом их вклад в моей книге не описан. Однако я и не ставил себе целью подведение такого баланса, как и не собирался выносить Сети вердикт (я вообще не считаю это возможным). Утверждать, что у свободы интернета может быть темная сторона, – не значит отрицать существование светлой стороны либо считать, что в этом случае тьма одолеет свет. Это лишь значит, что темная сторона сильна и становится еще сильнее, а у нас нет ни интеллектуальных инструментов для того, чтобы разобраться, что она такое, ни политических средств для того, чтобы помешать ее усилению.

В своей книге я попытался опровергнуть господствующие воззрения, согласно которым интернет – это идеальный освободитель, не призывая при этом сменить плюс на минус и отдать интернету роль идеального поработителя. У меня не было цели перевернуть с ног на голову расхожее мнение, будто интернет “неизменно вреден для диктаторов” (и заявить, что он “неизменно полезен диктаторам”). Название книги предостерегает от претензий на разгадку “логики” интернета и объявления ее освободительной либо репрессивной. Я всего лишь показал, что поверхностность, косность, лень и предрассудки в рассуждениях об интернете (всегда сопутствующих внедрению интернета или блоггинга в той или иной стране с определенными политическими, социальными и культурными последствиями) влекут за собой колоссальные политические издержки и делают многие интернет-технологии союзниками диктаторов.

К сожалению, не многие рецензенты отметили главный мой аргумент: вне зависимости от того, каков *сейчас* интернет в авторитарных государствах, в его оценках мы связаны собственными допущениями, касающимися современного авторитаризма, холодной войны, неолиберализма, глобализации, современных СМИ и, наконец, самого интернета. Вывод о том, что диктаторы могут извлечь из Сети огромную выгоду, тривиален и должен быть очевиден любому непредвзятому наблюдателю. Однако это не так, и как раз потому, что мы видим ситуацию *предвзято*. Причины, по которым этот культурный предрассудок (его я и называю “иллюзией”) до сих пор существует, нетривиальны и неочевидны. На самом деле,

большинство современных исследователей интернета полностью упускают их из вида.

Я стремился указать на последствия решения не бороться с этим предрассудком, особенно учитывая значительную роль интернета в американской внешней политике. Есть и другие примеры: повсеместно звучат пророчества о революционных переменах, которые интернет принесет в образование, здравоохранение или музыку, и цена неверного восприятия интернета в этих сферах также достаточно высока. Я выбрал американскую внешнюю политику и ту небольшую ее часть, которая связана с болезненным вопросом распространения демократии, отчасти потому, что тут цена вопроса понятна каждому (мало кто сомневается в том, что страны наподобие Мьянмы или Ирана заслуживают более демократичных правителей), а отчасти потому, что эта тема очень близка мне самому (я сам родом из такой страны).

Я, конечно, не стремился угодить США, в чем меня упрекали. Если британское или германское правительство приняло бы программу по защите свободы интернета столь же важную и опасную, как американская, я с радостью занялся бы и ею. Однако, за исключением, возможно, Нидерландов и Швеции, подобные попытки не предпринимаются нигде. Соображение о том, что американское отношение к интернету влияет на американскую политику в части защиты прав человека или свободы слова, может показаться банальным (так оно и есть). Однако, как это ни прискорбно, его не принимают во внимание во время политических дискуссий в Вашингтоне: там по-прежнему исходят из бессодержательного тезиса о нейтралитете техники. А тем, кто указал мне на то, что Государственный департамент США поумнел за полтора года, прошедших с тех пор, как я закончил работу над книгой, я бы хотел скромно заметить, что моя публичная критика его политики могла стать одной из причин этого прогресса. (В качестве комплимента “Интернету как иллюзии” подразделение Государственного департамента США по свободе интернета приняло на работу одного из двух моих помощников, работавших над этой книгой.)

Мне поставили в упрек и то, что я ограничился рассмотрением косных общественных институтов вроде правительств и оставил за рамками своего исследования кипучую и важную деятельность активистов, “слактивистов” и НКО, принадлежащих к “мировому гражданскому обществу”. Указавшие на это критики, вероятно, не поняли причин, в силу которых я сосредоточился на американском правительстве. Я отнюдь не придерживаюсь некоей бездушной позиции в духе Киссинджера и не думаю, будто государства – это единственные достойные внимания игроки на этом поле. Я также не горю желанием быть замеченным и приглашенным в Вашингтон. Я сосредоточился на правительстве США потому, что считаю его наиболее важным игроком и думаю, что оно заслуживает первоочередного внимания, – по крайней мере, на этой стадии обсуждения. Это не значит, что активисты или НКО не играют никакой роли. Это лишь значит, что совершаемые ими ошибки по масштабу последствий несопоставимы с чудовищными промахами американского правительства. Я охотно признаю, что большая часть моей книги посвящена стратегии минимизации ущерба от бездумного следования политике свободы интернета. Кто-то сочтет это неважной альтернативой более оптимистичному взгляду, но я считаю такой взгляд роскошью, которую нельзя себе позволить сейчас, когда этот ущерб уже наносится. Как еще можно реагировать, если госсекретарь рекомендует дефектное средство обхода цензуры, как это произошло в случае с “Хэйстэк” (если бы им стали пользоваться, многие иранцы попали бы за решетку)?

Многие критики, решив, будто я предлагаю оригинальную концепцию влияния интернета на диктатуру, обвинили меня в нежелании рассмотреть и светлую сторону предмета. Ведь как иначе, вопрошали они, мы сможем достичь объективного понимания влияния интернета? Те, кто внимательно прочитал книгу, может предугадать мой ответ: с моей точки зрения, любой разговор о больших теориях отдает интернетоцентризмом. Напротив, я стремился показать невозможность правдоподобной, одномерной, эссенциалистской теории, описывающей влияние интернета на авторитаризм. Наличие такой теории заслонило бы от политиков непредсказуемые трансформации современных авторитарных режимов, разнообразие их подходов к контролю над информацией и изобретательность в создании

стратегий выживания. Политологи до настоящего времени не смогли предложить приемлемую общую теорию современного авторитаризма, и считать, что они смогут выработать теорию, которая объединила бы этот сложный предмет с другим, гораздо более сложным предметом (интернетом) – не что иное как иллюзия. Фактический материал слишком обширен и противоречив, чтобы на его основе создавать сейчас подобную теорию.

Это также объясняет мой метод: книга построена на ряде наблюдений. Я не настолько наивен (в чем меня упрекают некоторые критики), чтобы решить, будто строгую теорию можно вывести из набора частных случаев. Хочу напомнить, что никогда не стремился выдвинуть альтернативную теорию, лишь чтобы продемонстрировать, что уже имеющаяся исчерпала себя. Я придерживался процедуры методологической фальсификации, принятой в попперианской философии науки, и чтобы опровергнуть теорию, считающую интернет средством освобождения, я предложил ряд контрпримеров. Я на стороне Имре Лакатоса, одного из учеников Поппера, который полагал, что одной фальсификации всегда недостаточно. (Замечу здесь, что можно – и сделать это гораздо легче! – привести столько же примеров, свидетельствующих и против теории, в рамках которой интернет предстает безусловным угнетателем. Я не сделал этого, поскольку решил, что киберутопизм распространен в высших политических кругах гораздо шире “киберпессимизма”).

Я обращал внимание на такие примеры постоянно по крайней мере с конца 2009 года, когда я указал на множество противоречий (отмеченных тем, что я позднее назвал интернетоцентризмом) в высказываниях Клэя Шерки о политических переменах. Задачей “Интернета как иллюзии” было показать, что наш нынешний интеллектуальный подход к интернету и демократии (подход, не учитывающий возможность использования Сети в антидемократических целях) не работает в свете новых данных о том, как функционируют авторитарные государства. Я не предложил альтернативного подхода, да и не стремился к этому, но верю, что помог устранить устаревший. Если моя книга может остановить поток антиисторических и интернетоцентрических заявлений о “преобразующем” влиянии интернета на демократизацию, я буду считать, что достиг своей цели. Те же, кто стремится представить мою работу как эпизод некоего бесконечного обмена уколами, совершенно меня не поняли.

В этом отношении моя книга и более, и менее амбициозна, чем указывают критики. Не предлагая альтернативной концепции влияния интернета на авторитаризм, я пытаюсь показать, что от таких теорий не будет толка, пока мы не разберемся с проблемами киберутопизма и интернетоцентризма. Речь не о том, чтобы заменить кибероптимизм киберпессимизмом, а о том, чтобы выработать совершенно новый подход. При оценке той или иной технологии нужно отказаться и от интернетоцентризма, и от эссенциализма (то есть не считать интернет однозначно хорошим или плохим).

Я попытался указать такой подход – киберреализм – и признаю, что эта попытка не была особенно успешной: я не понимал, что одного киберреализма недостаточно. Киберреализм может служить лекарством только от одной из описанных мною в книге болезней – интернетоцентризма. Я по-прежнему считаю, что киберреализм – полезный комплекс принципов, предохраняющих от искушения сделать интернет эталоном, с которым следует подходить к любому социально-техническому явлению. Но и у него есть свои ограничения: он мало что говорит о том, что делать в случаях, когда объяснения нужно искать в самой технологии, а такие случаи есть. Не всякий, кто серьезно относится к технике, – интернетоцентрист. Если мы подходим с позиций киберреализма к определению точных социально-технических параметров определенной технологии, как нам следует ее анализировать, обсуждать, законодательно регулировать?

Список проблем, требующих такого рассмотрения, растет. Он открывается “глубоким анализом пакетов” и слежением с помощью системы глобального позиционирования (*GPS*) и заканчивается, например, кибератаками. Все эти проблемы в значительной степени технические и требуют от политиков выработки отношения к определенным технологиям. Определение местонахождения человека с помощью *GPS* – это хорошо или плохо? Как

правильно регулировать применение технологий распознавания лиц? Как ответить на эти вопросы? Если мы отвергли киберутопизм, какой подход должен лежать в основе решения таких задач? Большинство критиков решило, что альтернативный взгляд, который я отстаиваю, – это своего рода киберскептицизм, граничащий с киберпораженчеством. С их точки зрения, в таком случае я должен считать, что эмпирическая действительность представляет собой прямую противоположность картине мира киберутопистов и что там, где они видят свет, я вижу тьму. Однако это не кажется мне разумным. Подобное дистопическое мировоззрение исходит из тех же интеллектуальных посылок, что и киберутопизм, только с противоположным знаком.

Я допускаю, что в книге недостаточно ясно выразил свой взгляд на этот предмет. Отсюда и большинство критических интерпретаций, отводящих мне место в дистопическом²⁵ углу. Теперь, после года раздумий на темы, поднятые в книге, я могу определить свой подход не как киберпессимизм, а скорее как “киберагностицизм”. Его главный и единственный постулат таков: следует твердо отказаться отвечать на вопрос, является ли интернет орудием освобождения либо угнетения. Но стоит ли заходить так далеко в отказе от моральной оценки интернета? Не прячем ли мы голову в песок? Уверен, что нет. По-моему, почти все задачи в сфере технополитики могут быть решены и без раздумий о том, вреден или полезен для демократии интернет (или техника в целом).

Напротив, процесс решения этих многочисленных проблем забуксует в тот момент, когда политики самонадеянно решат, что найден единственно верный, окончательный ответ. Оптимисты будут праздновать победу в борьбе со слежкой, пропагандой и цензурой, наивно полагая, что интернет волшебным образом все сделает сам, без участия человека. А пессимисты, слишком мрачные и бездеятельные, не увидят в интернете возможностей демократизации, даже если они будут бросаться в глаза. Когда окончательное суждение вынесено, политики рискуют подпасть под влияние киберутопизма или киберскептицизма, и тогда они будут довольствоваться поверхностными ответами на крайне сложные вопросы, требующие особого внимания и тщательного социально-технического анализа.

Киберагностики тоже проводят границу между полезными и вредными способами использования интернета и связанных с ним технологий. Но при этом они признают, что невозможно составить исчерпывающий список таких технологий и ситуаций, в которых они могут применяться. Следовательно, киберагностики не станут складывать перечисленное в каждом из двух столбцов и сравнивать две суммы, чтобы дать окончательный ответ на вопрос о том, плох или хорош интернет. Для киберагностиков этот вопрос неактуален; для них важны отдельные технологии и практика их применения. Поэтому у киберагностиков не возникнет трудностей с признанием того, что технологии шифрования играют на руку скорее диссидентам, чем диктаторам, а глубокий анализ пакетов, как правило, имеет противоположный эффект. Однако киберагностики смогут устоять перед искушением сделать из имеющихся скудных данных далеко идущие выводы о Сети в целом.

Киберагностицизм исходит из того, что современный интернет – это и технический объект (все эти протоколы, доменные имена, передачи между узлами), и культурный феномен – нечеткий термин, объединяющий такие технологии, как распознавание лиц и сервис эс-эм-эс (строго говоря, это не интернет-технология – Сеть лишь способствовала ее популярности); общественная практика, складывающаяся в ходе использования таких технологий (например, социальных сетей или чатов); корпорации, владеющие и “железом”, и софтом, необходимым для существования интернета; дискурсивные стратегии, используемые для объяснения самого интернета, а также бесчисленное множество других компонентов. Таким образом, когда мы говорим о влиянии интернета на демократию, мы почти всегда подразумеваем не технический объект, а культурный феномен.

Очевидно, что делать обобщения относительно столь важного, изменчивого и

²⁵ Дистопия – искаженная, перевернутая утопия. – *Прим. перев.*

неустоявшегося явления не менее странно, чем делать такие обобщения насчет экономики или культуры. Полезны ли для демократии культура и экономика? Такая постановка вопроса кажется нелепой – и справедливо. Тем не менее, если снизить уровень обобщения, такая дискуссия может оказаться продуктивной. Легко можно обсуждать, благотворна ли зарегулированность для демократии и не вредна ли для нее цензура в искусстве. Точно так же мы должны научиться говорить о технологиях “глубокого анализа пакетов” или распознавания, не заботясь о том, как наша дискуссия отразится на общественных дебатах об интернете как о культурном феномене.

Сегодняшний интернет отличается от интернета прошлого и будет отличаться от интернета будущего. Даже если бы у нас были все данные для получения среза текущего состояния Сети, а также ее нынешнего политического и социального “отпечатка” (что само по себе невозможно), мы смогли бы лишь приблизительно высказаться о вредности или пользе интернета в определенный момент. Когда мы впервые взглянем на этот отпечаток, Сеть уже снова изменится. Быть киберагностиком – значит просто признать колоссальную культурную сложность и изменчивость интернета, из-за которой любой ответ на вопрос, вреден он или полезен, почти немедленно придется пересмотреть. Стабильного, неизменного интернета не будет никогда, как никогда не будет и исчерпывающих данных о нем. Следовательно, точка зрения на интернет как на освободителя либо угнетателя не должна иметь отношения к нашей оценке той или иной интернет-технологии.

Но наша медиакультура не поощряет двусмысленности. Вот почему вопросы часто формулируются в скрыто бинарной форме – “способствует ли интернет демократии?”, причем возможен лишь один ответ: да или нет.

Ответить на этот вопрос, не впадая в утопическую либо дистопическую крайность, очень трудно. Объявить, что интернет поощряет демократию, – значит лишить утешения граждан авторитарных государств, правительства которых, вполне контролируя ситуацию, пользуются интернетом, чтобы втайне скормливать населению пропаганду, следить за каждым твитом, терроризировать кибератаками критически настроенные НКО. Но утверждая, что интернет поощряет диктатуру, мы отнимем у этих же людей надежду, поскольку авторитарные режимы не вечны, и редкие моменты нестабильности могут быть использованы (иногда с помощью интернета) для того, чтобы дать толчок переменам. Слепое тяготение к любому из полюсов указанной дихотомии порождает у нас, особенно у политиков, ложное чувство интеллектуального господства над интернетом. Влияние идеологии, которая упрощает взгляд на мир и заслоняет его противоречия, ослабляет наши когнитивные способности. Это вынуждает нас выбирать одну из нескольких альтернатив, исходя не из их имманентных свойств, а исключительно из того, укладываются ли эти альтернативы в наши представления о будущем мира как о киберутопической нирване либо как о кибердистопической преисподней.

Я ненавижу этот вопрос, однако избегать ответа на него было бы равноценно сдаче в споре радикалам киберутопического и кибердистопического толка. Поэтому я обычно говорю: “Нет, интернет не поощряет демократию”, имея при этом в виду, что интернет (расплывчатое понятие, объединяющее множество сопутствующих технологий, обычаев и обыкновений) благоволит и многим другим вещам, в том числе таким, которые могут повредить демократии. Если этот ответ кажется глупым, то только потому, что глупым является сам вопрос, поскольку он вынуждает нас рассуждать об интернете и общественных преобразованиях в отрыве от отдельных людей, правительств, идеологии, власти, моральной нечистоплотности и, в первую очередь, политики. При этом, как я указывал выше, признать, что интернет не содействует распространению демократии, – не то же самое, что обвинить его в потворстве диктатуре. Первое было бы подходящим примером киберагностицизма, второе – кибердистопизма.

Если вкратце, я утверждаю, что единственный способ заставить интернет раскрыть свой освободительный потенциал – это принять и киберреализм, и киберагностицизм. Киберреализм помогает нам избежать ошибки, принимая социально-технические аспекты за

чисто технические, и учитывает общественное и политическое измерения, которые, как правило, ускользают от взора специалистов по технологиям, стремящихся объяснить мир. (Эту ошибку неизбежно будут совершать все чаще по мере того, как будет расти культурное значение интернета.) Киберреалисты понимают, что окружающий мир представляет собой продукт сложного взаимодействия социальных и технических факторов, и отказываются абсолютизировать любой из них. Киберагностицизм, в свою очередь, защищает нас от губительного воздействия культурно обусловленного подхода (неважно, утопического или антиутопического) при оценке определенных технологий. Он избавляет от утомительного спора на тему, хорош или плох интернет, и позволяет нам яснее мыслить и реже гадать о том, что значит наш анализ той или иной технологии для понимания культурного значения интернета в целом. Иными словами, киберреализм помогает воспринимать интернет-технологии так, как они существуют в социально-техническом мире, а киберагностицизм помогает свободно, безо всяких идеологических предрассудков, оценивать, дорабатывать их либо бороться с ними. Думать же, будто мы можем успешно пользоваться интернетом как средством распространения демократии, игнорируя два указанных когнитивных идеала, – иллюзия в чистом виде.

Пало Альто, 10 октября 2011 года

Благодарности

Вряд ли будет преувеличением сказать, что эта книга не могла бы увидеть свет без щедрой помощи (моральной, интеллектуальной и финансовой) фонда “Открытое общество”. Мне посчастливилось получить грант от фонда “Открытое общество”, еще когда я жил в Беларуси и учился в школе. Это позволило мне продолжить обучение за границей. В противном случае я мог бы оказаться по другую сторону цифровых баррикад.

Позднее моя работа в организации “Транзишнс онлайн” отчасти также финансировалась из грантов Информационной программы фонда “Открытое общество”. Несмотря на то, что некоторые из наших проектов в “Транзишнс он-лайн” и были по духу киберутопическими, фонд “Открытое общество” всегда брал на себя большинство рисков и практиковал самые необычные подходы. Это гораздо больше, чем то, на что обычно может рассчитывать неправительственная организация.

После ухода из “Транзишнс онлайн” мне посчастливилось получить приглашение войти в состав руководителей Информационной программы “Открытого общества”. Это позволило мне взглянуть на многочисленные политические и социальные аспекты существования интернета с точки зрения благотворителей. Это едва ли не лучшая в мире работа для того, чтобы увидеть, насколько важна техника, насколько политической по своей природе она является и как с ней следует обращаться.

Еще важнее то, что, став одним из первых стипендиатов “Открытого общества”, я сумел сполна воспользоваться этой поддержкой и предоставленной мне свободой, чтобы провести большую долю изысканий, необходимых для этой книги. Невозможно перечислить всех друзей из большой семьи “Открытого общества” – список слишком велик. Но я не могу не поблагодарить Дариуса Куплинскаса, Дженет Хейвен, Стивена Хаббела, Сашу Пост, Бипашу Рай, Иштвана Рева, Энтони Рихтера, Лору Зилбер, Итана Цукермана и Леонардо Бенардо за помощь и снисходительность к моим заблуждениям.

Учебный год с сентября 2009 года по май 2010 года я провел в Институте изучения дипломатии Джорджтаунского университета. Это был восхитительный опыт. Чарльз Долгас, Пола Ньюберг и Джим Сиверс создали великолепную интеллектуальную атмосферу для работы. Я хотел бы также поблагодарить Тони Арендта за то, что он позволил мне обкатать некоторые идеи на аспирантах Джорджтаунского университета в рамках семинара “Интернет и демократия”.

Мои подопечные заслуживают отдельной благодарности. Эта непредвзятая, открытая к диалогу команда помогла мне оценить мои аргументы со всех сторон. Кроме того, Ханан

Вейсман и Трейси Хуан оказали мне неоценимую помощь в работе. Я хочу также выразить признательность ребятам из программы “Бизнес и права человека” компании *Yahoo*, которые сделали возможным мое пребывание в Джорджтаунском университете. Меня приятно удивила неподдельная увлеченность этих людей исследованием сетевой политики, несмотря на то, что такое исследование нередко противоречило их интересам.

Я также хотел бы поблагодарить Джошуа Коэна, во-первых, за предложение сотрудничать с журналом “Бостон ревю”, в котором я напечатал несколько статей об интернете, во-вторых, за приглашение провести 2010/2011 учебный год в Стэнфордском университете. Андрес Мартинес и Стив Колл из фонда “Новая Америка” не только любезно предоставили мне стипендию на этот период, но и позволили провести большую часть времени в Стэнфорде: в высшей степени удачное для меня решение.

Десятки людей помогли мне отшлифовать и представить публике мои идеи. Отдельно я хочу поблагодарить сотрудников журнала “Форин полиси” Сьюзан Глассер, Блейка Хауншелла, Джошуа Китинга и Мозеса Найма, позволивших мне обкатать свои идеи в журнале и в блоге, посвященном высоким технологиям. Есть много редакторов, которым мне следует сказать спасибо: это Райан Сейджер из “Уолл-стрит джорнал”, Дэвид Гудхарт и Джеймс Крабтри из “Перспектив”, Майкл Уолцер из “Диссент”. Без их наставлений и поддержки предъявление моих аргументов публике у меня заняло бы гораздо больше времени. Конференция *TED*, где я имел честь выступить в 2009 году, помогла мне распространить свои идеи еще шире. Я хочу поблагодарить за помощь Криса Андерсона, Джун Коэн, Бруно Джуссани, Логана Макклера и Тома Райли.

Работать с редакторами издательства “Паблик эффэйрз” Ники Пападопулос и Линдси Джонс было для меня истинным удовольствием. Я также хочу поблагодарить Питера Ознос, Клайва Приддла и Сьюзан Вайнберг за то, что они взялись за этот проект, а также за предоставленную мне возможность влиять на его финальный результат. Литературные агенты Макс и Джон Брокманы со своей стороны также проделали блестящую работу.

Хотя моя семья, живущая в Беларуси, не вполне понимает, чем я занят, она благосклонно относится к моим поискам. Мои родители и сестра, несмотря на то, что мои нынешние занятия мало соответствуют их представлениям о приличной работе, проявляют чудеса понимания, позволяя мне жить вдали от мрачной действительности Беларуси.

Появление этой книги без их одобрения и поддержки было бы невозможным.

Наконец, я хотел бы поблагодарить Арно ван Линдена, который вдохновил меня на сочинение книги, научил меня ставить непростые вопросы, а также, будучи выдающимся военным корреспондентом, показал, что такое мужество и порядочность. Мне выпало счастье быть его учеником и иногда беседовать с ним о политике за бокалом вина. Роль этого человека в моем интеллектуальном развитии колоссальна, и я с огромным удовольствием посвящаю ему эту книгу.

Сан-Франциско, 30 августа 2010 года

Библиография

Глава 1. Доктрина “Тугла”

Беспорядки в Иране шли по молдавскому сценарию – США пропались // *Evrasia.org*, 18 июня 2009 года. evrazia.org/news/8648.

Госдеп США позаботился об иранских студентах // *Новости НТВ*, 17 июня 2009 года. www.ntv.ru/novosti/165016/.

Мариан, Б. *Sorry Молдова!* // *Независимая Молдова*, 3 июля 2009 года. <http://www.nm.md/article/sorry-moldova>.

Abadi, C. *Iran, Facebook, and the Limits of Online Activism* // *Fo-reign Policy*, February 12,

2010.

- Alexiou, P. *A "Twitter Moment" in Politics?* // Voice of America, July 29, 2010.
- A Look at Twitter in Iran* // Sysomos Blog, June 21, 2009. blog.sysomos.com/2009/06/21/a-look-at-twitter-in-iran/.
- Ambinder, M. *The Revolution Will Be Twittered* // Marc Ambinder's Politics Blog, September 15, 2009. www.theatlantic.com/politics/archive/2009/06/the-revolution-will-be-twittered/19376/.
- Anderson, C. *Q&A with Clay Shirky on Twitter and Iran* // TED Blog. blog.ted.com/2009/06/qa_with_clay_sh.php.
- Athanasiadis, I. *Iran Uses Internet as Tool Against Protesters* // Christian Science Monitor, January 4, 2010.
- Bajkowski, J. *Al Jazeera Offers Reality Check for the Twittersverse* // MIS Australia.com, February 22, 2010. www.misaustralia.com/viewer.aspx?EDP://1266801386432.
- Berkeley, B. *Bloggers vs. Mullahs: How the Internet Roils Iran* // World Policy Journal 23, no. 1 (2006): 71.
- Best, M. L., and K. W. Wade *The Internet and Democracy: Global Catalyst or Democratic Dud?* // Bulletin of Science, Technology & Society 30, no. 3 (June 2009).
- Bozorgmehr, N. *Tehran Calls for Informants on Protesters* // Financial Times, January 5, 2010.
- Chat Rooms and Chadors* // Newsweek, August 21, 1995.
- China Group: Facebook Used to Sow Unrest* // Associated Press, July 9, 2010.
- China Military Paper Issues Warning over Twitter, YouTube "Subversion"* // BBC Monitoring Media, August 7, 2009.
- China News Agency Views Twitter's Role in Iran Political Crisis* // BBC Monitoring Media, June 30, 2009.
- The Clinton Internet Doctrine* // Wall Street Journal, January 23, 2010. *CNN Responds to Iranian Hacking Accusation* // CNN.com, June 22, 2009. edition.cnn.com/2009/WORLD/meast/06/22/cnn.iran.claim/. *Communicators with Alec Ross* // C-SPAN, April 14, 2010. www.c-span-video.org/program/293002-1.
- Communicators with Tim Sparapani* // C-SPAN, March 8, 2010. www.c-spanvideo.org/program/292422-1.
- Dabashi, H. *A Tale of Two Cities* // Al-Ahram Weekly, August 20, 2009. weekly.ahram.org.eg/2009/961/op51.htm.
- Dickie, M. *China Traps Online Dissent* // Financial Times, November 12, 2007.
- Don't Be Evil* // New Republic, April 21, 2010.
- Eltahawy, M. *Facebook, YouTube and Twitter Are the New Tools of Protest in the Arab World* // Washington Post, August 7, 2010.
- Esfandiari, G. *Authorities Warn Iranians Not to Protest* // Transmission Blog (RFE/RL), November 20, 2009. www.rferl.org/content/Authorities_Warn_Iranians_Not_To_Protest_By_SMS/1883679.html.
- Esfandiari, G. *Iranian Social Networking, Hard-Line Style* // Radio Free Europe/Radio Liberty, July 28, 2010.
- Esfandiari, G. *The Twitter Devolution* // Foreign Policy, June 7, 2010. Esfandiari, G. *Why Did Iran Unblock Facebook?* // Radio Free Europe/Radio Liberty, March 14, 2009.
- Fassihi, Farnaz *Iranian Crackdown Goes Global* // Wall Street Journal, December 3, 2009.
- Fax Against Fictions* // Time, June 19, 1989.
- Fresh Iran Hearing Focuses on "Internet Plot"* // Press TV, September 14, 2009.
- Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 2006.
- Gapper, J. *Technology Is a Tool for Revolution (and Repression)* // Financial Times, June 20, 2009.
- Gheytanchi, E., and B. Rahimi *The Politics of Facebook in Iran* // openDemocracy, June 1,

2009. www.opendemocracy.net/article/email/the-politics-of-facebook-in-iran.
- Giroux, H. A. *The Iranian Uprisings and the Challenge of the New Media: Rethinking the Politics of Representation* // Fast Capitalism 5, no. 2 (2009).
- Google Calls an End to Business as Usual in China* // Age (Melbourne), January 18, 2010.
- Gross, D. *Awards Honor Top 10 Internet Moments of the Decade* // CNN.com, November 19, 2009. cnn.com/2009/TECH/11/18/top.internet.moments/.
- Hornby, L. *China Paper Slams U. S. for Cyber Role in Iran Unrest* // Reuters, January 24, 2010.
- Houghton, D. P. *The Role of Self-Fulfilling and Self-Negating Pro-phecies in International Relations* // International Studies Review 11, no. 3 (2009): 552–584.
- Internet “in Running” for Nobel Peace Prize* // BBC News, March 10, 2010. *Iran Hacked Twitter’s Database and Arrested Its Users* // BBC Monitoring Media, January 17, 2010.
- Iran Police Say Public Help in Arresting Rioters* // Reuters, January 19, 2010.
- Iran’s Police Vow No Tolerance Towards Protesters* // Reuters, February 6, 2010.
- Johnson, A. R. *A Brief History of RFE/RL* // Radio Free Europe/ Radio Liberty, December 2008.
- Johnston, N. *Twitter Gets Serious* // Baltimore Sun, June 20, 2009. Kalathil, S., and C. B. Taylor *Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.
- Kaminsky, R. *Iran’s Twitter Revolution* // Human Events, June 18, 2009. Keohane, R. O., and J. S. Nye, Jr. *Power and Interdependence in the Information Age* // Foreign Affairs 77, no. 5 (1998): 81–94.
- Kerry, J. *Standing up for Internet Freedom* // TPMCafe, Talking Points Memo, January 21, 2010. tpmcafe.talkingpointsmemo.com/2010/01/21/standing_up_for_internet_freedom/index.php.
- Khiabany, G., and A. Sreberny *The Politics of/in Blogging in Iran* // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East 27, no. 3 (2007): 563.
- Kimmage, D. *Fight Terror with YouTube* // New York Times, June 26, 2008.
- Kirkpatrick, D. *The Facebook Effect: The Inside Story of the Com-pany That Is Connecting the World*. New York: Simon & Schuster, 2010.
- Kristof, N. D. *Tear Down This Cyberwall!* // New York Times, June 17, 2009.
- Krugman, P. *Understanding Globalization* // Washington Monthly, June 1999.
- Lakshmanan, I. A. R. *Supporting Dissent with Technology* // New York Times, February 23, 2010.
- Landler, M. *Google Searches for a Foreign Policy* // New York Times, March 28, 2010.
- Landler, M., and B. Stelter *Washington Taps into a Potent New Force in Diplomacy* // New York Times, June 16, 2009.
- Last, J. V. *Tweeting While Tehran Burns* // Weekly Standard, August 17, 2009.
- Lee, T. *The Cost of Hashtag Revolution* // American Prospect, 2009, June 29.
- McMillan, R. *In Iran, Cyber-Activism Without the Middle-Man* // Computer World, June 18, 2009.
- Meet the Press*. Transcript // MSNBC, May 23, 2010. Mungiu-Pippidi, A., and I. Munteanu *Moldova’s “Twitter Revolution”* // Journal of Democracy 20, no. 3 (2009): 136–142. Musgrove, M. *Twitter Is a Player in Iran’s Drama* // Washington Post, June 17, 2009.
- News Roundup: Hour 2* // The Diane Rehm Show, WAMU, June 19, 2009. Pfeifle, M. *A Nobel Peace Prize for Twitter?* // Christian Science Monitor, July 6, 2009.
- Quinn, J. *Iran Shuts Down Google Mail* // Daily Telegraph, February 10, 2010.
- Revolutionbook* // Financial Times, May 27, 2009.
- Rhoads, C. *Activists Skirt Web Crackdown to Reach the Outside World* // Wall Street Journal,

December 8, 2009.

Rutten, T. *Tyranny's New Nightmare: Twitter* // Los Angeles Times, June 24, 2009.

Schleifer, Y. *Why Iran's Twitter Revolution Is Unique* // Christian Science Monitor, June 19, 2009.

Schorr, D. *In Iran, a Struggle over Cyberspace* // All Things Considered. National Public Radio, June 17, 2009.

Sheridan, B. *The Internet Helps Build Democracies* // Newsweek, April 30, 2010.

Shirk, S. L. *Changing Media, Changing Foreign Policy in China* //

Japanese Journal of Political Science 8, no. 1 (2007): 43–70. Sohrabi-Haghighat, M. H., and S. Mansouri “Where's My

Vote?” *ICT Politics in the Aftermath of Iran's Presidential Election* // International Journal of Emerging Technologies and Society 8, no. 1 (2010): 24–41.

Sreberny, A., and G. Khiabany *Becoming Intellectual: The Blogosphere and Public Political Space in the Islamic Republic* // British Journal of Middle Eastern Studies 34, no. 3 (2007): 267–286.

State Department Is Taking Right Steps to Foster Internet Freedom // Washington Post, July 21, 2010.

Stone, B., and N. Cohen *Tweeting Their Way to Freedom?* // New York Times, October 5, 2009.

Sullivan, A. *The Revolution Will Be Twittered* // Atlantic, June 13, 2009. andrewsullivan.theatlantic.com/the_daily_dish/2009/06/the-revolution-will-be-twittered-1.html.

Sullivan, A. *Twitter Maintenance?* // Atlantic, June 15, 2009. andrewsullivan.theatlantic.com/the_daily_dish/2009/06/twitter-maintenance.html.

Tait, R. *Iran Moves to Silence Opposition with Internet Crime Unit* // Guardian, November 15, 2009.

Tehran Clashes Reported on Iran Vote Anniversary // BBC News, June 12, 2010.

Tehrani, H. *Iranian Officials “Crowd-Source” Protester Identities* // Global Voices, June 27, 2009. globalvoicesonline.org/2009/06/27/iranian-officials-crowd-source-protester-identities-online/.

Viner, K. *Internet Has Changed Foreign Policy for Ever, Says Gordon Brown* // Guardian, June 19, 2009.

Weaver, M. *Iran's “Twitter Revolution” Was Exaggerated, Says Editor* // Guardian, June 9, 2010.

Weaver, M. *Oxfordgirl vs Ahmadinejad: the Twitter User Taking on the Iranian Regime* // Guardian, February 10, 2010.

Webster, G. *Street in Palestinian Refugee Camp Named After Twitter Account* // CNN.com, October 5, 2009. edition.cnn.com/2009/WORLD/meast/10/01/twitter.street/index.html.

Weisberg, J. *Publishers Should Beware Apple's iPad* // Newsweek, May 15, 2010.

Winner, L. *Autonomous Technology: Technics-Out-of-Control as a Theme in Political Thought*. Cambridge, MA: MIT Press, 1978. *Wired Nominates the Internet for the Nobel Peace Prize*. Press release //

Internet for Peace, November 17, 2009. www.internetforpeace.org/mediadetail.cfm?pressid=1.

Zia-Ebrahimi, R. *Bombard Iran... with Broadband* // Guardian, February 24, 2010.

Глава 2. С новым 1989 годом!

Agenda. Conference on Cyber Dissidents: Global Successes and Challenges. George W. Bush Institute, April 19, 2010.

Albrecht, H., and O. Schlumberger “Waiting for Godot”: *Regime Change Without Democratization in the Middle East* // International Political Science Review/Revue internationale de science politique 25, no. 4 (2004): 371.

Anderson, P. *A Ripple of the Polonaise* // London Review of Books,

November 25, 1999.

Arias-King, F. *Orange People: A Brief History of Transnational Liberation Networks in East Central Europe* // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 15, no. 1 (2007): 29–72.

Ascherson, N. *The Media Did It* // *London Review of Books*, June 21, 2007.

Ascherson, N. *They're Just Not Ready* // *London Review of Books* January 7, 2010.

Barme, G. R., and Sang Ye. *The Great Firewall of China* // *Wired*, February 1, 1996.

Bennett, A. *The Guns That Didn't Smoke: Ideas and the Soviet Non-Use of Force in 1989* // *Journal of Cold War Studies* 7, no. 2 (2005): 81–109.

Bilalic, M., McLeod, P., and F. Gobet *Why Good Thoughts Block Better Ones: The Mechanism of the Pernicious Einstellung (Set) Effect* // *Cognition* 108, no. 3 (2008): 652–661.

Bildt, C. *Tear Down These Walls Against Internet Freedom* // *Washington Post*, January 25, 2010.

Bollinger, L. C. *A Free Press for a Global Society* // *Chronicle of Higher Education*, February 21, 2010.

Brooks, S. G., and W. C. Wohlforth *Power, Globalization, and the End of the Cold War: Reevaluating a Landmark Case for Ideas* // *International Security* 25, no. 3 (2001): 5–53.

Brown, C. *History Ends, Worlds Collide* // *Review of International Studies* 25 (1999): 41–57.

Brownback, Sam *Twitter Against Tyrants: New Media in Authoritarian Regimes* // *Commission on Security and Cooperation in Europe*, October 22, 2009.

Bunce, V. J., and S. L. Wolchik *Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes* // *World Politics* 62, no. 1 (2009): 43–86.

Burnell, P. *From Evaluating Democracy Assistance to Appraising Democracy Promotion* // *Political Studies* 56, no. 2 (2008): 414–434.

Campbell, J. L. *Institutional Analysis and the Role of Ideas in Political Economy* // *Theory and Society* 27, no. 3 (1998): 377–409. Carothers, T. *The Backlash Against Democracy Promotion* // *Foreign Affairs* 85, no. 2 (2006): 55–68.

Centeno, M. A. *Between Rocky Democracies and Hard Markets: Dilemmas of the Double Transition* // *Annual Review of Sociology* 20, no. 1 (1994): 125–147.

Chen, C. *Institutional Legitimacy of an Authoritarian State: China in the Mirror of Eastern Europe* // *Problems of Post-Communism* 52, no. 4 (2003): 3–13.

Clinton, H. *Remarks on Internet Freedom*. The Newseum, Washington, DC, January 21, 2010.

Cohen, B. J. *A Grave Case of Myopia* // *International Interactions* 35, no. 4 (2009): 436–444.

Cohen, R. *Target Iran's Censors* // *International Herald Tribune*, February 18, 2010.

Cox, M. *Why Did We Get the End of the Cold War Wrong?* // *British Journal of Politics & International Relations* 11, no. 2 (2009): 161–176.

Critchlow, J. *Public Diplomacy During the Cold War: The Record and Its Implications* // *Journal of Cold War Studies* 6, no. 1 (2004): 75–89. Critchlow, J. *Western Cold War Broadcasting* // *Journal of Cold War Studies* 1, no. 3 (1999): 168–175.

Crovitz, G. L. *The Internet and Political Freedom* // *Wall Street Journal*, March 15, 2010.

Danyi, E. *Xerox Project: Photocopy Machines as a Metaphor for an "Open Society"* // *Information Society* 22, no. 2 (2006): 111–115. Ding, X. L. *Institutional Amphibiousness and the Transition from*

Communism: The Case of China // *British Journal of Political Science* (1994): 293–318.

Excerpts: Bush to Remain "Committed" to War on Terror // *Washington Times*, January 11, 2005.

Falk, B. J. *1989 and Post-Cold War Policymaking: Were the "Wrong" Lessons Learned from the Fall of Communism?* // *International Journal of Politics, Culture, and Society* 22, no. 3 (2009): 291–313.

Feith, D. *Senate to Hillary: Support Cyber Dissident* // *Wall Street Journal*, July 23, 2009.

Fowler, G. A., and L. Chao L. *U. S. Urged to Act on Internet Freedoms* // *Wall Street Journal*, March 25, 2010.

- Freedom vs. the Firewall; The Senate Can Help Fend Off Authoritarian Censorship* // Washington Post, July 7, 2009.
- Fukuyama, F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.
- Fukuyama, F., and M. McFaul *Should Democracy Be Promoted or Demoted?* // Washington Quarterly 31, no. 1 (2008): 23–45. Garton, Ash T. 1989! // New York Review of Books, November 5, 2009. Gedmin, J. *Democracy Isn't Just a Tweet Away* // USA Today, April 22, 2010.
- Glassman, J. K. *Statement on the Conference on Cyber Dissidents*. George W. Bush Institute, April 19, 2010.
- Goldstone, J. *Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory* // Annual Review of Political Science 4 (2001): 139–187.
- Granville, J. C. *Radio Free Europe's Impact on the Kremlin in the Hungarian Crisis of 1956: Three Hypotheses* // Canadian Journal of History 39, no. 3 (2004): 515–546.
- Grodsky, B. *Lessons (Not) Learned: A New Look at Bureaucratic Politics and US Foreign Policy-Making in the Post-Soviet Space* // Problems of Post-Communism 56, no. 2 (2009): 43–57.
- Hachten, W. *The Triumph of Western News Communication* // Fletcher Forum of World Affairs 17 (1993): 17.
- Henderson, S. *Patriotic Chinese Hackers Attack Website of Melamine Poisoned Children* // Dark Visitor, January 23, 2009. www.thedark-visitor.com/2009/01/patriotic-chinese-hackers-attack-website-of-melamine-poisoned-children/.
- Hokenos, P. *Past Forward* // Boston Review, March 2010.
- Jacoby, J. *Despite Forecasts, Freedom Takes More Than Technology* // Boston Globe, April 25, 2010.
- Jacoby, J. *Medium Isn't the Message* // Boston Globe, April 28, 2010. Jervis, R. *Bridges, Barriers, and Gaps: Research and Policy* // Political Psychology 29, no. 4 (2008): 571–592.
- Jervis, R. *Understanding Beliefs* // Political Psychology 27, no. 5 (2006): 641–663.
- Judt, T. *A Story Still to Be Told* // New York Review of Books, March 23, 2006.
- Kahneman, D., and G. Klein *Conditions for Intuitive Expertise: A Failure to Disagree* // American Psychologist 64, no. 6 (2009): 515–526.
- Kalandadze, K., and M. A. Orenstein *Electoral Protests and Democratization: Beyond the Color Revolutions* // Comparative Political Studies 42, no. 11 (2009): 1403.
- Kaldor, M. H. *The Ideas of 1989: The Origins of the Concept of Global Civil Society* // Transnational Law & Contemporary Problems 9 (1999): 475.
- Kaminski, M. M. *How Communism Could Have Been Saved: Formal Analysis of Electoral Bargaining in Poland in 1989* // Public Choice 98, no. 1 (1999): 83–109.
- Kegley, C. W., Jr. *How Did the Cold War Die? Principles for an Autopsy* // Merston International Studies Review 38, no. 1 (1994): 11–41.
- Kopstein, J. *1989 as a Lens for the Communist Past and Post-Communist Future* // Contemporary European History 18, no. 3 (2009): 289–302.
- Kopstein, J. *The Transatlantic Divide over Democracy Promotion* // Washington Quarterly 29, no. 2 (2006): 85–98.
- Kotkin, S., and J. T. Gross *Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment*. New York: Modern Library, 2009.
- Kramer, M. *The Collapse of East European Communism and the Repercussions Within the Soviet Union (Part 1)* // Journal of Cold War Studies 5, no. 4 (Fall 2003): 178–256.
- Kramer, M. *The Collapse of East European Communism and the Repercussions Within the Soviet Union (Part 3)* // Journal of Cold War Studies 7, no. 1 (Winter 2005): 3–96.
- Kramer, M. *Special Issue: The Collapse of the Soviet Union (Part 2): Introduction* // Journal of Cold War Studies 5, no. 4 (Fall 2003): 3–42. Kuran, T. *Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989* // World Politics: A Quarterly Journal of International Relations 44, no. 1 (1991): 7–48.

- Kurki, M. *Critical Realism and Causal Analysis in International Re-lations* // Millennium: Journal of International Studies 35, no. 2 (2007): 361.
- Lake, D. A., Powell, R., Choice, S., et al. *Adapting Inter-national Relations Theory to the End of the Cold War* // Journal of Cold War Studies 5, no. 3 (2003): 96–101.
- Lake, Eli *Hacking the Regime* // New Republic 240, no. 16 (2009). Lakoff, G., and M. Johnson *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lane, D. “*Coloured Revolution*” as a Political Phenomenon // Journal of Communist Studies and Transition Politics 25, no. 2 (2009): 113–135. Lawson, G. *Historical Sociology in International Relations: Open So-ciety, Research Programme and Vocation* // International Politics 44, no. 4 (2007): 343–368.
- Leedom-Ackerman, J. *The Intensifying Battle over Internet Free-dom* // Christian Science Monitor, February 24, 2009.
- Levy, J. S. *Learning and Foreign Policy: Sweeping a Conceptual Mine-field* // International Organization 48, no. 2 (1994): 279–312.
- Lohmann, S. *Collective Action Cascades: An Informational Rationale for the Power in Numbers* // Journal of Economic Surveys 14, no. 5 (2000): 655–684.
- Lohmann, S. *The Dynamics of Informational Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989–91* // World Poli-tics 47, no. 1 (1994): 42–101.
- Mahoney, J., Kimball, E., and K. L. Koivu *The Logic of His-torical Explanation in the Social Sciences* // Comparative Political Studies 42, no. 1 (2009): 114.
- Mahoney, J., and R. Snyder *Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change* // Studies in Comparative International Development 34, no. 2 (1999): 3–32.
- McConnell, M. *Mike McConnell on How to Win the Cyber-War We’re Losing* // Washington Post, February 28, 2010.
- McFaul, M. *The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Non-cooperative Transitions in the Postcommunist World* // World Poli-tics 54, no. 2 (2002): 212–244.
- Moe, H. *Everyone a Pamphleteer? Reconsidering Comparisons of Me-diated Public Participation in the Print Age and the Digital Era* // Media, Culture & Society 32, no. 4 (2010): 691.
- Nairn, T. *Where’s the Omelette?* // London Review of Books, No-vember 23, 2008.
- Nelson, M. *War of the Black Heavens: The Battles of Western Broad-casting in the Cold War*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1997.
- Osgood, K. A. *Hearts and Minds: The Unconventional Cold War* // Journal of Cold War Studies 4, no. 2 (2002): 85–107.
- Oushakine, S. A. *The Terrifying Mimicry of Samizdat* // Public Cul-ture 13, no. 2 (2001): 191.
- Palmer, M. *Breaking the Real Axis of Evil: How to Oust the World’s Last Dictators by 2025*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003. Patterson, E., and J. Amaral *Presidential Leadership and De-mocracy Promotion* // Public Integrity 11, no. 4 (2009): 327–346.
- Pierskalla, J. H. *Protest, Deterrence, and Escalation: The Strategic Calculus of Government Repression* // Journal of Conflict Resolution 54, no. 1 (2010): 117.
- Posner, M. H., and A. Ross *Briefing on Internet Freedom and 21st Century Statecraft*. U. S. Department of State, Washington, DC, January 22, 2010.
- Puddington, A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Free Liberty*. Lexington: University Press of Kentucky, 2000.
- Ray, J. L., and B. Russett *The Future as Arbiter of Theoretical Controversies: Predictions, Explanations and the End of the Cold War* // British Journal of Political Science 26, no. 4 (1996): 441–470.
- Reagan Urges “Risk” on Gorbachev: Soviet Leader May Be Only Hope for Change, He Says // Los Angeles Times, June 13, 1989.
- Rosati, J. A. *A Cognitive Approach to the Study of Foreign Policy* // Foreign Policy Analysis:

Continuity and Change in Its Second

Generation (1995): 49–70.

Rose, R., and D. C. Shin *Democratization Backwards: The Problem of Third-Wave Democracies* // British Journal of Political Science 31, no. 2 (2001): 331–354.

Said, Edward *Hey, Mister, You Want Dirty Book?* // London Review of Books, September 20, 1999.

Saunders, D. *In Czechoslovakia, Human Network Made the Message Go Viral* // Globe and Mail (Toronto), October 29, 2009. Saxonberg, S. *The “Velvet Revolution” and the Limits of Rational*

Choice Models // Czech Sociological Review 7, no. 1 (1999): 23–36. Schipani-AdÚriz, A. *Through an Orange-Colored Lens: Western*

Media, Constructed Imagery, and Color Revolutions // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization 15, no. 1 (2007): 87–115.

Schmitter, P. C., and T. L. Karl *What Democracy Is ... and Is Not* // Journal of Democracy 2, no. 3 (1991): 75–88.

Schmitter, P. C., and J. Santiso *Three Temporal Dimensions to the Consolidation of Democracy* // International Political Science Review/Revue internationale de science politique 19, no. 1 (1998): 69–92.

Senor, D., and C. Whiton *Five Ways Obama Could Promote Freedom in Iran* // Wall Street Journal, June 17, 2009.

Shah, N. *From Global Village to Global Marketplace: Metaphorical Descriptions of the Global Internet* // International Journal of Media and Cultural Politics 4, no. 1 (2008): 9–26.

Shane, S. *Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union*. Chicago: I. R. Dee, 1995.

Sharman, J. C. *Culture, Strategy, and State-Centered Explanations of Revolution, 1789 and 1989* // Social Science History 27, no. 1 (2003). Shimko, K. L. *Metaphors and Foreign Policy Decision Making* // Political Psychology 15, no. 4 (1994): 655–671.

Shimko, K. L. *Psychology and Cold War History: A Review Essay* // Political Psychology 15, no. 4 (1994): 801–806.

Shimko, K. L. *Reagan on the Soviet Union and the Nature of International Conflict* // Political Psychology. 13, no. 3 (1992): 353–377.

Shirk, S. L. *Changing Media, Changing Foreign Policy in China* // Japanese Journal of Political Science 8, no. 1 (2007): 43–70. Silitski, V. *What Are We Trying to Explain?* // Journal of Democracy 20, no. 1 (2009): 86–89.

Snyder, R. S. *The End of Revolution?* // Review of Politics 61, no. 1 (1999): 5–28.

Sontag, S. *Illness as Metaphor; and AIDS and Its Metaphors*. New York: Picador, 2001.

Specter, A. *Attack the Cyberwalls!* // Pittsburgh Post-Gazette, July 7, 2009.

Sterling, B. *Triumph of the Plastic People* // Wired, January 22, 1995. Stier, K. *U. S. Girds for a Fight for Internet Freedom* // Time, February 6, 2010.

Sunstein, C. R. *Hazardous Heuristics* // University of Chicago Law Review 70, no. 2 (2003): 751–782.

Suri, J. *Explaining the End of the Cold War: A New Historical Consensus?* // Journal of Cold War Studies 4, no. 4 (2002): 60–92.

Sweller, J., Mawer, R. F., and W. Howe *Consequences of History-Cued and Means-End Strategies in Problem Solving* // American Journal of Psychology 95, no. 3 (1982): 455–483.

Tait, R. *Hardliners Turn on Ahmadinejad for Watching Women Dancers* // Guardian, December 5, 2006.

Tetlock, P. E., and C. McGuire *Cognitive Perspectives on Foreign Policy* / In: Long, S., ed. *Political Behavior Annual*. Boulder: Westview, 1986.

Tilly, C. *Trust and Rule* // Theory and Society 33, no. 1 (2004): 1–30. Tsui, L. *The Great Firewall as Iron Curtain 2.0: The Implications of*

China’s Internet Most Dominant Metaphor for US Foreign Policy. Paper presented at 6th

annual Chinese Internet Research Conference, University of Hong Kong, June 13–14, 2008. [jmsc.hku.hk/ blogs/ circ/ files/ 2008/ 06/tsui_lokman.pdf](http://jmsc.hku.hk/blogs/circ/files/2008/06/tsui_lokman.pdf).

Tsui, L. *An Inadequate Metaphor: The Great Firewall and Chinese Internet Censorship* // Global Dialogue 9, no. 1–2 (2007).

Ungar, S. *Misplaced Metaphor: A Critical Analysis of the Knowledge Society* // Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie 40, no. 3 (2003): 331–347.

Vasina, J. I. *Transformation of Eastern Europe in 1989: Impacts of Information, Communications Technology and Globalization*

Process on Change. Master's thesis, Excelsior College, March 7, 2007.

Vertzberger, Y. Y. I. *Foreign Policy Decisionmakers as Practical-Intuitive Historians: Applied History and Its Shortcomings* // International Studies Quarterly 30, no. 2 (1986): 223–247.

Way, L. *The Real Causes of the Color Revolutions* // Journal of Democracy 19, no. 3 (2008): 55–69.

Way, L. A., and S. Levitsky *Linkage, Leverage, and the Post-Communist Divide* // East European Politics and Societies 21, no.1 (2007): 48.

Wells, W. G., Jr. *Politicians and Social Scientists: An Uneasy Relationship* // American Behavioral Scientist 26, no. 2 (1982): 235. Wyatt, S. *Danger! Metaphors at Work in Economics, Geophysics, and the Internet* // Science, Technology & Human Values 29, no. 2 (2004): 242.

Youngs, R. *European Approaches to Democracy Assistance: Learning the Right Lessons?* // Third World Quarterly 24, no. 1 (2003): 127–138.

Глава 3. Оруэлл и “ржачные котикки”

America's Emobyte Deficit // Economist, November 27, 2007.

Ballard, J. G. “*Aldous Huxley: An English Intellectual*” by Nicholas Murray // Guardian, April 13, 2002.

Barboza, D. *Internet Boom in China Is Built on Virtual Fun* // New York Times, February 5, 2007.

Barboza, D. *The People's Republic of Sex Kittens and Metrosexuals* // New York Times, March 4, 2007.

Berdahl, D. *Where the World Ended: Re-unification and Identity in the*

German Borderland. Berkeley: University of California Press, 1999. Betts, P. *The Twilight of the Idols: East German Memory and Material*

Culture // Journal of Modern History 72, no. 3 (2000): 731–765. Breitenborn, U. “*Memphis Tennessee*” in *Borstendorf: Boundaries Set and Transcended in East German Television Entertainment* // Historical Journal of Film, Radio and Television 24, no. 3 (2004): 391–402.

Chang, Anita *Some Internet Porn Sites in China Now Accessible* // Associated Press, July 22, 2010.

Coleman, Peter *Thinking About Life: A Brave New World* // United Press International, July 22, 2002.

Cooper, Robert *Freedom for Sale: How We Made Money and Lost Our Liberty* by John Kampfner / *Democracy Kills* by Humphrey Hawksley // Sunday Times, September 6, 2009.

Daly, Peter M., et al., eds. *Germany Reunified: A Five- and Fifty-Year Retrospective*. New York: P. Lang, 1997.

Darnton, R. *Censorship, a Comparative View: France, 1789 – East Germany, 1989* // Representations (1995): 40–60.

Daves, William *Is It Aldous Huxley or George Orwell?* // New Statesman, August 1, 2005.

Demich, Barbara *For Chinese, Getting into Harvard Is a Class Act* // Los Angeles Times, June 4, 2010.

Despite Authoritarian Rule, Myanmar Art Grows // New York Times, March 25, 2010.

DeYoung, Karen U. S. *Media Campaign Has Failed to Influence Cuba, Senators Say* //

Washington Post, May 4, 2010.

Dittmar, C. *GDR Television in Competition with West German Pro-gramming* // Historical Journal of Film, Radio and Television 24, no. 3 (2004): 327–343.

Eickelman, D. F. *Islam and the Languages of Modernity* // Daedalus 129, no. 1 (2000): 119–135.

Farrer, J. *A Chinese-Led Global Sexual Revolution* // Contexts 7, no. 3 (2008): 58–60.

Forney, Matthew *China's Loyal Youth* // New York Times, April 13, 2008.

For the Young Hillary Rodham, Which Individuals and Books Were Most

Influential? // Pittsburgh Post-Gazette, April 11, 1993. Fukuyama, Francis *Our Posthuman Future: Consequences of the Bio-technology Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

Fulbrook, Mary *History of Germany, 1918–2000: The Divided Nation*. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2002.

Fung, A. “*Think Globally, Act Locally*”: *China's Rendezvous with MTV* // Global Media and Communication 2, no. 1 (2006): 71. Gleye, Paul *Behind the Wall: An American in East Germany, 1988—*

1989. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1991. Gordon, Wendy J. *Listen Up, Ready or Not* // New York Times, November 21, 1993.

Hargittai, E. *Digital Natives? Variation in Internet Skills and Uses Among Members of the Net Generation* // Sociological Inquiry 80, no. 1 (2010): 92–113.

Havel, Václav, et al. *The Power of the Powerless: Citizens Against the State in Central-Eastern Europe*. John Keane, ed. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1985.

Hendelman-Baavur, L. *Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran* // Middle East Review of International Affairs 11, no. 2 (2007): 77.

Hesse, K. R. *Cross-Border Mass Communication from West to East Germany* // European Journal of Communication 5, no. 2 (1990): 355.

Hille, Kathrin, and Robin Kwong *Chinese Consumers Opt for Bigger TVs than American Counterparts* // Financial Times, October 24, 2009.

Hirschman, A. O. *Exit, Voice, and the Fate of the German Democratic Republic: An Essay in Conceptual History* // World Politics (1993): 173–202.

Hoff, P., and W. Mühl-Benninghaus *Depictions of America in GDR Television Films and Plays, 1955–1965* // Historical Journal of Film, Radio and Television 24, no. 3 (2004): 403–410.

Hoff, P., and L. Willmot *Continuity and Change: Television in the GDR from Autumn 1989 to Summer 1990* // German History 9, no. 2 (1991): 184.

Huxley, Aldous *Brave New World and Brave New World Revisited*. New York: HarperCollins, 2004.

Iran Pours Oil Fund Billions into Wooing Disaffected Youth // Independent, September 1, 2005.

Junker, Detlef, and Philipp Gassert *The United States and Germany in the Era of the Cold War, 1945–1990: A Handbook*. Vol. 1. New York: Cambridge University Press, 2004.

Kampfner, John *Freedom for Sale: How We Made Money and Lost*

Our Liberty. Kindle edition. New York: Simon & Schuster, 2009. Kellner, D. *From 1984 to One-Dimensional Man: Critical Reflections on Orwell and Marcuse* // Current Perspectives in Social Theory 10 (1990): 223–252.

Kern, H. L. *Foreign Media and Protest Diffusion in Authoritarian Regimes: The Case of the 1989 East German Revolution* // Comparative Political Studies, March 16, 2010.

Kern, H. L., and J. Hainmueller *Opium for the Masses: How Foreign Media Can Stabilize Authoritarian Regimes* // Political Analysis 17, no. 4 (2009): 377–399.

Khiabany, G. *Iranian Media: The Paradox of Modernity* // Social Semiotics 17, no. 4 (2007): 479–501.

Klein, Naomi *China's All-Seeing Eye* // Rolling Stone, May 14, 2008. Kohák, E. *Ashes, Ashes... Central Europe After Forty Years* //

- Daedalus 121, no. 2 (1992): 197–215.
- Korosteleva, Elena *Was There a Quiet Revolution? Belarus After the 2006 Presidential Election* // Journal of Communist Studies and Transition Politics 25, no. 2 (June 2009): 324–346.
- Kraidy, M. M. *Reality TV and Multiple Arab Modernities: A Theoretical Exploration* // Middle East Journal of Culture and Communication 1, no. 1 (2008): 49–59.
- Lagerkvist, J. *Internet Ideotainment in the PRC: National Responses to Cultural Globalization* // Journal of Contemporary China 17, no. 54 (2008): 121–140.
- Manaevev, Oleg *The Influence of Western Radio on the Democratization of Soviet Youth* // Journal of Communication 41, no. 2 (June 1991): 72–91.
- Marcuse, Herbert *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. New York: Routledge, 2002.
- Maza, Erik *Cuban Commies Give Avatar the Thumbs-Down* // Miami New Times, February 18, 2010.
- Meyen, M., and W. Hillman *Communication Needs and Media Change: The Introduction of Television in East and West Germany* // European Journal of Communication 18, no. 4 (2003): 455.
- Meyen, M., and U. Nawratil *The Viewers: Television and Every-day Life in East Germany* // Historical Journal of Film, Radio and Television 24, no. 3 (2004): 355–364.
- Meyen, M., and K. Schwer *Credibility of Media Offerings in Centrally Controlled Media Systems: A Qualitative Study Based on the Example of East Germany* // Media, Culture & Society 29, no. 2 (2007): 284.
- Miller Llana, Sara *Cuba's Youth: Restless but Not Often Political* // Christian Science Monitor, July 26, 2008.
- Mirsky, Jonathan *Vietnam Now* // New York Review of Books, June 24, 2010.
- Mobile Phones Change Dating Habits as Saudis Search for New Identity* // Irish Times, March 3, 2009.
- Moore, Matthew *China to Lead World Scientific Research by 2020* // Daily Telegraph, January 25, 2010.
- Mostaghim, Ramin, and Borzou Daragahi *Iran's Other Youth Movement* // Los Angeles Times, June 10, 2007. Murphy, Caryle *Saudi Women Revel in Online Lives* // Global Post, February 4, 2010. www.globalpost.com/dispatch/saudi-ara-bia/100203/internet-women.
- Nelson, Michael *War of the Black Heavens: The Battles of Western Broadcasting in the Cold War*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1997.
- Orwell, George 1984. New York: Signet Classic, 1977.
- Pfaff, S., and H. Kim *Exit-Voice Dynamics in Collective Action: An Analysis of Emigration and Protest in the East German Revolution* // American Journal of Sociology 109, no. 2 (2003): 401–444.
- Porn Dominates Saudi Mobile Use* // BBC News, April 25, 2007. Posner, R. A. *Orwell Versus Huxley: Economics, Technology, Privacy, and Satire* // Philosophy and Literature 24, no. 1 (2000): 1–33.
- Postman, Neil *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. Twentieth anniversary edition. New York: Penguin Books, 2006.
- Prior, Markus *Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections*. New York: Cambridge University Press, 2007.
- Problems of Communism*. Vol. 12. Washington, DC: Documentary Studies Section, International Information Administration, U. S. Department of State, 1963.
- Quester, George H. *Before and After the Cold War: Using Past Forecasts to Predict the Future*. Portland, OR: Frank Cass, 2002. Rantanen, T. *The Old and the New: Communications Technology and Globalization in Russia* // New Media & Society 3, no. 1 (2001): 85. Rosen, S. *The Victory of Materialism: Aspirations to Join China's Urban Moneyed Classes and the Commercialization of Education* // China Journal (2004): 27–51.

- Rosenstiel, Thomas B. *TV, VCRs Fan Fire of Revolution* // Los Angeles Times, January 18, 1990.
- Roth, Philip A *Conversation in Prague* // New York Review of Books, April 12, 1990.
- Rueschemeyer, Marilyn, and Christiane Lemke *The Quality of Life in the German Democratic Republic: Changes and Developments in a State Socialist Society* . Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1989.
- Russian Internet Users Care Most About Love, Weight Losing* // Associated Press, March 22, 2010.
- Schielke, S. *Boredom and Despair in Rural Egypt* // Contemporary Islam 2, no. 3 (2008): 251–270.
- Schwoch, J. *Cold War Telecommunications Strategy and the Question of German Television* // Historical Journal of Film, Radio and Television 21, no. 2 (2001): 109–121.
- Samuels, Alana *Unlikely Forum for Iran's Youth* // Los Angeles Times, January 2, 2008.
- Sex, Social Moers, and Keyword Filtering: Microsoft Bing in the "Arabian Countries"* // OpenNet Initiative, March 4, 2010. opennet.net/sex-social-moers-and-keyword-filtering-microsoft-bing-arabian-countries.
- Snyder, Alvin A. *Warriors of Disinformation: American Propaganda, Soviet Lies, and the Winning of the Cold War* . New York: Arcade, 1997. Sola Pool, Ithiel de *Communication in Totalitarian Societies* / In: *Handbook of Communication* , ed. by Sola Pool, Ithiel de, Schramm, W., Maccoby, N., and E. Parker, 463–474. Chicago: Rand McNally, 1973.
- Sreberny, A. *The Analytic Challenges of Studying the Middle East and its Evolving Media Environment* // Middle East Journal of Culture and Communication 1, no. 1 (2008): 8–23.
- Sreberny-Mohammadi, A. *Small Media for a Big Revolution: Iran* // International Journal of Politics, Culture, and Society 3, no. 3 (1990): 341–371.
- Sullivan, Kevin *Saudi Youth Use Cellphone Savvy to Outwit the Sentries of Romance* // Washington Post, August 6, 2006. Sydell, Laura *Chinese Fans Follow American TV Online – for Free* // National Public Radio, June 24, 2008.
- Tait, Robert *Iran Launches First Online Supermarket* // Guardian, February 4, 2010.
- Talbot, David *Bing Dinged on Arab Sex Censorship* // Technology Review Editors' Blog, March 4, 2010. www.technologyreview.com/blog/editors/24891/?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter.
- Thussu, Daya Kishan *News as Entertainment: The Rise of Global Infotainment* . Thousand Oaks, CA: Sage, 2007.
- Trachtenberg, Jeffrey A. *Philip Roth on "The Humbling"* // Wall Street Journal, October 30, 2009.
- Vietnam to Offer Movies about Sex on Internet* // Reuters, July 20, 2006.
- Wang, X. *The Post-Communist Personality: The Spectre of China's Capitalist Market Reforms* // China Journal (2002): 1–17.
- Web Link to China Teen Pregnancy* // BBC News, July 10, 2007. Weitz, Eric D. *Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State* . Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Wheary, Jennifer *The Global Middle Class Is Here: Now What?* // World Policy Journal 26, no. 4 (January 2010): 75–83.
- Wilson, Ben *What Price Liberty?* London: Faber & Faber, 2009. Zhang, L. L. *Are They Still Listening? Reconceptualizing the Chinese Audience of the Voice of America in the Cyber Era* // Journal of Radio Studies 9 (2002): 317.

Глава 4. Чего хотят цензоры

Гликин, М., Костенко Н. *Чудо возможно* // Ведомости,

- 15 февраля 2010 года. Легезо, Д. *Медведев читает свой ЖЖ и решает проблемы* // CNews, 8 октября 2009 года. www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2009/10/08/364944.
- Сергей Миронов предлагает ведущим пользователям Рунета и блогерам выработать правила сетевой цензуры // ИА Прайм-ТАСС, 30 сентября 2009 года. en.rian.ru/russia/20100126/157686584.html.
- У Дмитрия Медведева появился iPad // Lenta.ru, 18 мая 2010 года. www.lenta.ru/news/2010/05/18/ipad/.
- Adams, P. C. *Protest and the Scale Politics of Telecommunications* // Political Geography 15, no. 5 (1996): 419–441.
- Agre, P. E. *Real-Time Politics: The Internet and the Political Process* // Information Society 18, no. 5 (2002): 311–331.
- Al Hussaini, Amira *Arabeyes: No to "Offensive" Blogs* // Global Voices, February 14, 2008.
- Albrecht, H. *How Can Opposition Support Authoritarianism? Les-sons From Egypt* // Democratization 12, no. 3 (2005): 378–397.
- Ameripour, Aghil, Nicholson, Brian, and Michael Newman *Internet Usage Under Authoritarian Regimes: Convivi-ality, Community, Blogging and Online Campaigning in Iran* // IDPM Working Paper 43 (2009). www.sed.manchester.ac.uk/idpm/research/publications/wp/di/di_Wp43.htm.
- Anger in China over Web Censorship // BBC News, June 30, 2009.
- Arkhipov, Ilya, and Lyubov Pronina *Putin Fire Webcams Show Power Pyramid Makes Local Leaders Reluctant to Act* // Bloomberg News, August 25, 2010.
- Baber, Z. *Engendering or Endangering Democracy? The Internet, Civil Society and the Public Sphere* // Asian Journal of Social Science 30, no. 2 (2002): 287–303.
- Bambauer, Derek E. *Cybersieves* // Duke Law Journal 59 (2009).
- Becker, J. *Lessons From Russia: A Neo-Authoritarian Media System* // European Journal of Communication 19, no. 2 (2004): 139.
- Bhagwati, Jagdish *Made in China* // New York Times Book Re-view, February 18, 2007.
- Blaydes, Lisa *Authoritarian Elections and Elite Management: Theory and Evidence from Egypt* . Presented at the Conference on Dictator-ships: Their Governance and Social Consequences , Princeton Univer-sity, April 2008. www.princeton.edu/~piirs/Dictatorships042508/Blaydes.pdf.
- Boix, Carles, and Milan Svolik *The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions and Power-Sharing in Dic-tatorships* // Social Science Research Network Working Paper Se-ries, June 1, 2010.
- Bueno De Mesquita, Ethan *Regime Change and Revolutio-nary Entrepreneurs* // American Political Science Review 104 (3): 446–466.
- Builder, Carl H., and Steven C. Bankes *The Etiology of European Change* . Santa Monica, CA: RAND, 1990.
- Burrows, Peter *Internet Censorship, Saudi Style* // Business Week, November 13, 2008.
- Cheng, C. T. *New Media and Event: A Case Study on the Power of the Internet* // Knowledge, Technology & Policy 22, no. 2 (2009): 145–153.
- Chiou, Jing-Yuan, Dincecco, Mark, and David Rahman *Private Information and Institutional Change: The Case of Foreign Threats* // Social Science Research Network Working Paper Series, December 22, 2009.
- Collier, D., and S. Levitsky *Democracy with Adjectives: Con-ceptual Innovation in Comparative Research* // World Politics 49, no. 3 (1997): 430–451.
- Converse, P. E. *Power and the Monopoly of Information* // The American Political Science Review 79, no. 1 (1985): 1–9.
- Cooper, B. *The Western Connection: Western Support for the East Ger-man Opposition* // German Politics and Society 21, no. 4 (2003): 74–93.
- Corrales, J., and F. Westhoff *Information Technology Adoption and Political Regimes* //

International Studies Quarterly 50, no. 4 (2006): 911–933.

De Mesquita, B. B., and G. W. Downs *Development and De-mocracy* // Foreign Affairs 84, no. 5 (2005): 77–86.

Deibert, Ronald, Palfrey, John G., Rohozinski, Rafal, and Jonathan Zittrain *Access Denied: The Practice and Policy of Global Internet Filtering* . Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

Deibert, Ronald, Palfrey, John G., Rohozinski, Rafal, and Jonathan Zittrain *Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace* . Cambridge, MA: MIT Press, 2010.

Drezner, Daniel *Weighing the Scales: The Internet's Effect on State-Society Relations* // Brown Journal of World Affairs 16, no. 2 (2010).

Egorov, G., Guriev, S., and K. Sonin *Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data* // American Political Science Review 103, no. 04 (2009): 645–668.

Elhadj, Elie *The Islamic Shield: Arab Resistance to Democratic and Religious Reforms* . Boca Raton, FL: BrownWalker Press, 2007. Fletcher, Owen *China Pays Web Users to Find Porn Amid Crack-down* // IDG News Service, January 19, 2010.

Friedman, Thomas L. *The Lexus and the Olive Tree* . New York: Farrar, Straus, Giroux, 2000.

Friedrich, Carl Joachim, and Zbigniew Brzezinski *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* . Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.

Gandhi, J., and A. Przeworski *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // Comparative Political Studies 40, no. 11 (2007): 1279.

Gans-Morse, J. *Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm* // Post-Soviet Affairs 20, no. 4 (2004): 320–349.

Geddes, B. *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Pre-sented to the Annual Meeting of the American Political Science Association, 2005.

Habermas, J. *Political Communication in Media Society: Does De-mocracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research* // Communication Theory 16, no. 4 (2006): 411–426.

He, B., and M. E. Warren *Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development* / In: Proceedings of the American Political Science Association Annual Meeting, vol. 28. Boston: American Political Science Association, 2008.

Hearn, K. *The Management of China's Blogosphere Boke (Blog)* // Continuum 23, no. 6 (2009): 887–901.

Hearn, K., and B. Shoesmith *Exploring the Roles of Elites in Managing the Chinese Internet* // Javnost – The Public, Vol 11 (2004) 101–114.

Hille, Kathrin *The Net Closes* // Financial Times, July 18, 2009. Hoover, D., and D. Kowalewski *Dynamic Models of Dissent and Repression* // Journal of Conflict Resolution 36, no. 1 (1992): 150–182.

Huang, Haifeng *Media Freedom, Governance, and Regime Stability in Authoritarian States* . Unpublished Paper, 2008.

Huntington, Samuel P. *The Third Wave: Democratization In the Late Twentieth Century* . Norman: University of Oklahoma Press, 1993.

Jiang, M., and H. Xu *Exploring Online Structures on Chinese Government Portals: Citizen Political Participation and Government Legitimation* // Social Science Computer Review 27, no. 2 (2009): 174–195.

Johnson, Erica, and Beth Kolko *E-Government and Transparency in Authoritarian Regimes: Comparison of National- and City-Level E-Government Websites in Central Asia* . Presented at the Annual Meeting of the International Studies Association, 2010.

Johnston, H., and C. Mueller *Unobtrusive Practices of Contention in Leninist Regimes* // Sociological Perspectives 44, no. 3 (2001): 351–375.

Kaplan, Jeremy A. *China Expanding Censorship to Text Messages* // FOX News.com, January

20, 2010. www.foxnews.com/scitech/2010/01/20/china-expanding-censorship-text-messages/.

Kapstein, E. B., and N. Converse *Why Democracies Fail* // Journal of Democracy 19, no. 4 (2008): 57–68.

Kaufman, Stephen *Bloggers in Mauritania Form a Union* // America.gov, August 8, 2008. www.america.gov/st/democracy-english/2008/April/20080408172637liameruoy0.9660608.html.

Kennedy, J. J. *Maintaining Popular Support for the Chinese Communist Party: The Influence of Education and the State-Controlled Media* // Political Studies 57, no. 3 (2009): 517–536.

Kluver, R. *The Architecture of Control: A Chinese Strategy for E-Governance* // Journal of Public Policy 25, no. 1 (2005): 75–97.

Kluver, R. *US and Chinese Policy Expectations of the Internet* // China Information 19, no. 2 (2005): 299.

Kluver, R., and C. Yang *The Internet in China: A Meta-Review of Research* // Information Society 21, no. 4 (2005): 301–308. Kramer, Andrew E., and Jenna Wortham *Professor Main Target of Assault on Twitter* // New York Times, August 7, 2009. Kristof, Nicholas D. *Death by a Thousand Blogs* // New York Times, May 24, 2005.

Lacharite, J. *Electronic Decentralisation in China: A Critical Analysis of Internet Filtering Policies in the People's Republic of China* // Australian Journal of Political Science 37, no. 2 (2002): 333–346.

Lagerkvist, J. *The Techno-Cadre's Dream: Administrative Reform by Electronic Governance in China Today?* // China Information 19, no. 2 (2005): 189.

Latham, K. *SMS, Communication, and Citizenship in China's Information Society* // Critical Asian Studies 39, no. 2 (2007): 295–314.

Levitsky, S., and L. A. Way *The Rise of Competitive Authoritarianism* // Journal of Democracy 13, no. 2 (2002): 51–65.

Levy, Clifford J. *Videos Rouse Russian Anger Toward Police* // New York Times, July 27, 2010.

Li, S. *The Online Public Space and Popular Ethos in China* // Media, Culture & Society 32, no. 1 (2010): 63.

MacKinnon, R. *Flatter World and Thicker Walls? Blogs, Censorship and Civic Discourse in China* // Public Choice 134, no. 1 (2008): 31–46.

MacKinnon, R. *Liberty or Safety? Both – or Neither* // IEEE Spectrum, May 2010.

Magaloni, B., and J. Wallace *Citizen Loyalty, Mass Protest and Authoritarian Survival*. Presented at the *Conference on Dictatorships: Their Governance and Social Consequences*, Princeton University, April 2008.

Markoff, J. *Iranians and Others Outwit Net Censors* // New York Times, April 30, 2009.

Medvedev Looks to Singapore for Electronic Efficiency // Reuters, November 11, 2009.

Meng, B. *Moving Beyond Democratization: A Thought Piece on the China Internet Research Agenda* // International Journal of Communication 4 (2010): 501–508.

Miradova, M. *Azerbaijan: Webcams Used for "Transparent" Municipal Elections* // EurasiaNet.org, December 22, 2009.

Moore, M. *China's Internet Porn Reward Drives Rise in Online Erotic Searches* // Daily Telegraph, December 7, 2009.

O'Brien, K. J. *How Authoritarian Rule Works* // Modern China 36, no. 1 (2010): 79–86.

Our Chip Has Come In // New Republic 200, no. 24 (1989): 7–8. Pickel, A. *Authoritarianism or Democracy? Marketization as a Political Problem* // Policy Sciences 26, no. 3 (1993): 139–163.

Press Conference with Secretary Gates and Adm. Mullen. Transcript.

U. S. Department of Defense, June 18, 2009.

Ramstad, E. *Gulags, Nukes and a Water Slide: Citizen Spies Lift North Korea's Veil* // Wall Street Journal, May 22, 2009. Roberts, H. *China Bans the Letter "F"* // Watching Technology, June 12,

2009. blogs.law.harvard.edu/hroberts/2009/06/12/china-bans-the-letter-f/.
- Rodan, G. *The Internet and Political Control in Singapore* // *Political Science Quarterly* 113, no. 1 (1998): 63–89.
- Rosen, S. *Is the Internet a Positive Force in the Development of Civil Society, a Public Sphere, and Democratization in China?* // *International Journal of Communication* 4 (2010): 509–516.
- Rothstein, B. *Creating Political Legitimacy: Electoral Democracy Versus Quality of Government* // *American Behavioral Scientist* 53, no. 3 (2009): 311.
- Rubin, M. *The Telegraph, Espionage, and Cryptology in Nineteenth Century Iran* // *Cryptologia* 25, no. 1 (2001): 18–36.
- Russian Opposition Newspaper Comes Under Hacker Attack* // Agence France-Presse, January 26, 2010.
- Satarov, G. *Don't Expect Miracles From Russia's "Authoritarian Modernization"* // Radio Free Europe / Radio Liberty, February 21, 2010.
- Saudi Religious Police Launch Facebook Group* // Al Arabiya, November 8, 2009.
- Saunders, R. *Wiring the Second World: The Geopolitics of Information and Communications Technology in Post-Totalitarian Eurasia* // *Russian Cyberspace Journal* 1 (2009).
- Schucher, G. *Liberalization in Times of Instability: Margins of Un-conventional Participation in Chinese Authoritarianism* // Social Science Research Network Working Paper Series, December 5, 2009.
- Schuppan, T. *E-Government in Developing Countries: Experiences from Sub-Saharan Africa* // *Government Information Quarterly* 26, no. 1 (2009): 118–127.
- Seligson, A. L., and J. A. Tucker *Feeding the Hand That Bit You: Voting for Ex-Authoritarian Rulers in Russia and Bolivia* // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 13, no. 1 (2005): 11–44.
- Shepherd, T. *Twittering in the OECD's "Participative Web": Micro-blogging and New Media Policy* // *Global Media Journal* 2, no. 1 (2009): 149–165.
- Shilton, K. *Four Billion Little Brothers? Privacy, Mobile Phones, and Ubiquitous Data Collection* // *Communications of the ACM* 52, no. 11 (2009): 48–53.
- Shultz, G. P. *New Realities and New Ways of Thinking* // *Foreign Affairs* 63, no. 4 (1985): 705–721.
- Siegel, D. A. *Social Networks and Collective Action* // *American Journal of Political Science* 53, no. 1 (2009): 122–138.
- Sola Pool, Ithiel de *Communication in Totalitarian Societies* / In: *Handbook of Communication*, ed. by Sola Pool, Ithiel de, Schramm, W., Maccoby, N., and E. Parker, 463–474. Chicago: Rand McNally, 1973.
- Thai Website to Protect the King* // BBC News, February 5, 2009. Thornton, P. M. *Censorship and Surveillance in Chinese Cyber-space: Beyond the Great Firewall* / In: *Chinese Politics: State, Society and the Market*, ed. by Gries, P. H., and S. Rosen, 179–198. New York: Routledge, 2010.
- Thussu, D. K. *News as Entertainment: The Rise of Global Infotainment*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007.
- Toffler, A. *The Third Wave*. New York: Bantam Books, 1981. Union, S., and H. Steve *Deliberative Institutions as Mechanisms for Managing Social Unrest: The Case of the 2008 Chongqing Taxi Strike* // *China: An International Journal* 7 (2009): 336–352.
- Wang, X. *Mutual Empowerment of State and Society: Its Nature, Conditions, Mechanisms, and Limits* // *Comparative Politics* 31, no. 2 (1999): 231–249.
- Warschauer, M. *Singapore's Dilemma: Control Versus Autonomy in IT-Led Development* // *Information Society* 17, no. 4 (2001): 305–311. Webster, G. *Writing "Bass Ackwards" to Defeat Censorship in China* //
- Sinobyte: China and Technology, CNET News, July 2, 2008. news.cnet.com/830113908_3-9982672-59.html.
- Weiss, C. *Science, Technology and International Relations* // *Technology in Society* 27, no. 3 (2005): 295–313.

Wohlstetter, A. *The Fax Shall Make You Free*. Address to President Havel's Peaceful Road to Democracy Conference, Prague, July 4–6, 1990. profiles.nlm.nih.gov/BB/A/R/X/K/_/bbarxk.ocr.

Wong, A. *More Government Bodies Listen to Views Online* // Today (Singapore), November 4, 2009.

Wriston, W. B. *Bits, Bytes, and Diplomacy* // Foreign Affairs 76, no. 5 (1997): 172–182.

Глава 5. Добро пожаловать в “спинтернет”

Андреев Леха Константин Рыков: “Нет никакой политической ангажированности” // Вебпланета, 2 декабря 2008 года. www.webplanet.ru/interview/business/2008/12/02/rykov.html.

Белобородова О. *Вместо среднего класса возникли новые сердитые* // Взгляд, 1 июля 2010 года. www.vz.ru/politics/2010/7/1/415114.html.

Блогеры ЖЖ начали продавать и покупать популярность // Веб-планета, 9 ноября 2006 года. webplanet.ru/news/life/2006/11/09/rykov.html.

Будагарин М. Медведеву и Обаме не нужны Первый канал и Си-эн-эн // Взгляд, 12 января 2010 года. www.vz.ru/politics/2010/1/12/364498.html.

В Ленобласти стартовал конкурс блогеров “Местный блог- 2009” //

Regions.ru, 6 августа 2009 года. www.regions.ru/news/2231453/.

В Махачкале откроется школа блогеров // РИА Дагестан, 19 февраля 2010 года. www.riadagestan.ru/news/2010/02/19/92692/.

Госдума поддержала компьютерный патриотизм // BFM.ru, 15 февраля 2010 года. www.bfm.ru/articles/2010/02/15/gosduma-predl-agaet-igrat-s-patriotizmom.html.

Единоросс Рыков запустил онлайн-ТВ // Вебпланета, 10 октября

2007 года. webplanet.ru/news/life/2007/10/10/rykov_edrussia.html. Интервью: Мария Сергеева // Moscow News, 5 марта 2009 года. Интернет раздвинул границы времени // Дни.ру, 21 апреля

2009 года. www.dni.ru/tech/2009/4/21/164475.html. Нагорных И., Беспалова Н. “Единая Россия” предложит видеосервис // Коммерсант, 21 августа 2008 года. www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1013903.

Прямая речь // Коммерсант, 16 ноября 2006 года. www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=720472.

Торговля “идеологической картошкой” // ОПРФ, 26 мая 2009 года. www.oprf.ru/newsblock/news/2468/chamber_news?returnto=0&n=1.

Якеменко Б. *Церковь должна бороться за молодежь в интернете* // Regions.ru, 5 февраля 2009 года. www.regions.ru/news/location01824/2194524/.

Akhvlediani, M. *The Fatal Flaw: The Media and the Russian Invasion of Georgia* // Small Wars & Insurgencies 20, no. 2 (2009): 363–390.

Amir-Ebrahimi, M. *Blogging from Qom, Behind Walls and Veils* // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East 28, no. 2 (2008): 235.

Bandurski, David *China's Guerrilla War for the Web* // Far Eastern Economic Review, July 2008.

Barry, Ellen *War on a Cultural Battlefield: On Anniversary of Fight over South Ossetia, Rage Is Still Raw in the Region* // International Herald Tribune, August 8, 2009.

Boudreaux, Richard *Bucks Populi: Making Democracy a Going*

Concern in Kiev // Wall Street Journal, February 5, 2010. Brady, Anne-Marie *Marketing Dictatorship: Propaganda and*

Thought Work in Contemporary China. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008.

Brady, Anne-Marie *Mass Persuasion as a Means of Legitimation and China's Popular Authoritarianism* // American Behavioral Scientist 53, no. 3 (2009): 434.

Brady, Anne-Marie *Regimenting the Public Mind: The Modernization of Propaganda in the PRC* // International Journal 57 (2001): 563.

Brady, Anne-Marie *The Beijing Olympics as a Campaign of Mass Distraction* // China

Quarterly 197 (2009): 1–24.

Brady, Anne-Marie *Treat Insiders and Outsiders Differently: The Use and Control of Foreigners in the PRC* // China Quarterly 164 (2009): 943–964.

Cairncross, Frances *The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives*. Cambridge, MA: Harvard Business Press, 1997.

Cancel, Daniel *Chávez Adds iPod to Portfolio After Embracing BlackBerry, Twitter Account* // Bloomberg News, July 21, 2010. Cancel, Daniel *Chávez Says Twitter, Blackberry Are “Secret Weapon”* // Business Week, April 29, 2010.

Cancel, Daniel *Chávez to Join Obama, Castro in Adding Twitter to Media Arsenal* // Business Week, April 26, 2010.

Chávez Beefs Up Twitter Moves with State Funds, Staff // Agence France-Presse, November 5, 2010.

China’s Internet “Spin Doctors” // BBC News, December 16, 2008. China, Eyanir *Venezuela’s Chatty Leader Chávez Joins Twitter* //

Reuters, April 27, 2010.

Crovitz, Gordon L. *China’s Web Crackdown Continues* // Wall Street Journal, January 10, 2010.

Diaz, Marianne *President Chávez and His “Communicational Guerrilla”* // Global Voices Advocacy, April 16, 2010. advocacy. globalvoicesonline.org/2010/04/16/president-chavez-and-his-communicational-guerrilla/.

Ding, S. *Informing the Masses and Heeding Public Opinion: China’s New Internet-Related Policy Initiatives to Deal with Its Governance Crisis* // Journal of Information Technology & Politics 6, no. 1 (2009): 31–42.

Eadie, William F. *Twenty-First Century Communication: A Reference Handbook*. Vol. 1. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.

Ernkvist, M., and P. Strom *Enmeshed in Games with the Government: Governmental Policies and the Development of the Chinese Online Game Industry* // Games and Culture 3, no. 1 (2008): 98.

Esfandiari, Golnaz *Iranian Social Networking, Hard-Line Style* // Radio Free Europe/Radio Liberty, July 29, 2010.

Fareed, M. *China Joins a Turf War* // Guardian, September 22, 2008.

Fossato, F. *Web Captives* // Index on Censorship 38, no. 3 (2009): 132. Fowler, G. A., and J. Ye *Chinese Bloggers Scale the “Great Fire-wall” in Riot’s Aftermath* // Wall Street Journal, July 2, 2008.

Franchetti, M. *Maria Sergeyeva: Putin’s Rising Star* // Sunday Times, March 8, 2009.

French, H. W. *As Chinese Students Go Online, Little Sister Is Watching* // New York Times, May 9, 2006.

Fu, R. *China’s Anti-Blogging Strategy: Tell the Truth, and Fast* // China Internet Watch, July 30, 2009. www.chinainternetwatch.com/193/china%E2%80%99s-anti-blogging-strategy-tell-the-truth-and-fast/.

Geddes, B., and J. Zaller *Sources of Popular Support for Authoritarian Regimes* // American Journal of Political Science 33, no. 2 (1989): 319–347.

Goodin, Dan *Security Boss Calls for End to Net Anonymity* // Register, October 16, 2009. www.theregister.co.uk/2009/10/16/kaspersky_rebukes_net_anonymity/.

Gribanov, A., and M. Kowell *Samizdat According to Andropov* // Poetics Today 30, no. 1 (2009): 89.

Hassan, Amro *Egypt: Gamal Mubarak Turns to the Web* // Los Angeles Times, August 13, 2009.

He, Z. *SMS in China: A Major Carrier of the Nonofficial Discourse Universe* // Information Society 24, no. 3 (2008): 182–190. Hearn, K., and A. Willis *Lei Feng Lives On in Cyberspace* / In:

Proceedings of the 3rd International Conference on Digital Interactive Media in

- Entertainment and Arts*, 248–255. ACM International Conference Proceeding Series, vol. 349. 2008.
- Hille, Kathrin *Internet Anger Forces Jail Death U-Turn* // Financial Times, February 28, 2009.
- Hille, Kathrin *The Net Closes* // Financial Times, July 18, 2009. Hodge, Nathan *Kremlin Launches “School of Bloggers”* // Danger Room, Wired, May 27, 2009. www.wired.com/dangerroom/2009/05/kremlin-launches-school-of-bloggers/.
- Iran’s Bloggers Thrive Despite Blocks* // BBC News, December 15, 2008.
- Jacobs, Andrew *China’s Answer to a Crime Includes Amateur Sleuths* // New York Times, February 24, 2009.
- Jung, Sung-ki *Russian Experts Arrive to Review Cheonan Findings* // Korea Times, May 31, 2010.
- Keohane, Joe *How Facts Backfire* // Boston Globe, July 11, 2010.
- Kim, Tae-gyu *“Sleeper Effect” Causes People to Be Swayed by Rumors* // Korea Times, June 2, 2010.
- Kshetri, N. *The Evolution of the Chinese Online Gaming Industry* // Journal of Technology Management in China 4, no. 2 (2009): 158–179. LaFraniere, Sharon *China Adds a Feature to Phones: Patriotism* // New York Times, September 30, 2009.
- Landsberger, S. R. *Learning by What Example? Educational Propaganda in Twenty-First-Century China* // Critical Asian Studies 33, no. 4 (2001): 541–571.
- Latynina, Y. *Why Putin Isn’t Afraid of a Free Internet* // Moscow Times, March 24, 2010.
- Lee, C. C., He, Z., and Y. Huang *Chinese Party Publicity Inc. Conglomerated: The Case of the Shenzhen Press Group* // Media, Culture & Society 28, no. 4 (2006): 581.
- Levine, Yasha *Blogger Gorshkov Will Dish Dirt on Russian Politicians* // Wired, August 16, 2010.
- Li, Datong *China’s Leaders, the Media and the Internet* // Open-Democracy, July 8, 2008. www.opendemocracy.net/article/china-s-leaders-and-the-internet.
- LiÑán, Miguel Vázquez *History as a Propaganda Tool in Putin’s Russia* // Communist and Post-Communist Studies 43, no. 2 (June 2010): 167–178.
- LiÑán, Miguel Vázquez *Putin’s Propaganda Legacy* // Post-Soviet Affairs 25, no. 2 (2009): 137–159.
- Lollar, X. L. *Assessing China’s E-Government: Information, Service, Transparency and Citizen Outreach of Government Websites* // Journal of Contemporary China 15, no. 46 (2006): 31–41.
- Lu, J., and I. Weber *State, Power and Mobile Communication: A Case Study of China* // New Media & Society 9, no. 6 (2007): 925. Mallpas, A. *The Bombastic Blonde of the Blogosphere* // Moscow Times, February 13, 2009.
- Millan, M. *USocial CEO: “We’re Gaming Digg”* // Technology Blog, Los Angeles Times, March 5, 2009. latimesblogs.latimes.com/technology/2009/03/usocial-digg.html.
- Molinski, D. *Venezuelan President’s First Tweets Lure 204,000 Followers* // Speakeasy Blog, Wall Street Journal, May 5, 2010. blogs.wsj.com/speakeasy/2010/05/05/hugo-chavez-joins-twitter-asks-whats-up/.
- Nathan, A. *Medals and Rights* // New Republic, July 9, 2008.
- Noelle-Neumann, E. *The Spiral of Silence: Public Opinion, Our Social Skin*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. Novruzov, A. S. *Facebook and Plans of the Party* // In: Mutatione Fortitudo Blog, June 5, 2010. blog.novruzov.az/2010/06/facebook-and-plans-of-party.html.
- Olshansky, E. *A “Russian Sarah Palin”? Meet Pro-Putin Activist Maria Sergeyeva, Russia’s Rising Political Star* // New York Daily News, March 9, 2009.

- Osipovich, A. *Noize MC, aka Ivan Alexeyev, and Russian Rap In-spire a Movement* // Wall Street Journal, July 24, 2010.
- Page, Lewis *NSA Offering "Billions" for Skype Eavesdrop Solution* // Register, February 12, 2009. www.theregister.co.uk/2009/02/12/nsa_offers_billions_for_skype_pwnage/.
- Podger, Corinne *China Marshalls Army of Bloggers* // Connect Asia. Radio Australia, August 21, 2008.
- Pretel, Enrique Andres *Twitter's Heady Rise Has Venezuela's Hugo Chávez in Spin* // Reuters, March 30, 2010.
- Ramzy, Austin *In China, Suspicious Jail Deaths on the Rise* // Time, March 7, 2008.
- Rogers, Paul *Streisand's Home Becomes Hit on Web* // Mercury News, June 24, 2003.
- Romero, Simon *Building a New History By Exhuming Bolívar* // New York Times, August 3, 2010.
- Shaer, Matthew *From the Tumult in Iran, Twitter Emerges as a Powerful Social Tool* // Christian Science Monitor, June 17, 2009. Shambaugh, D. *China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy* // China Journal 57 (January 2007): 25.
- Si-Soo, Park *Police Hunt for Cheonan Rumors* // Korea Times, June 1, 2010.
- Soldatov, A. *Kremlin.com* // Index on Censorship 39, no. 1 (2010): 71. Solove, Daniel J. *Understanding Privacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.
- Stewart, Will *Putin's Poster Girl: Pin-up Politician Who Hates the West... but Loves Thatcher* // Daily Mail, March 15, 2009. Sunstein, C. R., and A. Vermeule *Conspiracy Theories: Causes and Cures* // Journal of Political Philosophy 17, no. 2 (2009): 202–227.
- Tamayo, Juan *Cuba Fighting Blogs with Blogs* // Miami Herald, December 13, 2009.
- Taylor, D. G. *Pluralistic Ignorance and the Spiral of Silence: A Formal Analysis* // Public Opinion Quarterly 46, no. 3 (1982): 311.
- Texting in China: Well-red* // The Economist, February 18, 2010. Troianovski, Anton, and Peter Finn *Kremlin Seeks to Ex-tend Its Reach in Cyberspace* // Washington Post, October 28, 2007.
- Umaru Yar'adua Regime Launches \$ 5 Million Online War* // Sahara Re-porters, June 16, 2009. saharareporters.com.
- Vietnam to Tighten Control over Online Games* // Vietnam News Briefs, April 15, 2010.
- Volkova, Marina *Church to Enhance Its Influence Through Blog-ging* // Voice of Russia, July 19, 2010. english.ruvr.ru/2010/07/19/12756896.html.
- Von Twickel, Nikolaus *Putin Calls Hip-Hop a Cure for Booze, Drugs* // Moscow Times, November 16, 2009.
- Walker, Christopher *Repressing the Media* // Miami Herald, April 30, 2010.
- Wang, Z. *Explaining Regime Strength in China* // China: An International Journal 4, no. 2 (2006): 217–237.
- Watts, Jonathan *Old Suspicions Magnified Mistrust into Ethnic Ri-ots in Urumqi* // Guardian, July 10, 2009.
- Wong, E. *Vice President Turns to Speech Editing* // New York Times, May 13, 2010.
- Wu, Zhong *China's Internet Awash with State Spies* // Asia Times On-line, August 14, 2008. www.atimes.com/atimes/China/JH14Ad01.html.
- Ye, J. *"Hidden Cat": A Prisoner's Death Gives New Meaning to Chil-dren's Game* // China Real Time Report Blog, Wall Street Jour-nal, February 18, 2009. blogs.wsj.com/chinarealtime/2009/02/18/hidden-cat-a-prisoners-death-gives-new-meaning-to-childrens-game/.
- Yiannopoulos, M. *What is "The Streisand Effect"?* // Milo Yian-nopoulos Blog, Daily Telegraph, January 31, 2009. blogs.telegraph.co.uk/technology/miloyiannopoulos/8248311/What_is_The_Streisand_Effect/.
- Zhang, J. *Will the Government "Serve the People"? The Development of Chinese E-Government* // New Media & Society 4, no. 2 (2002): 163. Zhou, Yu *The*

Inside Story of China's High-Tech Industry: Making Silicon Valley in Beijing . Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008.

Глава 6. КГБ приглашает вас в “Фейсбук”

Андрианов К., Козенко А. “Мемориал” повернул обыск вспять // Коммерсант, 21 марта 2009 года. www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1142280.

Блогеры сообщают, что ФСБ просит удалять посты на тему акций протеста // Рамблер-Новости, 24 декабря 2008 года. news.rambler.ru/Russia/head/1634066/?abstroff=0.

Даутин А. Чем больше оппозиционеров, тем хуже связь? // Белорусские новости, 29 марта 2006 года. naviny.by/rubrics/mo-bile/2006/03/29/ic_articles_127_133799/.

Кондратьев А., Подрез Т. Минкомсвязи выделит 10 млн руб. на e-mail адреса на кириллице // Маркер, 4 июня 2010 года. www.marker.ru/news/891.

Московская милиция мониторит “Твиттер” // Вебпланета, 10 ноября 2009 года. webplanet.ru/news/life/2009/11/10/iopasnaitrud-na.html.

Плющев, Александр Поисковые системы как стратегический и политический ресурс // Эхо Москвы, 24 января 2010 года. echo.msk.ru/programs/tochka/651123-echo/.

Панкавец, Зміцер КДБ вербує празькі // vkontakte.ru // Наша ніва, 19 декабря 2009 года. <http://nn.by/?c=ar&i=23079>.

Armstrong Moore, E. *Google Flu Trends: Take with Grain of Salt* // CNET News, May 17, 2010. news.cnet.com/8301-27083_3-20005150-247.html.

Azerbaijani Authorities Interrogate Music Fan over Eurovision Vote for Armenia // Radio Free Europe/Radio Liberty, August 14, 2009.

Balduzzi, M., et al. *Abusing Social Networks for Automated User*

Profiling // International Secure Systems Lab (March 2010). Bannon, L. J. *Forgetting as a Feature, not a Bug: The Duality of Memory and Implications for Ubiquitous Computing* // CoDesign 2, no. 1 (2006): 3–15.

Bennett, C. J., and C. D. Raab *The Governance of Privacy: Policy Instruments in Global Perspective* . Farnham, UK: Ashgate, 2003.

Bilton, N. *An Average American Consumes 34 Gigabytes a Day, Study Says* // New York Times, December 9, 2009.

Blanchette, J. F., and D. G. Johnson *Data Retention and the Panoptic Society: The Social Benefits of Forgetfulness* // Information Society 18, no. 1 (2002): 33–45.

Bonneau, J., Anderson, J., Anderson, R., and F. Stajano *Eight Friends Are Enough: Social Graph Approximation via Public Listings* / In: Proceedings of the Second ACM EuroSys Workshop on Social Network Systems, 13–18. 2009.

Bunyan, T. *Just over the Horizon: The Surveillance Society and the State in the EU* // Race & Class 51, no. 3 (2010): 1.

Cambodia Shuts Off SMS Ahead of Elections // Associated Press, April 2, 2007.

Carver, G. A., Jr. *Intelligence in the Age of Glasnost* // Foreign Affairs 69 (1989): 147.

Clover, C. *Stalin-Era Files Raided in “War over Memory”* // Financial Times, December 7, 2008.

Cohen, J. *Children of Jihad: A Young American's Travels Among the Youth of the Middle East* . New York: Gotham, 2007.

Dementis, G., and G. Sousa *A Legal Reasoning Component of a Network Security Command and Control System* . Master's thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, CA, 2010.

Dodge, M., and R. Kitchin *The Ethics of Forgetting in an Age of Pervasive Computing* // CASA Working Papers 92 (2005). Elliott, C. *Hotels Connecting Dots to Online Reviewers* // Tribune

Media Services, June 4, 2010.

Faris, R., Roberts, H., and S. Wang *China's Green Dam: The Implications of Government Control Encroaching on the Home PC* // OpenNet Initiative, June 2009. opennet.net/chinas-green-

dam-the-implications-government-control-encroaching-home-pc.

Fassihi, F. *Iranian Crackdown Goes Global* // Wall Street Journal, December 3, 2009.

FBI Backs Record-Keeping on Prepaid Cell Phones // Associated Press, July 31, 2010.

George-Cosh, D. *Blackberry Maker Silent on UAE Security Talks* // National (Abu Dhabi), July 29, 2010.

Google: Critics of Vietnam Mine Face Online Attack // Associated Press, March 31, 2010.

Google Says Vietnam Mine Opponents Under Cyber Attack // BBC News, March 31, 2010.

Government to Banish Unbranded Mobile Phones // SiliconIndia, July 14, 2010. www.siliconindia.com/shownews/Government_to_banish_unbranded_mobile_phones_-nid-69662.html.

Graham, S., and D. Wood *Digitizing Surveillance: Categorization, Space, Inequality* // Critical Social Policy 23, no. 2 (2003): 227. Heintz, J. *Text Messages Warn of Violence in Belarus* // Associated

Press, March 18, 2006.

Helft, M. *Google Uses Web Searches to Track Flu's Spread* // New York Times, November 11, 2008.

Hille, K. *Censorship Fears Grow as IBM Tool Bolsters Chinese Spam Curb* // Financial Times, March 25, 2010.

Hille, K. *Censorship Fears over China Spam Curb* // Financial Times, March 24, 2010.

Hille, K. *China Bolsters Internet Censors' Scrutiny* // Financial Times, January 5, 2009.

Holland, H. B. *Privacy Paradox 2.0* // 19 Widener Law Journal 893 (2010).

Home Office Targets Terror-Related Websites // BBC News, February 1, 2010.

Huber, M., Kowalski, S., Nohlberg, M., and S. Tjoa *To-wards Automating Social Engineering Using Social Networking Sites* / In: 2009 International Conference on Computational Science and Engineering, 117–124.

India Bans Chinese Telecom Equipment // Associated Press, April 30, 2010. *Iran's Police Vow No Tolerance Towards Protesters* // Reuters, February 6, 2010.

Johnson, C. Y. *Project "Gaydar": An MIT Experiment Raises New Questions About Online Privacy* // Boston Globe, September 20, 2009.

Jonietz, E. *Augmented Identity* // Technology Review, February 23,

2010. www.technologyreview.com/computing/24639/?a=f. Kazmin, A. *Police Threaten Kashmiri Facebook Users* // Financial Times, July 19, 2010.

Kirk, J. *Vietnam Rebuffs Hacking Claims from Google* // IDG News Service, April 6, 2010.

Krishna, Jai *India Minister: Security Agencies Have Concerns over Blackberry Services* // Wall Street Journal, July 27, 2010.

Lemos, Robert *Your Groups Tell Hackers Who You Are* // Technology Review, July 23, 2010. www.technologyreview.com/printer_friendly_article.aspx?id=25852&channel=web&section=.

Lukyanenko, Peter, and Cathy Young *Tricks of the KGB trade* // Harper's Magazine, January 1992.

Mayer-Schonberger, Viktor *Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.

McMillan, Robert *Activists Worry About a New "Green Dam" in Vietnam* // IDG News Service, June 4, 2010.

Morar, Natalia *Blog for Democracy, from the Streets of Moldova* // Open-Democracy, April 8, 2009. www.opendemocracy.net/article/email/blog-for-democracy-from-the-streets-of-moldova.

Mumford, Lewis *The Pentagon of Power*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.

Nigeria: New Policy on Mobile Phone SIM Cards // Daily Trust, January 11, 2010. allafrica.com/stories/201001110286.html.

Note to Readers // New York Times, September 13, 2009. www.nytimes.com/2009/09/13/business/media/13note.html?_r=1.

Owad, Tom *Data Mining 101: Finding Subversives with Amazon Wishlists* // Applefritter, January 4, 2006. www.applefritter.com/bannedbooks.

P 2P Comes to the Aid of Audiovisual Search // PhysOrg.com. November 18, 2009. www.physorg.com/news177780052.html.

Page, Lewis *NSA Offering "Billions" for Skype Eavesdrop Solution* // Register, February 12, 2009. www.theregister.co.uk/2009/02/12/nsa_offers_billions_for_skype_pwnage/.

Palmer, Maija *Face Recognition Software Gaining a Broader Can-vas* // Financial Times, May 22, 2010.

Palmer, Maija *Google Debates Face Recognition Technology After Privacy Blunders* // Financial Times, May 20, 2010.

Peterson, Kristina *Intelligence Agents Borrow Wall Street Trading Technology* // Wall Street Journal, May 28, 2010.

Scheck, Justin *Stalkers Exploit Cellphone GPS* // What They Know series, Wall Street Journal, August 3, 2010.

Sharma, A. *Cyber Wars: A Paradigm Shift from Means to Ends* // Strategic Analysis 34, no. 1 (2010): 62–73.

Simonite, Tom *Surveillance Software Knows What a Camera Sees* // Technology Review, June 1, 2010. www.technologyreview.com/computing/25439/?a=f.

Soar, Daniel *Short Cuts* // London Review of Books, August 14, 2008. Soghoian, Christopher *Caught in the Cloud: Privacy, Encryption, and Government Back Doors in the Web 2.0 Era* // Journal of Telecommunications and High Technology Law, August 17, 2009.

Soghoian, Christopher *Exclusive: Widespread Cell Phone Location Snooping by NSA?* // Surveillance State, CNET News, September 8, 2008. news.cnet.com/8301-13739_3-10030134-46.html?tag=mncol;title.

Solove, Daniel J. *The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age. Ex Machina*. New York: New York University Press, 2004.

Solove, Daniel J. *Do Social Networks Bring the End of Privacy?* // Scientific American, September 2008.

Solove, Daniel J. *I've Got Nothing to Hide and Other Misunderstandings of Privacy* // San Diego Law Review 44 (2007): 745. Solove, Daniel J. *Understanding Privacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.

Sternstein, Aliya *Lawmaker Questions White House Official's Use of Gmail* // Nextgov, April 12, 2010. www.nextgov.com/next-gov/ng_20100412_6003.php.

Stone, Brad T. M. *I.? Not for Sites Focused on Sharing* // New York Times, April 22, 2010.

Timmons, Heather *India Wary of Chinese Telecom Equipment* // New York Times, April 30, 2010.

Vietnam: Farmers to Get Free Computers in Plan to Boost Production // Thai Press Reports, April 14, 2010.

Vietnam Launches Own Social Network Site // Agence France-Presse, May 22, 2010.

Vietnam Politics: A State-Run Social Networking Website Is Launched // EIU ViewsWire, June 7, 2010.

Vietnam Steps Up China-Style Internet Control // Agence France-Presse, July 1, 2010.

Villeneuve, Nart, and Greg Walton "Oday": *Civil Society and Cyber Security*. Malware Lab, October 28, 2009. malwarelab.org/2009/10/oday-civil-society-and-cyber-security/.

Wells-Dang, A. *Political Space in Vietnam: A View from the "Rice-Roots"* // Pacific Review 23, no. 1 (2010): 93–112.

Wigglesworth, Robin *UAE Comments Raise Fears of Crackdown on Black-Berry* // Financial Times, July 26, 2010.

Wines, Michael *In Restive Chinese Area, Cameras Keep Watch* // New York Times, August 2, 2010.

- Wondracek, G., Holz, T., Kirda, E., Antipolis, S., and C. Kruegel A Practical Attack to De-Anonymize Social Net-work Users / In: 2010 *IEEE Symposium on Security and Privacy* , 223–238. 2010.
- Young, Martin J. Vietnam Strengthens Firewall // Asia Times On-line, June 19, 2010. www.atimes.com/atimes/Global_Economy/LF19Dj03.html.
- Zetter, Kim *Tor Researcher Who Exposed Embassy E-mail Passwords Gets Raided by Swedish FBI and CIA* // Threat Level, Wired, November 14, 2007. www.wired.com/threatlevel/2007/11/swedish-research/.

Глава 7. Кьеркегор против диванных активистов

- Agre, P. E. *The Practical Republic: Social Skills and the Progress of Citi-zenship* // Community in the Digital Age: Philosophy and Practice (2004): 201–223.
- Alexander, M. G., and S. Levin *Theoretical, Empirical, and Practical Approaches to Intergroup Conflict* // Journal of Social Issues 54, no. 4 (1998): 629–639.
- Alinsky, Saul David *Rules for Radicals: A Practical Primer for Re-alistic Radicals* . New York: Vintage Books, 1989.
- Arguello, J., Butler, B. S., Joyce, E., Kraut, R., Ling, K. S., RosÉ, C., and X. Wang *Talk to Me: Foundations for Successful Individual-Group Interactions in Online Communities* / In: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, 968. 2006.
- Bakardjieva, M. *Virtual Togetherness: An Everyday-Life Perspective* // Media, Culture & Society 25, no. 3 (2003): 291.
- Bargh, J. A., and K. Y. McKenna *The Internet and Social Life* // Annual Review of Psychology 55 (2004): 573.
- Beenen, G., Ling, K., Wang, X., Chang, K., Frankowski, D., Resnick, P., and R. E. Kraut *Using Social Psychology to Motivate Contributions to Online Communities* / In: Proceedings of the 2004 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work, 221. 2004.
- Bennett, Drake *Protesters' Secret: They're Out There Because It Makes Them Happier* // Boston Globe, October 11, 2009.
- Bennett, W. L. *Changing Citizenship in the Digital Age* . Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Bennett, W. *Communicating Global Activism* // Information, Communication & Society 6, no. 2 (2003): 143–168.
- Billig, M., and H. Tajfel *Social Categorization and Similarity in Intergroup Behaviour* // European Journal of Social Psychology 3, no. 1 (1973): 27–52.
- Bimber, B., Flanagin, A. J., and C. Stohl *Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment* // Communication Theory 15, no. 4 (2005): 365–388.
- Bleas, James *Information Revolution Breathes Life into Alliance of Youth Movements* // Fox News, October 18, 2009.
- Borgmann, Albert *Technology and the Character of Contemporary Life: A Philosophical Inquiry* . Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Bornstein, G., Crum, L., Wittenbraker, J., Harring, K., Insko, C. A., and J. Thibaut *On the Measurement of Social Orientations in the Minimal Group Paradigm* // European Journal of Social Psychology 13, no. 4 (1983): 321–350.
- Boudreaux, Richard *Rent-a-Crowd Entrepreneurs in Ukraine Find People Fast to Cheer or Jeer for Any Cause* // Wall Street Journal, February 5, 2010.
- Bratich, Jack Z. *The Fog Machine* // CounterPunch, June 22, 2009. www.counterpunch.org/bratich06222009.html.
- Chidambaram, L., and L. L. Tung *Is Out of Sight, Out of Mind? An Empirical Study of Social Loafing in Technology-Supported Groups* // Information Systems Research 16, no. 2 (2005): 149.

Chin, M. G., and C. G. McClintock *The Effects of Intergroup Discrimination and Social Values on Level of Self-Esteem in the Minimal Group Paradigm* // European Journal of Social Psychology 23, no. 1 (1993): 63–75.

Christopherson, K. M. *The Positive and Negative Implications of Anonymity in Internet Social Interactions* // Computers in Human

Behavior 23, no. 6 (2007): 3038–3056.

Dahlgren, P. *Doing Citizenship: The Cultural Origins of Civic Agency in the Public Sphere* // European Journal of Cultural Studies 9, no. 3 (2006): 267.

Davis, A. *New Media and Fat Democracy: The Paradox of Online Participation* // New Media & Society (2009).

Davis, Angela Y. *Abolition Democracy: Beyond Empire, Prisons, and Torture*. New York: Seven Stories Press, 2005.

Daum, Meghan *Not Sold on RentAFriend* // Los Angeles Times, July 8, 2010.

Della Porta, D., and L. Mosca *Global-Net for Global Movements? A Network of Networks for a Movement of Movements* // Journal of Public Policy 25, no. 1 (2005): 165–190.

Diehl, M. *The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings* // European Review of Social Psychology 1, no. 1 (1990): 263–292.

Digital Revolution // Statesman, June 9, 2009.

Dreyfus, Hubert L. *Anonymity Versus Commitment: The Dangers of Education on the Internet* // Ethics and Information Technology 1, no. 1 (1999): 15–20.

Dreyfus, Hubert L. *Kierkegaard on the Internet: Anonymity vs. Commitment in the Present Age* // Kierkegaard Studies: Yearbook (1999): 96–109.

Dreyfus, Hubert L. *On the Internet*. Thinking in Action. New York: Routledge, 2001.

Duncan, W. J. *Why Some People Loaf in Groups While Others Loaf Alone* // Academy of Management Executive (1993–2005) 8, no. 1 (1994): 79–80.

Faris, D. *Revolutions Without Revolutionaries? Network, Theory, Facebook, and the Egyptian Blogosphere* // Arab Media and Society (2008).

Flanagin, A. J., Stohl, C., and B. Bimber *Modeling the Structure of Collective Action* // Communication Monographs 73, no. 1 (2006): 29–54.

Funding Opportunity Title: New Empowerment Communication Technologies: Opportunities in the Middle East and North Africa. U. S. Department of State, September 15, 2009. mepi.state.gov/op-portunities/129624.htm.

Garff, Joakim Søren *Kierkegaard: A Biography*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

Garrett, R. K. *Protest in an Information Society: A Review of Literature on Social Movements and New ICTs* // Information, Communication & Society 9, no. 2 (2006): 202–224.

Geen, R. G. *Social Motivation* // Annual Review of Psychology 42, no. 1 (1991): 377–399.

Giridharadas, Anand “*Boycotting*”: *Boycotts Minus the Pain* // New York Times, October 10, 2009.

Greer, C., and E. McLaughlin *We Predict a Riot? Public Order Policing, New Media Environments and the Rise of the Citizen Journalist* // British Journal of Criminology (2010).

Harkins, S. G., and R. E. Petty *Effects of Task Difficulty and Task Uniqueness on Social Loafing* // Journal of Personality and Social Psychology 43, no. 6 (1982): 1214–1229.

Heil, Alan L. *Voice of America: A History*. New York: Columbia University Press, 2003.

Hesse, Monica *Facebook Activism: Lots of Clicks, but Little Sticks* // Washington Post, July 2, 2009.

Higgs, Eric, Light, Andrew, and David Strong, eds. *Technology and the Good Life?* Chicago: University of Chicago Press, 2000.

Homosexuality in Nigeria: Go Online If You’re Glad to Be Gay // Economist, February 11, 2010.

Hutchins, B., and L. Lester *Environmental Protest and Tap-Dancing with the Media in the Information Age* // Media, Culture & Society 28, no. 3 (2006): 433.

- Huyke, H. J. *Technologies and the Devaluation of What Is Near* // *Tech-né: The Journal of the Society for Philosophy and Technology* 6, no. 3 (2003): 1–17.
- Ingham, A. G., Graves, J., and V. Peckham *The Ringelmann Effect: Studies of Group Size and Group Performance* // *Journal of Experimental Social Psychology* 10, no. 4 (1974): 371–384.
- Jayson, Sharon *Are Social Networks Making Students More Narcissistic?* // *USA Today*, August 25, 2009.
- Kierkegaard, Søren *Either/Or: A Fragment of Life*. New York: Penguin Books, 1992.
- Kierkegaard, Søren *Fear and Trembling*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Klar, M., and T. Kasser *Some Benefits of Being an Activist: Measuring Activism and Its Role in Psychological Well-Being* // *Political Psychology* 30, no. 5 (2009): 755–777.
- Levine, John M., and Richard L. Moreland, eds. *Small Groups: Key Readings*. New York: Psychology Press, 2006.
- Lombaard, C. *Fleetingness and Media-ated Existence: From Kierkegaard on the Newspaper to Broderick on the Internet* // *Communication* 35, no. 1 (2009): 17–29.
- Lupia, A., and G. Sin *Which Public Goods Are Endangered? How Evolving Communication Technologies Affect the Logic of Collective Action* // *Public Choice* 117, no. 3 (2003): 315–331.
- Lysenko, V. V., and K. C. Desouza *Cyberprotest in Contemporary Russia: The Cases of Ingushetiya.ru and Bakhmina.ru* // *Technological Forecasting and Social Change* 77, no. 7 (September 2010).
- Martin, B., and W. Varney *Nonviolence and Communication* // *Journal of Peace Research* 40, no. 2 (2003): 213.
- Mazzoleni, G., and W. Schulz *“Mediatization” of Politics: A Challenge for Democracy?* // *Political Communication* 16, no. 3 (1999): 247–261.
- McCarthy, Caroline *Facebook, Google, Others Sponsor Youth Activism Summit* // *CNET News*, November 18, 2008. news.cnet.com/8301-13577_3-10101653-36.html.
- Moqadam, Afsaneh *“Death to the Dictator!” A Young Man Casts a Vote in Iran’s 2009 Election and Pays a Devastating Price*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
- Morozov, Evgeny *From Slacktivism to Activism* // *Net Effect, Foreign Policy*, September 5, 2009. neteffect.foreignpolicy.com/posts/2009/09/05/from_slacktivism_to_activism.
- Morozov, Evgeny *It Feels Like Activism* // *Newsweek International*, June 29, 2009.
- Nielsen, Rasmus Kleis *The Labors of Internet-Assisted Activism: Overcommunication, Miscommunication, and Communicative Overload* // *Journal of Information Technology & Politics* 6, no. 3 (July 2009): 267–280.
- Oliver, P. E. *Formal Models of Collective Action* // *Annual Review of Sociology* 19, no. 1 (1993): 271–300.
- Olson, Mancur *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups* // *Harvard Economic Studies*, vol. 124. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- Piezon, S. L., and R. L. Donaldson *Online Groups and Social Loafing: Understanding Student-Group Interactions* // *Online Journal of Distance Learning Administration* 8, no. 4 (2005).
- Rev, Istvan *Just Noise?* Paper presented at the *Conference on Cold War Broadcasting Impact*, Hoover Institution, Stanford University, Stanford, California, October 13–15, 2004.
- Rutkowski, A. F., Vogel, D., Genuchten, M. van, and C. Saunders *Communication in Virtual Teams: Ten Years of Experience in Education* // *IEEE Transactions on Professional Communication* 3 (2008): 302–312.
- Ryan, Alan *Exaggerated Hopes and Baseless Fears* // *Social Research* 64, no. 3 (Fall 1997).
- Scola, Nancy *The Next Diplomatic Cable* // *American Prospect*, July 27, 2009.
- Secretary Rice Remarks with U. K. Foreign Secretary David Miliband and Google Senior Vice President David Drummond. U. S. Department of State, May 22, 2008.
- Shah, D. V., Cho, J., Eveland, W. P., et al. *Information and Expression in a Digital Age: Modeling Internet Effects on Civic Participation* // *Communication Research* 32, no. 5 (2005): 531.
- Shapiro, Samantha M. *Revolution, Facebook-Style: Can Social Networking Turn Young*

- Egyptians into a Force for Democratic Change?* // New York Times Magazine, January 22, 2009.
- Shaw, Gillian *Social Media Don't Promote Significant Social Change, Author Says* // Vancouver Sun, April 9, 2010.
- Shirky, Clay *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin Books, 2009.
- Shiue, Y. C., Chiu, C. M., and C. C. Chang *Exploring and Mitigating Social Loafing in Online Communities* // Computers in Human Behavior (2010).
- Skitka, L. J., and E. G. Sargis *The Internet as Psychological Laboratory* // Annual Review of Psychology 57 (2006): 529.
- Slee, Tom *Digital Activism: If Information Is Not the Problem, Information Is Not the Solution* // Whimsley, January 10, 2010. whimsley.typepad.com/whimsley/2010/01/digital-activism-if-information-is-not-the-problem-information-is-not-the-solution.html.
- Starobin, Paul *In New Media, Image Is Still Everything* // National Journal Magazine, September 12, 2009.
- Stolle, D., Hooghe, M., and M. Micheletti *Politics in the Supermarket: Political Consumerism as a Form of Political Participation* // International Political Science Review/ Revue internationale de science politique 26, no. 3 (2005): 245.
- Stone, Brad *Users of Social Networks Use Posts to Support Charity* // New York Times, November 11, 2009.
- Suleiman, J., and R. T. Watson *Social Loafing in Technology-Supported Teams* // Computer Supported Cooperative Work 17, no. 4 (2008): 291–309.
- Tajfel, H., Billig, M. G., Bundy, R. P., and C. Flament *Social Categorization and Intergroup Behaviour* // European Journal of Social Psychology 1, no. 2 (1971): 149–178.
- Tripathi, A. K. *On the Internet: Thinking in Action* // Information Technology & People 15, no. 4 (2002): 136.
- Twenge, Jean M., and W. Keith Campbell *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*. New York: Simon & Schuster, 2009.
- U. S. Official Discusses Alliance of Youth Movements Summit .
U. S. Department of State, December 1, 2008.
- Undersecretary Glassman and Jared Cohen Hold a News Briefing on the Alliance for Youth Movements Summit at Columbia University at the Foreign Press Center, as Released by the State Department . Political Transcript Wire, November 24, 2008.
- van Dick, R., Tissington, P. A., and G. Hertel *Do Many Hands Make Light Work?* // European Business Review 21, no. 3 (2009): 233–245.
- Voelpel, S. C., Eckhoff, R. A., and J. Forster *David Against Goliath? Group Size and Bystander Effects in Virtual Knowledge Sharing* // Human Relations 61, no. 2 (2008): 271.
- Wagner, J. A., III. *Studies of Individualism-Collectivism: Effects on Cooperation in Groups* // Academy of Management Journal 38, no. 1 (1995): 152–172.
- Williams, K. D. *Social Loafing on Difficult Tasks: Working Collectively Can Improve Performance* // Journal of Personality and Social Psychology 49, no. 4 (1985): 937–942.
- Williams, K. D., Harkins, S., and B. Latané *Identifiability as a Deterrent to Social Loafing: Two Cheering Experiments* // Journal of Personality and Social Psychology 40, no. 2 (1981): 303–311.
- Witte, E. H. *Köhler Rediscovered: The Anti-Ringelmann Effect* // European Journal of Social Psychology 19, no. 2 (1989): 147–154.
- Worth, Robert F. *Opposition in Iran Meets a Crossroads on Strategy* // New York Times, February 14, 2010.

Глава 8. Открытые сети, ограниченные умы

- Abidin Besleney, Zeynel *Circassian Nationalism and the Inter-net* // open-Democracy, May 21, 2010. www.opendemocracy.net/od-russia/zeynel-abidin-besleney/circassian-nationalism-and-internet.

Arrington, Michael *Ok You Luddites, Time to Chill Out on Face-book over Privacy* // TechCrunch, January 12, 2010. techcrunch.com/2010/01/12/ok-you-luddites-time-to-chill-on-facebook-over-privacy/.

Arrington, Michael *Reputation Is Dead: It's Time to Overlook Our Indiscretions* // TechCrunch, March 28, 2010. techcrunch.com/2010/03/28/reputation-is-dead-its-time-to-overlook-our-indiscretions/.

Baker, L. *The Unintended Consequences of US Export Restrictions on Software and Online Services for American Foreign Policy and Human Rights* // Harvard Journal of Law & Technology 23, no. 2 (2010).

Barber, B. R. *The Ambiguous Effects of Digital Technology on De-mocracy in a Globalizing World* / In: *Innovations for an E-Society: Challenges for Technology Assessment*, ed. by Banse, G., Grunwald, A., and M. Rader, 43–56. Berlin: Edition Sigma, 2002.

Bartow, A. *A Portrait of the Internet as a Young Man* // Michigan Law Review 108, no. 6 (2010).

Barlow, John Perry *Leaving the Physical World* // EFF.org, 1993. w2.eff.org/Misc/Publications/John_Perry_Barlow/HTML/leaving_the_physical_world.html.

Baumgartner, J. C., and J. S. Morris *MyFaceTube Politics: Social Networking Web Sites and Political Engagement of Young Adults* // Social Science Computer Review 28, no. 1 (2010): 24.

Beniger, J. R. *Personalization of Mass Media and the Growth of Pseu-do-Community* // Communication Research 14, no. 3 (1987): 352.

Billing, S. *Saudi Campaign to Clean Up YouTube* // ITP.net, August 13, 2009. www.itp.net/564689-its-just-boredom.

Bimber, Bruce *Information and American Democracy: Technology in the Evolution of Political Power*. New York: Cambridge University Press, 2003.

Boudreau, John *Activists Aim to Punch Holes in Online Shields of Authoritarian Regimes* // San Jose Mercury News, February 17, 2010.

Brenkert, G. G. *Corporate Control of Information: Business and the Freedom of Expression* // Business and Society Review 115, no. 1 (2010): 121–145.

Brenkert, G. G. *Google, Human Rights, and Moral Compromise* // Journal of Business Ethics 85, no. 4 (2009): 453–478.

Buchstein, H. *Bytes That Bite: The Internet and Deliberative De-mocracy* // Constellations 4, no. 2 (1997): 248–263.

Burrell, J. *Problematic Empowerment: West African Internet Scams as Strategic Misrepresentation* // Information Technologies and In-ternational Development 4, no. 4 (2008): 15–30.

Burton, Matthew *On the Weaponization of the Collabora-tive Web*. Personal Democracy Forum, June 16, 2009. personal-democracy.com/blog-entry/weaponization-collaborative-web.

Carr, M. *Slouching Towards Dystopia: The New Military Futurism* // Race & Class 51, no. 3 (2010): 13.

Carr, Nicholas *Is Google Making Us Stupid?* // Atlantic, August 2008.

Cavelty, M. D. *Cyber-Terror – Looming Threat or Phantom Me-nace? The Framing of the US Cyber-Threat Debate* // Journal of Information Technology & Politics 4, no. 1 (2007): 19–36.

Clarke, Richard A., and Robert Knake *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*. New York: HarperCollins, 2010.

Clinton, Hillary *Remarks on Internet Freedom*. The Newseum, Washington, DC, January 21, 2010.

Clinton, Hillary *Speech to Kaiser Family Foundation*. March 8, 2005. Cowie, James *The Proxy Fight for Iranian Democracy* // Renesys

Blog, June 22, 2009. www.renesys.com/blog/2009/06/the-proxy-fight-for-iranian-de.shtml.

Curtin, M. *Beyond the Vast Wasteland: The Policy Discourse of Global Television and the Politics of American Empire* // Journal of Broad-casting & Electronic Media 37, no. 2 (1993): 127–145.

- Dahlberg, L. *Democracy via Cyberspace: Mapping the Rhetorics and Practices of Three Prominent Camps* // New Media & Society 3, no. 2 (2001): 157.
- Damm, J. *The Internet and the Fragmentation of Chinese Society* // Critical Asian Studies 39, no. 2 (2007): 273–294.
- Deibert, R. J., and R. Rohozinski *Risking Security: Policies and Paradoxes of Cyberspace Security* // International Political Sociology 4, no. 1 (2010): 15–32.
- Dobson, William J. *Computer Programmer Takes On the World's Despots* // Newsweek, August 6, 2010.
- El-Khairy, O. "Freedom's a Lifestyle Choice": US Cultural Diplomacy, Empire's Soundtrack, and Middle Eastern "Youth" in our Contemporary Global Infowar // Middle East Journal of Culture and Communication 2, no. 1 (2009): 115–135.
- Elmusa, S. S. *Faust Without the Devil? The Interplay of Technology and Culture in Saudi Arabia* // Middle East Journal 51, no. 3 (1997): 345–357.
- Facebook Deletes Hong Kong Groups That Oppose Pro-Beijing Party* // BBC Monitoring International Reports, February 5, 2010. Falvey, Christian *Minister's Web Monitoring Tool Off to Rocky Start* // Radio Prague, February 12, 2010.
- Fandy, M. *Information Technology, Trust, and Social Change in the Arab World* // Middle East Journal (2000): 378–394.
- Fletcher, Owen *Apple Censors Dalai Lama iPhone Apps in China* // IDG News Service, December 30, 2009.
- Fox, J. *The Uncertain Relationship Between Transparency and Accountability* // Development in Practice 17, no. 4 (2007): 663–671.
- Franzese, P. W. *Sovereignty in Cyberspace: Can It Exist?* // Air Force Law Review 64 (2009): 1.
- Fuchs, C. Some Reflections on Manuel Castells' Book "Communication Power" // Triple C: Cognition, Communication, Co-operation 7, no. 1 (2009): 94.
- Garnham, N. *The Mass Media, Cultural Identity, and the Public Sphere in the Modern World* // Public Culture 5, no. 2 (1993): 251.
- Gilboa, E. *The CNN Effect: The Search for a Communication Theory of International Relations* // Political Communication 22, no. 1 (2005): 27–44.
- Gilboa, E. *Global Communication and Foreign Policy* // Journal of Communication 52, no. 4 (2002): 731–748.
- Glassman, James K., and Michael Doran *How to Help Iran's Green Revolution* // Wall Street Journal, January 21, 2010. Glenny, Misha *BlackBerry is but a Skirmish in the Battle for the Web* // Financial Times, August 6, 2010.
- Goldsmith, J. L., and T. Wu *Digital Borders* // Legal Affairs (2006): 40.
- Goldsmith, J. L., and T. Wu *Who Controls the Internet: Illusions of a Borderless World*. New York: Oxford University Press, 2006.
- Gunaratne, S. A. *De-Westernizing Communication/Social Science Research: Opportunities and Limitations* // Media, Culture & Society 32, no. 3 (2010): 473.
- Guynn, J. *Twitter Hires Obama Administration's Katie Stanton* // Los Angeles Times, July 10, 2010.
- Hardy, M. *In-Q-Tel, Google Invest in Recorded Future* // Government Computer News, July 29, 2010. gcn.com/articles/2010/07/29/inqtel-google-fund-web-analysis-firm.aspx.
- Hawkins, V. *The Other Side of the CNN Factor: The Media and Conflict* // Journalism Studies 3, no. 2 (2002): 225–240.
- Himma, K. E. *Hacking as Politically Motivated Digital Civil Disobedience: Is Hacktivism Morally Justified?* // Internet Security: Hacking, Counterhacking, and Society (2007): 73.
- Hindman, M. *The Myth of Digital Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.

Hofmann, J. *The Libertarian Origins of Cybercrime: Unintended Side-Effects of a Political Utopia* // ESRC Research Centre Discussion Paper no. 62, 2010. w.lse.ac.uk/collections/CARR/pdf/DPs/Disspaper62.pdf.

Holmes, A. *Defining Transparency* // Nextgov, September 3, 2009. www.nextgov.com/nextgov/ng_20090903_7217.php.

Holmes, A. *The Risks of Open Government* // Nextgov, September 14, 2009. www.nextgov.com/nextgov/ng_20090914_3118.php.

Howe, J. P. *Obama and Crowdsourcing: A Failed Relationship?* // Wired Epicenter Blog, April 1, 2009. www.wired.com/epicenter/2009/04/obama-and-crowd/.

Ibahrine, M. *Mobile Communication and Sociopolitical Change in the Arab World* // Quaderns de la Mediterrània 11 (2009): 51–60.

Interview with Indira Lakshmanan of Bloomberg TV. U. S. Department of State, March 19, 2010.

Issa, A. *Palestine: Twitter Accused of Silencing Gaza Tribute* // Global Voices, December 29, 2009. globalvoicesonline.org/2009/12/29/palestine-twitter-accused-of-silencing-gaza-tribute/.

Jaeger, P. T., Lin, J., Grimes, J. M., and S. N. Simmons *Where Is the Cloud? Geography, Economics, Environment, and Jurisdiction in Cloud Computing* // First Monday 14, no. 5 (2009).

Jakobsen, P. V. *Focus on the CNN Effect Misses the Point: The Real Media Impact on Conflict Management Is Invisible and Indirect* // Journal of Peace Research 37, no. 2 (2000): 131.

Jenkins, H. *The Chinese Columbine* // Technology Review, August 2, 2002. www.technologyreview.com/read_article.aspx?id=12913&ch=infotech.

Johnson, D. G. *Is the Global Information Infrastructure a Democratic Technology?* // Readings in Cyberethics 18 (2004): 121. Katz, J. E., and C. H. Lai *News Blogging in Cross-Cultural Contexts: A Report on the Struggle for Voice* // Knowledge, Technology & Policy 22, no. 2 (2009): 95–107.

Kenner, D. *Useless Democracy Promotion Efforts? There's an App for That* // FP Passport, Foreign Policy, December 31, 2009. blog.foreignpolicy.com/posts/2009/12/31/useless_democracy_promotion_efforts_theres_an_app_for_that.

Khouri, R. G. *When Arabs Tweet* // International Herald Tribune, July 22, 2010.

Kingsbury, P., and J. P. Jones III *Walter Benjamin's Dionysian Adventures on Google Earth* // Geoforum 40, no. 4 (2009): 502–513.

Kirkpatrick, M. *Jordan Says It Will Begin Censoring Websites* // Read-WriteWeb, January 14, 2010. www.readwriteweb.com/archives/jordan_to_censor_websites.php.

Klang, M. *Civil Disobedience Online* // Journal of Information, Communication & Ethics in Society 2, no. 2 (2008): 2.

Kleine D., and T. Unwin *Technological Revolution, Evolution and New Dependencies: What's New About ict 4d?* // Third World Quarterly 30, no. 5 (2009): 1045–1067.

Kleinz, T., and C. Morris *Higher Regional Court Says Online Demonstration Is Not Force* // Heise Online, June 2, 2006. www.heise.de/english/newsticker/news/73827.

Kluver, R. *US and Chinese Policy Expectations of the Internet* // China Information 19, no. 2 (2005): 299.

Kluver, R., and P. H. Cheong *Technological Modernization, the Internet, and Religion in Singapore* // Journal of Computer-Mediated Communication 12, no. 3 (2007): 1122–1142.

Lagerkvist, J. *Global Media for Global Citizenship in India and China* // Peace Review 21, no. 3 (2009): 367–375.

Land, M. B. *Peer Producing Human Rights* // Alberta Law Review 46, no. 4 (2009).

Landler, Mark U. S. *Hopes Exports Will Help Open Closed Societies* // New York Times, March 7, 2010.

Lee, Tae-hoon *Lawmaker Calls for Stricter Access to NK Sites* // Korea Times, October 6, 2009.

Lessig, L. *Against Transparency* // New Republic 9 (2010).

Lewis, J. *Sovereignty and the Role of Government in Cyberspace* // The Brown Journal of World Affairs 16, no. 2 (2010). Lichtenstein, J. *Digital Diplomacy* // New York Times Magazine, July 16, 2010.

Loftus, M. *People Use Social Networking to Fight Violence, Extremism*. U. S. Department of Defense, December 2, 2008.

Lonkila, M., and B. Gladarev *Social Networks and Cellphone Use in Russia: Local Consequences of Global Communication Technology* // New Media & Society 10, no. 2 (2008): 273.

Luhr, N. L. *Iran, Social Media, and US Trade Sanctions: The First Amendment Implications of US Foreign Policy* // First Amendment Law Review 8 (2010): 500–533.

Lynch, M. *Blogging the New Arab Public* // Arab Media & Society 1, no. 1 (2007).

Lynch, M. *The Internet Freedom Agenda* // Abu Aardvark's Middle East Blog, January 22, 2010. lynch.foreignpolicy.com/posts/2010/01/22/the_internet_freedom_agenda.

MacKinnon, R. *China's Censorship 2.0: How companies censor bloggers* // First Monday 14, no. 2–2 (2009).

MacKinnon, R. *The Great Chinese Censorship Hoax* // RConversation, March 14, 2006. rconversation.blogs.com/rconversation/2006/03/the_great_chine.html.

MacKinnon, R. *Liberty or Safety? Both – or Neither* // IEEE Spectrum, May 2010. spectrum.ieee.org/telecom/internet/liberty-or-safety-both-or-neither.

Markoff, J. *U. S. and Russian Accord on Display at Internet Meeting* // New York Times, April 15, 2010.

Marosi, R. *UC San Diego Professor Who Studies Disobedience Gains Followers – and Investigators* // Los Angeles Times, May 7, 2010.

Martin, K. E. *Internet Technologies in China: Insights on the Morally Important Influence of Managers* // Journal of Business Ethics 83, no. 3 (2008): 489–501.

McCarthy, C. *Philly Targets Facebook, Twitter After Snowball Fight Turns Ugly* // CNET, February 17, 2010. news.cnet.com/8301-13577_3-10455254-36.html.

McConnell, M. *Mike McConnell on How to Win the Cyber-War We're Losing* // Washington Post, February 28, 2010.

McMillan, R. *Citing Cybercrime, FBI Director Doesn't Bank On-line* // IDG News Service, October 7, 2009.

Mearsheimer, J. J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton, 2003.

Merelman, R. M. *Technological Cultures and Liberal Democracy in the United States* // Science, Technology & Human Values 25, no. 2 (2000): 167.

Metzl, J. F. *Information Intervention: When Switching Channels Isn't Enough* // Foreign Affairs 76, no. 6 (1997): 15–20.

Metzl, J. F. *Rwandan Genocide and the International Law of Radio Jamming* // American Journal of International Law 91, no. 4 (1997): 628–651.

Miller, J. *Soft Power and State – Firm Diplomacy: Congress and IT Corporate Activity in China* // International Studies Perspectives 10, no. 3 (2009): 285–302.

Mite, V. *Estonia: Attacks Seen as First Case of "Cyberwar"* // Radio Free Europe/Radio Liberty, May 30, 2007.

Morozov, E. *More on the Unintended Consequences of DDoS Attacks on Pro-Ahmadinejad Web-sites* // Net Effect, Foreign Policy, June 18, 2009. neteffect.foreignpolicy.com/posts/2009/06/18/more_on_the_unintended_consequences_of_ddos_attacks_on_pro_ahmadinejad_web_sites.

Morozov, E. *U. S. Web Firms Practice Self-Censorship* // Newsweek International, March 7, 2009.

Moses, A. *Facebook Bans Doll Nipples* // Sydney Morning Herald, July 5, 2010.

Mynihan, C. *Arrest of Queens Man Puts Focus on Texting to Rally Protesters* // New York Times, October 9, 2009.

Nakashima, E. *Dismantling of Saudi-CIA Web Site Illustrates Need for Clearer Cyberwar Policies* // Washington Post, March 19, 2010.

Noam, E. M. *An Unfettered Internet? Keep Dreaming* // New York Times, July 11, 1997.

Norris, P. *A Virtuous Circle? The Impact of Political Communications in Post-Industrial Democracies* / In: Papers for the Annual Meeting of the Political Studies Association of the UK, London School of Economics and Political Science. 2000.

Nye, J. S., Jr. *Cyber Power*. Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University, 2010.

Obama Bemoans "Diversions" of iPod, Xbox Era // Agence France-Presse, May 9, 2010.

Obama Pushes China to Stop Censoring Internet // National Public Radio, November 16, 2010.

Oboler, A. *The Rise and Fall of a Facebook Hate Group* // First Monday 13, no. 11–3 (2008).

O'Reilly, Tim *My Contrarian Stance on Facebook and Privacy* // O'Reilly Radar, May 21, 2010. radar.oreilly.com/2010/05/my-contrarian-stance-on-facebook-privacy.html.

Orlowski, Andrew *Google Buys CIA-Backed Mapping Startup* // Register, October 28, 2004. www.theregister.co.uk/2004/10/28/google_buys_keyhole/.

Parks, L. *Digging into Google Earth: An Analysis of "Crisis in Darfur"* // Geoforum 40, no. 4 (2009): 535–545.

Peterson, Chris *In Praise of [Some] DDoSs?* // Chris Peterson's blog, July 21, 2009. www.cpeterson.org/2009/07/21/in-praise-of-some-ddoss/.

Prior, Markus *Liberated Viewers, Polarized Voters: The Implications of Increased Media Choice for Democratic Politics* // Good Society 11, no. 3 (2002): 10–16.

Prior, Markus *Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections*. New York: Cambridge University Press, 2007.

Radsch, C. *Core to Commonplace: The Evolution of Egypt's Blogosphere* // Arab Media & Society 6 (2008).

Rajadhyaksha, M. *Genocide on the Airwaves: An Analysis of the International Law Concerning Radio Jamming* // Journal of Hate Studies 5, no. 1 (2010): 99.

Robinson, P. *The CNN Effect: Can the News Media Drive Foreign Policy?* // Review of International Studies 25, no. 2 (1999): 301–309.

Salmanov, Oleg, and Anastasia Golitsyna Reiman *Con-firms New Search Project* // Moscow Times, July 8, 2010.

Security Fears over Map Site // Daily Record (Glasgow), December 21, 2005.

Senators Announce Formation of Global Internet Freedom Caucus // John McCain's Press Office, March 24, 2010.

Sex, Social Moers, and Keyword Filtering: Microsoft Bing in the "Arabian Countries" // OpenNet Initiative, March 4, 2010. opennet.net/sex-social-moers-and-keyword-filtering-microsoft-bing-arabian-countries.

Shachtman, Noah *Exclusive: U. S. Spies Buy Stake in Firm That Monitors Blogs, Tweets* // Danger Room, Wired.com, October 19, 2009. www.wired.com/dangerroom/2009/10/exclusive-us-spies-buy-stake-in-twitter-blog-monitoring-firm/.

Sharma, Amol, and Jessica E. Vascellaro *Google and India Test the Limits of Liberty* // Wall Street Journal, January 4, 2010.

Sheridan, Barrett *The Internet Helps Build Democracies* // Newsweek, April 30, 2010.

Stahl, R. *Becoming Bombs: 3D Animated Satellite Imagery and the Weaponization of the Civic Eye* // MediaTropes 2, no. 2 (2010): 65.

Stanek, Steven *Egyptian Bloggers Expose Horror of Police Torture* // San Francisco Chronicle, October 9, 2007.

Talbot, David *Bing Dinged on Arab Sex Censorship* // Technology Review Editors' Blog, March 4, 2010. www.technologyreview.com/blog/editors/24891/?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter.

- Turkish Engineers Developing Internet Search Engine* // World Bulletin, November 28, 2009. www.worldbulletin.net/news_detail.php?id=50543.
- 24 Hours of Video Uploaded to YouTube Every Minute* // Agence France-Presse, March 17, 2010.
- Vedel, T. *The Idea of Electronic Democracy: Origins, Visions and Questions* // Parliamentary Affairs 59, no. 2 (2006): 226.
- Weintraub, Seth *Google to Open 'Google Ideas' Global Technology Think Tank* // "Google 24/7" blog, Fortune, August 15, 2010. tech.fortune.cnn.com/2010/08/15/google-to-open-google-ideas-global-technology-think-tank/.
- Wilson, Paul *IPv6 Answers to Common Questions from Policy Makers, Executives and Other Non-Technical Readers* // CircleID, November 8, 2009. www.circleid.com/posts/ipv6_answers_to_most_common_questions_for_non_technical/.
- Wong, Albert, and Fanny W. Y. Fung *Facebook Questioned as Political Pages Shut Down* // South China Morning Post, February 6, 2010.
- Wood, B. D., and J. S. Peake *The Dynamics of Foreign Policy Agenda Setting* // American Political Science Review 92, no. 1 (1998): 173–184.
- Worthen, Ben *Internet Strategy: China's Next Generation Internet* // CIO.com, July 15, 2006. www.cio.com/article/22985/Internet_Strategy_China_s_Next_Generation_Internet.
- Wright, Robert *The Internet vs. Obama* // Opinionator Blog, New York Times, February 2, 2010. opinionator.blogs.nytimes.com/2010/02/02/obamas-modern-predicament/.
- York, Jillian *Facebook Removes Moroccan Secularist Group and Its Founder* // Global Voices Advocacy, March 14, 2010. advocacy.globalvoicesonline.org/2010/03/14/facebook-removes-moroccan-atheist-group-and-its-founder/.

Глава 9. Свобода интернета и ее последствия

- Трифонов, Владислав *ФСБ разыграла "Большую игру": раскрыт заговор о захвате власти в интернете* // Коммерсант. 11 августа 2009 года.
- Alexseev, M. A. *Majority and Minority Xenophobia in Russia: The Importance of Being Titulars* // Post-Soviet Affairs 26, no. 2 (2010): 89–120.
- Allen-Mills, Tony *Mexican Drug Gangs Take Their Turf Wars onto YouTube* // Times of London, April 15, 2007.
- Allnutt, Luke *Twitter Doesn't Start a Revolution, People Do* // Christian Science Monitor, February 8, 2010.
- Amer, Pakinam *Muslim Brotherhood Use New Media to Document History* // Al-Masry Al-Youm, February 23, 2010. www.almasry-alyoum.com/en/news/muslim-brotherhood-use-new-media-document-history.
- Anderson, Benedict *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991.
- Apodaca, C. *The Whole World Could Be Watching: Human Rights and the Media* // Journal of Human Rights 6, no. 2 (2007): 147–164.
- Armony, Ariel C. *The Dubious Link: Civic Engagement And Democratization*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004.
- Arshad, Arlina *Desperate Indonesians Sell Organs Online* // Agence France-Presse, December 17, 2009.
- Auten, B. J. *Political Diasporas and Exiles as Instruments of State-craft* // Comparative Strategy 25, no. 4 (2006): 329–341.
- Bäck, H., and A. Hadenius *Democracy and State Capacity: Exploring a J-shaped Relationship* // Governance 21, no. 1 (2008): 1–24.
- Baldauf, Scott *Can Kenya Stop Violence After Vote?* // Christian Science Monitor, January 2, 2008.
- Balkin, Jack M. *Information Power: The Information Society from an Antihumanist Perspective* / Social Science Research Network eLibrary (2010). papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1648624.

- Bangre, Habibou *Kenya: SMS Text Messages the New Guns of War?* // Afrik-News, February 20, 2008. www.afrik-news.com/article12629.html.
- Bezlova, Antoaneta *China: Battle with Tradition Spills into Cy-berspace* // Inter Press Service, April 7, 2002.
- Billig, Michael *Banal Nationalism*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. Blum, B. S., and A. Goldfarb *Does the Internet Defy the Law of Gravity?* // *Journal of International Economics* 70, no. 2 (2006): 384–405.
- Brenner, N. *Beyond State-Centrism? Space, Territoriality, and Geo-graphical Scale in Globalization Studies* // *Theory and Society* 28, no. 1 (1999): 39–78.
- Bunt, Gary R. *iMuslims: Rewiring the House of Islam*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009.
- Burstein, A. *Jefferson's Rationalizations* // *William and Mary Quarterly* 57, no. 1 (2000): 183–197.
- Cambodia Lambast Google Earth for Locating Temple in Thai Soil* // Nation/Asia News Network, February 10, 2010. www.asiaone.com/News/Latest+News/Asia/Story/A1Story20100210-197804.html.
- Castells, Manuel *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press, 2003. Chan, B. *Imagining the Homeland: The Internet and Diasporic Dis-course of Nationalism* // *Journal of Communication Inquiry* 29, no. 4 (2005): 336.
- Craig, G. A. *The Professional Diplomat and His Problems, 1919–1939* // *World Politics: A Quarterly Journal of International Relations* 4, no. 2 (1952): 145–158.
- Currian, Paul *Better the Devil We Know: Obstacles and Opportunities in Humanitarian GIS* // *Humanitarian.info*, January 25, 2006. www.humanitarian.info/humanitarian-gis/.
- Currian, Paul *Correcting Crowdsourcing in a Crisis* // *Humanitarian.info*, March 30, 2009. www.humanitarian.info/2009/03/30/correcting-crowdsourcing-in-a-crisis/.
- Cyber-Nationalism: The Brave New World of E-hatred* // *Economist*, July 24, 2008.
- Dahlberg, L. *Rethinking the Fragmentation of the Cyberpublic: From Consensus to Contestation* // *New Media & Society* 9, no. 5 (2007): 827.
- Dewan, Shaila *Chinese Student in U. S. Is Caught in Confrontation* // *New York Times*, April 17, 2008.
- Doppelt, G. *What Sort of Ethics Does Technology Require?* // *Journal of Ethics* 5, no. 2 (2001): 155–175.
- Edmunds, A., and A. Morris *The Problem of Information Over-load in Business Organisations: A Review of the Literature* // *International Journal of Information Management* 20, no. 1 (2000): 17–28.
- Eriksen, T. H. *Nations in Cyberspace*. Short version of the 2006 Ernest Gellner Lecture, delivered to the ASEN conference, London School of Economics, March 27, 2006.
- Eriksson, J., and G. Giacomello *Who Controls the Internet? Beyond the Obstinacy or Obsolescence of the State* // *International Studies Review* 11, no. 1 (2009): 205–230.
- Eriksson, J., and G. Giacomello *The Information Revolution, Security, and International Relations: (IR) Relevant Theory?* // *International Political Science Review/ Revue internationale de science politique* 27, no. 3 (2006): 221.
- Eriksson, J., and M. Rhinard *The Internal-External Security Nexus: Notes on an Emerging Research Agenda* // *Cooperation and Conflict* 44, no. 3 (2009): 243.
- Evers, C. *The Cronulla Race Riots: Safety Maps on an Australian Beach* // *South Atlantic Quarterly* 107, no. 2 (2008): 411. Feenberg, A. *Democratizing Technology: Interests, Codes, Rights* // *Journal of Ethics* 5, no. 2 (2001): 177–195.
- Feenberg, A. *Subversive Rationalization: Technology, Power, and Democracy* // *Inquiry* 35, no. 3 (1992): 301–322.
- Finel, B. I., and K. M. Lord *The Surprising Logic of Transparency* // *International Studies Quarterly* 43, no. 2 (1999): 325–339. Fukuyama, F. *Social Capital and*

Development: The Coming Agenda // SAIS review 22, no. 1 (2002): 23–38.

Giridharadas, Anand *Ushahidi – Africa’s Gift to Silicon Valley: How to Track a Crisis* // New York Times, March 12, 2010. Glionna, John M. *Korea Activists Target Foreign English Teachers* // Los Angeles Times, January 31, 2010.

Goble, Paul *Circassians Using Internet to End Soviet-Imposed Divisions in Advance of Census* // Georgiandaily.com, January 8, 2010. georgiandaily.com/index.php?option=com_content&task=view&id=16365&Itemid=134.

Goble, Paul *Russian Nationalists Now Mapping Location of Immigrants in Major Cities* // Window on Eurasia, June 5, 2008. windo-woneurasia.blogspot.com/2008/06/window-on-eurasia-russian-nationalists.html.

Goble, Paul *Will the Internet Integrate the Russian Federation – or Tear It Apart?* // Moscow Times, April 16, 2009.

Goggin, G. *SMS Riot: Transmitting Race on a Sydney Beach, December 2005* // M/C Journal 9, no. 2206 (2008): 28.

Google Admits “Mistake” of Wrong Depiction of Arunachal // The Times of India, August 8, 2009.

Guillén, M. F. *Is Globalization Civilizing, Destructive or Feeble? A Critique of Five Key Debates in the Social Science Literature* // Annual Review of Sociology 27 (2001): 235–260.

Hancocks, Paula *Facebook Gets Caught in Golan Heights Dispute* // CNN.com, September 21, 2009. edition.cnn.com/2009/TECH/09/21/israel.syria.facebook/index.html.

Hanson, Elizabeth C. *The Information Revolution and World Politics*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008.

Harley, Jonathan *Race Riots Erupt in Sydney* // The 7:30 Report. Australian Broadcasting Corporation, December 12, 2005. Herrera, G. L. *Technology and International Systems* // Millennium: Journal of International Studies 32, no. 3 (2003): 559.

Herold, D. K. *Development of a Civic Society Online? Internet Vigilantism and State Control in Chinese Cyberspace* // Asian Journal of Global Studies 2, no. 1 (2008): 26–37.

Hess, S. *Dividing and Conquering the Shop Floor: Uyghur Labour Export and Labour Segmentation in China’s Industrial East* // Central Asian Survey 28, no. 4 (2009): 403–416.

Holmes, S. *What Russia Teaches Us Now: How Weak States Threaten Freedom* // American Prospect (1997): 30–39.

Huang, Annie *Taiwanese Offer Ancestors Paper Ferraris, iPhones* // Associated Press, April 2, 2010.

India’s Youth Hit the Web to Worship // BBC News, February 8, 2007. *Internet Fuels Philippine Election Smear Campaigns* // Agence France-Presse, April 14, 2010.

Kaplan, C. *The Biopolitics of Technoculture in the Mumbai Attacks* // Theory, Culture & Society 26, nos. 7–8 (2009): 301.

Kapor, Mitchell *Where Is the Digital Highway Really Heading?* // Wired, August 1993.

Keenan, T. *Mobilizing Shame* // South Atlantic Quarterly 103, nos. 2–3 (2004): 435.

Keenan, T. *Publicity and Indifference (Sarajevo on Television)* // Publications of the Modern Language Association of America 117, no. 1 (2002): 104–116.

Kennan, George F. *Somalia, Through a Glass Darkly* // New York Times, September 30, 1993.

Kenya Election Violence Witnesses Get Death Threats // BBC News, January 6, 2010.

Kerr, O. S. *Enforcing Law Online* // University of Chicago Law Review 74, no. 2 (2007): 745–760.

Kimmelman, Michael *New Weapons in Europe’s Culture Wars* // New York Times, January

17, 2010.

Koreans Cyber Attack Japanese Site for Anti-Korean Posts // Yonhap News Agency, March 1, 2010.

Kurlantzick, Josh *China's Next-Generation Nationalists* // Los Angeles Times, May 6, 2008.

Lee, Jiyeon *Witch Hunting on the Web: The Latest Korean Fad?* // Global Post, January 6, 2010. www.globalpost.com/dispatch/south-korea/091230/witch-hunting-web-trend.

Lee, Tae-hoon *Lawmaker Calls for Stricter Access to NK Sites* // Korea Times, October 6, 2009.

Lewis, Leo *Google Earth Maps Out Discrimination Against Buraku-min Caste in Japan* // Times of London, May 22, 2009.

Linde, Steve *Israel's Newest PR Weapon: The Internet Megaphone* // Jerusalem Post, November 28, 2006.

Lord, Kristin M. *The Perils and Promise of Global Transparency: Why the Information Revolution May Not Lead to Security, Democracy, or Peace*. Albany: State University of New York Press, 2006.

Loveless, M. *The Theory of International Media Diffusion: Political Socialization and International Media in Transitional Democracies* // Studies in Comparative International Development 44, no. 2 (2009): 118–136.

Mann, M. *The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results* // The State: Critical Concepts 25 (1994): 331.

Mann, M. *Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State?* // Review of International Political Economy 4, no. 3 (1997): 472–496.

Mann, M. *Infrastructural Power Revisited* // Studies in Comparative International Development 43, no. 3 (2008): 355–365.

March, Stephanie *South Korea Tries to Curb Internet Addiction* // Radio Australia, April 5, 2010.

Mathiason, J. *Internet Governance Wars: The Realists Strike Back* // International Studies Review 9, no. 1 (2007): 152–155.

McCarthy, Michael, and Kevin Rawlinson *Internet Trade Driving Rare Salamander to Extinction* // Independent, March 17, 2010. McLuhan, Marshall *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill, 1964.

Melleuish, G., Sheiko, K., and S. Brown *Pseudo History/Weird History: Nationalism and the Internet* // History Compass 7, no. 6 (2009): 1484–1495.

Miller, Michael E. *Mexico Considers Clamping Down on Twitter* // Global Post, February 2, 2010. www.globalpost.com/dispatch/mexico/100128/twitter-crackdown.

Morozov, Evgeny *Citizen War-Reporter? The Caucasus Test* // Open-Democracy, August 18, 2008. www.opendemocracy.net/article/citizen-war-reporter.

Negroponte, Nicholas *Being Digital*. New York: Knopf, 1995. Nicholson, Sophie *Internet Spreads Mexico Drug Gang Fears* //

Agence France-Presse, April 26, 2010. *"No Rapes" in Riot Town* // Radio Free Asia, June 29, 2009. Nossiter, Adam *Nigerians Recount Night of Their Bloody Revenge* //

New York Times, March 10, 2010.

Nyiri, P., Zhang, J., and M. Varrall *China's Cosmopolitan Nationalists: "Heroes" and "Traitors" of the 2008 Olympics* // China Journal 63 (2010): 25.

O'Hara, K., and D. Stevens *The Devil's Long Tail: Religious Moderation and Extremism on the Web* // IEEE Intelligent Systems 24, no. 6 (2009): 37–43.

Osnos, E. *Angry Youth: The New Generation's Neocon Nationalists* // New Yorker 28 (2008).

Pallaris, C., Costigan, S. S., and W. B. I. Calcutta *Shared Knowledge, Joint Pursuits: International Relations Beyond the Age of Information*. Working Paper, May 24, 2010.

Peoples, C. *Technology, Philosophy and International Relations* // Cambridge Review of International Affairs 22, no. 4 (2009): 559–561. Perritt, H. H., Jr. *The Internet as a Threat to*

- Sovereignty: Thoughts on the Internet's Role in Strengthening National and Global Governance* // Indiana Journal of Global Legal Studies 5 (1997): 423.
- Police Fail to Protect Victims of Neo-Nazi Threats* // Prague Monitor, September 14, 2009.
- Price, M. E. *End of Television and Foreign Policy* // Annals of the American Academy of Political and Social Science 625, no. 1 (2009): 196.
- Putnam, R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2001.
- Quarantelli, E. L. *Problematical Aspects of the Information / Communication Revolution for Disaster Planning and Research: Ten Non-technical Issues and Questions* // Disaster Prevention and Management 6, no. 2 (1997): 94–106.
- Querengesser, Tim *Cellphones Spread Kenyans' Messages of Hate* // Globe and Mail, February 29, 2008.
- Rafael, V. L. *The Cell Phone and the Crowd: Messianic Politics in the Contemporary Philippines* // Public Culture 15, no. 3 (2003): 399.
- Rose, N., and P. Miller *Political Power Beyond the State: Problematics of Government* // British Journal of Sociology 43, no. 2 (1992): 173–205.
- Rubio, M. *Perverse Social Capital: Some Evidence from Colombia* // Journal of Economic Issues 31, no. 3 (1997): 805–816.
- Saunders, R. A. *Denationalized Digerati in the Virtual Near Abroad: The Internet's Paradoxical Impact on National Identity Among Minority Russians* // Global Media and Communication 2, no. 1 (2006): 43.
- Saunders, R. A. *Nationality: Cyber-Russian* // Russia in Global Affairs 2, no. 4 (2004): 156.
- Saunders, R. A., and S. Ding *Digital Dragons and Cybernetic Bears: Comparing the Overseas Chinese and Near Abroad Russian Web Communities* // Nationalism and Ethnic Politics 12, no. 2 (2006): 255–290.
- Scheuerman, William E. *Liberal Democracy and the Empire of Speed* // Polity 34, no. 1 (2001): 41–67.
- Scheuerman, William E. *Liberal Democracy and the Social Acceleration of Time*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2004.
- Scheuerman, William E. *Realism and the Critique of Technology* // Cambridge Review of International Affairs 22, no. 4 (2009): 563–584.
- Schleifer, Yigal *Turkey: The Internet Helps Some Rural Men Practice Polygamy* // EurasiaNet.org, October 22, 2009. www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav102309a.shtml.
- Schlesinger, A., Jr. *Has Democracy a Future?* // Foreign Affairs 76, no. 5 (1997): 2–12.
- Schuler, I. *SMS as a Tool in Election Observation* // Innovations (2008).
- Selinger, E. *Towards a Reflexive Framework for Development: Technology Transfer After the Empirical Turn* // Synthese 168, no. 3 (2009): 377–403.
- Sisci, Francesco *Who Is Hitting at Hu?* // Asia Times Online, July 24, 2009. www.atimes.com/atimes/China/KG24Ad01.html.
- Soifer, H., and M. vom Hau *Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power* // Studies in Comparative International Development 43, no. 3 (2008): 219–230.
- Somalia's Text Message Insurgency* // BBC News, March 16, 2009.
- Spitulnik, D. *Anthropology and Mass Media* // Annual Review of Anthropology 22, no. 1 (1993): 293–315.
- Streeten, P. *Reflections on Social and Antisocial Capital* // Journal of Human Development and Capabilities 3, no. 1 (2002): 7–22.
- Suleymanova, Dilyara *Tatar Groups in V Kontakte* // Digital Icons 1, no. 2 (2009).
- Tamir, Y. *The Enigma of Nationalism* // World Politics 47, no. 3 (1995): 418–440.
- Tehrani, M. *Communication and Revolution in Iran: The Passing of a Paradigm* // Iranian

Studies 13, no. 1 (1980): 5–30.

Traffic Bribery Goes Underground // Daily Nation, October 29, 2009. Trofimov, Y. *Taliban Force Cellphone Shutdown in Afghanistan* //

Wall Street Journal March 22, 2010.

Trouillot, M. R. *The Anthropology of the State in the Age of Globalization* // Current Anthropology 42, no. 1 (2001).

Waisbord, S. *Democratic Journalism and Statelessness* // Political Communication 24, no. 2 (2007): 115–129.

Walby, S. *The Myth of the Nation-State: Theorizing Society and Politics in a Global Era* // Sociology 37, no. 3 (2003): 529.

Warf, B., and J. Grimes *Counterhegemonic Discourses and the In-ternet* // Geographical Review 87, no. 2 (1997): 259–274.

Warren, M. E. *Social Capital and Corruption*. Presentation at *Social Capital: Interdisciplinary Perspectives*, EURESCO Conference on Social Capital, September 15–20, 2001.

Watts, J. *Old Suspicions Magnified Mistrust into Ethnic Riots in Urumqi* // Guardian, July 10, 2009.

Weiss, L. *Globalization and National Governance: Antinomy or Interdependence?* // Review of International Studies 25 (1999): 59–88.

Weiss, L. *Globalization and the Myth of the Powerless State* // New Left Review 225 (1997): 3–27.

Weiss, L. *The Myth of the Powerless State*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.

Zuev, D. *The Movement Against Illegal Immigration: Analysis of the Central Node in the Russian Extreme-Right Movement* // Nations and Nationalism 16, no. 2 (2010): 261–284.

Глава 10. История – это не только меню браузера

Achterhuis, H., ed. *American Philosophy of Technology: The Empirical Turn*. Bloomington: Indiana University Press, 2001.

Adas, M. *Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990.

Alexander, J. *The Sacred and Profane Information Machine: Discourse About the Computer as Ideology* // Archives de sciences sociales des religions 35, no. 69 (1990): 161–171.

Alvarez, M. R. *Modern Technology and Technological Determinism: The Empire Strikes Again* // Bulletin of Science, Technology & Society 19, no. 5 (1999): 403.

Armitage, J. *Resisting the Neoliberal Discourse of Technology: The Politics of Cyberculture in the Age of the Virtual Class* // CTHEORY 1 (1999).

Balabanian, N. *On the Presumed Neutrality of Technology* // IEEE

Technology and Society Magazine 25, no. 4 (2006): 15–25. Barbrook, R., and A. Cameron *The Californian Ideology* // Science as Culture 6, no. 1 (1996): 44–72.

Barley, S. R. *What Can We Learn from the History of Technology?* //

Journal of Engineering and Technology Management 15, no. 4 (1998): 237–255.

Behringer, W. *Introduction: Communication in Historiography* //

German History 24, no. 3 (2006): 325.

Beniger, J. R. *Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.

Bijker, W. E., Hughes, T. P., and T. J. Pinch, eds. *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Bimber, B. *Karl Marx and the Three Faces of Technological Determinism* // Social Studies of Science (1990): 333–351.

Blondheim, M. *News over the Wires: The Telegraph and the Flow of Public Information in*

- America, 1844–1897*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
- Boccaccio, G. *The Decameron*, Vol. 1. New York: Modern Library, 1955.
- Boorstin, D. J. *The Republic of Technology*. New York: HarperCollins, 1979.
- Briggs, A., and P. Burke *A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet*. 2nd ed. Malden, MA: Polity, 2005.
- Cardwell, D. *Wheels, Clocks, and Rockets: A History of Technology*. New York: W. W. Norton, 1995.
- Carey, J., and J. J. Quirk *The Mythos of the Electronic Revolution* // *American Scholar* 39, no. 1 (1970).
- Carnes, M. C. *The Columbia History of Post-World War II America*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Ceruzzi, P. E. *Moore's Law and Technological Determinism* // *Technology and Culture* 46, no. 3 (2005): 584–593.
- Comor, E. *Harold Innis and "the Bias of Communication"* // *Information, Communication and Society* 4, no. 2 (2001): 274–294.
- Corn, J. J. *The Winged Gospel: America's Romance with Aviation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002.
- Cortada, J. W. *Do We Live in the Information Age? Insights from Historiographical Methods* // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History* 40, no. 3 (2007): 107–116.
- Cowan, R. S. *More Work for Mother: The Ironies of Household Technology from the Open Hearth to the Microwave*. New York: Basic Books, 1983.
- Craig, D. B. *Fireside Politics: Radio and Political Culture in the United States, 1920–1940*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.
- Czitrom, D. J. *Media and the American Mind: From Morse to McLuhan*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.
- David, P. A. *The Dynamo and the Computer: An Historical Perspective on the Modern Productivity Paradox* // *American Economic Review* 80, no. 2 (1990): 355–361.
- de la Peña, C. "Slow and Low Progress", or *Why American Studies Should Do Technology* // *American Quarterly* 58 (2006): 915–941.
- de la Peña, C., and S. Vaidhyathan, eds. *Rewiring the "Nation": The Place of Technology in American Studies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007.
- Diamond, L. *Liberation Technology* // *Journal of Democracy* 21, no. 3 (2010): 69–83.
- Douglas, S. J. *Inventing American Broadcasting, 1899–1922*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.
- Douglas, S. J. *Listening In: Radio and the American Imagination*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
- Douglas, S. J. *The Turn Within: The Irony of Technology in a Globalized World* // *American Quarterly* 58, no. 3 (2006): 619–638.
- Dunlap, O. E., Jr. *The Outlook for Television*. New York: Harper & Brothers, 1932.
- Durbin, P. T. *Technology and Political Philosophy* // *Technology in Society* 6, no. 4 (1984): 315–327.
- Elliott, E. D. *Against Ludditism: An Essay on the Perils of the (Mis)Use of Historical Analogies in Technology Assessment* // *Southern California Law Review* 65, no. 1 (1991): 279.
- Ezrahi, Y., Mendelsohn, E., and H. Segal *Technology, Postmodernism, and Postmodernism*. Boston: Kluwer Academic, 1994.
- Feenberg, Andrew *Alternative Modernity: The Technical Turn in Philosophy and Social Theory*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Feenberg, Andrew *Marcuse or Habermas: Two Critiques of Technology* // *Inquiry* 39, no. 1 (1996): 45–70.
- Feenberg, Andrew *Questioning Technology*. New York: Routledge, 1999.
- Ferkiss, V. C. *Man's Tools and Man's Choices: The Confrontation of Technology and Political*

Science // American Political Science Re-view 67, no. 3 (1973): 973–980.

Ferkiss, V. C. *Technology and American Political Thought: The Hidden Variable and the Coming Crisis* // Review of Politics 42, no. 3 (1980): 349–387.

Fischer, Claude S. *America Calling: A Social History of the Telephone to 1940*. Berkeley: University of California Press, 1994. Fischer, E. *Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism* // European Journal of Social Theory 13, no. 2

(2010).

Forest, Lee De. *Television, Today and Tomorrow*. New York: Dial, 1942.

Foster, T. *The Rhetoric of Cyberspace: Ideology or Utopia?* // Contemporary Literature 40, no. 1 (1999): 144–160.

Friedel, Robert Douglas *A Culture of Improvement: Technology and the Western Millennium*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.

Galston, W. A. *Does the Internet Strengthen Community?* // National Civic Review 89, no. 3 (2000): 193–202.

Gane, N. *Speed Up or Slow Down? Social Theory in the Information Age* // Information, Communication & Society 9, no. 1 (2006): 20–38.

Gladney, G. A. *Technologizing of the Word: Toward a Theoretical and Ethical Understanding* // Journal of Mass Media Ethics 6, no. 2 (1991): 93–105.

Graham, S., and S. Marvin *Planning Cybercities? Integrating Telecommunications into Urban Planning* // Town Planning Review 70, no. 1 (1999): 89–114.

Grier, David Alan *When Computers Were Human*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

Grint, K., and S. Woolgar *On Some Failures of Nerve in Constructivist and Feminist Analyses of Technology* // Science, Technology & Human Values 20, no. 3 (1995): 286.

Halleck, DeeDee *Hand-Held Visions: The Impossible Possibilities of Community Media*. New York: Fordham University Press, 2002.

Hand, M., and B. Sandywell *E-topia as Cosmopolis or Citadel: On the Democratizing and De-Democratizing Logics of the Internet, or, Toward a Critique of the New Technological Fetishism* // Theory, Culture & Society 19, no. 1–2 (2002): 197.

Hannay, N. B., and R. E. McGinn *The Anatomy of Modern Technology: Prolegomenon to an Improved Public Policy for the Social Management of Technology* // Daedalus 109, no. 1 (1980): 25–53.

Headrick, Daniel R. *The Invisible Weapon: Telecommunications and International Politics, 1851–1945*. New York: Oxford University Press, 1991.

Headrick, Daniel R. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century*. New York: Oxford University Press, 1981.

Headrick, Daniel R. *When Information Came of Age: Technologies of Knowledge in the Age of Reason and Revolution, 1700–1850*. New York: Oxford University Press, 2000.

Heidegger, Martin *The Question Concerning Technology, and Other Essays*. New York: Harper Perennial, 1982.

Henderson, Peter *Coal Fuels Much of Internet Cloud, Says Green-peace* // Reuters, March 30, 2010.

Herf, J. *Technology, Reification, and Romanticism* // New German Critique (1977): 175–191.

Hine, C. *Internet Research and the Sociology of Cyber-Social-Scientific Knowledge* // Information Society 21, no. 4 (2005): 239–248. Hughes, Thomas P. *Human-Built World: How to Think About*

Technology and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

Hughes, Thomas P. *Lusting for the Gratifications of Technology* //

Reviews in American History 14, no. 2 (1986): 265–269. Hughes, Thomas P. *The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera,*

Etcetera // Social Studies of Science 16, no. 2 (1986): 281–292. Ihde, Don *Ironic Technics*. Copenhagen: Automatic Press, 2008. Introna, L. D. *Maintaining the Reversibility of Foldings:*

Making the

Ethics (Politics) of Information Technology Visible // Ethics and Information Technology 9, no. 1 (2007): 11–25.

Jacobs, M., Novak, W. J., and J. E. Zelizer *The Democratic Experiment: New Directions in American Political History*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

Jones, S. *Fizz in the Field: Toward a Basis for an Emergent Internet*

Studies // Information Society 21, no. 4 (2005): 233–237. Katz-Kimchi, M. *Historicizing Utopian Popular Discourse on the*

Internet in America in the 1990s: Positions, Comparison, and Contextualization. Presentation at The Long History of New Media conference, Montreal, May 22, 2008.

Kenny, Charles *Revolution in a Box* // Foreign Policy (November 2009).

Khiabany, G. *Globalization and the Internet: Myths and Realities* // Trends in Communication 11, no. 2 (2003): 137–153.

Kling, R. *Reading “All About” Computerization: How Genre Conventions Shape Nonfiction Social Analysis* // Information Society 10, no. 3 (1994): 147–172.

Latour, B., and P. Weibel *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.

Layton, E. T., Jr. *Technology as Knowledge* // Technology and Culture (1974): 31–41.

Mackay, H., and G. Gillespie *Extending the Social Shaping of Technology Approach: Ideology and Appropriation* // Social Studies of Science 22, no. 4 (1992): 685–716.

MacKenzie, D. *Knowing Machines: Essays on Technical Change*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

Mander, J. *Four Arguments for the Elimination of Television*. Goa, India: Other India Press, 1998.

Mander, J. *In the Absence of the Sacred: The Failure of Technology and the Survival of the Indian Nations*. San Francisco: Sierra Club Books, 1991.

Manjoo, F. *The Co-Founders of Twitter Say It Will Change the World. They Should Remind People That It’s Also Fun* // Slate, April 15, 2010.

Marx, L. *The Pilot and the Passenger: Essays on Literature, Technology, and Culture in the United States*. New York: Oxford University Press, 1988.

Marx, L. *Technology: The Emergence of a Hazardous Concept* // Social Research 64, no. 3 (1997): 965–988.

McFarland, F. B. *Clarence Ayres and His Gospel of Technology* // History of Political Economy 18, no. 4 (1986): 617.

McLoughlin, I., Badham, R., and P. Couchman *Rethinking Political Process in Technological Change: Socio-Technical Configurations and Frames* // Technology Analysis & Strategic Management 12, no. 1 (2000): 17–37.

Melzer, A. M., Weinberger, J., and M. R. Zinman *Technology in the Western Political Tradition*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993.

Merrin, W. *Media Studies 2.0: Upgrading and Open-Sourcing the Discipline* // Interactions: Studies in Communication and Culture 1 (2009): 17–34.

Michael, D. N. *Too Much of a Good Thing? Dilemmas of an Information Society* // Technological Forecasting and Social Change 25, no. 4 (1984): 347–354.

Mickelson, Sig *From Whistle Stop to Sound Bite: Four Decades of Politics and Television*. New York: Praeger, 1989.

Misa, T. J. *How Machines Make History, and How Historians (and Others) Help Them to Do So* // Science, Technology, and Human Values (1988): 308–331.

Misa, T. J. *Leonardo to the Internet: Technology and Culture from the Renaissance to the Present*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.

Misa, T. J. *Theories of Technological Change: Parameters and Purposes* // Science, Technology, and Human Values 17, no. 1 (1992): 3–12. Misa, T. J., Brey, Philip, and Andrew Feenberg *Modernity and Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.

- Mosco, V. *From Here to Banality: Myths About New Media and Communication Policy* // Seeking Convergence in Policy and Practice (2004): 23.
- Mosco, V. *Review Essay: Approaching Digital Democracy* // New Media & Society (2009).
- Mosco, V., and D. Foster *Cyberspace and the End of Politics* // Journal of Communication Inquiry 25, no. 3 (2001): 218.
- Mowshowitz, A. *Computers and the Myth of Neutrality* // In: Proceedings of the ACM 12th Annual Computer Science Conference on SIGCSE Symposium, 92. 1984.
- Munir, K. A., and M. Jones *Discontinuity and After: The Social Dynamics of Technology Evolution and Dominance* // Organization Studies 25, no. 4 (2004): 561.
- Nerone, J. *The Future of Communication History* // Critical Studies in Media Communication 23, no. 3 (2006): 254–262.
- Neuman, J. *The Media's Impact on International Affairs, Then and Now* // SAIS Review 16 (1996): 109–124.
- Nguyen, A. *The Interaction Between Technologies and Society: Lessons Learned from 160 Evolutionary Years of Online News Services* // First Monday 12, no. 3–5 (2007).
- Nissenbaum, H. *How Computer Systems Embody Values* // Computer 34, no. 3 (2001): 120.
- Noble, D. F. *America by Design: Science, Technology, and the Rise of Corporate Capitalism*. New York: Oxford University Press, 1979.
- Noble, D. F. *Forces of Production: A Social History of Industrial Automation*. New York: Oxford University Press, 1986.
- Nye, D. E. *American Technological Sublime*. Cambridge: MIT Press, 1996.
- Olsen, J. – K. B., and E. Selinger *Philosophy of Technology: Five Questions*. Copenhagen: Automatic Press/VIP, 2007.
- Olsen, J. – K. B., Selinger, E., and S. Riis *New Waves in Philosophy of Technology*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- Ornatowski, C. M. *Techne and Politeia: Langdon Winner's Political Theory of Technology and Its Implications for Technical Communication* // Technical Communication Quarterly 11, no. 2 (2002): 230–234.
- Pärna, K. *Believing in the Net: Implicit Religion and the Internet Hype, 1994–2001*. PhD diss., Leiden University, 2010.
- Patnode, R. *Path Not Taken: Wired Wireless and Broadcasting in the 1920s* // Journal of Broadcasting & Electronic Media 49, no. 4 (2005): 383–401.
- Pease, E. C., and E. E. Dennis, eds. *Radio: The Forgotten Medium*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1995.
- Pfaffenberger, B. *Fetishised Objects and Humanised Nature: Towards an Anthropology of Technology* // Man 23, no. 2 (1988): 236–252.
- Pfaffenberger, B. *Social Anthropology of Technology* // Annual Review of Anthropology 21, no. 1 (1992): 491–516.
- Pfaffenberger, B. *The Social Meaning of the Personal Computer; or, Why the Personal Computer Revolution Was No Revolution* // Anthropological Quarterly (1988): 39–47.
- Pfaffenberger, B. *Symbols Do Not Create Meaning – Activities Do; or, Why Symbolic Anthropology Needs the Anthropology of Technology* // Anthropological Perspectives on Technology (2001): 77–86.
- Pfaffenberger, B. *Technological Dramas* // Science, Technology & Human Values 17, no. 3 (1992): 282.
- Post, Robert C. *Missionary: An Interview with Melvin Kranzberg* // American Heritage of Invention & Technology 4, no. 3 (1989).
- Post, Robert C. *No Mere Technicalities: How Things Work and Why It Matters* // Technology and Culture 40, no. 3 (1999): 607–622.
- Postman, Neil *Informing Ourselves to Death*. Speech at the German Informatics Society, October 11, 1990.

- Pursell, C. W., Jr. *Government and Technology in the Great Depression* // *Technology and Culture* 20, no. 1 (1979): 162–174.
- Radder, H. *Normative Reflexions on Constructivist Approaches to Science and Technology* // *Social Studies of Science* 22, no. 1 (1992): 141–173.
- RÜrup, R. *Historians and Modern Technology: Reflections on the Development and Current Problems of the History of Technology* // *Technology and Culture* (1974): 161–193.
- Scannell, P. *The Dialectic of Time and Television* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 625, no. 1 (2009): 219.
- Schaniel, W. C. *New Technology and Culture Change in Traditional Societies* // *Journal of Economic Issues* 22, no. 2 (1988): 493–498. Segal, H. P. *Technological Utopianism in American Culture*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2005.
- Shen, X. *The Chinese Road to High Technology: A Study of Telecommunications Switching Technology in the Economic Transition*. New York: St. Martin's, 1999.
- Sibley, M. Q. *Utopian Thought and Technology* // *American Journal of Political Science* (1973): 255–281.
- Smith, M. R., and L. Marx, eds. *Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Sola Pool, Ithiel de *Technologies of Freedom*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
- Spar, D. L. *Ruling the Waves: Cycles of Discovery, Chaos, and Wealth from Compass to the Internet*. New York: Harcourt, 2001.
- Standage, T. *The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-Line Pioneers*. New York: Walker, 1998.
- Staudenmaier, J. M. *Rationality, Agency, Contingency: Recent Trends in the History of Technology* // *Reviews in American History* (2002): 168–181.
- Staudenmaier, J. M. *Technology's Storytellers: Reweaving the Human Fabric*. Cambridge, MA: Society for the History of Technology and the MIT Press, 1989.
- Stump, D. J. *Socially Constructed Technology* // *Inquiry* 43, no. 2 (2000): 217–224.
- Sturken, M., and D. Thomas *Technological Visions: The Hopes and Fears That Shape New Technologies*. Philadelphia: Temple University Press, 2004.
- Tedre, M., Sutinen, E., Konen, E., and P. Kommers *Eth-nocomputing: ICT in Cultural and Social Context* // *Communications of the ACM* 49, no. 1 (2006): 130.
- Teich, A. H., ed. *Technology and the Future*. 9th ed. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson, 2003.
- Thorne, K., and A. Kouzmin *Cyberpunk-Web 1.0 'Egoism' Greets Group-Web 2.0 "Narcissism": Convergence, Consumption, and Sur-veillance in the Digital Divide* // *Administrative Theory & Praxis* 30, no. 3 (2008): 299–323.
- Thrift, N. *New Urban Eras and Old Technological Fears: Reconfiguring the Goodwill of Electronic Things* // *Urban Studies* 33, no. 8 (1996): 1463.
- Van Dijck, J., and D. Nieborg *Wikinomics and Its Discontents: A Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos* // *New Media & Society* 11, no. 5 (2009): 855.
- Verheul, J., ed. *Dreams of Paradise, Visions of Apocalypse: Utopia and Dystopia in American Culture*. Amsterdam: VU University Press, 2004.
- Warf, B., and J. Grimes *Counterhegemonic Discourses and the In-ternet* // *Geographical Review* 87, no. 2 (1997): 259–274.
- Weightman, G. *Signor Marconi's Magic Box: The Most Remarkable Invention of the 19th Century and the Amateur Inventor Whose Genius Sparked a Revolution*. Cambridge, MA: Da Capo Press, 2003.
- Wellman, B., and B. Hogan *The Immanent Internet* // *Netting Citizens: Exploring Citizenship in a Digital Age* (2004): 54–80. White, D. M., ed. *Popular Culture*. New York: New York Times,

- 1975.
- Williams, R., and E. Williams *Television: Technology and Cul-tural Form* . New York: Routledge, 2003.
- Winner, L. *Autonomous Technology: Technics-Out-of-Control as a Theme in Political Thought* . Cambridge, MA: MIT Press, 1978. Winner, L. *Social Constructivism: Opening the Black Box and Finding It Empty* // Science as Culture 3, no. 3 (1993): 427–452.
- Winner, L. *The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology* . Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Winseck, D. R., and R. M. Pike *Communication and Empire: Media, Markets, and Globalization, 1860–1930*. Durham, NC: Duke University Press, 2007.
- Wise, G. *Technological Prediction, 1890–1940*. PhD diss., Boston Uni-versity, 1976.
- Woolgar, S., and G. Cooper *Do Artefacts Have Ambivalence? Moses' Bridges, Winner's Bridges and Other Urban Legends in S&TS* // Social Studies of Science 29, no. 3 (1999): 433.
- Wyatt, S. *Technological Determinism Is Dead; Long Live Technological Determinism* / In: Hackett, E. J., et al., eds. *The Handbook of Science and Technology Studies* , 165. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

Глава 11. Дело техники

- Arendt, H. *On Violence* . New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970.
- Austin, E. K., and J. C. Callen *Reexamining the Role of Digital Technology in Public Administration: From Devastation to Disclo-sure* // Administrative Theory & Praxis 30, no. 3 (2008): 324–341.
- Bostrom, N. *Technological Revolutions: Ethics and Policy in the Dark* // Nanotechnology and Society (2007).
- Brown, M. B. *Can Technologies Represent Their Publics?* // Techno-logy in Society 29, no. 3 (2007): 327–338.
- Carey, J. W. *Historical Pragmatism and the Internet* // New Media & Society 7, no. 4 (2005): 443.
- Coyne, R. *Wicked Problems Revisited* // Design Studies 26, no. 1 (2005): 5–17.
- David, E. E., Jr. *On the Dimensions of the Technology Controversy* // Daedalus 109, no. 1 (1980): 169–177.
- Dörner, Dietrich *The Logic of Failure: Recognizing and Avoiding Error in Complex Situations*. New York; Metropolitan Books, 1996.
- Duff, A. S. *Social Engineering in the Information Age* // Information Society 21, no. 1 (2005): 67–71.
- Freeman, M. *Sociology and Utopia: Some Reflections on the Social Philosophy of Karl Popper* // British Journal of Sociology 26, no. 1 (1975): 20–34.
- Grunwald, A. *Converging Technologies: Visions, Increased Contin-gencies of the Conditio Humana, and Search for Orientation* // Fu-tures 39, no. 4 (2007): 380–392.
- Hamlett, P. W. *Technology Theory and Deliberative Democracy* // Science, Technology & Human Values 28, no. 1 (2003): 112. Horner, D. S. *Digital Futures: Promising Ethics and the Ethics of Promising* // ACM SIGCAS Computers and Society 37, no. 2 (2007): 64–77.
- Jopson, Barney *Hope Founders Where Ministers Lack E-mail* // Fi-nancial Times, February 17, 2010.
- Kakabadse, N. K., Kakabadse, A. P., and A. Kouzmin *De-signing Balance into the Democratic Project: Contrasting Jeffersonian Democracy Against Bentham's Panopticon Centralisation in Deter-mining ICT Adoption* // Problems and Perspectives in Management 1 (2007).
- Karlsson, R. *Why the Far-Future Matters to Democracy Today* // Futures 37, no. 10 (2005): 1095–1103.

Keulartz, J., Schermer, M., Korthals, M., and T. Swierstra *Ethics in Technological Culture: A Programmatic Proposal for a Pragmatist Approach* // Science, Technology & Human Values 29, no. 1 (2004): 3.

Klosterman, C. *Eating the Dinosaur*. New York: Scribner, 2009. Krotoski, A. *MediaGuardian Innovation Awards: Austin Heap v*

Iran's censors // Guardian, March 29, 2010.

Lanki, J. *Why Would Information and Communications Technology Contribute to Development at All? An Ethical Inquiry into the Possibilities of ICT in Development* // E-Learning and Digital Media 3, no. 3 (2006): 448–461.

Layne, L. L. *The Cultural Fix: An Anthropological Contribution to Science and Technology Studies* // Science, Technology & Human Values 25, no. 3 (2000): 352.

Lazarus, R. J. *Super Wicked Problems and Climate Change: Restraining the Present to Liberate the Future* // Cornell Law Review 94, no. 5 (2009).

Lessnoff, M. *The Political Philosophy of Karl Popper* // British Journal of Political Science 10, no. 1 (1980): 99–120.

Morrison, A. H. *An Impossible Future: John Perry Barlow's "Declaration of the Independence of Cyberspace"* // New Media & Society 11, no. 1–2 (2009): 53.

Norman, D. A. *Affordance, Conventions, and Design* // Interactions 6, no. 3 (1999): 38–43.

Oliver, M. *The Problem with Affordance* // E-Learning and Digital Media 2, no. 4 (2005): 402–413.

O'Loughlin, B. *The Political Implications of Digital Innovations: Trade-offs of Democracy and Liberty in the Developed World* // Information, Communication & Society 4, no. 4 (2001): 595–614.

Petrina, S. *Questioning the Language That We Use: A Reaction to Pannabecker's Critique of the Technological Impact Metaphor* // Journal of Technology Education 4, no. 1 (1992).

Pitkin, B. *A Historical Perspective of Technology and Planning* // Berkeley Planning Journal 15 (2001): 34–59.

Popper, K. *The Poverty of Historicism, Vol. I* // Economica 11, no. 42 (1944): 86–103.

Popper, K. *The Poverty of Historicism, Vol. II. A Criticism of Historicist Methods* // Economica 11, no. 43 (1944): 119–137.

Rittel, H. W. J., and M. M. Webber *Dilemmas in a General Theory of Planning* // Policy Sciences 4, no. 2 (1973): 155–169.

Rosner, L. *The Technological Fix: How People Use Technology to Create and Solve Problems*. New York: Routledge, 2004.

Searle, J. *I Married a Computer* // New York Review of Books, April 8, 1999.

Stahl, B. C. *Democracy, Responsibility, and Information Technology* / In: Proceedings of the European Conference on e-Government (2001): 429–439.

Tenner, E. *Why Things Bite Back: Technology and the Revenge of Unintended Consequences*. New York: Vintage Books, 1997.

Weinberg, A. M. *Can Technology Replace Social Engineering* // Bulletin of the Atomic Scientists 22, no. 10 (1966): 4–8.

Weinberg, A. M. *Nuclear Reactions: Science And Trans-science*. New York: American Institute of Physics, 1992.

Wexler, M. N. *Exploring the Moral Dimension of Wicked Problems* // International Journal of Sociology and Social Policy 29 (2009). Winner, L. *Citizen Virtues in a Technological Order* // Inquiry 35, no. 3 (1992): 341–361.

Winner, L. *Mythinformation in the High-Tech Era* // IEEE Spectrum 21, no. 6 (1984): 90–96.

Winner, L. *Myth Information: Romantic Politics in the Computer Revolution* // Philosophy and Technology II: Information Technology and Computers in Theory and Practice (1986): 269.

Winner, L. *Technology Today: Utopia or Dystopia? Technology and the*

Rest of Culture // Social Research 64, no. 3 (1997): 989–1017. Zuckerman, E. *Internet Freedom: Beyond Circumvention* // My Heart's in Accra, February 22, 2010.

[ethanzuckerman.com/blog/2010/02/22/ internet-freedom-beyond-circumvention/](http://ethanzuckerman.com/blog/2010/02/22/internet-freedom-beyond-circumvention/).